Е. Н. Студенецкая

Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв.

Издательство «Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Е. Н. Студенецкая

Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Г. А. СЕРГЕЕВА

Отсканировано
в ноябре 2012 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бæрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд æрцыд
2012 азы ноябры
сæрмагондæй паблик «Бæрзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.

http://vk.com/barzafcag

Москва «Наука» 1989

ББК 63.5(2)
С 88

Рецензенты:
кандидат исторических наук А. Г. Булатова,
кандидат исторических наук Н. П. Лобачева

Студенецкая Е. Н.

С 88 Одежда народов Северного Кавказа. XVIII—XX вв.— М., Наука. 1989. 288 с.
ISBN 5-02-009903-1

Кавказ — одна из областей мира, где народный костюм отличается исключительным разнообразием, красочностью, обилием украшений. Традиционный костюм передается из поколения в поколение, по его отделке, покрою, украшениям можно определить, к какому народу принадлежит человек, носящий его. В книге прослеживается история развития народного костюма с начала XVIII в. до наших дней; разработаны вопросы типологии и классификации этого самобытного явления культуры.

Для этнографов, историков, искусствоведов и художников-модельеров.

С $\frac{0505000000—244}{042(02)—89}$ —213—89 Кн. 1. **ББК 63.5(2)**

ISBN 5-02-009903-1

© Издательство «Наука», 1989

ВВЕДЕНИЕ

Северный Кавказ — один из самых многонациональных регионов нашей страны. Кроме десяти коренных народов (адыгейцы, черкесы, кабардинцы, абазины, ногайцы, карачаевцы, балкарцы, осетины, чеченцы и ингуши), населяющих автономные республики и области, здесь проживают русские, украинцы, армяне, грузины, греки и др.[1] Все коренные народы региона являются автохтонами Северного Кавказа. Однако этногенетические процессы, которые привели к формированию основных этнических общностей на данной территории, были сложными и хронологически весьма протяженными. Их основным содержанием в течение веков было глубокое взаимодействие и глубокий синтез между аборигенным этнокультурным миром и пришлыми этническими волнами, которые разновременно достигали подножий Кавказских гор, оставляя каждый раз зримые следы своей исторической роли в сложении той этнокультурной мозаики, которая по сию пору отличает данный регион.

Достаточно ярким показателем путей формирования местных народов является их этнолингвистическая классификация. Адыги — адыгейцы, черкесы, кабардинцы — говорят на языках абхазо-адыгской группы северокавказской семьи языков; на языке, относящемся к этой же группе, говорят абазины. Языки родственных народов — чеченцев и ингушей — составляют нахско-дагестанскую группу северокавказской языковой семьи. Карачаевцы и балкарцы, так же как ногайцы, по языку принадлежат к кыпчакской группе тюрских языков. Наконец, осетинский язык относится к иранской группе индоевропейских языков.

Вместе с тем общность исторического пути, разнообразные культурные и экономические связи, уходящие корнями в далекое прошлое, издавна способствовали налаживанию тесных контактов между народами, появлению общих форм во многих областях материальной культуры, в том числе и в одежде.

К тому периоду, который хронологически охвачен настоящим исследованием, основные комплексы традиционной одежды народов Северного Кавказа уже сложились. Археологический материал позволяет с достаточной достоверностью подтвердить тезис о местном происхождении основных конструктивных деталей мужского и женского костюма, проследить, правда, пока лишь в самых общих чертах, основные этапы их развития. Можно сказать, что исторические формы одежды народов Кавказа, фиксируемые исследователями на начало XVIII в., явились результатом длительной эволюции этой сферы материальной культуры, включавшей как спонтанную, внутреннюю динамику саморазвития, так и органическую адаптацию иноэтничных заимствований.

Одежда народов Кавказа не оставалась неизменной и в дальнейшем. Более того, XVIII и XIX века стали временем значительных, а период начала XX в.— поистине революционных изменений в одежде местных народов, что было связано с конкретной исторической, социально-экономической и этнокультурной ситуацией в регионе на протяжении последних двух с половиной столетий.

XVIII век как бы подвел черту под предшествующими этапами многовекового исторического развития северокавказских этносов. Выход России на правобережье Кубани ознаменовал интенсификацию разносторонних русско-кавказских связей, которые протекали в русле неуклонного сближения. В то же время общая обстановка на Северном Кавказе продолжала оставаться нестабильной. Взаимное соперничество Российской империи и Оттоманской Порты в немалой степени подогревалось желанием каждой из держав укрепить свое влияние над кавказскими землями. В этом историческом споре победа осталась за Россией, Кучук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., включение в 1783 г. Крымского ханства в состав России, признание Турцией р. Кубань официальной границей русских владений на Северо-Западном Кавказе значительно изменили здесь политическую ситуацию, повлекли за собой существенные сдвиги в социально-экономической структуре северокавказских обществ [2].

Основными хозяйственными занятиями местных народов в рассматриваемую эпоху было скотоводство и земледелие. В разных экологических зонах их сочетание было различным. В горах и предгорьях (у части адыгов, кабардинцев, ногайцев, абазин, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей) ведущей отраслью хозяйства было скотоводство, сочетавшееся с земледелием. В предгорьях и на низменностях — в нижнем течении Кубани, на Черноморском побережье — значительного развития достигли полеводство и садоводство. Важную роль в хозяйстве народов Северного Кавказа играла охота. Названные отрасли хозяйства поставляли сырье для домашнего изготовления одежды и обуви. Так, в домашних условиях изготовляли ткани, преимущественно шерстяные, валяли бурки, ткали холсты, делали кожи для изготовления обуви [3].

В то же время немало сырья, а также готовых изделий поступало на Северный Кавказ благодаря торговому обмену, который был достаточно интенсивным. Из России сюда везли множество промышленных товаров, среди них разнообразные ткани — холст, бязь, ситцы, сукна, полотно. Из Персии поставлялись предметы роскоши, в частности дорогие ткани (бархат, шелк, атлас), сафьян для пошива парадной обуви, драгоценные камни; сафьян и шелк поступали также из Крыма. Из Турции и стран Западной Европы привозили хлопчатобумажные ткани, шелк, кисею (для женских покрывал), нитки, полотно.

Социальные отношения у местных народов детерминировались уровнем формационного развития, который к началу XVIII в. может быть определен как феодально-патриархальный. Однако за этим общим определением скрывается значительное разнообразие конкретных вариантов общественного устройства. Значительная степень феодализации наблюдалась, например, у кабардинцев. Типичные формы землевладения и зем-

лепользования, резко выраженная классовая стратификация, эксплуатация зависимых категорий населения, противопоставленность культурно-бытовых ориентаций и поведенческих норм представителей разных сословий, находившая, кстати, отражение и в социальной маркированности одежды,— все это в значительной степени определяло специфические черты общественного устройства традиционного кабардинского общества. Сильно дифференцированную социальную структуру имели осетины, абазины, карачаевцы и балкарцы.

Менее всего феодальные отношения получили развитие у чеченцев и ингушей. В то же время имущественное расслоение в местной среде было достаточно зримым, а у части чеченцев (аккинцы) даже выделилось сословие мурз. Своеобразная ситуация сложилась у западных групп адыгов — шапсугов, натухайцев, абадзехов. В результате мощного антифеодального движения крестьянству удалось приостановить процесс феодального закабаления. Более того, эволюция социальных отношений была как бы повернута вспять, так как в обычноправовой практике были возрождены многие патриархальные институты, обычаи и нормы. Впрочем, пережитки патриархальных отношений давали о себе знать даже в самых феодализированных обществах Северного Кавказа, в которых они служили по существу прикрытием типично феодальной эксплуатации основной крестьянской массы.

XIX век в судьбах народов Северного Кавказа ознаменовался затяжной Кавказской войной (1817—1864). Военные действия особенно интенсивно велись в 40—50-х годах, когда во главе повстанческого движения стоял Шамиль. Завершение войны стало началом окончательной административной интеграции Северного Кавказа в состав Российской империи, что повлекло за собой значительные изменения в жизни местного населения (в частности, русской администрацией был осуществлен ряд реформ).

Земельная реформа была попыткой решить крайне запутанный вопрос о землевладении и землепользовании, что в ряде случаев осложнялось незавершенностью в крае сложения института феодальной частной собственности. Крестьянская реформа, вернее серия соответствующих законодательных актов, ликвидировала юридическую зависимость трудящихся масс крестьянства от местной дворянско-княжеской верхушки. Административная реформа ввела новое территориальное деление края, что облегчило властям управление разноязычными горскими народами.

Несмотря на половинчатость и непоследовательность правительственных реформ на Кавказе, которые к тому же осуществлялись здесь позднее, чем в центральных губерниях, они стали во многом поворотным пунктом в дальнейшем социально-экономическом развитии местных народов. Патриархальные основы горской общины стали медленно размываться, традиционное хозяйство и быт оказались охваченными новыми движениями, Кавказ вовлекался в систему российского капитализма. Этот неоднозначный процесс был охарактеризован В. И. Лениным, который писал, что «русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток ста-

ринной патриархальной замкнутости,— *создавал себе рынок* для своих фабрик» (ПСС. Т. 3. С. 594).

Кавказ все больше становился открытым для внешнего мира. Железные дороги укоротили расстояния, экономическая конкуренция ежегодно выталкивала с насиженных мест тысячи отходников, пытавшихся на стороне, вдали от дома заняться ремеслом и скопить состояние. Миграции, охватившие после крестьянской реформы практически всю Россию, влекли на Кавказ массы переселенцев, мечтавших натурализоваться в благодатном крае. Этнический состав населения Кавказа еще больше усложнился, бытовая культура местных народов чаще входила в соприкосновение с иноэтническими формами в жилище, пище, одежде, в сфере духовной культуры.

Новым элементом северокавказской жизни стал быстрой рост городов. Правда, первые города появились здесь еще в конце XVIII в.— возникшие в 1780-х годах Моздок и Кизляр играли значительную роль в экономическом развитии Северного Кавказа. В первой половине XIX в. на карте появились Екатеринодар (ныне Краснодар), Владикавказ (Орджоникидзе), Грозный, ряд других городов и крепостей. Однако наибольшее развитие центры городской жизни получили лишь к концу века. Город стал проводником новых европеизированных культурно-бытовых стандартов в горскую среду. Отсюда, из города, проникали новые формы одежды, покупные ткани, предметы ремесленного производства, что способствовало изменению костюма горцев, делало закономерным процесс нивелировки местных особенностей.

Последний этап трансформации горского костюма совпал по времени с первыми советскими десятилетиями. Великая Октябрьская социалистическая революция произвела коренные перемены в общественно-политическом строе, материальной и духовной культуре народов Кавказа. Ускоренные темпы этнокультурного развития усилили глобальные интеграционные процессы, интернационализировали все стороны местного быта.

Правда, новации не сразу стали повседневной реальностью. Утверждение нового строя было достаточно сложным и трудным процессом; еще более сложным был процесс ломки традиционного сознания, тех идеологических устоев, которые веками освящали патриархальный горский быт. Как и во всяком крупном, переломном движении эпохи, не обошлось без потерь и неоправданных лишений. Однако народы Кавказа уже были на новом историческом пути, который принес им обновление национального быта, новую ориентированность его духовных и материальных аспектов.

* * *

Основным источником изучения одежды древних эпох служат археологические памятники. К сожалению, от костюма древнего населения сохранились главным образом украшения. Они дают представление о способах скрепления одежды (булавки, фибулы), ее отделке (бляшки,

подвески, накладки), а также об отдельно надеваемых украшениях (кольца, браслеты, серьги, цепочки). Но восстановить облик костюма полностью, его материал и особенно покрой почти невозможно.

Одежда древнего населения Северного Кавказа не является предметом изучения в данной работе. Но одежда средневекового периода может многое подсказать в понимании более поздних форм костюма. Тем более, что в археологических находках этого периода, кроме украшений, часто встречаются куски тканей, а в ряде случаев — отдельные предметы одежды, позволяющие судить о ее покрое и составе, о привозных и местных тканях и изделиях.

Богатый археологический материал, относящийся к аланам X—XIII вв.— предкам осетин, дают раскопки у станицы Змейской [4]. Не менее ценны данные о культуре адыгов, полученные при изучении Белореченских курганов, могильников близ Карраса (район Пятигорья), датируемые XIV—XV вв.[5] Одежда тюркоязычных предков карачаевцев и балкарцев в какой-то мере характеризуется изваяниями, известными под названием «каменные бабы» [6].

Ценный материал по истории одежды начиная с XVI в. и вплоть до начала XIX в. могут дать захоронения в наземных и полуподземных склепах, известных почти на всей территории горных районов Северного Кавказа. В них сохранилась одежда, по которой можно судить о характере и цвете ткани, покрое, составе костюма, выявить социальные и половозрастные различия и многое другое. Но, к сожалению, пока склепы были еще не разграблены, их материалами мало интересовались. Археологам этот источник казался слишком поздним и поэтому малоинтересным, этнографы же не изучали его, считая могильники и склепы предметом археологического исследования. В результате этот ценнейший для истории развития одежды материал был почти полностью утрачен. Склепы, находившиеся в районах Карачая и Балкарии, уже к началу XX в. были опустошены (чему, видимо, способствовало отношение местных жителей, считавших эти склепы чужими). Мы должны быть очень благодарны известному археологу, историку и краеведу Л. П. Семенову, который работал над материалами склепов Осетии, Ингушетии, Чечни в 1920-х годах и оставил нам ряд их описаний [7]. Однако собранные Л. П. Семеновым коллекции одежды не сохранились. Поэтому описания, сделанные в статьях Л. П. Семенова, представляют в настоящее время особенно большой интерес.

В 1925—1926 гг. археолог и этнограф Б. А. Куфтин привез коллекцию одежды из осетинских склепов в Центральный музей народоведения (с 1930 г.— Музей народов СССР) в Москве. В 1948 г. эта коллекция была передана в Государственный музей этнографии народов СССР вместе со всеми этнографическими коллекциями Музея народов СССР.

Исследования аланских памятников и осетинских склепов были продолжены целым рядом ученых. В. Х. Тменов, например, работал в «Городе мертвых» близ с. Даргавс [8]. Но в эти годы склеповый материал изучать уже стало сложно, захоронения в склепах были нарушены, одежда была представлена в основном обрывками тканей.

В 1960-е годы были начаты раскопки погребений XIV—XVIII вв. в Карачае и Балкарии (археологи Г. И. Ионе, Х. Х. Биджиев, И. Мизиев с участием этнографа И. М. Шаманова) [9]. Материалы из наземных склепов ингушей и отчасти чеченцев использованы в сводных работах по средневековой истории вайнахов Е. И. Крупнова, В. И. Марковина, М. Б. Мужухоева [10].

О необходимости изучения позднесредневековой одежды вайнахов по материалам раскопок напоминает В. Б. Виноградов [11]. При сходстве культур и этническом родстве этих народов в их одежде в период средневековья, видимо, были значительные различия.

Для многих народов, в частности народов Закавказья, ценным источником для изучения одежды позднего средневековья являются памятники изобразительного искусства — фрески, миниатюры, а для более позднего периода — живописные произведения, особенно портреты. По народам Северного Кавказа подобный материал почти отсутствует.

Описательный и изобразительный материал по одежде народов Северного Кавказа появляется в основном в XVIII—XIX вв. (в редких случаях в XVII в.). Это рисунки к описаниям путешествий, отдельные гравюры в исторических произведениях. Эти материалы имеют громадную ценность. Однако им свойственны определенные недостатки. Так, отдельные народы неравномерно освещены в источниках.

Лучше всего представлены адыги (черкесы), о них имеются сведения с XIII по середину XIX в. Многие описания снабжены рисунками (начиная с XVII в.). Второе место по объему информации занимают осетины. Путешествия с описанием их быта охватывают XV—XIX вв. Еще меньше материала по чеченцам и ингушам. Что касается карачаевцев, балкарцев и других народов, то здесь описаний ранее второй половины XIX в. почти не имеется.

К сожалению, не только описания, но и зарисовки с натуры не всегда привязаны к месту. Дается рисунок «черкес» вообще, «осетин» вообще, иногда с указанием социальной принадлежности. Часто отсутствуют датировки иллюстраций. Дату самой поездки или издания книги не всегда можно считать датой иллюстрации. Последняя может быть копией или переработкой более ранних рисунков, а иногда и вольной фантазией художника на заданную тему. В ряде случаев рисунки сделаны «под Восток», соответственно существовавшим представлениям о нем в тот или иной период. К тому же иллюстрации отражали чаще всего костюм только социальной верхушки.

Особо следует отметить для нашей темы значение иностранных источников, нередко интересно иллюстрированных, переводы которых появились в последние годы [12]. Это отрадное явление, тем более что многие из таких работ на языках оригинала составляют в настоящее время библиографическую редкость. Однако все издания источников не воспроизводят имеющегося в них иллюстративного материала.

В предлагаемой монографии мы старались в максимальной степени использовать охарактеризованные выше источники при описании одежды XVIII — первой половины XIX в.

Большую помощь в розыске материалов оказал опубликованный Н. Г. Волковой обзор иллюстративных источников по этнографии народов Северного Кавказа [13]. К сожалению, в нем использованы материалы только московских хранилищ.

Характеризуя литературные источники по истории одежды второй половины XIX — начала XX в., следует отметить их фрагментарность. В описаниях путешественников этого периода и даже в трудах исследователей содержится мало сведений по интересующим нас вопросам. Основное внимание авторы уделяют описанию социальной структуры, в меньшей степени их интересуют хозяйство, поселения, жилище; в самой общей форме они говорят об одежде, часто ограничиваясь фразой: «Обычный горский костюм». Отчасти это объясняется тем, что костюм горцев уже был знаком русскому читателю по произведениям художественной литературы. А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой открыли широкому читателю и описали одежду горцев раньше, чем этнографы. Но описали в общих чертах, создавая поэтические образы «горца» и «горянки», этническую принадлежность которых (например, лермонтовской Бэлы) определить не так-то легко. И путешественники, и даже исследователи в большинстве случаев не отмечали особенностей одежды у отдельных народов, локальные различия внутри народа. В дореволюционной литературе нет ни одной специальной работы по одежде народов Северного Кавказа. Краткие описания одежды отдельных народов Северного Кавказа содержатся в сочинениях этнографического, антропологического, исторического характера, описаниях путешественников, воспоминаниях «кавказских пленников» и др. В большей степени эти сведения характеризуют женскую одежду [14].

Ценнейшими собраниями одежды являются коллекции музеев, изученные нами по возможности полно. Но и в собраниях музеев материал по народам Северного Кавказа представлен недостаточно, а описания не всегда высокого качества. Часто не даются указания на место приобретения и бытования, нет точной датировки. Над собирателями иногда также тяготело представление об «общем горском костюме».

Подобные недостатки присущи коллекциям даже такого фундаментального музея, как Государственный музей этнографии народов СССР (б. Этнографический отдел Русского музея).

В начале 1920-х годов в Этнографический отдел поступили ценные коллекции по одежде богатых кабардинцев, отчасти осетин, из фондов бывших царских дворцов, часть которых имеет точную датировку (1888 г.). В 1948 г. Музею этнографии народов СССР были переданы фонды Музея народов СССР в Москве. Представленная в них одежда народов Северного Кавказа относится в основном к концу XIX — началу XX в. и собиралась в 1924—1939 гг. Основной собиратель Е. М. Шиллинг. Отдельные предметы XIX в. были в свое время переданы из Дашковского и Румянцевского музеев.

Особо надо отметить уже упоминавшуюся коллекцию Б. А. Куфтина, включающую одежду из осетинских наземных склепов. Эту коллекцию скорее всего можно назвать палеоэтнографической. Однако изучение ее

материалов позволяет провести сопоставление с одеждой конца XIX — начала XX в. К сожалению, в описании этой коллекции не указано место сбора предметов одежды. Но известно, что этнографическую собирательскую работу в эти годы (1925—1926) Б. А. Куфтин проводил в Даргавсе и в Куртатинском ущелье. Эта одежда имеет исключительный интерес, особенно для освещения XVIII — первой половины XIX в. Отдельные образцы относятся, по-видимому, к XVII в. В нашей работе большинство этих материалов публикуется впервые и поэтому мы вынуждены давать подробные описания и рассматривать ряд деталей, имеющих аналоги в более раннем или более позднем периоде развития костюма народов Северного Кавказа.

Значительная собирательская работа по одежде народов Северного Кавказа проведена сотрудниками ГМЭ [15]. При этом во многих случаях удалось приобрести одежду XIX — начала XX в. Это в основном предметы женской одежды, украшенные золотым шитьем (шапочки, платья, кафтанчики, поясные и нарукавные подвески), а также серебряные пояса, нагрудные застежки, украшения. Наиболее представительны приобретения по карачаевцам, а также кабардинцам и осетинам. Из мужской одежды дореволюционного периода во время экспедиций 1932—1976 гг. куплены несколько поясов, бурок, бешметов и черкесок. Наиболее интересна пастушеская одежда карачаевцев (гебенек) и осетинские черкески разных типов.

В 1920-х годах отдельные предметы одежды и украшения были собраны А. А. Миллером и Б. Е. Дегеном—Ковалевским. Важны также полевые записи и отчеты этих и других исследователей (Е. М. Шиллинг), хранящиеся в секции рукописей ГМЭ. С 1934 по 1976 г. основным собирателем коллекций одежды народов Северного Кавказа являлась Е. Н. Студенецкая, в собирательской работе участвовали также Э. Г. Торчинская, Л. Ф. Виноградова, Г. И. Новикова, Г. А. Плужникова. Собирание коллекций сочеталось с научно-исследовательской полевой работой, изучением фондов местных музеев. Поэтому экспонаты, поступившие в музеи в советское время, отличаются лучшей и более подробной паспортизацией, чем коллекция б. Этнографического отдела Русского музея.

Ценные, хотя и небольшие коллекции одежды балкарцев и чеченцев, собранные в начале XX в., хранятся в Государственном Музее Грузии в Тбилиси (б. Кавказский музей). Дополнительным источником по истории одежды в Музее Грузии является коллекция народных детских кукол, иногда весьма точно воспроизводящих реальные формы костюма.

Коллекции одежды в краеведческих музеях Северного Кавказа интересны по составу, но, как правило, собирались уже в советский период и поэтому фрагментарны и тоже не могут дать полной картины одежды XIX в. Кроме того, они не всегда имеют точную датировку и привязку к месту приобретения. Вместе с тем сотрудники этих музеев проделали большую собирательскую работу, способствующую обогащению знаний по национальной культуре народов Северного Кавказа [16].

Музейные коллекции, и прежде всего ГМЭ, дают возможность представить одежду советского периода. В коллекции собраны традицион-

ные мужские костюмы, «кавказские рубахи», пояса, женские платья, повседневные и свадебные.

Многие музеи и библиотеки хранят разнообразные иллюстративные материалы по одежде народов Северного Кавказа. Это гравюры, акварели, рисунки художников-профессионалов и любителей-путешественников. Такие материалы имеются в фондах Государственного исторического музея, Музея этнографии народов СССР, Русского музея, Литературного музея Академии наук СССР и др. Прекрасные альбомы иллюстраций хранятся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (Москва), Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), библиотеке Института им. И. Е. Репина (Ленинград), библиотеке Института художественной промышленности (Москва) и др. К сожалению, этим материалам также в значительной мере присущи недостатки, отмеченные нами по отношению к нарративным источникам (неточность датировки, отсутствие указаний на место, где была сделана зарисовка, стилизация и т. п.).

Большую ценность представляют собой фотографии, хранящиеся в музеях и архивах [17]. Мы должны быть благодарны фотографам, работавшим на Кавказе и создавшим фотолетопись края, в которой отражены пейзажи, люди, жилище, одежда, бытовые сцены, памятники культуры этого интереснейшего края. Это Роїнов (Роинашвили), Энгель, Раевский, Д. И. Ермаков. Особенно велика роль Д. И. Ермакова, работавшего на Кавказе с 1870 по 1916 г. и не только обеспечившего фотофиксацию важных событий и материалов, но и широкое тиражирование фотодокументов. Им было создано нечто вроде фототеки, где можно было заказать фотографии не только по Кавказу, но частично и по Ирану и Турции. Большие коллекции фотографий Д. И. Ермакова хранятся в ГМЭ, ГИМ'е, Музее искусства народов Востока (Москва), в Гос. Музее Грузии и многих других музеях Кавказа, в Архиве кино-фотодокументов Грузинской ССР, Институте этнографии АН СССР, Географическом обществе.

Значительный иллюстративный материал по одежде советского периода содержат фототеки и фотоархивы ГМЭ и Института этнографии АН СССР.

Большая коллекция семейных и бытовых фотографий хранится в СОГОМИАЛ в г. Орджоникидзе. К сожалению, бытовые снимки были мало приняты у мусульманских народов, которые составляли большинство на Северном Кавказе. Материалы центральных и местных архивов, дающие в ряде случаев бесценный материал по истории народов, их хозяйству и культуре, содержат очень немногие сведения по одежде [18], в основном касающиеся вопросов ввоза и вывоза тканей и некоторых предметов одежды.

Изучение одежды народов Северного Кавказа только начинается. Обобщающих фундаментальных работ по данной теме не имеется, опубликованы статьи [19], в том числе автором данной работы [20]. Между тем историко-этнографическое изучение такого подвижного и изменчивого элемента культуры, как одежда, не может ограничиваться отдельно взя-

тым народом. Оно должно включать сопоставление с родственными и соседними народами и анализ развития во времени. Кроме того, при описании одежды даже отдельных народов крайне важно учитывать социальную дифференциацию, часто ярко выражающуюся в одежде.

Разделы, посвященные одежде, имеются в коллективных монографиях, но они крайне скупы и носят описательный характер [21]. Изданные за последние годы труды по истории отдельных народов включают лишь краткие сведения по одежде на разные исторические периоды [22]. Более подробные сведения содержатся в специальнвх исследованиях быта и культуры народов, особенно в работах по материальной культуре [23]. Следует отметить отдельные работы по народному искусству (альбомы и монографии), в которых приведен значительный иллюстративный материал по одежде [24].

В названных трудах, к сожалению, чаще всего нет точной привязки экспоната к определенным географическим пунктам или хотя бы к районам, что важно для картографирования.

При таком состоянии источников большое значение имеют полевые материалы, собиравшиеся автором на Северном Кавказе у карачаевцев, балкарцев, кабардинцев, адыгейцев, черкесов, осетин, в меньшей степени — чеченцев и ингушей в течение 42 лет — с 1934 по 1976 г.

Предлагаемый труд выполнен в плане регионального Кавказского историко-этнографического атласа. В работе используются те же бланковки карт и применены такие же общие принципы картографирования (с учетом пространственного и временно́го распространения явлений), как и в опубликованных монографиях Б. А. Калоева «Земледелие народов Северного Кавказа» (М., 1981) и В. П. Кобычева «Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв.» (М., 1982).

Фотографии с экспонатов ГМЭ выполнены сотрудниками Института этнографии АН СССР Г. А. Аргиропуло и С. Н. Ивановым. Чертежи и рисунки сделаны художниками Г. В. Вороновой и М. М. Санниковым, цветные рисунки — Г. В. Вороновой. Картографическая часть работы выполнена А. С. Раповой. Научно-вспомогательную работу вела Н. Д. Пчелинцева. Фотографии с экспонатов других музеев предоставлены соответствующими музеями.

В подборе вещевых экспонатов ГМЭ с автором работали научные сотрудники музея Э. Г. Торчинская, Г. Н. Комлева, Е. Б. Кочетова. В подборе фотографий в фототеке ГМЭ помогала В. К. Таут. Всем им автор выражает большую благодарность.

Глубокую признательность автор приносит руководству музеев народов Кавказа и их сотрудникам.

[1] *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., 1974; *Она же.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; *Федоров Я. А.* Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.

[2] Народы Кавказа. I. М., 1960. С. 84—86.

[3] Физическая география СССР (зоны СССР, Европейская часть СССР, Кавказ и Урал). М., 1976. С. 193—196, 201—226; *Гвоздецкий Н. А.* Физическая география Кав-

каза. Курс лекций. Вып. 1, 2. М., 1954, 1958; *Маслов Е. П.* Северный Кавказ. Экономико-географический очерк. М., 1962.

[4] См.. например: *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // МАДИСО. 1961. Т. 1.

[5] *Самоквасов Л. Я.* Могильные древности Пятигорского округа // Труды V Археол. съезда. М., 1887; *Лавров Л. И.* Кабардино-адыгейская культура XIII—XV вв.// СЭ. 1957. № 4; *Левашева В. Н.* Белореченские курганы // Труды ГИМ. 1953. Вып. 22; *Мизиев И. М., Нагоев А. Х.* Раскопки кабардинских курганов // АО 1970. М., 1971.

[6] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62; *Она же.* Половецкие каменные изваяния // Археология СССР. М., 1974; *Федоров-Давыдов Г. Р.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

[7] *Семенов Л. П.* Археологические разыскания в Северной Осетии // ИСОНИИ. 1948. Т. XII; *Он же.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963.

[8] См.: *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962; *Деопик В. Б.* Классификация и хронология аланских украшений // Средневековые памятники Северной Осетии. М., 1963; *Тменов В. Х.* Археологическое исследование «Города мертвых» у сел. Даргавс в 1967 г. // МАДИСО. 1969. Т. 2; *Он же.* «Город мертвых». Орджоникидзе, 1979; *Мамукаев Т. Б.* К этнографии и антропологии «Города мертвых» // ВОАЭ. 1980. Т. 36. Вып. 1.

[9] *Ионе Г. И.* Верхне-Чегемские памятники VI—XIV вв.// УЗКБНИИ. 1963. Т. XIX; *Мизиев И. М.* Могильник Курнаят в Кабардино-Балкарии // АО 1968. М., 1969; Могильник у с. Карт-Джурт в Карачаево-Черкессии // АО 1969. М., 1970; *Биджиев Х. Х.* Археологические раскопки в горном Карачае // АО 1969. М., 1970; *Биджиев Х. Х., Шаманов И. М.* Раскопки в Карачае // АО 1970. М., 1971; *Биджиев Х. Х.* Могильник Карт-Джурт // Археология и этнография Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1979; *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. Нальчик, 1981.

[10] *Марковин В. И.* Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргун // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963; *Он же.* В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965; *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971; *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура Горной Ингушетии XIII–XVII вв. Грозный, 1977.

[11] *Виноградов В. Б.* Первоочередная задача в изучении портняжного промысла у позднесредневековых вайнахов // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 62–68.

[12] Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.). Сост., вводная статья и прим. Б. А. Калоева. Орджоникидзе, 1967; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Сост., введение и вступ. статьи В. К. Гарданова. Нальчик, 1974.

[13] *Волкова Н. Г.* Изобразительные материалы как источник изучения материальной культуры народов Кавказа // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. М., 1971.

[14] *Каламбий.* На холме. Из записок черкеса // РВ. 1861. Т. 36. Ноябрь; *Грабовский Н. Ф.* Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // ССКГ. 1869. Вып. 2; *Он же.* Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушевского округа // ССКГ. 1870. Вып. 3. С. 14; *Он же.* Ингуши // ССКГ. 1876. Вып. 9. С. 38; *Шанаев Дж.* Свадьба у северных осетин // ССКГ. 1870. Вып. 4; *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 64, 127–128 (черкесы), 291 (осетины), 422–424 (чеченцы); *Пфаф В. Б.* Этнологическое исследование об осетинах // ССК. 1872. Т. 2. С. 134–136; *Кокиев С. В.* Заметки о быте осетин // СМЭ. 1885. Вып. 1. С. 87–91: *Акимов В. Н.* Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей // СМЭ. 1888. Вып. 3. С. 145–146; *Харузин Н.* По горам Северного Кавказа // ВЕ. 1888. Кн. 10, 11; *Гильченко Н. В.* Материалы по антропологии Кавказа (Осетия). СПб., 1890. С. 46–48; *Вертепов Г.* Ингуши // ТС. 1892. Вып. 2. Кн. 2. С. 94; *Он же.* В горах Кавказа // ТС. 1903. Вып. 6. С. 166; *Тепцов В. Я.* По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. 1892. Вып. 14. С. 96, 99; *Вышоград Я. Д.* Материалы для антропологии кабардинцев. СПб.,

1895. С. 14; *Россикова А.* Путешествие по центральной части Горной Чечни // ЗКОРГО. 1896. Кн. XVIII. С. 207; *В. Н. Л.* (*А. Г. Ардасенов*). Переходное состояние горцев Северного Кавказа // Новое обозрение. 1896. № 4258; *Ган К. Ф.* По долинам Чороха, Уруха и Ардона // СМОМПК. 1898. Вып. 25. С. 31–32; *Васильков В. В.* Очерки быта темиргоевцев // СМОМПК. 1901. Вып. 29. С. 94, 102–105; *Дьячков-Тарасов А. Н.* Абадзехи // ЗКОРГО. 1902. Кн. XXII. Вып. 4. С. 14–15; *Новицкий В. Ф.* В горах Кавказа. Три поездки в окрестностях Эльбруса летом 1896 г. и восхождение на эту гору // ИРГО. 1903. Т. 39. Вып. 2. С. 105; *Тульчинский И. П.* Пять горских обществ Кабарды // ТС. 1903. Вып. 5. С. 196, 205; *Малинин К. П.* К антропологии кабардинцев // РАЖ. 1905. Кн. XXIII–XXIV. С. 91–92; *Караулов Н. А.* Болкары на Кавказе // СМОМПК. 1908. Вып. 38. С. 138–139; *Сысоев В. М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. 1913. Вып. 43. С. 64. 66; *Щукин И. С.* Материалы для изучения карачаевцев // РАЖ. 1913. Кн. XXXIII–XXXIV. С. 42–44; *Гарданов М. К.* Селение Христиановское в фактах жизни // ПСОНИИК. 1925. Вып. 1. С. 187–188; *Чурсин Г. Ф.* Осетины. Тифлис, 1925. С. 25–27; *Хетагуров К.* Собр. соч. Т. 4. М., 1960. С. 327–328; *Хан-Гирей.* Записки о Черкессии. Нальчик, 1978. С. 240–252.

[15] Народы Кавказа. Каталог-указатель этнографических коллекций ГМЭ. Л., 1981.

[16] При подготовке данной работы использованы фонды следующих музеев: ГМЭ, ГИМ, ГМИА, СОГОМИАЛ, ЧИРКМ, КБРКМ, КЧОКМ, КГИАМ, СГОКМ, ПМК. В перечисленных музеях были изучены вещевые коллекции и фотоматериалы.

[17] Использованы материалы из следующих архивов: АИА, АИЭ (фотоматериалы); АЛОИЭ (фотоматериалы); АКБНИИ; АСОНИИ; Архив (секция рукописей) ГМЭ; Адыгейский областной архив; Госархив КБАССР (Нальчик), фотоматериалы; фотоархив (фототека) ГИМ.

[18] *Студенецкая Е. Н.* Архивные документы как источник изучения материальной культуры народов Северного Кавказа // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа. Вып. 1. М., 1971.

[19] *Азаматова М. З.* Одежда адыгов XIX в.// Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 1960; *Гаглоева З. Д.* Осетинский национальный костюм // ИЮОНИИ. 1964. Т. XIII; *Коджесау Э. Л.* Одежда у адыгов в XIX–XX вв.// УЗАНИИ. 1970. Т. XI; *Ашхамахова Л. М.* Адыгские женские головные уборы // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975; *Тайсаев К. У.* Изменения в традиционной одежде осетин в связи с развитием капитализма // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып. 2. Ставрополь, 1976; *Уарзиати В. С.* Элементы традиционного костюма в современном быту осетин // ВОАЭ 1980. Вып. 1. Т. XXXVI; *Он же.* Влияние культурно-бытовых процессов на современную одежду осетин // Вопросы социологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1982; *Виноградов В. Б., Абдулвахабова Б. Б.-А., Чахкиев Д. Ю.* «Солнечный гребень» ингушских женщин (о парадном головном уборе *кур-харс*) // СЭ. 1985. № 3.

[20] *Студенецкая Е. Н.* К вопросу о национальной кабардинской одежде // УЗКНИИ. 1948. Т. IV; *Она же.* Украшение одежды у кабардинцев (XIX–XX вв.) // Там же. 1950. Т. V; *Она же.* Одежда народов Кавказа // СЭ. 1967. № 3; *Она же.* Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967 гг.). М., 1968; *Она же.* Общие черты в мужской одежде народов Северного Кавказа и их отражение в терминологии // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974; *Она же.* Одежда чеченцев и ингушей в XIX–XX вв. // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

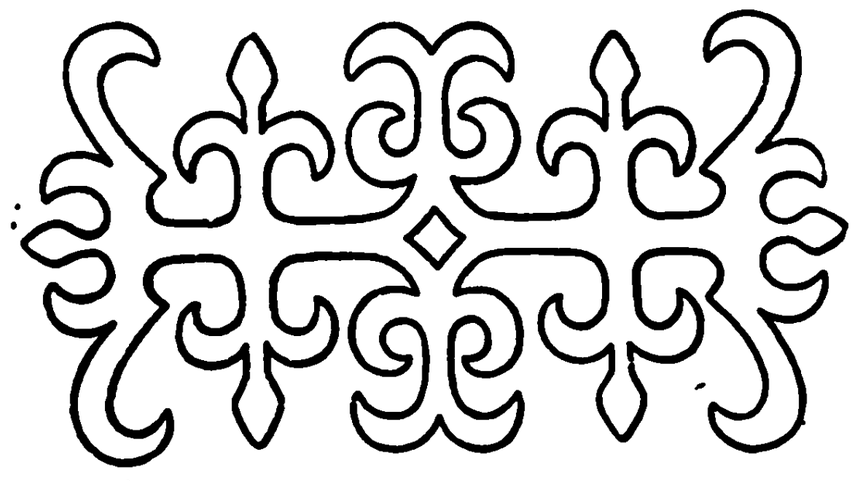
[21] Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 168–175, 207–209. 257–259, 286, 322–323, 362–364, 382–383.

[22] Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. Ставрополь, 1967; История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1967; Очерки истории Адыгеи. Т. 1. Майкоп, 1957; Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961.

[23] *Студенецкая Е. Н.* Быт и культура кабардинского народа. XVIII – XIX вв.// Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 3. Нальчик, 1954; *Аутлев М. Г., Зевакин Е. С., Хоретлев А. О.* Адыги. Историко-этнографический очерк. Майкоп, 1957; *Мамбетов Г. Х.* Войлочные изделия в Кабарде и Балкарии во второй половине

XIX – начала XX в.// УЗКБНИИ. 1963. Т. XIX; *Он же.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX – 60-е годы XX в.) Нальчик, 1971; *Он же.* Одежда в традициях и обычаях кабардинцев и балкарцев // ВКБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 5; *Магометов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968; *Калоев Б. А.* Осетины. М., 1971; *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976; Карачаевцы. Черкесск, 1978 (Раздел «Одежда», написанный Е. Н. Студенецкой); *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов // Культура и быт адыгов. Вып. 2. Майкоп, 1978; *Гарданов В. К., Мамбетов Г. Х.* Материальная культура сельского населения // Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1986.

[24] Народное творчество адыго-кабардино-черкесов. Москва-Нальчик, 1957; *Андиев Б. Ф., Андиева Р. Ф.* Осетинский орнамент (альбом). Орджоникидзе, 1960; *Азаматова М. З.* Адыгейский народный орнамент (альбом). Майкоп, 1960; *Калоев Б. А.* Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973; *Кузнецова А. Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982 (раздел «Одежда»)



ОДЕЖДА в XVIII — первой половине XIX в.

Мужская одежда

Нательная и верхняя одежда. Для народов Северного Кавказа этого периода верхней плечевой одеждой являлась бурка.[1] О ней сообщают многие авторы, она изображена на иллюстрациях разного типа. Бурка этого времени отличалась от более поздних тем, что была очень короткой, иногда значительно выше колен, что делало ее удобной и всаднику и пешему. Бурка имела колоколообразную расширяющуюся книзу форму, из-под нее виднелась черкеска. Носили бурку на левом плече, чтобы разрез приходился на правую сторону и правая рука могла свободно двигаться. При сильном ветре буркой накрывали обе руки[1]. Паллас упоминает еще меховой плащ, но это, вероятно, недоразумение, поскольку он приводит адыгский термин джако-щIакIуэ (бурка)[2]. Помимо валяных бурок встречались накидки из шкур животных. Именно о такой одежде свидетельствует Бесс: «Простолюдины носят кусок козьего меха, чтобы укрываться от дождя»[3]. Подобного рода шкуры-накидки имелись вплоть до XX в. у абхазов[4].

У народов восточной части Северного Кавказа была также накидка из сукна. Согласно обычному праву ингушей, при найме работника ему должны были дать «одну черкеску, одни шаровары из сукна азиатского и одно сукно (носили прежде вместо бурки»)[5]. На рисунке Беггрова на ингуше изображена, по-видимому, такая накидка[6]. Такого же рода накидка бытовала у чеченцев и осетин (см. табл. 1).

В материалах, относящихся к XVIII в.— первой половине XIX в., нет упоминаний о войлочной одежде с рукавами. Но в книге Олеария (XVII в.) есть изображение ногайца в такой одежде[7]. Вероятно, как и в XIX в., она была характерна для пастухов, которые носили ее в основном в горах или на зимних пастбищах. Авторы книг и рисунков XVIII — первой половины XIX в. чаще всего описывали знатные семьи и изображали князей, дворян, воинов в праздничной одежде, поэтому в их книгах крестьян нет.

Теплая верхняя одежда (шубы) упоминается у адыгских народов и карачаевцев[8]. Шубы шили чаще всего из овчины, а также из шкур диких зверей, о великом множестве которых писали Абри де ла Мотре[9], И. Ф. Бларамберг, К. Кох и др. Нагольные шубы во время дождя выворачивались шерстью наружу. Овчинные шубы чаще встречаются у осетин, чеченцев и ингушей. На рисунке Беггрова чеченец изображен в короткой шубе, надетой прямо на рубаху и подпоясанной ремнем.

Наибольший интерес представляет верхняя одежда из сукна, обычно называемая черкеской. Характерными чертами черкески второй полови-

Таблица 1. МУЖСКАЯ ОДЕЖДА (нательная и верхняя) XVIII – первая половина XIX в.

Народы	Бурка	Накидка	Халат	Шуба	Верхняя одежда с разрезными рукавами	Бешмет длинный	Бешмет обычный	Черкеска с кожаными газырницами	Черкеска с завязками	Черкеска обычная	Рубаха	Штаны широкие	Штаны узкие
Адыгейцы	+	+	+	+	+	+	+	+	–	+	+	+	+
Кабардинцы	+	+	+	+	+	+	+	+	–	+	+	+	–
Черкесы	+	+	+	+	+	+	+	+	–	+	+	+	–
Чеченцы	+	+	+	+	0	–	+	–	–	+	+	+	+
Ингуши	+	+	+	+	0	–	+	–	–	+	+	+	+
Карачаевцы	+	0	+	+	–	+	+	–	–	+	+	+	–
Балкарцы	+	0	–	+	–	+	+	–	–	+	+	+	–
Осетины	+	+	+	+	+	+	+	0	+	+	+	+	+

+ наличие данной формы одежды.
— отсутствие —»—.
0 — отсутствие сведений.

ны XIX в. и позднее, как мы убедимся далее, является особый покрой с цельной, но зауженной по талии спинкой, цельными передками. Поэтому верхняя часть туловища была плотно обтянута, а от талии книзу силуэт плавно расширялся за счет нижней части спинки, имевшей форму клина, и отрезных от талии боковых клиньев. Черкеску шили без воротника. Она имела широкий вырез на груди, по обеим сторонам которого располагались газырницы — нагрудные карманы с мелкими отделениями, в которых хранились трубочки с зарядами для оружия — газыри.

Однако черкеска XVIII в. сильно отличалась от вышеописанной. Судить о ее покрое трудно, так как его описания в источниках нет. А на рисунках того времени, относящихся к адыгам, черкеска выглядит более свободной, иногда даже мешковатой одеждой. Длина ее до колен или до половины бедра. Длинные узкие рукава внизу иногда имеют треугольный выступ, прикрывавший тыльную часть руки. Встречались также черкески с откидными рукавами, незашитыми от подмышки от локтя. В это отверстие могла продеваться рука, и тогда рукав черкески висел сзади от плеча, как у грузин и других народов Закавказья, а также у персов. Грудь была не так сильно открыта, как в поздних черкесках, а иногда от шеи до талии имелась застежка. В ряде случаев имелся воротник в виде невысокой стойки со скошенными спереди углами (рис. 1).

Газырницы, нашитые на груди, появились позднее, в связи с широким распространением огнестрельного оружия. Первоначально газыри носили в кожаных сумках, укрепленных на ремне через плечо или на поясе. Такую газырницу мы видим на рисунке Георги XVIII в. Но на поясе

Рис. 1. Одежда адыгских народов и ингушей. XVIII — начало XIX в.
а — черкесский князь и простой черкес, Начало XIX в.;

б

Рис. 1 (продолжение)

б — черкес в военной одежде, простой черкес и княжна. Начало XIX в.;

Рис. 1 (продолжение)

е — черкесы. XVIII — начало XIX в.;

Рис. 1 (окончание)
а — ингуши. 1790 г.

Рис. 2. Одежда адыгских народов и осетин. Конец XVIII — первая половина XIX в.

а — осетин — князь Казбек. 1840-е годы;

Рис. 2 (продолжение)

б — черкес. 1840-е годы;

Рис. 2 (продолжение)

в — молодой черкес с черкешенкой;

Р и с. 2 (продолжение)

в — черкесские женщины из Геленджика. 1840-е годы;

Рис. 2 (продолжение)

д — черкесы. 1830-е годы;

Р и с. 2 (окончание)

е — осетинка. 1790-е годы

и без того крепилось немало разных предметов, через плечо на ремнях носили шашку, ружье. Видимо, поэтому газырницы стали нашивать на черкеску по обеим сторонам груди. Ниже газырниц иногда делали поперечно расположенные карманы для хранения натруски, кресала и др. На рисунках конца XVIII — начала XIX в. показаны газырницы из кожи, чаще всего красного цвета, по краям обшитые галунами. Подобные газырницы как бы напоминают, что когда-то они носились отдельно и входили в состав снаряжения воина. Кстати, колчаны, налучники, боевые рукавицы часто также делали из красной кожи или сафьяна, особенно для знатных воинов. Позднее, когда газырницы прочно заняли свое место на груди черкески, их стали делать из той же ткани, что и черкеску. Число гнезд для газырей увеличивалось с 4—5 иногда до 18 с каждой стороны груди.

Мы уделили такое большое внимание газырницам потому, что они составляют особое отличие черкески от сходных по покрою кафтанов, свиток и т. п. видов одежды других народов.

Праздничные черкески в XVIII — первой половине XIX в. адыги делали из покупного сукна разных цветов, в том числе желтого, голубого, красного, и украшали галунами, а иногда и вышивкой. Обычные черкески шили из черного, бурого, серого домотканого сукна с более широкими рукавами [10].

Описанная выше мужская одежда, условно называемая нами «черкеской», изображена на многих рисунках, представляющих адыгов XVIII — первой половины XIX в. (рис. 2).

Авторы, которые пишут об осетинах этого периода, упоминают о сходстве их одежды с костюмом адыгов. Штедер [11] говорит о кафтане (черкеске) из черного или серого сукна, с разрезными рукавами, которые, как говорилось выше, были и у адыгов. Это свидетельство подтверждается материалами из наземных склепов, изученными В. Х. Тменовым. Описывая черкески, он отмечает: «Изредка рукава имеют разрез с внутренней стороны от подмышки и ниже локтя. Встречается одежда и с укороченными до локтя рукавами». Из деталей, отмеченных В. Х. Тменовым, интересна еще одна: «Газырницы, имевшие от 7 до 10 отделений, изготовлялись из кожи или реже из ткани» [12].

Оба эти признака — разрезные рукава и кожаные газырницы — датируют указанные черкески скорее всего XVIII в. У осетин, как и у адыгов, черкески шили не только из серой и черной ткани, но и из красной, синей, зеленой, золотисто-желтой, фиолетовой и коричневой. Для черкесок использовались домотканые и привозные сукна и даже холст [13].

У осетинских черкесок были и свои особенности. Так, на рисунке Яна Потоцкого осетин изображен в короткой черкеске без выреза на груди, ее борта стянуты тремя парами завязок (рис. 3).

В ГМЭ есть черкеска [14], сшитая из узкого (36 см) домотканого сукна рыжего цвета и поэтому имеющая много клиньев. Покрой типичен для черкески, но более свободный. Газырниц нет, на их месте с обеих сторон нашита полоса золотого галуна; борта, низ рукавов обшиты шнуром из серебряных ниток. Ворот по шее, от его выреза до талии пришиты три пары завязок из черного шнура, на концах которых прикреплены ромбики из картона, обмотанные золотыми нитками. Видимо, эта черкеска принадлежала зажиточному осетину, по аналогии с другими материалами она может быть датирована XVIII в., а может быть, и более ранним периодом. О черкеске («сюртуке») с завязками упоминают М. Энгельгардт и Ф. Паррот [15].

В склепах «города мертвых» у осетинского селения Даргавс В. Х. Тменов обнаружил черкески со стоячим воротником и без газырниц. Как будет отмечено далее, подобные черкески у осетин, иногда у балкарцев, встречались вплоть до начала XX в. Они считались рабочими в отличие от праздничных — с открытой грудью и газырями.

Материалы по ингушам более бедные. У Я. Потоцкого имеется рисунок, на котором изображен ингуш в черкеске со стоячим воротником, черкеска напоминает некоторые изображения адыгских черкесок. Кроме того, можно упомянуть об одежде из наземных склепов, изученных Л. П. Семеновым [16], которые относятся к XVI—XVIII вв. Он обнаружил

Рис. 3. Одежда осетин и чеченцев начала XIX в.

а — осетин; *б* — чеченец

мужскую верхнюю одежду из шелковой или шерстяной ткани, которую называет халатом. В Грозненском музее хранится мужской халат, датируемый концом XVII—XVIII вв.[17] Он сшит из привозной азиатской полосатой шелковой ткани, подкладка из белого холста, «халат» имеет покрой черкески, но с более широкой (хотя и с подрезами у талии) спинкой. Рукава вшивные при перекидном плече, короткие (27 см), пояс из той же ткани. Неясно, являлась эта одежда верхней или нательной. Однако Л. П. Семенов говорит о шелковых халатах, длинных, ниже колен и с длинными рукавами, как о верхней одежде, под которую надевали более короткую стеганую[18]. Он не дает точной датировки этой одежды, но отмечает «более поздние погребения с шерстяными черкесками и газырями», датируя их концом XVIII — началом XIX в. Нам думается, что датировка черкесок с газырницами является заниженной. Газырницы иногда делались из кожи, как это имело место и у адыгов,

и у осетин. Одежда из шелковых и бумажных тканей, видимо, относится к XVII—XVIII вв.

Еще более беден материал по чеченцам. В альбоме, изданном в Париже в 1813 г. с рисунками Е. Карнеева, чеченцы изображены в коротких до колена черкесках с узкими рукавами [19]. Беггров изображает чеченца в короткой шубе с отдельной, висящей на ремне газырницей. У Д. А. Милютина чеченец изображен в короткой, но нараспашку черкеске с узким рукавом.

Все вышесказанное о верхней одежде XVIII в. позволяет заключить, что она настолько отличается от более поздних форм, что возникает вопрос о закономерности названия этой одежды черкеской. В ряде случаев авторы XVIII — начала XIX в. приводят местные термины, хотя и в искаженном виде. Так, Ю. Клапрот называет верхнюю одежду адыгов *ци*, И. Ф. Бларамберг — *цши*, Ф. Дюбуа де Монпере — *цши* [20]; в этих терминах угадывается кабардинское наименование черкески *цей*, существующее и до наших дней. Карачаево-балкарское (тюркское) слово *чепкен* (черкеска) давно вошло в русский язык в форме *чекмень*.

Дальнейшая эволюция черкески в XIX—XX вв. шла в сторону ее удлинения, расширения рукавов и упрощения их формы. Черкеску стали шить еще более плотно облегающей верхнюю часть фигуры, без воротника, с широко раскрытой грудью. Однако крестьяне и в XIX в. шили черкески более свободные, «с запасом» [21].

Мужская одежда, обычно именуемая бешметом, надевалась чаще всего под черкеску. Поэтому иллюстративный материал не может дать представления о его покрое, однако некоторые особенности бешмета XVIII — первой половины XIX в. можно отметить. Так, на рисунках часто он выглядит значительно длиннее черкески и виден из-под нее. Внизу он лежит свободно, иногда сборками, а верхняя часть обтягивает фигуру. В отличие от более позднего времени бешмет в рассматриваемый период не имел стоячего воротника, и шея таким образом оставалась открытой. Рукава бешмета были узкими, иногда с треугольным выступом, который часто носили отогнутым.

Сведения о бешметах редко встречаются в описаниях путешественников. Некоторые авторы указывают на то, что под верхней одеждой — черкеской адыги носили еще одежду из шелка или другой ткани, украшенную золотым или серебряным шитьем и галунами. Они именуют ее по-разному: жилет, камзол, туника, куртка, но у Ж. Ш. Бесса мы встречаем точный термин — *каптал*, которым называли бешмет в XIX в. почти все народы Северного Кавказа. Украшение бешмета вышивкой с галунами свидетельствует о том, что его могли в определенных случаях носить и без черкески, при этом и как праздничную одежду, так как черкеска была далеко не у каждого и надевалась в особых случаях. Простые люди шили бешметы из холста, полотна, бязи, они часто служили верхней и нательной (т. е. единственной) одеждой. Таковы бешметы адыгских народов. Надевали их и на рубашку, которая существовала «по крайней мере у богатых», но чаще прямо на тело. Об этом писали Тебу де Мариньи, Ф. Дюбуа де Монпере. И. Ф. Бларамберг упоминает о ко-

роткой стеганой одежде, надеваемой под черкеску или кольчугу, что усиливает ее защитное действие [22].

Осетины и ингуши, по данным путешественников и материалам из склепов, также носили бешметы, но они не были обязательны, и черкески в ряде случаев надевались прямо на рубаху. Бешметы осетин и ингушей были короче черкески и шились из холста, бумажной материи и очень редко из шелка или шерстяной ткани. Часто их делали стеганными. Видимо, они служили повседневной одеждой [23]. Бешметами можно считать и «стеганые халаты» из склепов, часто упоминаемые Л. П. Семеновым. Последний описывает костюм мужчины, тело которого было найдено в 1928 г. в одном из склепов в Даргавсе [24]. На нем под холщовым стеганым халатом с нитяными застежками был надет бешмет из шелковой ткани в черную и белую продольную полоску; под ним — белая холщовая рубаха, под рубахой — стеганый холщовый бешмет с нитяными застежками, а под ним — нательная белая холщовая рубаха, т. е. пять слоев плечевой одежды. В одном из склепов с. Лац мы также видели два бешмета, надетые один на другой, и под ними рубашку. Верхний бешмет был сшит из синевато-зеленой бумажной ткани, простеганной вместе с подкладкой из льняного холста с набивным рисунком ручной работы. Этот бешмет имел стоячий воротник, спереди сходящий на нет, как воротники адыгских черкесок XVIII — первой половины XIX в. Наличие такого количества одежды на одном человеке плохо вяжется с сообщениями путешественников о крайней бедности тканей у осетин. Эту щедрость в одежде для умерших, вероятно, можно объяснить сохранением представлений о загробной жизни: лишняя одежда давалась «про запас» [25].

Вопрос об обязательности рубахи в костюме XVIII — первой половины XIX в. остается неясным. У адыгов, судя по рисункам, во многих случаях из-под черкески видна более длинная светлая одежда, а из-под нее иногда еще одна, самая длинная. Возможно, что последняя — нательная рубаха. У осетин рубаха известна по материалам из склепов. Она имела туникообразный покрой, разрез на груди скреплялся завязками. На рисунке Я. Потоцкого осетин изображен в рубашке с отложным воротником. Осетинские рубахи из склепов подробно описаны В. Х. Тменовым [26].

Штаны на рисунках часто не видны из-под верхней одежды, поэтому судить об их покрое трудно. В описаниях упоминаются штаны, которые шили из холста, чаще белого, или сукна серого, бурого, иногда белого цвета. Авторы расходятся в описании штанов у адыгских народов. О широких штанах из холста писал еще Д. Интериано (XVI в.), Б. Таверные также отмечает их крайнюю ширину (XVII в.). Авторы первой половины XIX в. Тебу де Марины, И. Ф. Бларамберг, Ф. Дюбуа де Монпере. Дж. А. Лонгворт [27] указывают на то, что штаны, широкие вверху, суживаются от колен. По-видимому, многие из писавших не различали ноговиц, которые надевали поверх штанов и которые плотно охватывали ногу. У осетин, чеченцев и ингушей были более узкие штаны из холста, домотканого сукна и других тканей преимущественно темного цвета; иногда

они заправлялись непосредственно в обувь, в других случаях широкие штаны свободно болтались, особенно когда в летнее время многие крестьяне ходили босиком (в Осетии, Чечне и Ингушетии).

Ноговицы можно считать специфической частью костюма горцев Северного Кавказа. Они были весьма удобны как для наездника, так и для пешехода в условиях горного рельефа, лесных зарослей. Надевали ноговицы поверх штанов, и они плотно обтягивали ногу от щиколотки до колена, а часто и выше. Для удобства натягивания они обычно были снабжены штрипками. Ноговицы защищали штаны от лошадиного пота, от цепляния за ветки и камни. Их шили из сукна, иногда из войлока, а парадные — чаще всего из сафьяна. Т. Б. Мамукаев сообщает, что в одном из склепов Осетии были обнаружены ноговицы из холста в сочетании с кожей [28].

В XVIII — первой половине XIX в. поговицы иногда шили из сукна разных цветов: например, снаружи — из красного сукна, внутри — из черного. Встречается сочетание черного сукна с желтым, голубым и др. Суконные и сафьяновые ноговицы украшали галунами по низу, верху и вертикальным швам. Сафьяновые ноговицы иногда отделывались аппликациями из кожи другого цвета.

Ниже колена ноговицы закрепляли при помощи подвязок, сделанных из тонкого войлока, шнурка или кожи.

Ноговицы наиболее характерны для адыгских народов, карачаевцев и балкарцев, но носили их также осетины, ингуши и чеченцы. Однако в XVIII — первой половине XIX в. у трех последних народов штаны часто заправляли непосредственно в обувь, доходившую до щиколотки, а иногда и выше.

В описаниях путешественников, бывавших у черкесов, упоминаются также носки, сшитые из сафьяна (Я. Рейнеггс) или войлока (Ф. Дюбуа де Монпере) [29].

Обувь. Обувь, бытовавшая у народов Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX в., поддается более детальному изучению как по нарративным и иллюстративным источникам, так и по находкам в наземных склепах. Основные ее типы являются общими для всех народов Северного Кавказа, а частично встречаются и в Закавказье, особенно в горных районах. Обувь была приспособлена к природным условиям и образу жизни горцев и обращала на себя внимание всех путешественников.

Описывая костюм адыгских народов, авторы отмечают изящество и красоту отделки обуви. Так, Д'Асколи писал: «Башмаки узкие, с одним швом спереди, без всяких украшений и никоим образом не могут ни растягиваться, ни распускаться, они точно приклеены к ногам и придают изящество походке». Б. Таверньe отмечает, что сафьяновые башмаки имеют только один шов вдоль ноги. Тебу де Мариньи упоминает туфли из сафьяна, очень закрытые, без подметок. Ж.-Ш. Бесс и другие авторы сообщают, что обувь украшалась вышивкой золотом и серебром [30]. Такую обувь шили для членов своей семьи только женщины.

Литературные источники XVIII — первой половины XIX в. подтверждают фольклорные и более поздние полевые данные о том, что у ады-

гов цвет обуви отражал социальное положение ее владельца. Так, К. Кох пишет: «Туфли красного цвета — у князей, желтые — у дворян, и из простой кожи — у простых черкесов шьются точно по ноге, со швом посредине и не имеют подошвы». Несколько неожиданно упоминание И. Ф. Бларамберга об «элегантных красных туфлях с очень высокими каблуками» [31]. Видимо, это единичный случай.

Если сведения об обуви адыгов известны только по рисункам и описаниям, то материалы из склепов Осетии и Чечено-Ингушетии дают образцы самой обуви. Согласно описанию Л. П. Семенова, в осетинских склепах «мужская обувь была трех родов: 1) чувяки (со швом на подошве), 2) башмаки с тремя железными шипами, 3) сапоги с подковками» [32]. Более поздние исследования показали, что в склепах находят обувь из сыромятной кожи с плетеной из ремней подошвой, очень удобную в горах, так как она не скользит. Ее делали из шкур не только домашних животных, но, по данным Ю. Клапрота, также из шкур серны и косули [33]. Встречается в склепах и обувь из сыромятной кожи со швом на носке и заднике. В ней часто сохраняется стелька из сухой травы. Употребление такой подкладки имеет очень давнюю традицию, при раскопках Змейского аланского могильника XII — XIII вв. была обнаружена обувь с растительными волокнами внутри [34].

Т. Б. Мамукаев говорит о хорошей сохранности кожаной обуви в наземных склепах и приводит несколько зарисовок [35]. Очень интересно сообщение В. Х. Тменова об украшении обуви «аппликациями из тонкого металла (медь, жесть?). Тонкие медные (?) пластинки, повторяющие форму обуви, были покрыты чеканкой. Узор очень прост: сочетание прямых и пересекающихся линий. Пластинки нашиты были на матерчатый чувяк, натянутый поверх кожаного» [36]. К сожалению, автор не высказывает никаких предположений о датировке этой обуви, несомненно принадлежавшей состоятельным лицам, а также о том, как часто она встречалась в склепах. Серебряные бляхи и узорные накладки на обуви обнаружил Д. Я. Самоквасов в могильниках Пятигорского округа, датированных XIV—XV вв.[37] Но наземные склепы «города мертвых», по мнению большинства исследователей, относятся к XVI — началу XIX в. Вероятно, обувь с металлическими накладками у осетин встречалась и позднее.

Штедер, М. Энгельгардт и Ф. Паррот [38] пишут от обуви из сыромятной кожи, с плетеной подошвой. Все виды мягкой кожаной обуви изготовляли сами горцы. Что касается сапог с подковами и башмаков с тремя железными шипами, то их носили в городах Грузии вплоть до XX в. и, возможно, оттуда единичные экземпляры проникли и на Северный Кавказ.

В материалах по ингушам и чеченцам упоминается обувь из сыромятной кожи, сафьяна и сапоги с подковками [39]. У них чаще, чем у адыгов, бытовала обувь с твердой подошвой и каблуками, что, видимо, объясняется соседством с Дагестаном.

Наконец, материалы XVIII — первой половины XIX в., в том числе и изобразительные, показывают, что многие «простолюдины» в теплое

Таблица 2. МУЖСКИЕ ПОЯСА И ОБУВЬ (XVIII – первая половина XIX в.)

Народы	Пояса			Ноговицы	Носки из сукна или войлока	Обувь			
	из ткани	из кожи	ремень с набором			типа чувяк	с плетеной подошвой	с каблуками или подковками	из сукна с подошвой из кожи
Адыгейцы	+	+	+	+	+	+	–	+	0
Кабардинцы	+	+	+	+	+	+	–	0	0
Черкесы	+	+	+	+	+	+	–	0	0
Чеченцы	0	+	+	+	0	+	+	+	0
Ингуши	+	+	+	+	0	+	0	+	0
Карачаевцы	+	+	+	+	+	+	+	0	0
Балкарцы	+	+	+	+	+	+	+	0	+
Осетины	+	+	+	+	+	+	+	0	+

время года ходили босиком, как это было и позднее среди беднейших крестьян.

В целом в обуви, более чем в других деталях костюма народов Северного Кавказа, наблюдается своеобразие форм и определенная преемственность традиций (см. табл. 2).

Пояса. Мужские пояса делали из кожи или ткани. Наиболее распространены были узкие ремни с небольшой металлической пряжкой, таким же наконечником, с обоймочкой для протягивания конца ремня. Богатые люди носили пояса, украшенные серебряными пряжками с резьбой и чернью.

Узкие ременные пояса упоминаются во многих описаниях одежды адыгов и изображены на рисунках [40]. Однако, различать детали поясов на имеющихся иллюстрациях XVIII — первой половины XIX в. очень трудно. Поэтому более подробно эта тема будет проанализирована в разделе, освещающем костюм второй половины XIX—XX в.

На поясе носили кинжал, мешочек с кресалом и трутом, пульницу, коробочку с жиром для смазывания оружия и другие мелочи, нужные воину и путнику. Крестьяне чаще вместо кинжала носили нож в деревянных полуножнах.

Ю. Клапрот сообщает о таких поясах и висящих на них предметах у осетин [41]. Узкие ремни с медным или железным набором обнаружены и в наземных склепах осетин и ингушей [42]. Е. И. Крупнов пишет: «Каждый покойник опоясан одним, иногда двумя кожаными поясами с железными или бронзовыми пряжками; тонкие пояса украшались серебряными и бронзовыми наконечниками и бляшками. На поясах обычно висят кисеты из кожи с огнивом, кресалом и трутом» [43]. О деталях поясного набора, обнаруженных в чеченском склепе, упоминает Р. Даутова [44].

Таблица 3. МУЖСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ (XVIII – первая половина XIX в.)

Народы	Из ткани				Из ткани с мехом			Меховые			
	«митра»	полушаровидная шапка	«сахарная голова»	стеганая небольшая	низкая с плоским дном	полушаровидная с низким меховым околышем	папаха с высоким околышем и очень высоким верхом	конусообразная шапка	разные формы	Войлочный колпак	Башлык
Адыгейцы	+	+	+	–	+	+	0	+	+	+	+
Кабардинцы	+	0	+	–	+	+	0	+	+	+	+
Черкесы	+	0	+	–	+	+	0	+	+	+	+
Чеченцы	+	0	0	+	+	0	+	+	+	0	+
Ингуши	+	+	0	+	+	0	+	+	+	0	+
Карачаевцы	–	+	0	–	0	+	0	+	+	+	+
Балкарцы	–	0	0	–	0	+	0	+	+	+	+
Осетины	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Таким образом, пояса из узкого ремня с пряжками, а в ряде случаев и украшениями из металла, были характерны для всех народов Северного Кавказа и появились, видимо, много ранее XVIII в. Однако наряду с ними бытовали пояса из широкой полосы ткани (чаще всего из холста, иногда из шелка), о чем сообщают все вышеупомянутые археологи, изучавшие инвентарь наземных склепов в Осетии и Ингушетии. Носили их сложенными в 2–3 раза или скрученными жгутом. Длинный пояс обвивали вокруг талии два раза. Во второй половине XIX в. матерчатые пояса были характерны для мужчин старшего возраста. Если так было и в более ранний период, то их преобладание в склепах объясняется тем, что люди умирают в основном в пожилом возрасте.

Для адыгских народов, судя по описаниям путешественников, пояса из материи, по-видимому, были мало характерны. Только в феодальной среде встречались дорогие пояса из шелковой ткани, привозившейся из Турции, они надевались одновременно с кожаным ремнем. Судя по изображению в книге И. А. Гюльденштедта, пояс из ткани оборачивался вокруг талии дважды и спускался спереди двумя концами. Старики и муллы также могли носить пояс из ткани.

Пояс считался обязательной принадлежностью мужского костюма. Без пояса могли ходить только мальчики и глубокие старики.

Головные уборы. Мужские головные уборы народов Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX в. были разнообразны по материалу и форме. По материалу нами выделены шапки: 1) из ткани, 2) сочетающие ткань с мехом; 3) меховые; 4) войлочные (табл. 3).

Наибольшим своеобразием отличались шапки из ткани, по форме напоминавшие митру и состоявшие из отдельных вертикальных долек, между которыми иногда прокладывались галуны, сходящиеся на макушке. По нижнему краю шапки, сшитой из сукна или другой ткани, проходила полоска широкого галуна. Эти шапки были высокими и не надвигались глубоко на голову, оставляя лоб открытым. Шапки подобного рода у адыгов, ногайцев и ингушей изображены на рисунках XVIII — начала XIX в. Видимо, они входили в состав праздничного костюма лиц из знатных фамилий обоего пола. Вообще в этот период между головными уборами мужчин и девушек наблюдалось большое сходство. Например, адыгские князья носили шапочки цилиндрической формы с округлым верхом. Нижняя часть шапочки была обтянута галуном, на округлой верхушке галуны располагались радиально, а из центра верхушки спускалась кисть. Во второй половине XIX — начале XX в. подобные шапки носили только девушки и молодые женщины.

Шапочку из сукна «вроде скуфьи (ермолки)» упоминает у адыгов Б. Таверные [45]. В осетинских и ингушских наземных склепах чаще всего встречаются шапки, сшитые из ткани в виде невысоких колпаков, шлемов. Они состояли из 2—4 клиньев. Их делали из холста, реже из шерстяной ткани, белой или цветной, и простегивали нитками [46]. Мужские шапки из ткани не получили на Северном Кавказе дальнейшего развития и в середине XIX в. были вытеснены меховыми, войлочными или шапками, сделанными из меха и ткани.

Шапки, сочетавшие ткань и мех, известны в XVIII — первой половине XIX в. в нескольких вариантах. Для адыгских народов были характерны низкие папахи с очень выпуклым, почти в виде валика меховым околышем и плоским дном, иногда перекрещенным галуном или шнуром. Эта шапка надевалась несколько набок. На всех рисунках, посвященных адыгам и изображающих массовые сцены, преобладают лица в шапках такого рода, характерных, видимо, для крестьян и простых воинов. Встречались они и на знатных людях, хотя, видимо, в феодальной среде преобладали шапки из ткани описанных выше фасонов.

Полушаровидные шапки из ткани с узким меховым околышем, выше которого иногда была проложена полоска галуна, были известны адыгам и осетинам. По-видимому, о такого рода шапках пишут, говоря об адыгах, Ж. де Бесс, И. Ф. Бларамберг [47]. Они сравнивают такие шапки, обычно подбитые шерстью или ватой, с половинкой дыни. Такой же формы шапка надета на осетине, изображенном у Я. Потоцкого.

Папахи с довольно широким околышем и очень выпуклым круглым верхом носили чеченцы в 1820—1830-х годах (согласно материалам С. Беггрова, Д. А. Милютина).

По поводу шапок, сделанных целиком из меха, Дж. Лонгворт пишет: «Колпак (calpac) является, возможно, единственным исключением из этого однообразия, и в зависимости от материала, из которого он может быть сделан — из каракуля, бараньего или козьего меха, мелко или крупно завитого, плотного и густого, длинного и косматого,— придает специфически индивидуальные черты, будь то мягкость, жесткость или хладно-

кровные, и, как я часто замечал, может быть принят за показатель, раскрывающий нам преобладающие черты вкуса, если не склонностей, посящего этот головной убор». О колпаках «из бараньего меха» пишет Тебу де Мариньи [48]. На рисунках Г. Гагарина большие меховые шапки мы видим у осетин. Меховые шапки разного типа, так же как шапки из овчины с сукном, отмечал в свое время Вахушти у осетин [49]; встречаются они и в наземных склепах и относятся в основном к погребениям конца XVIII — начала XIX в.[50]

Помимо уже рассмотренных нами типов головных уборов у народов Северного Кавказа бытовали и войлочные шляпы в виде колпаков или с небольшими полями. О них есть упоминания у европейских авторов, пишущих об адыгах. Войлочная шляпа с поднятыми кверху полями имеется также на рисунке С. Беггрова, изображающем кистина [51].

Встречаются, хотя и не часто, изображения адыгов в башлыках. Почти все путешественники описываемого периода упоминают о «капюшонах от дождя», а иногда приводят и термин «башлык». Ю. Клапрот сообщает о том, что карачаевские женщины изготовляли башлыки для продажи в Имеретию и Абхазию [52].

У европейских авторов встречается упоминание о «тюрбанах», которые носили (видимо, под влиянием турок) знатные адыги, жившие на Черноморском побережье. Под названием «тюрбан» могли подразумеваться чалмы, характерные для мусульманского духовенства, а также хаджи, т. е. лиц, совершивших религиозное паломничество в Мекку. Видимо, с этим слоем населения связано и ношение халатов, привозившихся из Турции. Дж. А. Лонгворт, описывая большое собрание адыгов, говорит: «Судя по числу голов, покрытых тюрбанами, среди присутствующих находились чуть ли не все старейшины и судьи этого района» [53]. В более поздний период чалму в основном носили в виде неширокой полосы ткани, намотанной на меховую папаху.

Вообще влияние крымских татар, а через них и турок, на одежду адыгских народов, преимущественно высших сословий, в XVIII в. было довольно значительным. В особенности мы убедимся в этом при рассмотрении женской одежды.

Данные о мужских прическах XVIII в.— первой половины XIX в. немногочисленны и часто противоречивы. Адыгские народы в этот период, как и позднее, коротко стригли или брили головы. Но некоторые авторы упоминают, что на макушке адыги оставляли пучок волос или чуб (Д. Интериано, Тебу де Мариньи, К. Кох) [54]. На всех известных нам рисунках показаны мужчины в головных уборах, из-под которых не видно волос. Но на рисунке Карнеева [55] группа танцоров, видимо, из крестьян, изображена без головных уборов. На макушке у них оставлены торчащие кверху волосы, затылок и виски подбриты. Усы, по-видимому, носили все мужчины, у многих короткие подстриженные бороды.

Осетин на рисунке Я. Потоцкого изображен в шапке, из-под которой выбиваются вьющиеся пряди; у чеченца на рисунке С. Беггрова из-под шапки также видны волосы. Несколько позже, в 1830—1840-х годах Д. А. Милютин писал, что все чеченцы головы бреют [56].

Обычно вооружение не входит в понятие костюма и не фиксируется в соответствующих трудах по одежде. Но для народов Кавказа необходимо сделать исключение. Комплекс мужской одежды на Северном Кавказе нельзя рассматривать, не уделив хотя бы минимального внимания оружию и воинскому снаряжению. С этим связан общий стиль, характер костюма и отдельные его детали (черкеска с газырницами, пояс и др.). Защитное вооружение — шлем, мисюрка, налокотники, боевые рукавицы — были в действии в XVIII в., а кольчуги, надевавшиеся под черкеску, бытовали до 60-х годов XIX в. В XVIII — начале XIX в. в снаряжение адыгского воина входили также лук с налучием, колчан со стрелами, хотя стрельба из лука в это время носила уже главным образом спортивный характер. Кинжал и шашка упоминаются всеми авторами. Имелось и огнестрельное оружие — пистолет и кремневое ружье. Осетины, ингуши и чеченцы пользовались круглым щитом, напоминавшим хевсурский.

Предметы вооружения, даже такие, как панцирь и шлем, уже не имевшие практического значения, очень ценились, хранились и передавались из поколения в поколение. Комплекты вооружения входили в уплату за кровь. Так, в качестве платы за кровь убитого в 1847 г. князя Карамурзина бесленеевцы внесли: «1) панцырь один или 16 коров, 2) шишак 1 или 16 коров, 3) саблю 1 или 16 коров, 4) налокотники или 16 коров, 5) нарукавники (в натуре), 6) лошадь ценою в 16 коров, к ней седло с полным прибором, украшенное серебряным набором с позолотой, 7) еще лошадь ценою в 12 коров, к ней седло с прибором без серебряных украшений, 8) лук с полною принадлежностию ценою в 16 коров, 9) полную щегольскую одежду на князя, т. е. чекмень, шаровары, наговицы из лучшего европейского сукна, украшенные кругом серебряным галуном, два шелковых бешмета, белье, чевяки из красного сафьяна с серебряным галуном» [57]. Как видно из списка, вооружению должен был соответствовать и комплект одежды. Ранее уже отмечалось, что обувь из красного сафьяна — привилегия князя. Из такого же сафьяна делались колчан, налучье, боевые рукавицы или нарукавники, а иногда и газырницы на черкеске.

Мы уже знаем, что смена вооружения — распространение огнестрельного оружия и рационализация способа его зарядки — привели к появлению на черкеске газырниц. Однако, когда в конце XIX — начала XX в. изменилось оружие и газырницы утратили практическое значение, их все же сохранили в качестве украшения и символа мужества. Шлемы разной формы, по-видимому, оказали некоторое влияние даже на женские шапочки. С воинским бытом был связан и пояс, увешанный оружием и принадлежностями для ухода за ним. Со временем последние превратились в декоративные подвески. Без кинжала, ножа мог ходить только мальчик или глубокий старик. Наконец, оружие было почти единственным украшением мужского костюма.

Исторические условия жизни горцев определили их пристрастие к оружию и общий подтянутый воинский стиль мужской одежды. Это сказалось и в советское время.

Мы уже говорили о том, что подавляющее большинство источников XVIII — первой половины XIX в., особенно иллюстративных, дает материал для характеристики одежды главным образом высших сословий. Этот период показателен тем, что различия в имущественном и сословном положении с развитием феодальных отношений стали выявляться очень четко, особенно у кабардинцев. Это нашло яркое отражение именно в одежде, в использовании различных видов тканей и вооружения. В одежде высших сословий в этот период употреблялись не только местные, но и привозные ткани, как восточного, так и западноевропейского, а также русского происхождения. Это были шелка, тонкие сукна, бархат, парча, а также холст, бязь, позднее ситцы. Дешевые привозные ткани частично использовались и бедными слоями населения. Еще в XVI в. на базарах Астрахани торговали восточными тканями купцы из разных мест (включая Среднюю Азию, Иран и Индию), здесь существовала значительная колония армянских купцов.

Дорогие ткани, а также дешевая бязь привозились из Турции. Из России шел холст, позднее ситец, а также ткани, привозившиеся из стран Западной Европы. Горцы Северного Кавказа, особенно жившие вблизи перевалов карачаевцы, балкарцы, осетины, вели меновую торговлю с грузинами, вывозя туда скот, бурки, башлыки, домотканое сукно, войлоки и др. и получая взамен ткани [53].

Привозные ткани, в том числе простой холст, представляли большую ценность для горцев. В XVIII — начале XIX в. послы, купцы и путешественники оплачивали труд проводников и посильщиков холстом, при этом полученный кусок холста сразу же делился между всеми участниками работы. Поэтому рабочая одежда часто была сшита из мелких кусков холста. Об этом пишут И. А. Гюльденштедт, Я. Рейнеггс и др.[59]

Как известно, феодальные отношения были наиболее развиты у кабардинцев. Именно поэтому кабардинцы являлись своего рода «законодателями» моды, в особенности для феодальной верхушки соседних, а иногда и зависимых от них народов. Для Кабарды наиболее характерно существование определенных запретов на ношение того или иного элемента костюма или определенного цвета одежды для людей незнатного происхождения. В рисунках, относящихся к адыгам, в том числе и кабардинцам, часто подчеркивается: «князь», «дворянин», «обыкновенный черкес». В 1830-х годах Д. А. Милютин делится своими наблюдениями: «Кабардинцы богаче других народов и потому и одеваются все несравненно богаче: многие почетные и богатые люди носят богатые бархатные пунцовые кафтаны, шитые золотом или серебром. Этот костюм чрезвычайно великолепен и красив; но это не есть костюм джигита: джигит одет просто, но любо смотреть, как все части его костюма и вооружение хорошо пригнаны, как все опрятно, щегольски, чисто, как чекмень (черкеска.— *Е. С.*) обтягивает стройное тело; как талия перетянута красивым ремнем с серебряными украшениями; как красные сафьяновые чувяки обхватывают его маленькую ногу; как наговицы обрисовывают его икры; как меховая шапка франтовски накинута на голову; как шашка и пистолет ловко подвешены на своих местах — ничто у него не брякнет, не помешает

его движениям». Д. А. Милютин пишет о кабардинской моде и ее тонкостях, отмечая вместе с тем, что «все это относится лишь к людям богатым, «хороших фамилий». Между соседними племенами перенимают у кабардинских франтов также известные джигиты. Разумеется, этим вовсе не занимаются настоящие горцы, обитатели дальних мест» [60].

В описании Д. А. Милютина интересно упоминание о расшитых бархатных кафтанах, тем более что у других авторов о них почти ничего не сказано [61]. Кабардинки славились своим искусством золотого шитья, и кафтаны могли быть сделаны на месте. Но сам характер такой одежды мог иметь другое происхождение. Присоединение Кабарды к России в 1557 г. усилило связи между ними. Многочисленные посольства и поездки кабардинских князей со свитой в Москву имели своим следствием получение подарков «с царского плеча» — шуб, кафтанов, шапок, отрезов тканей русского и иноземного происхождения. Русские цари регулярно посылали верным князьям «жалованье» — «поминки», состоявшие из драгоценной утвари, оружия, мехов, одежды и др. О шубах, однорядках, ферязях, кафтанах и т. п. неоднократно упоминается в русских документах [62]. Олеарий, описывая приезд кабардинских послов в Москву и встречи с князем Муцалом в Астрахани, отмечает, что «сам Муцал был одет в дорогое русское платье, шитое золотом и жемчугом» [63]. Подобные подарки продолжались вплоть до 1781 г., когда кабардинские владельцы обратились с просьбой выдавать им жалованье деньгами, а не вещами [64]. Не под влиянием ли расшитых «царских кафтанов» появились и те, о которых писал Д. А. Милютин?

Как видно из вышеизложенных материалов, в мужской одежде народов Северного Кавказа XVIII — первой половины XIX в. имелось очень много общих черт, истоки которых уходят в более ранние периоды и объясняются как сходством природных условий, занятий, образа жизни, так и долговременным соседством, разнообразными экономическими и культурно-историческими связями. Вместе с тем именно к концу этого периода относится формирование той мужской одежды, которая позже именуется «обычный горский костюм». Непременным элементом черкески становятся газырницы, сразу выделяющие костюм горцев Кавказа среди сходных по покрою кафтанов, свиток других народов. Оформляется открытый ворот черкески, который раньше иногда имел сзади невысокую стоечку; характерной чертой бешмета всех народов Северного Кавказа становится высокий, простеганный для твердости воротник. Меховая шапка-папаха вытесняет из обихода шапки разных типов, сшитые из ткани. В целом к середине XIX в. нивелируются различия и возрастают черты общности в мужской одежде разных народов.

Женская одежда

Данные по женской одежде этого периода опираются на те же источники, которые использовались при описании мужской одежды, и страдают теми же недостатками. Но порядок описания женской одежды мы приняли иной, начав не с верхней, а с нательной одежды — рубахи, штанов, кор-

Таблица 4. ЖЕНСКАЯ НАТЕЛЬНАЯ И НИЖНЯЯ ОДЕЖДА (XVIII – первая половина XIX в.)

Народы	Рубаха	Платье-рубаха	Штаны	Корсеты	Кафтанчик, надевавшийся на рубашку под платье	
					с металлическими застежками	с нитяными застежками
Адыгейцы	+	+	+	+	+	+
Кабардинцы	+	–	+	+	+	+
Черкесы	+	–	+	+	+	+
Чеченцы	+	+	+	–	0	0
Ингуши	+	+	+	–	0	0
Карачаевцы	+	+	+	+	+	0
Балкарцы	+	0	+	+	+	0
Осетины	+	+	+	+	+	0

сета. Объясняется это тем, что у ряда народов женская рубаха одновременно играла и роль платья. Это имело место на Северном Кавказе и в более поздние периоды, но, по-видимому, в исследуемое время шире был круг народов, женщины которых носили платье-рубаху (см. табл. 4).

Рубаха и штаны. Покрой рубахи был туникообразным, длина ее варьировалась. В одних случаях носили рубахи до щиколоток, а в других — лишь немного ниже колен. Рукава обычно были длинные и широкие, иногда они закрывали кисть руки. Женские рубахи шили из холста, иногда шерстяной домотканины, из бумажных, шелковых и полушелковых тканей, одноцветных или с рисунком.

У адыгских народов в XVIII в.— первой половине XIX в. рубаха служила в основном нижней одеждой, поверх которой надевалось платье, а иногда и кафтанчик. Судя по иллюстративным материалам этого периода, рубаха всегда была видна из-под верхней одежды. Есть данные, что в домашних условиях в будничные дни девушки могли ходить без платья, в рубахе и штанах. Ряд авторов XVII в. сообщают, что летом черкесские и кабардинские женщины могли ходить только в рубахах и штанах (Я. Стрейс, Э. Кемпфер)[65]. Таким образом, обязательность ношения платья поверх рубахи сложилась, видимо, позднее.

Наиболее скудными являются сведения о женской одежде этого периода у карачаевцев и балкарцев. Ю. Клапрот рассказывает, что во время летней жары на женщинах нет ничего, кроме легкого платья из хлопчатобумажной белой ткани. Видимо, можно считать, что «легкое платье» и есть платье-рубаха. Там же автор указывает, что когда карачаевцы бывают вне дома, они носят одежду из сукна разных цветов, а также шубы [66].

Платье-рубаха преобладала в рассматриваемый период и у осетинок. Обычно ее шили из холста синего или красного цвета, а иногда в одной рубашке сочетали ткани обоих цветов (М. Энгельгардт и Ф. Паррот, Карл Кох, Вахушти) [67]. Немногочисленные описания дополняются материалами из осетинских наземных склепов, где преобладает холст белого, синего или красного цвета [68]. Изредка рубаху шили из шелка, но верхнюю часть спины при этом делали из холста [69]. Это указывает на то, что в торжественных случаях, на праздники поверх рубахи надевалась верхняя одежда — платье или кафтанчик.

Одна из рубах, привезенная Б. А. Куфтиным из осетинских склепов, имеет особенности. Нагрудный разрез у нее не посередине, как обычно, а ближе к левому плечу, скрепляется тремя парами завязок (подобные завязки упоминались при описании мужских рубах у осетин, они встречались даже на черкеске). Для одежды других народов Северного Кавказа завязки не были характерны. Рукав этой рубахи из склепа неширок и заканчивается обшлагом. Она сшита из холста, но шелковыми нитками, что позволяет датировать ее XVIII или первой половиной XIX в.

Для ингушей и чеченцев этого периода наиболее типичным было платье-рубаха, которая сохранилась у них вплоть до XX в. В XVIII — первой половине XIX в. ее шили из холста или бумажных тканей, а также из шелка, преимущественно темных цветов — синего, коричневого, темно-красного и черного. У Б. Далгата приведены фольклорные тексты, указывающие, что черная рубаха означала траур по умершему, а красная — по убитому [70]. Но красные рубахи не всегда носили в качестве траурных. У ворота рубаха застегивалась пуговицей (часто серебряной).

Таким образом, в исследуемый период и в покрое, и в материале женских рубах было много общего у всех народов Северного Кавказа, но в употреблении наблюдались различия: у адыгов она чаще была нижней одеждой.

Штаны были обязательной частью одежды женщин Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX в.

Адыгские женщины носили длинные широкие штаны, собранные у щиколотки и почти всегда видные из-под рубахи и верхней одежды.

Некоторые авторы (Вахушти, К. Кох) [71] говорят, что осетинские женщины не носили штанов, но это представляется маловероятным, так как штаны обнаружены в составе женской одежды и в осетинских склепах. Они были длинными, с большим клином между штанинами, которые книзу суживались до 17—18 см и, видимо, висели свободно или заправлялись в обувь. Сшиты штаны обычно из холста красного, белого или синего цвета, более богатые шили из полушелковой ткани восточного происхождения, чаще всего полосатой [72]. Иногда, как и в более поздний период, их делали из двух тканей: нижнюю часть, видную из-под рубахи, шили из более нарядной ткани, верхнюю, особенно у талии, где в штаны вдевался шнур или тесьма,— из более простой и прочной ткани.

У ингушей и чеченцев женские штаны шили из холста или более нарядных тканей, чаще всего красного цвета. Есть указания, относящиеся к началу XIX в., что молодые женщины носили красные штаны, замуж-

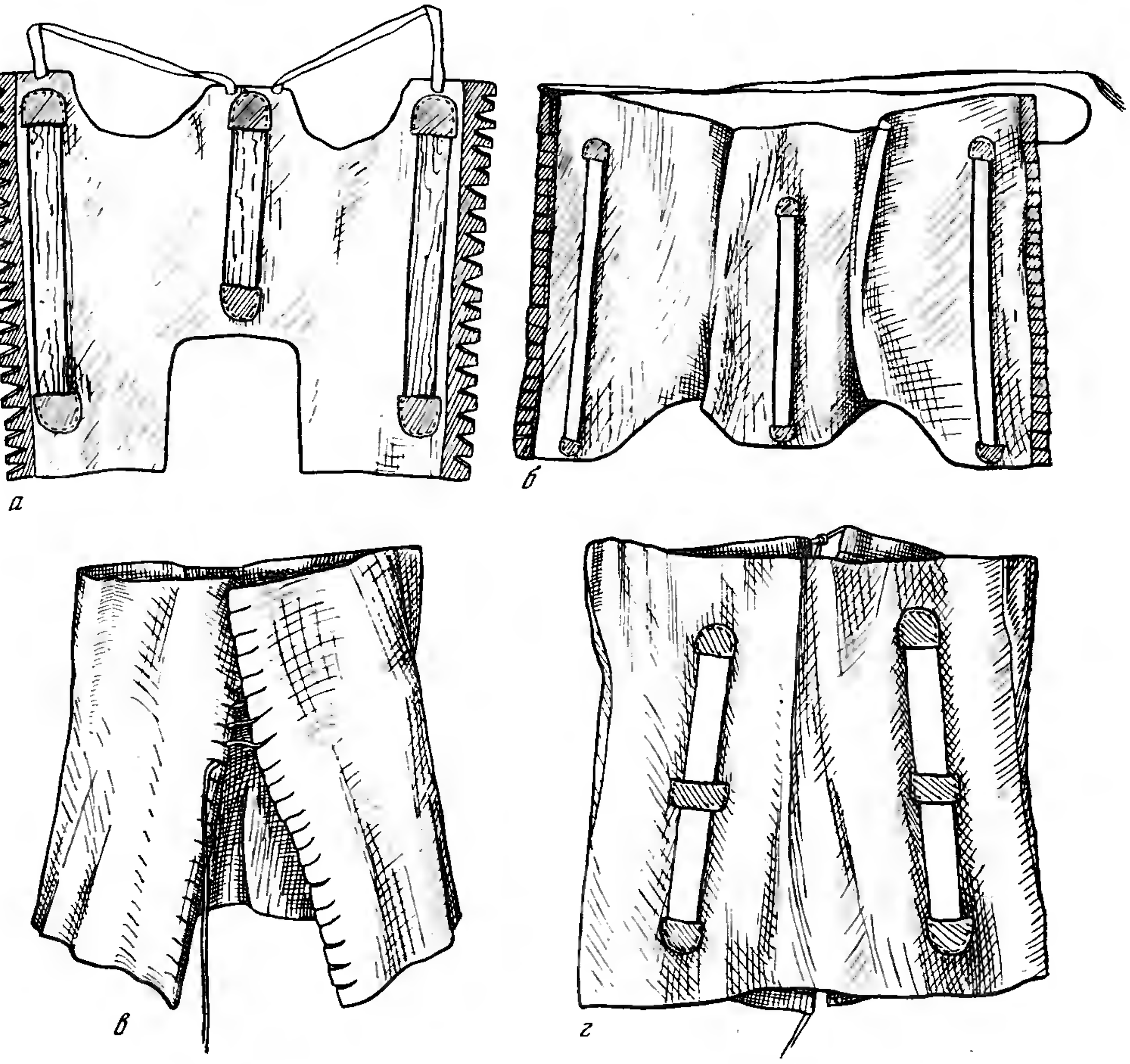


Рис. 4. Девичьи корсеты. XIX в.

а — черкесы; *б* — балкарцы; *в*, *г* — адыгейцы-бжедухи

ние пожилые — голубые, а девочки — белые [73]. Штаны надевались всегда под рубаху, непосредственно на тело. В связи с этим обычно обшивка, в которую вдевался шнур, делалась из более мягкой ткани, а край ее загибали наружу, чтобы шов не раздражал кожу. В особенности это было важно, когда штаны шили из грубой шерстяной домотканой материи, о чем нет упоминания в использованных нами источниках, но об этом нам неоднократно рассказывали старухи в Чечне, Ингушетии, Осетии, говоря о «самых стародавних временах, когда и холста почти не было, не то что ситца».

Девичьи корсеты. Своеобразным видом нательной одежды у народов Северного Кавказа являлись девичьи корсеты, распространение которых

было обусловлено этническими и социальными различиями. Они бытовали главным образом у адыгских народов, ранее у балкарцев, карачаевцев и осетин. Упоминания о ношении корсетов имеются почти у всех авторов XVIII — половины XIX в.; немало рассказано об обычаях, связанных с ними (рис. 4).

Чем было вызвано ношение корсетов? У каждого народа складывается своей идеал красоты. В классовом обществе он был неодинаков у разных классов. На Северном Кавказе, в особенности у адыгских народов, идеалом женской красоты считалась стройная фигура, плоская грудь, тонкая талия, «равная по объему завязке для поговиц», т. е. 50—55 см. Для достижения такого идеала на девочку 10—12 лет, как только начинала формироваться фигура, надевали корсет. Его шили из сафьяна или кожи более простой выработки. Он начинался очень высоко, почти от плечей и спускался до бедер. Спереди в корсет вставляли две довольно широкие деревянные пластинки, прижимавшие груди, препятствуя их росту. Сзади вдоль позвоночника также проходила деревянная пластинка. Корсет туго зашнуровывался спереди при помощи тонкого шнурка.

В коллекциях музеев имеются всего три корсета. Два, приобретенные у адыгов в конце XIX — начале XX в., хранятся в ГМЭ, один привезен из Балкарии, находится в Музее Грузии [74]. Один из адыгских корсетов сделан из тонкого красного сафьяна и украшен галуном.

Девушки носили корсет постоянно, в нем они спали и снимали его, только когда мылись, что было довольно редко. Снимал его, уже навсегдам, муж в первую брачную ночь. Женщины, одевавшие невесту, старались запутать шнуровку. Новобрачный, сняв корсет, отдавал его своим друзьям, а те — девушкам, которые тщательно осматривали шнурок, и если выяснялось, что он разрезан или разорван, подсменвались над нетерпеливостью молодожена.

Таким образом, корсет носили именно в годы роста и развития молодого организма. Он деформировал грудную клетку и талию, нарушал свободное развитие внутренних органов, вызывал раздражение кожи, натирал ее иногда до крови, способствовал образованию опрелостей. Иногда молодая женщина, после того как переставала носить корсет, начинала горбиться, так как слаборазвитый позвоночник, лишенный деревянной опоры, деформировался. Чтобы не полнеть, девушки не только носили корсет, но и старались меньше есть, спали на жесткой кровати, подостлав одну циновку.

Большинство свидетельств указывает, что корсет имели лишь девушки высших сословий. И. Ф. Бларамберг прямо писал, что крестьянские девушки корсетов не носят. Ю. Клапрот отмечал, что в Осетии корсеты носят только дочери богатых и знатных фамилий [75]. Крестьянская девушка, которая много работала, вряд ли могла носить корсет, хотя на этот счет имелись запреты. Так, например, в кабардинском фольклоре есть рассказ о том, как девушка свободного происхождения, попав в рабство, по приказу брата носит корсет, этим она подчеркивает свою социальную принадлежность. Княгиня, владелица рабыни, приказывает снять корсет, и тогда брат девушки убивает княгиню [76].

Наибольшее распространение корсет имел в Кабарде. По-кабардински корсет назывался *куэншыбэ*, по-адыгейски *шъохътан* или *шъокаптан* (народные названия), у карачаевцев и балкарцев он назывался *чуба*. Носили его девушки из княжеских семей, а также дочери наиболее почетных карауздеией. В Осетии он бытовал главным образом в Дигории и Тагаурии у девушек из знатных фамилий, его называли *хæлын кæрц* (букв. «кожаная шуба»).

В последней трети XIX в. кожаный корсет стал заменяться сшитым из нескольких слоев плотной ткани, снаружи его покрывали шелком или бархатом. Пластинки делали из серебра или рога. Такого рода тугой лиф носили почти все девушки. В начале XX в. появились европейские корсеты, но оно считались хуже самодельных, так как не сдерживали рост груди.

У чеченцев и ингушей, а также в большинстве районов Осетии корсет не встречался.

Происхождение корсета остается неясным. Термин *куэншыбэ* в одной из кабардинских песен XIX в. сопровождается определением «анадольская» (т. е. анатолийская — турецкая) [77]. Возможно, что он был занесен к адыгам из Турции. Косвенным подтверждением этого служит то, что корсет существовал и у абхазов. Позднее у них появился тугой лиф с застежкой спереди. Его название *айлакъ* означает, что эта одежда, «трудно одеваемая и неудобоносимая» [78]. Это название, видимо, более относится к предшественнику такого лифа — корсету.

Кафтанчики. В известной степени близкую корсету функцию выполняла еще одна особая одежда, которую мы называем кафтанчиком, претерпевшая в дальнейшем (во второй половине XIX — начале XX в.) интересную эволюцию. Кафтанчик имел покрой мужского бешмета, туго обтягивал фигуру и застегивался на металлические застежки или мелкие пуговки и петли из шнурков.

Существовал ли кафтанчик в XVIII — первой половине XIX в.? Решить этот вопрос не так просто. Наиболее ясную картину дают материалы по адыгам. На рисунке Гейслера, изображающем черкесскую княгиню, в вырезе верхнего распашного платья виден кафтанчик со стоячим воротником и металлическими застежками на груди, а откинутые рукава платья показывают руку, обтянутую узким рукавом кафтанчика с треугольным выступом внизу, приходящимся на тыльную сторону ладони. Нельзя выяснить только длину кафтанчика. На другой иллюстрации из книги И. А. Гюльденштедта под верхним распашным платьем на женщине видна вторая, более короткая, но все же спускающаяся ниже колен одежда [79]. Застежка у нее на одну пуговицу у талии, воротника нет, рукав узкий. На рисунке Дж. А. Лонгворта изображена девушка в коротком до талии кафтанчике с металлическими застежками и узкими рукавами, надетом поверх широкой рубахи. Девушка изображена в домашней обстановке, и верхнего распашного платья на ней нет. Наконец, на рисунке Лемерсье (начало XIX в.) на девушке под распашным платьем надет кафтанчик длиной до бедер, с узким рукавом, открытой шеей и неясным способом застежки.

Итак, ясно, что в освещаемый период у адыгских народов одежда, надевавшаяся поверх рубахи, но под платье, существовала в разных вариантах. При этом на рисунке Гейслера она почти идентична кафтанчикам второй половины XIX в. Кафтанчик начинали носить девушки, но сохранялся он и у замужних женщин, становясь более простым по материалу и отделке, более свободным в груди. Металлические застежки заменялись мелкими металлическими или шнурковыми пуговками. Видимо, кафтанчик являлся обязательной частью женского костюма адыгов, во всяком случае в его полном составе.

Встречается кафтанчик и в ногайской одежде, сходство которой с адыгской уже отмечалось ранее. Кафтанчики ногаек отличались значительно большей длиной.

Носили ли в этот период кафтанчики карачаевки и балкарки — неизвестно, но в одном из богатых погребений могильника Карт-Джурт (XIV—XVII вв.) было найдено 48 пар металлических застежек, расположенных на груди сверху вниз, как это бывает на кафтанчике [80]. Однако подобные застежки у некоторых народов (осетины, чеченцы) даже во второй половине XIX в. нашивались не на кафтанчик, а на платье. Возможно (особенно принимая во внимание количество застежек), это имело место и в данном случае.

Авторы, пишущие об осетинах в начале XIX в., не упоминают о кафтанчиках, а отмечают лишь, что в торжественных случаях поверх рубахи надевалось распашное платье. Но среди предметов одежды из осетинских наземных склепов кафтанчики есть. Для нас из них наиболее интересен один. Он сшит из шелка на подкладке из хлопчатобумажной ткани с ручной набойкой. Покрой во всем повторяет покрой мужских бешметов и женских кафтанчиков более позднего времени. Но рукава короткие и широкие. Застежка на мелкие пуговки и петли из шнурка, но расположение их необычно. Одна пуговица пришита около самой шеи, а три другие посажены очень близко друг к другу у талии. Расстояние между верхней пуговицей и группой нижних составляет 18 см (т. е. равно длине разреза на рубахе). Такое расположение пуговиц может говорить лишь о том, что кафтанчик принадлежал замужней женщине и устройство застежки облегчало процедуру кормления ребенка. Так же устроена застежка на еще одном кафтанчике в коллекции ГМЭ. Во второй половине XIX в. с таким вариантом застежки мы не встречались.

Видимо, у осетин кафтанчик существовал, но его носили в основном замужние женщины. Это подтверждается и рисунком 1790 г., где под платьем виден кафтанчик, доходящий до колен, с длинными узкими рукавами. На голове убор замужней женщины.

Никаких данных о существовании кафтанчиков, надевавшихся под платье, у чеченцев и ингушей в XVIII — первой половине XIX в. нам не известно.

По-видимому, в этот период девичьи кафтанчики, надевавшиеся поверх рубахи под распашное платье, были характерны для адыгских народов. Позднее они появились у карачаевцев, балкарцев, осетин, находившихся в сфере влияния Кабарды.

Таблица 5. ЖЕНСКАЯ ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА (платье) И ФОРМА ЕЕ РУКАВОВ (XVIII – первая половина XIX в.)

Народы	Платье распашное верхнее		Платье типа халата	Форма рукавов верхней одежды						
	длиное до земли	короче рубахи		прямой короткий	прямой длинный	книзу шире	широкий, от локтя разрез	откидной, разрез подмышкой	разрез от локтя, у запястья зашит	с лопастью от локтя или кисти
Адыгейцы	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+
Кабардинцы	+	–	–	+	+	+	+	+	+	+
Черкесы	+	–	–	+	+	+	0	+	+	+
Чеченцы	+	+	+	+	+	0	0	0	0	–
Ингуши	+	+	+	+	+	0	0	0	0	–
Карачаевцы	+	0	–	0	+	0	0	0	0	0
Балкарцы	+	0	+	0	+	0	0	0	0	0
Осетины	+	+	+	+	+	+	0	+	+	0

Верхняя плечевая одежда. Женская верхняя одежда у всех народов Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX в. была распашной. Ее надевали поверх рубахи, штанов, а у некоторых народов — и поверх кафтанчика.

Авторы описаний применяли по отношению к этой одежде самые различные наименования: бешмет, архалук, кафтан, даже халат и капот, блуза и т. д. При этом они, видимо, исходили из внешнего признака (распашной покрой), а не из функции этой одежды. Все приведенные названия привлекались авторами из другой этнической среды, и ни одно из них не было характерно ни для языков народов Северного Кавказа, ни для русского языка. Мы употребляем для этой одежды слово «платье», исходя из ее функции (надевание поверх рубахи и штанов, постепенно превращавшихся в белье), а также дальнейшего ее развития. В конце XIX в. начинают появляться закрытые платья разного типа, развившиеся из распашного или просто позаимствованные из городской модной одежды.

Важно отметить, что для закрытых платьев, в том числе современных, у большинства народов Северного Кавказа сохраняются те же термины, что для старинного распашного платья. Это указывает на совпадение функций этих видов одежды и подтверждает наше предпочтение русского термина «платье» для верхней женской одежды народов Северного Кавказа (см. табл. 5).

На рисунках XVIII — первой половины XIX в. и по описаниям платья адыгских женщин были без воротников, с открытой грудью, с застежкой

у пояса или без нее и различались главным образом покроем рукавов, как это паблюдалось и позднее. Длина платьев варьировала. В некоторых случаях платья доходили до земли, сочетаясь с менее длинной рубахой; в других они спускались немного ниже колен и рубаха была видна из-под платья. К. Кох отмечает, что на западе Черкесии платье значительно длиннее рубахи и иногда даже волочится по земле. На востоке расселения адыгов оно короче [81]. Это наблюдение в известной мере подтверждается описаниями и рисунками других авторов.

Вариации покроя рукавов платья не очень многочисленны. Чаще всего у адыгов встречается длинный узкий рукав с разрезом подмышкой, такого же типа, как на мужской одежде этого периода. Традиции шить рукава с разрезом прослеживаются в адыгской одежде по крайней мере с XV в. Разрезы были и на рукавах знаменитого праздничного халата из Белореченского кургана [82]. Там разрез находится с наружной стороны рукава выше локтя. Такой же разрез рукавов при меньшей их длине показан на рисунке Гейслера. В XVIII — первой половине XIX в. встречались рукава с разрезом подмышкой, которые летом носили закинутыми на спину. Иногда рукав был зашит только до локтя, а нижняя часть его свисала свободно, закрывая кисть руки. Встречаются рукава короткие до локтя или длинные, расширяющиеся книзу. При всех указанных вариантах рука никогда не оставалась обнаженной выше локтя, ее всегда прикрывал рукав нижнего кафтанчика или рубахи. Интересно, что рукав с длинной, расширяющейся книзу округлой лопастью был очень редок, хотя он весьма характерен для середины и второй половины XIX в. (рис. 5).

В целом тип женского платья у адыгов оказался весьма устойчивым и сохранился до конца XIX в. Богатые женщины праздничные платья шили главным образом из плотных шелковых тканей, бархата и парчи различных расцветок, иногда с узорами. Многие авторы этого периода упоминают о замечательных вышивках адыгских женщин, но на иллюстрациях вышитых платьев нет, хотя они хорошо известны в более позднее время.

Судя по имеющемуся в нашем распоряжении иллюстративному материалу того времени, более всего схожа с адыгскими платьями одежда ногаек, по крайней мере богатых и знатных.

Осетинские материалы, как говорилось выше, показывают необязательность платья в повседневном женском костюме, по-видимому, его надевали поверх рубахи лишь в торжественных случаях. Платье было распашное, покроя черкески. Следует отметить, что расширяющие платья клинья спереди начинались не от талии, как в позднейших осетинских, кабардинских и части адыгейских платьях, а прямо от плеча, как это, видимо, было принято и у других народов в этот период. Рукава узкие и длинные, иногда они имели разрез от подмышки до локтя и могли откидываться назад. В нижней части рукава часто были треугольные выступы, прикрывавшие тыльную часть кисти. Платья шили из хлопчатобумажных или шелковых тканей, а иногда из холста.

Р и с. 5. Женский костюм XVIII в. Черкешенка

Особенностью осетинских женских платьев являлось наличие не только застежек из шнурковых пуговиц и петель, но и завязок из тесьмы или шнура, что является более древней формой. Мы уже отмечали завязки на женской и мужской рубахе и даже на черкеске.

В коллекции Б. А. Куфтина из осетинских склепов представлено несколько женских распашных платьев, которые он именует «кафтанами». Два платья сшиты из белого холста покроем черкески с длинными рукавами. На одном платье от талии к подмышке имеются разрезы, продолжающиеся и в верхней части рукава, что позволяет откидывать рукава назад. Два других «кафтана» из шелка сшиты также в талию с клиньями на боках, а один — с отрезной спинкой. Ворот вырезан по шее, в одном случае имеет завязки, рукава короткие, выше локтя. Среди кафтанов выделяется один из узорной плотной шелковой ткани с крупным растительным стилизованным орнаментом [83]. Он имеет прямой покрой, книзу расширенный боковыми небольшими клиньями. Спереди разрез до низа, с большим запахом справа налево. Воротник-обшивка в виде шальки, сзади стоячий, спереди спускается почти до пояса. К этой

одежде скорее подходит название не «кафтан», а «халат». По характеру ткани этот «кафтан», вероятно, гораздо более раннего времени, но мы считаем нужным упомянуть о нем ввиду особенностей его покроя, возможно, ранее распространенного у осетин и других горцев Северного Кавказа.

У осетин, видимо, существовал еще один тип распашной одежды, надевавшейся поверх рубахи. Она шилась покроем черкески, но с вырезом по шее и имела особый покрой рукавов. Так, в коллекции Б. А. Куфтина имеется стеганый без прокладки шерсти или ваты «кафтан», сшитый из грубой хлопчатобумажной ткани кустарной работы, окрашенной в красный цвет. Подкладка из редкой бумажной ткани с ручной набойкой, а в рукавах — из грубого холста. Рукав прямой, выкроен из одного куска ткани со швом по низу, длинный (83 см). От подмышки до локтя не зашит, ниже локтя идет шов, у кисти застежка на три пуговицы и петли из шнурка. Тыльная сторона кисти прикрыта лопастью округло-трапециевидной формы. Застежка у ворота на одну пуговицу и петлю из шнурка, затем через 18 см — у талии на 6 пуговиц и петелек. Общая длина кафтана 86 см, т. е. примерно до колен. О том, что осетинская верхняя одежда короче адыгской и «татарской», писали лишь отдельные авторы (Штедер) [84].

Особый интерес этот «кафтан» приобретает в сопоставлении с еще одним экспонатом ГМЭ, который в свое время был получен из Румянцевского музея и является одним из старейших в этнографической коллекции по осетинам. Он называется «каба», т. е. платье, термин, проникший к осетинам через Грузию и ими давно усвоенный. По покрою и общему характеру это платье [85] почти полностью совпадает с описанным выше «кафтаном» из склепов, но короче его; рукав при том же крое тоже короче. Не исключено, что это платье носила девочка-подросток. Сшито платье из светло-зеленого в лиловый цветочек ситца, на белой хлопчатобумажной подкладке. Застежка на крючках. Ткань и наличие крючков не позволяют датировать это платье ранее середины XIX в., и тем более интересно совпадение его покроя с описанным выше «кафтаном» (видимо, тоже «кабой» — платьем) из коллекции Б. А. Куфтина. Вероятнее всего, «кафтан» относится к концу XVIII — началу XIX в.

Напрашиваются следующие выводы: во-первых, видимо, наряду с более длинными «кафтанами» у осетин этого периода существовали и короткие платья с особого кроя рукавами. По существу те и другие являлись распашными платьями. Во-вторых, осетинская женская верхняя одежда в XVIII — первой половине XIX в. обладала значительным своеобразием и отличалась от одежды адыгских народов. В более поздний период это различие сгладилось за счет влияния адыгов, в частности кабардинцев. В-третьих, два последних «кафтана» — каба по своему облику, особенно длине, близки верхней одежде чеченцев и ингушей. Т. Б. Мамукаев обнаружил в одном из склепов Даргавса еще одну женскую распашную одежду типа «пыльника». Молодая женщина была одета в богатую праздничную одежду, сшитую из шелка. Поверх традиционной рубахи, штанов и платья была надета шелковая распашная

Таблица 6. ЖЕНСКАЯ ТЕПЛАЯ ОДЕЖДА (XVIII – первая половина XIX в.)

Народы	Каптал (стеганый кафтан) длинный	Куртка стеганая	Шубы из овчины или меха	Народы	Каптал (стеганый кафтан) длинный	Куртка стеганая	Шубы из овчины или меха
Адыгейцы	0	–	0	Ингуши	+	–	+
Кабардинцы	0	–	0	Карачаевцы	+	–	+
Черкесы	0	–	0	Балкарцы	+	+	+
Чеченцы	+	–	+	Осетины	+	+	+

одежда короче платья, с короткими рукавами, у ворота завязанная при помощи шнурков [86].

Еще более скудными являются наши сведения о верхнем платье чеченских и ингушских женщин. Во всех описаниях подчеркивается, что обычной одеждой женщин всех возрастов являлись рубаха и надетые под нее штаны. Верхнюю одежду (которую авторы иногда называют «архалух») по торжественным случаям надевали девушки и, видимо, молодые женщины. Она была в талию, распашная и шилась из хлопчатобумажных тканей или из шелка с серебряными украшениями на груди. Л. Екельн и С. Беляев [87], побывавшие в плену у чеченцев в 40-х годах XIX в., пишут, что у богатых на «архалухах» были серебряные застежки и подвески в виде «желудей». «Архалух» (т. е. распашное платье) был короче рубахи и доходил до колен. Беляев приводит и местное название «архалуха» — *гаутель* (правильно *гІавтал*). Авторы отмечают, что одежда чеченских и ингушских женщин имела довольно яркую расцветку. Если рубаха и штаны чаще всего были красными, то платье могло быть голубым, зеленым, оранжевым. Платья шили из холста, шелка и бумажных тканей. Интересен рисунок Д. А. Милютина, изображающий чеченку в короткой до колен, сшитой в талию верхней одежде, надетой поверх рубахи и штанов. По подолу, бортам, вороту и рукаву она обшита галуном, а по обеим сторонам груди изображено по крупной круглой бляхе.

Таким образом, наибольшее разнообразие женских верхних платьев (в особенности покроя рукавов) мы встречаем у адыгов, а по мере продвижения к востоку женские верхние платья упрощаются по покрою, длина их укорачивается, и они становятся менее обязательными.

Теплая одежда. В XVIII — первой половине XIX в. нам известны два типа теплой верхней одежды: капталы, стеганые на шерсти или вате, и шубы из овчины или меха (см. табл. 6).

В холодное время года, особенно в горах, женщины носили теплую распашную одежду, сшитую обычно из шелковой или хлопчатобумажной

ткани, стеганую на тонком слое шерсти или ваты. Она прилегала в талии, имела покрой черкески, с длинным узким или коротким до локтя рукавом. Мы не имеем данных о наличии стеганой одежды у адыгских женщин в этот период, да и позднее она встречалась у них довольно редко и только у пожилых.

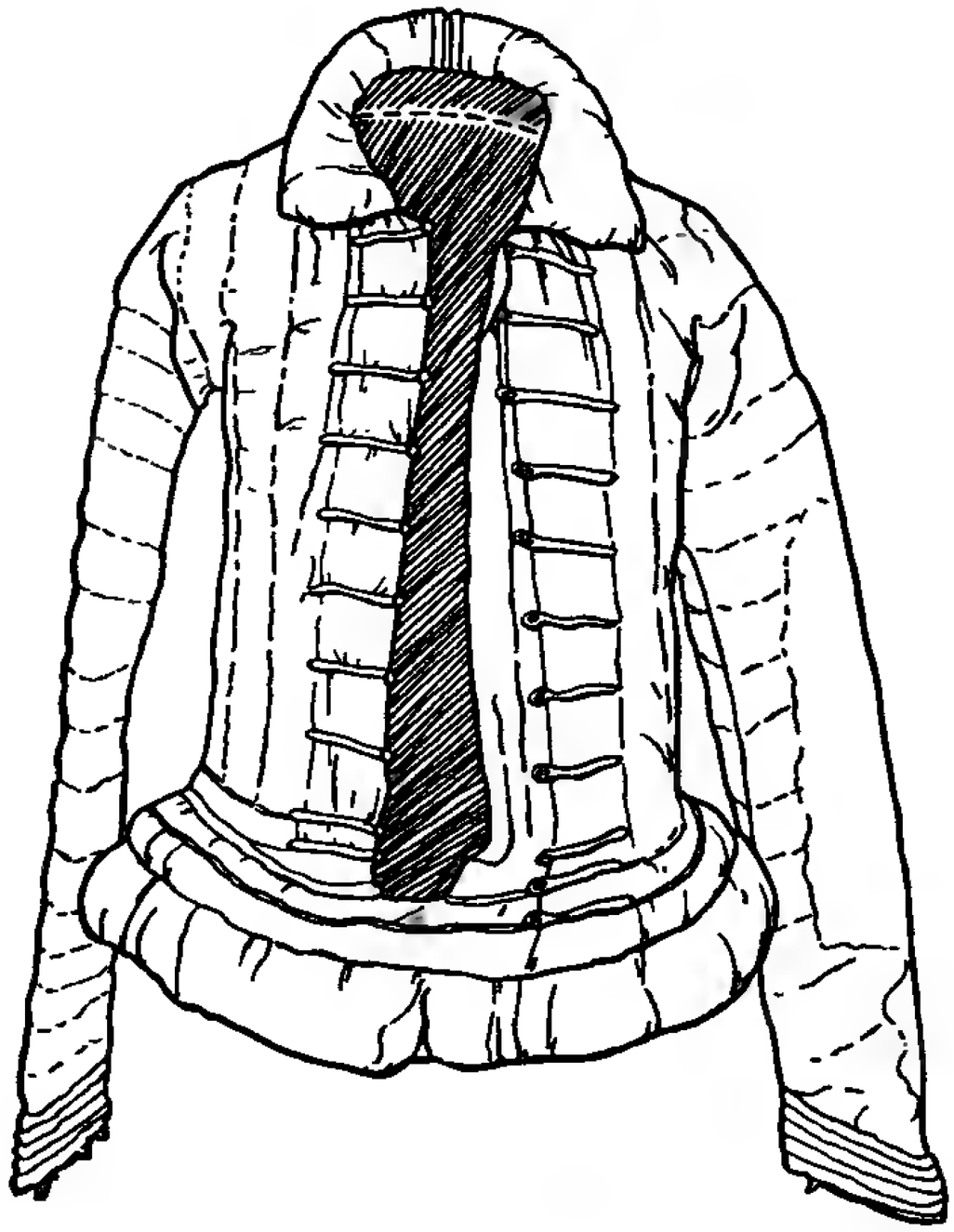
В осетинских склепах теплая одежда представлена в нескольких вариантах. Один из сохранившихся капталов (условно применяю здесь термин, бытовавший в разных фонетических вариантах почти у всех народов Северного Кавказа) относится по характеру тканей, видимо, к XVIII — началу XIX в.[88] Верх его покрыт полосатой красной с желтым кустарной шелковой тканью среднеазиатского типа, подкладка из синей хлопчатобумажной материи, подбивка подола и бортов из ручной набойки с растительным узором. Эта одежда имеет покрой черкески, но с закрытой грудью и узкими длинными рукавами. Вырез по шее застегнут на пуговку и петлю, сделанные из шнурка. Передние клинья, расширяющие полы, пришиты, начиная с плеча, а не с талии. Образуется глубокий запах у талии, завязывающийся шнурками. Очевидно, завязки, на одежде разных типов характерны в данный период именно для осетин, в чем мы имели возможность не раз убедиться и ранее.

Исключительный интерес представляет собой стеганая куртка (или кофта) из осетинского склепа. Она сшита из серой бумажной материи на холщовой подкладке, имеет прямой покрой и перекидное плечо. Длина куртки 70 см. Рукав длинный (75 см), суживающийся книзу, пришит по прямой линии и имеет вдоль один шов, смещенный кзади. Рукав кончается треугольным срезом, прикрывающим тыльную сторону ладони. Куртка простегана вертикальными полосами на толстом слое шерсти (или ваты?). Отложной воротник в виде толстого валика закрывает шею сзади, спереди срезан по прямой. От ворота до талии разрез. Ниже талии нечто вроде короткой баски, состоящей из двух разной ширины и толщины валиков. К верхней части баски пришит кант из пестрой ткани, затем на верхний валик нашита полоска основной ткани, сплошь заложенная вертикальными складками, по ее низу нашит шнурочек, отделяющий нижний, особенно широкий и толстый валик. Вся эта баска в левой стороне имеет выступ (20 см по горизонтали), который заходит под правую полу и на боку изнутри закрепляется при помощи петли и шнурка.

Способ застежки куртки весьма интересен. По правой стороне разреза от ворота до самой баски нашиты горизонтальными рядами сложенные вдвое шнурки. У разреза они кончаются сделанными из того же шнура узелками-пуговицами. На левой поле, отступя от края 3—4 см, такими же поперечными полосками нашиты сложенные вдвое кусочки шнура, у разреза образующие петельки. При застегивании, как это обычно для народов Северного Кавказа, правая пола с пуговками находит на левую с петельками. Всего застежек одиннадцать (рис. 6).

Ни внешний облик куртки, ни детали ее покроя, ни характер отделки не вызывают в памяти никаких аналогий. Только застежки напоминают находки в адыгских Белореченских курганах. Это прежде всего женский халат, очень длинный, однобортный, из золотого аксамитного

бархата. Он имеет застежку точно такого же типа, как на описанной выше осетинской куртке. Исследователь Белореченских курганов В. П. Левашева пишет, что «петли, расположенные на левой поле, образуются из сложенной вдвое тесьмы, сплетенной из шелкового шнура «в косичку», и положены горизонтальными рядами перпендикулярно к борту на расстоянии 3—4 см друг от друга. Такие же нашивки имеются и по правой поле халата, а на концах их у борта были пришиты серебряные пуговицы» [89]. В. П. Левашева, учитывая характер ткани, датирует халат XV—XVI вв. Описанный выше способ застегивания встречается и на кафтанчиках, найденных в тех же курганах. Таким образом, сходство застежек халата с застежками осетинской куртки несомненно, только у последней пуговицы были не серебряные, а из шнурка.



Р и с. 6. Женская стеганая одежда (куртка) из наземного склепа XVII—XVIII вв. Осетины

Аналогичную белореченскому халату одежду обнаружили в кабардинском Нижне-Черекском могильнике [90].

В какой-то степени с вышеописанным переплетаются материалы В. И. Марковина, который обнаружил в одном из склепов в Чечне в районе Итум-кале обрывок ткани, сохранивший отделку: «перегнутая вдвое тесьма пришита к ткани в виде трех параллельных полосок» [91]. А может быть, это остатки аналогичной застежки? В одном из изданий, посвященных путешествию в Персию в 1812—1813 гг., на табл. 10 изображена черкешенка в национальном костюме [92]. На груди распашного платья пашиты горизонтально одна над другой девять полосок из сложенной вдвое тесьмы. У разреза платья на них укреплены пуговицы, а пашитые по другой стороне полоски образуют петли. Таким образом, это застежки такого же типа, как на халате XV—XVI вв. и осетинской куртке из наземного склепа. Традиция продолжается.

Застежки на одежде из адыгского кургана и на куртке из осетинского склепа вызывают еще одну аналогию. Они, особенно в застегнутом виде, по виду и размерам (10—14 см общая длина) напоминают металлические нагрудные застежки на платьях и кафтанчиках, известных по рисункам XVIII—XIX вв. (а для более ранних периодов — по археологическим материалам) и сохранивших в основном свою форму до XX в. Связь между ними, по нашему мнению, вполне возможна. Вопрос только в одном: что от чего произошло или что заменило. У народов Северного

Кавказа металлические изделия и украшения в виде басонных пуговок, золотого шитья в XIX—XX вв. были взаимозаменяемы. Золотое шитье на кафтанчике имитировало металлические застежки, а серебряные накладки заменяли вышивки на платьях и кафтанчиках. Крошечные пуговки, вывязанные из шнурка, и серебряные пуговки-горошинки внешне и функционально близки друг к другу. На женском праздничном каптале XIX в. часто встречались серебряные пуговки, а на более повседневном — узелки из шнурка. Таким образом, ранее из застежек шнурковых могли развиться серебряные или, возможно, они существовали параллельно, бытуя у женщин различного имущественного состояния. Что можно сказать о датировке осетинской куртки? Основой для нее может служить аналогия с халатом, но с поправкой на другие детали. Рукав со скошенным срезом, украшенный простежкой, встречается в осетинской и ингушской одежде других покроев из склепов[93]. Видим мы его и на рисунках XVIII — начала XIX в. Думается, что датировка куртки лежит где-то в пределах XVII—XVIII вв. Куртка несомненно была верхней теплой одеждой. Но она известна лишь в одном экземпляре.

Вторым типом теплой женской одежды были шубы из овчины, а, возможно и других мехов. Клапрот [94] упоминает, что карачаевские женщины носят одежду из меха и сукна. По другим сведениям, осетинские женщины носили «тулуп, сходный покроем с русскими деревенскими шубами» [95]. Нагольные белые шубы, по сведениям Е. Беляева, относящимся к 1848 г.[96], носили и чеченки, а на рисунке Беггрова, датированном 1822 г., изображена кистинка в длинной крытой тканью шубе, распашной, с длинными узкими рукавами.

Надо учитывать также, что горянки в XVIII — первой половине XIX в. носили одежду из домотканого сукна, толстого и теплого. Известно, что из него шили даже платья-рубахи в Ингушетии и Чечне, так же как в соседней Хевсуретии, Тушетии, горах Дагестана. Из такого сукна делали и большие шали. Это в значительной мере заменяло теплую одежду.

Пояса. Пояс входил в состав женской одежды, но, видимо, не являлся обязательной ее частью. На многих рисунках и в описаниях относящихся к адыгским народам, пояса нет совсем. Многие авторы (И. Ф. Блараберг, Ф. Дюбуа де Монпере и др.) упоминают пояса из ленты, полоски кожи, шпура, носимые девушками поверх рубахи, которая, видимо, в домашних условиях считалась достаточной одеждой. На рисунке конца XVIII в. на девушке изображен пояс из ткани, завязанный спереди узлом со спущенными концами. Наряду с этим встречаются, особенно в начале XIX в., пояса с пряжкой, форму которой разглядеть трудно. Дж. Лонгворт, говоря о черкесах, живущих около Черного моря, указывает, что на княгине кушак застегнут «очень низко большими серебряными застежками в форме раковины». Манера носить пояс очень низко связана с обычаем затягивать стан в особый корсет, не подчеркивающий талию, а наоборот, как бы занижающий ее, так как корсет спускался очень низко. Поэтому и кушак, особенно с тяжелыми металлическими пряжками, съезжал вниз. О серебряных украшениях на поясе дочери черкесского князя говорит и Тебу де Мариньи [97]. Судя по этим

данным, пояса с серебряными украшениями были доступны не всем и надевались лишь в торжественных случаях.

У осетин по материалам из склепов известны главным образом пояса из полосы ткани — бумажной или шелковой; в одном из склепов обнаружен тканый шелковый узорный пояс с бахромой, встречаются массивные фигурные металлические пряжки [98]. Но надо учитывать, что серебряные пряжки высоко ценились. Их могли не класть в склепы, или они могли быть оттуда похищены.

Тот же характер имели пояса чеченских и ингушских женщин, надевавшиеся поверх различной распашной одежды. Платье-рубаху носили обычно без пояса, иногда подвязывая ее полоской кожи или шнурком во время работы, чтобы не мешала [99].

Богатство и разнообразие поясов, с которыми мы встречаемся во второй половине XIX в.— начале XX в., видимо, явление более позднее.

Обувь. Женская обувь имела много общих черт с мужской. На иллюстрациях и в описаниях, касающихся костюма адыгских женщин, мы встречаемся с мягкой обувью, сшитой из одного куска кожи различной выделки, с сафьяновыми носками. Этот же тип обуви был характерен для них в более поздний период. Судя по рисункам, женщины поверх этой обуви часто носили невысокие деревянные «ходули» («пхавако»), напоминающие скамеечки на двух ножках, с ремешками для продевания ноги в самом широком месте ступни. Чаще всего они присутствуют при изображении женщины из феодальной среды. На одном из ранних рисунков в книге Гюльденштедта изображены доходящие до щиколоток черные башмаки на каблуках. Многие авторы (И. Ф. Бларамберг, Дж. Лонгворт) [100] указывали, что в 1830—1840 гг. адыгские женщины, особенно из простонародья, ходили босиком. В помещении могли ходить босыми и девушки знатного происхождения. Летом ходили босиком женщины у осетин, ингушей и чеченцев.

Материалы из осетинских склепов [101] показывают сходство мужской и женской обуви. Осетинские женщины в этот период носили как грубую обувь из сыромятной кожи с подошвой, сплетенной из ремней (арчита), так и мягкую обувь типа чувяк с одним швом. Бытовала и обувь, сшитая из сукна и кожи. Также встречалась деревянная обувь без задника с глубоким носком из кожи. У всех народов особенно нарядной считалась обувь из красного сафьяна. Но у адыгов ее могли носить лишь женщины знатных фамилий. Встречалась и привозная из Закавказья обувь «башмак» — из кожи без задника с вышивкой на носке и клиновидным каблуком. Такая обувь была доступна только богатым женщинам.

Бо́льшая часть обуви у всех женщин Северного Кавказа надевалась на босую ногу. Носки шили из сафьяна или из ткани разных цветов (табл. 7).

Головные уборы. Головные уборы в XVIII — первой половине XIX в. представлены наиболее разнообразно именно в женском костюме.

У адыгских народов было несколько типов головных уборов, различавшихся в зависимости от семейного положения и социальной принадлежности женщины. В этот период девичьи головные уборы были очень

Таблица 7. ЖЕНСКИЕ ПОЯСА И ОБУВЬ (XVIII – первая половина XIX в.)

Народы	Пояс из ткани или шнура		Пояс кожаный с металлом		Обувь кожаная						Обувь деревянная		
					из одного куска								
	на платье	на рубахе	на платье	на кафтанчике	Без пояса	мягкая типа чувяк	со швом на подъеме и задинке	с плетеной подошвой	из нескольких кусков	«башмак»	«пхавако»	Босиком
Адыгейцы	+	+	+	+	+	+	+	–	+	+	+	+
Кабардинцы	+	+	+	–	+	+	+	–	+	+	+	+
Черкесы	+	+	–	–	–	+	+	–	+	+	+	+
Чеченцы	+	0	–	–	+	0	+	0	+	+	–	+
Ингуши	+	0	–	–	+	0	+	0	+	+	–	+
Карачаевцы	+	+	+	0	+	+	+	+	0	0	0	+
Балкарцы	+	+	+	0	+	+	+	+	0	0	0	+
Осетины	0	+	+	0	+	+	+	+	+	+	0	+

близки к мужским. Девушка могла ходить без головного убора с волосами, заплетенными в две или несколько кос. В XVII в., по данным д'Асколи, девушка могла ходить и с распущенными волосами. Но чаще все же носили шапочки, сшитые обычно из ткани красного цвета, на вате. Неглубокая круглая шапочка украшалась по краю галуном или полоской меха. По тулье от верхушки радиально расходились галуны. Другой тип шапочки — в виде митры или дыни, она состояла из отдельных набитых ватой выпуклых вертикальных долек, швы между которыми прикрыты галунами. По низу шапочки проложена полоса галуна или вышивки, на верхушке какая-то шишечка. Шапочка надевалась неглубоко и очень увеличивала рост (табл. 8).

Адыгские женщины носили шапочки обоих типов, митрообразная шапка встречается и на изображениях ногайских женщин. Замужняя женщина заменяла шапочку повязкой с узлом на темени, которую покрывала большой шалью или покрывалом. Авторы, описывающие адыгов, живущих по берегу Черного моря, подчеркивают, что, если девушки ходили повсюду с открытым лицом, в шапочке или даже без головного убора, то замужние женщины, выходя из дома, накидывали большое покрывало белого цвета, спускающееся очень низко, а при встрече с мужчинами прикрывали им нижнюю часть лица. Это было характерно в основном для женщин знатных фамилий и, как подчеркивали сами авторы, являлось результатом влияния мусульманской Турции [102]. Платки носили и замужние женщины простого происхождения, но не закрывали ими лицо. Девушки, судя по рисункам того времени, иногда накидывали поверх шапочки легкий платок или шарф.

Таблица 8. ЖЕНСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ (XVIII – первая половина XIX в.)

Народы	Шапочки					Платки				
	круглая	«митры»	конусообразная	стеганая круглая	курхарс	маленький завязанный	большой завязанный	накинутый, иногда закрепленный валиком или повязкой	платок с шапочкой	накосник — обмотка
Адыгейцы	+	+	+	+	–	+	+	+	+	+
Кабардинцы	+	+	+	+	–	+	+	+	+	+
Черкесы	+	+	+	+	–	+	+	+	+	+
Чеченцы	+	–	–	0	+	+	+	+	–	0
Ингуши	+	–	–	0	+	+	+	+	–	0
Карачаевцы	0	0	+	0	–	+	+	+	+	+
Балкарцы	0	0	+	0	–	–	+	+	+	+
Осетины	+	0	0	+	–	+	+	+	0	+

Дополнением головного убора являлась обмотка кос тканью, известная нам и по более поздним материалам. Полоса ткани надевалась на голову, а ее длинные концы обматывали косы и спускались до подола. Изображение этого мы видим у ряда авторов — И. Гюльденштедта, Е. Спенсера [103]. В первом случае обмотка сочеталась с головной повязкой замужней женщины, во втором—с высокой куполообразной шапочкой, которую носила девушка, при этом ткань покрывала заднюю часть шапочки и спускалась по спине, обматывая косы. Возможно, что в данном случае изображена молодуха, еще не родившая ребенка. Видимо, обмотку носили и девушки, и женщины.

Дальнейшей модификацией полушаровидной круглой или митрообразной шапки в XIX в. могли быть шапочки адыгских женщин в виде цилиндра, обтянутого галуном, с округлой верхушкой из ткани и радиально расходящимися галунами. Полоса галуна внизу шапки расширилась, тулья уменьшилась, а о дольках напоминает только радиальное расположение галуна, существовавшее ранее, впрочем, и на полушаровидных шапках.

Интересно, что известные нам у адыгских народов по археологическим материалам XIV—XV вв. конусообразные шапочки из войлока или парчи с высоким металлическим навершием (Белореченские курганы, курганы близ Пятигорска) [104], видимо, не нашли своего продолжения в головных уборах конца XVIII — начала XIX в. Но в Кабарде (реже у адыгейцев) в начале второй половины XIX в. и позднее были высокие конусообразные или с округлым верхом шапочки, имевшие металлическую

верхушку. Возможно, что кабардинцы, выделившиеся из общего адыгского массива, сохранили, хотя и в модифицированной форме, старую традицию. Об островерхих женских головных уборах, найденных в кабардинских курганах XIV—XVII вв., сообщают И. М. Мизиев и Л. Х. Нагоев [105], что служит подтверждением сохранения преемственности традиций у кабардинцев. Датировка женских шапочек с металлическими навершиями уточняется. А. Х. Нагоев относит их к XVI—XVII вв.[106]

Археологические исследования 1950—1970 гг. позволяют судить о женских головных уборах карачаевцев и балкарцев. В захоронениях могильников Курнаят и Ташлы-тала в Балкарии, Карт-Джурт в Карачае обнаружены металлические конусообразные навершия (иногда конус по низу срезан наискосок) из листового серебра или бронзы, насаженные на острокопечные шапочки из войлока или ткани [107]. На лобную часть шапочек нашиты венчики в виде металлических фигурных пластинок с орнаментом, нанесенным штампом. Венчик имеет на концах отверстия для пришивания к шапочке. Исследователи датируют упомянутые могильники довольно широко — XIV—XVIII вв. и указывают, что, по-видимому, подобные головные уборы характерны для богатых и знатных женщин. Конусообразные навершия, как мы знаем, были и у адыгских женщин, К. Кох упоминает о головном уборе адыгских женщин, сделанном из ткани, на вате, к которому спереди прикреплялась металлическая диадема [108].

Как видно из вышеизложенного, можно отметить некоторое сходство женских головных уборов адыгов с карачаевскими и балкарскими. Конусообразные металлические верхушки шапочек из адыгских курганов XIV—XV вв. при различии в деталях имеют сходство с навершиями той же формы на женских головных уборах более позднего периода в могильниках Карачая и Балкарии. К. Кох не описывает диадему, которую он видел у адыгов, поэтому нельзя сопоставить ее с диадемами карачаевских и балкарских женщин, но общее в том, что и те, и другие были прикреплены к покрывалу или мешочку, спускавшемуся на спину.

Наименее ясным для изучаемого периода представляется головной убор осетинских женщин. Ю. Клапрот пишет: «...у черкесов и осетин девушки и молодые женщины носят круглые шапки, подобно мужчинам; пожилые женщины носят набитые шерстью и покрытые полотном валики, поднимающиеся кверху и вперед, шириной в руку, с небольшим наклоном вверх. Около ушей и над шеей этот валик становится все тоньше; около шеи он не толще обычной шапки. Этот валик называется богтак. От него книзу висит большой белый платок, под которым часто заплетены волосы» [109].

Характеризуя одежду из осетинских склепов, В. Х. Тменов описывает женский головной убор: «Первый представляет собой упругий матерчатый жгут с выступающим утолщением в лобной части и завязками в тыльной, постепенно суживающейся части. К жгуту-основе пришит длинный колпак (плохо сохранившийся) на подкладке. Весь убор из полотна, подкладка более тонкая. Насколько удается определить, колпак сшит из двух клиньев» [110].

Сложный головной убор осетинских женщин изображен на рисунке 1790 г. Некоторые его черты — длинное полотнище сзади, завязка на затылке — сближают его с описанным Ю. Клапротом и обнаруженным В. Х. Тменовым. Возможно, что в нем передан бытовавший и в XIX в. в горной Осетии способ закрепления на голове накинутого платка при помощи налобной повязки, подобно тому как мы это видим на рисунке Беггрова «Кистинка».

В осетинских наземных склепах, по данным В. Х. Тменова, часто встречались женские небольшие круглые шапочки, сшитые из холста серого и белого цветов или из цветных лоскутков [111].

В коллекции Б. А. Куфтина имеется невысокая, простеганная узором шапочка, украшенная белым бисером и пластинкой из перламутра [112]. По-видимому, эти украшения играли роль оберега. Шапочки с разнообразными амулетами носили девочки-осетинки и в XIX в.

Встречались в склепах и более высокие шапки, сшитые из 3—4 клиньев шелковой ткани, иногда типа парчи.

В связи со всем вышесказанным нам представляется, что небольшие шапочки из склепов — это девичий головной убор осетинок, а описанный Ю. Клапротом и найденный В. Х. Тменовым сложный головной убор с валиком, так же как изображенный на рисунке 1790 г., принадлежали замужним женщинам и отвечали требованию скрывать волосы.

В. Х. Тменов обнаружил в склепе № 7 «Города мертвых» головной убор, «лобная часть которого украшена диадемой из тонкой медной пластины. Средняя часть диадемы несколько напоминает изображение человеческого сердца немного вытянутых очертаний (аналогичные диадемы дали и средневековые склеповые могильники XV—XVII вв.). От нее в обе стороны отходят узкие полоски. Диадема вырезана из цельной пластины, украшена зигзагообразными линиями. К тыльной стороне узора пришит маленький красный колпачок (из холстины) с острым верхом» [113]. Сходство этого головного убора с балкарскими и карачаевскими может объясняться влиянием последних. Но не исключен и другой вариант. Материалы XIX—XX вв. показывают, что женщины, выходя замуж в иноэтническую среду, иногда сохраняли свой традиционный головной убор.

Описание женского головного убора чеченцев (мисджегов, так называют чеченцев кумыки) мы находим у Ю. Клапрота. Он же приводит и его наименование — *чугул* (по объяснению информаторов, ингушское *чIугал* — хохолок у птиц, петушиный гребень). «Этот рог,— пишет Клапрот,— обычно делают из бересты; он пустой внутри, обернут платком или шелковой материей и имеет 2 дюйма ширины, около 7 дюймов высоты; загнутый конец повернут по направлению ко лбу. Основание образует небольшой венок, шириной в несколько пальцев, который приложен к темени и украшен кораллами» [114]. Такой головной убор носили замужние женщины. По описанию он совпадает с курхарсом, многократно зафиксированным у ингушей и считающимся характерным для них этническим признаком. Курхарс встречался в ингушских захоронениях начиная с XV в., упомянут в донесениях русских послов XVII в., проходив-

ших в Грузию через земли ингушей: «А жонки носят на головах, что роги вверх в поларшина» [115].

Первым обнаружил этот головной убор в наземных склепах Л. П. Семенов, работавший в горной Ингушетии в 1925—1932 гг. Он дал его описание и выяснил старинное название головного убора — курхарс. Е. И. Крупнов считает курхарс характерным головным убором женщин средневековой Ингушетии и прослеживает древние традиции этого убора на территории Северо-Восточного Кавказа. Мнение Е. И. Крупнова, что курхарс имели только богатые женщины, спорно. При сохранении характерной рогообразной формы они могли быть более простыми по отделке. Иначе вряд ли единичные курхарсы могли быть, как указано ранее, особо отмечены в статейном списке русского посольства XVII в. В. Б. Виноградов, Б. Б.-А. Абдулвахабова и Д. Ю. Чахкиев в своем исследовании опираются на значительный вещевой материал (более 40 экз.), приводят фотографии, рисунки и обширную библиографию. Авторы анализируют термин курхарс, высказывают ценные суждения о его генезисе, о связях с другими народами [116].

По семантике слово *курхарс* однозначно с приводимым Клапротом ингушским названием *чугул* (гребень у птиц). *Кур* по-ингушски «рог, хохол, вихор, чуб». Совпадение это не случайно. По-видимому, в XVIII — начале XIX в. головной убор типа курхарса носили и чеченские замужние женщины, хотя, возможно, не все. Чеченские девушки носили, по словам Ю. Клапрота, «шапки черкесов» [117]. Упоминание об этом имеется и в других источниках.

Значительный интерес представляет терминология женских головных уборов народов Северного Кавказа, в особенности замужних женщин. Приводимый Ю. Клапротом термин *богтак*, возможно, связан с осетинским *богъ* — «бык-производитель» [118]. Многие информаторы в Кабарде называли узел головного платка замужних женщин, завязываемый на темени, *бжьакъуэ* (рог) [119]. По-карачаевски такой узел называется *чох* — «гребень, чуб» [120]. Это значение близко к ингушскому *курхарс*, где *кур* обозначает «рог, чуб, хохол» [121]. Женский головной убор осетинок носит название *гопп*, обозначающее «хохол, гребень у птиц», так же как *чIугал* у ингушей [122].

В XIX в. изображения птиц встречаются на женских шапочках адыгских народов, карачаевцев, осетин, присутствуют у этих же народов в нагрудных застежках (верхняя пара). Мотив птицы особенно широко распространен в женских украшениях Дагестана — на подвесках, серьгах, головных украшениях.

Рогатые головные уборы замужних женщин встречались и у других народов, например у русских — кичка рогатая, которую также носили только замужние женщины [123]. Рога, петушиные гребни, по-видимому, связаны с древними магическими представлениями.

Наконец, головным убором женщин на Северном Кавказе были платки, завязывающиеся различными способами. Девушки надевали большой платок либо поверх шапочки, либо прямо на голову. Замужние женщины у адыгских народов, карачаевцев и балкарцев в XVIII — первой поло-

вине XIX в. закрывали волосы, повязывая небольшой платок узлом бжьакъуэ. При выходе из дома они были обязаны накидывать на голову покрывало или большую шаль, как это полагалось и позднее — во второй половине XIX — начале XX в.

Характерны платки также для осетинских, ингушских и чеченских женщин. М. Энгельгардт и Ф. Паррот пишут, что осетинские женщины «надевают на голову платок, концы которого висят по обеим сторонам лица, но они редко прикрываются им» [124]. Эта манера носить платки сохранилась в Осетии вплоть до XX в. О головном уборе ингушских женщин мы писали уже подробно. Но наряду с курхарсом в склепах часто встречались и платки, к которым иногда были пришиты типичные для ингушей височные кольца с лопастями [125]. В. И. Марковин упоминает также, что подвески с лопастями «пришивались к волосяному мешку (т. е. к мешку для волос, чухте.— *Е. С.*), в который женщины прятали косы» [126]. Это сообщение очень интересно как доказательство давности бытования чухты у вайнахов. В ингушском фольклоре в качестве головных уборов фигурируют «гурмалай» (пестрый шелковый платок). «еврейский шелковый платок» (горские евреи часто бывали торговцами вразнос. а иногда имели и свои лавки с тканями и галантереей). В ингушской народной песне встречаются слова: «На голову белое надевши, ноги красно обувши, из всех вышедших [так замуж] ты будь счастливее всех» [127]. Чеченские женщины носили на голове белые платки, а иногда и большие темные покрывала [128].

Итак, женские головные уборы народов Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX в. были весьма разнообразны по материалу и форме. В них довольно четко выражено этническое своеобразие при наличии влияний и заимствований. В отдельных случаях можно проследить развитие той или иной формы и во второй половине XIX в., в других более ранние формы исчезают бесследно (курхарс, богтак). В женских головных уборах XVIII — первой половины XIX в. нашли отражение социальные различия и степень материального благосостояния.

Весьма важным для этнографа показателем является различие между головным убором девушки и замужней женщины. Однако используемые нами источники почти не дают материалов для этих суждений. По рисункам, а тем более по археологическим источникам определить семейное положение женщины почти невозможно, но в отдельных случаях ценные сведения имеются в литературе. Один из авторов конца XVIII в. сообщает: «Девушка с замужними (у адыгов.— *Е. С.*) не имеет различия в одежде, но только головной убор их различает, ибо девушки носят шапки и по замужестве, доколе не родит, не должны снимать оную, а по рождении первого младенца в первый раз от самого рождения отец новобрачного увидит и сына своего и невестку; тут, увидясь, снимает он шапку с головы невестки и сына дарит домом, скотом и что по состоянию каждого возможно» [129]. С. Броневский отмечает, что «главный подарок. который причитается также к приданому, предоставляется до первых родин, причем отец новобрачной вручает ей повязку и покрывало, отличительный наряд замужней женщины» [130].

Смена девичьего головного убора на женский существовала и у других народов Северного Кавказа. Вплоть до конца XIX в. у карачаевцев первые роды происходили не в доме мужа, а в доме родителей новобрачной, куда она уходила за месяц — два до родов. Через один — два месяца после родов она возвращалась в дом мужа с подарками для свекра и свекрови. «Обычай этот назывался *баш байлаб къайтыу* (возвращение с повязанной головой)» [131]. Наименование обычая возвращения указывает на особое значение, которое придавали смене головного убора. Изменение головного убора после рождения первого ребенка — явление крайне архаичное. Оно отмечало фактический переход женщины в разряд матерей. В более позднее время у многих народов, в частности у русских, головной убор девушки меняли на женский после венчания или перед ним, что свидетельствует о забвении древнего смысла обряда.

О различиях головного убора осетинских девушек и женщин мы говорили много, приводя данные Ю. Клапрота [132]. У вайнахских народов в XVIII — первой половине XIX в. (а в ряде случаев и позднее) различия в формах девичьего и женского головного убора прослеживаются не так четко, но в основе всегда лежал единый принцип — волосы замужней женщины не должны быть видны.

Украшения. Рассмотрение вопроса о женских украшениях XVIII — первой половины XIX в. крайне затруднено характером источников. В описаниях путешественников о них сказано немного; на рисунках того периода рассмотреть украшения весьма трудно. Ценные данные может дать археологический материал, но он относится в основном к более раннему времени. Коррективы в полученные сведения могут внести имеющиеся в музеях украшения второй половины XIX в., а также полевые материалы и литература.

Украшения часто сохраняют традиции многовековой давности. Кроме того, наличие или отсутствие, преобладание или единичность того или иного типа украшений во второй половине XIX в. почти всегда связаны с положением, существовавшим столетием раньше.

Все известные женские украшения народов Северного Кавказа можно разделить на две группы: нашитые или прикрепленные к одежде (застежки, подвески, бляхи, пуговицы, накладки и т. п.) и надеваемые отдельно (съемные) — кольца, браслеты, ожерелья, серьги, цепочки и др. (см. табл. 9).

У адыгских народов, судя по имеющимся данным, в XVIII — первой половине XIX в. преобладали, как и в более поздний период, украшения, нашитые или прикрепленные на тот или иной вид одежды, а часто имеющие и функциональное значение (застежки на кафтанчике или платье, пряжки на поясе). Преобладание нашивных украшений над надеваемыми отдельно — давняя традиция адыгов, о чем говорят археологические материалы XIV—XVII вв.[133]

С XIV в. у адыгов известны металлические навершия разного типа на женских шапочках. Проследить и выяснить их характер по изображениям XVIII — первой половины XIX в. довольно трудно. На шапочках митрообразной формы на верху изображены какие-то шарики или

Таблица 9. ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ (XVIII – первая половина XIX в.)

Народы	Нашитые или прикрепленные								Надеваемые				
	верхушки шапочек	бляхи и венчики на шапочке	застежки нагрудные	пуговицы	бляхи нагрудные	монеты	поясные пряжки и наборы	подвески нагрудные	кольца	серьги и височные подвески	бусы	ожерелья и цепочки	браслеты
Адыгейцы	÷	+	+	+	÷	–	+	+	+	0	0	÷	0
Кабардинцы	+	0	+	+	÷	–	+	+	+	0	0	÷	0
Черкесы	+	0	+	+	0	–	+	+	+	0	0	0	0
Чеченцы	–	+	0	÷	÷	÷	+	+	+	+	÷	÷	+
Ингуши	–	+	0	+	0	0	+	÷	+	+	÷	0	0
Карачаевцы	+	+	+	+	0	0	0	+	+	+	0	0	0
Балкарцы	÷	+	+	+	0	0	0	÷	+	+	0	0	0
Осетины	0	+	+	+	0	0	+	0	+	+	+	0	0

фигурки, но разобрать их форму и материал невозможно. С XIV—XV вв. известны накладные металлические пластинки с шариком, на котором укреплялась лунница, а позднее, во второй половине XIX – начале XX в., изображение птички. Поэтому можно предполагать что-либо подобное и в промежуточный период. Подобные украшения делались из серебра и, естественно, были доступны не каждому.

Не менее длительную традицию имели застежки и пришивные подвески на одежде адыгских женщин. Авторы первой половины XIX в. (Тебу де Мариньи, И. Ф. Бларамберг, Ю. Дюбуа де Монпере, Дж. Белл., Дж. Лонгворт), описывая одежду адыгских женщин, из украшений упоминают только нашитые застежки или «аграфы», пуговицы и пряжки на поясах. При этом И. Ф. Бларамберг и Ф. Дюбуа де Монпере, говоря об искусных мастерах по обработке серебра, в числе их изделий называют пояса и перстни [134].

Как в XIV—XVI, так и в XIX в. адыгские женщины носили на шее цепочки с подвесками – амулетами [135]. Можно предполагать их наличие и в XVIII – первой половине XIX в. Интересно, что в описаниях и в изображениях мы редко встречаемся с бусами.

По карачаевцам и балкарцам мы имеем сведения только археологические, относящиеся к XVI—XVIII вв. (раскопки Х. Х. Биджиева, И. М. Шаманова, И. М. Мизиева). Кроме ранее описанных накладок-диадем и наверший на головных уборах, упоминаются пуговицы и бубенчики, застежки и пряжки, нашивавшиеся на одежду. Из отдельно надеваемых – серьги, подвески и перстни, а для более раннего периода (XIV в.) и бусы из пасты с глазками [136].

Но чем дальше мы двигаемся к востоку, тем число украшений возрастает.

В Осетии, судя по инвентарю наземных склепов, женщины носили фигурные поясные пряжки, нагрудные застежки. Они отвечали как практической необходимости, так и несомненно были украшением костюма. У осетин преобладали отдельно надеваемые (съемные) украшения — серьги, кольца, перстни. Серебряные и медные перстни иногда имели вставки из камней и стекловидной пасты. Серьги, и серебряные, и бронзовые, чаще всего подтреугольной формы, с подвесками, а также шарообразные, были у многих женщин. Встречались немногочисленные, но очень разнообразные по форме и материалу бусы [137]. В. Х. Тменов, исходя из незначительного количества бус, делает вывод о том, что их носили немногие осетинки. Но надо напомнить, что бусы даже там, где их не носили в качестве украшений, использовались как амулеты. В таких случаях их пришивали к одежде или надевали под нее на нитке (на которой могло быть всего 2—3 бусины).

Весь упоминаемый нами ассортимент осетинских украшений известен по материалам из склепов, а датировка их весьма растяжима, по крайней мере от XVI до начала XIX в. Выделить украшения более позднего периода XVIII — первой половины XIX в. трудно. Но несомненно, что осетинки носили больше украшений типа колец и особенно серег, чем женщины адыгских народов. В. Х. Тменов также отмечает, что осетинские серьги отличны по форме от ингушских и их можно считать микролокальным видом украшений.

Еще в большей степени украшения были присущи чеченкам. В источнике 1809 г. упоминается верхнее платье с серебряными пуговицами в два ряда, а из отдельно надеваемых украшений — серьги и «серебряный ошейник, на котором висят большие монеты, особенно рубли, производящие большой звон при каждом их движении» [138]. Подобное украшение в виде ошейника с монетами имеется в ГМЭ [139], и относится к дидойцам.

Проникновение к чеченцам украшений из соседнего Дагестана или влияние дагестанских мастеров на местных вполне реально.

Русский офицер Л. Екельн, подробно описывая нарядный костюм чеченской девушки, отмечает, что ее верхнее распашное платье унизано застежками и рядами «желудей» из серебра [140]. Грушевидные или в виде желудей пуговицы-подвески в XIX в. часто нашивались по сторонам застежек как в Чечне, так и у кабардинцев. Подвески такого типа были распространены в Дагестане, а также в Закавказье. Л. Екельн упоминает также браслеты на обеих руках, серьги, кольца с висящими шариками, несколько рядов цепочек, лежащих на груди, т. е. целый набор отдельно надеваемых украшений. О разных украшениях, носимых на шее чеченками, говорит и Д. А. Милютин (1840-е годы), он показывает их на своем рисунке. На этом же рисунке на груди девушки по обеим сторонам видны также выпуклые круглые бляхи [141]. Такого рода бляхи, расположенные у плечей, бытовали и у адыгских народов во второй половине XIX в.

В работе В. И. Марковина опубликована чеченская надгробная каменная стела, схематически изображающая женскую фигуру. На ней весьма

четко видны серьги или височные подвески, бляхи по сторонам груди и 13 пар нагрудных застежек. Памятник относится к XIX в.[142]

Наиболее богато представлены, в частности по данным склепов, женские украшения ингушей. Исследователи перечисляют найденные в склепах серебряные, золотые и медные серьги и височные подвески; золотые, серебряные и медные кольца, бляхи для головных уборов (курхарс), пуговицы-бубенчики, фигурные подвески, бронзовые нашивки. Иногда на руках надето по нескольку колец и перстней. Наконец, на шее часто встречаются нитки самых разнообразных бус — из стекла, цветной пасты и сердолика.

Е. И. Крупнов[143] датирует наземные склепы XVI—XVII вв., но указывает, что захоронения в них производили даже в начале XIX в. Л. П. Семенов называет более широкую дату — XIV—XVIII вв., но упоминает, что некоторые формы украшений и одежды существовали до XIX в.[144] Последнее, в частности, относится к некоторым видам серег.

Е. И. Крупнов особое внимание уделяет височным кольцам, которые прикреплялись к волосам, пришивались к головному платку, а иногда вдевались в уши. Многие из височных колец имели выступы-лопасти, чаще всего восемь, иногда семь или шесть. Автор считает, что подобные украшения, известные в небольшом числе также в Чечне и Дагестане, «можно считать этническим признаком и приписывать населению определенного района, в частности горной Ингушетии»[145]. По его мнению, прототипы их могли быть занесены из более южных областей Кавказа и связаны с арабской культурой, но уже в средневековье их производство, по-видимому, было освоено ингушскими мастерами.

Приведенные материалы показывают богатство и разнообразие украшений на Северо-Восточном Кавказе. У чеченцев и ингушей появляются специфические местные формы, не встречающиеся ни у осетин, ни далее на запад.

В украшениях народов Северного Кавказа прослеживаются устойчивые традиции, различные для западной, центральной и восточной части региона. Вместе с тем отдельные формы украшений (застежки, нагрудные бляхи, поясные пряжки) близки у всех народов, что свидетельствует как об общности культуры, так и о влиянии одного народа на другой. Иногда эти влияния выходят за границы исследуемых нами народов; в частности, женские украшения Ингушетии и Чечни во многом смыкаются с украшениями народов Дагестана.

Рассмотренные нами материалы по одежде народов Северного Кавказа XVIII — первой половины XIX в. позволяют сделать некоторые выводы. К этому периоду в основном сложились все основные элементы одежды, бытовавшие вплоть до XX в. В значительной степени это относится и к составу костюма в целом (в особенности мужского).

Дальнейшее развитие в большинстве случаев касается лишь деталей — покроя рукавов, оформления ворота и т. п., отделки, украшений.

Покрой остается наиболее постоянным, и инновации в этой области, характерные главным образом для женской одежды, наблюдаются лишь с конца XIX в.

Для периода XVIII — первая половина XIX в. характерны общие черты в мужской и женской одежде, сложившиеся, видимо, в более ранний период. В дальнейшем сходство ослабевает. Особенно ярко это прослеживается на головных уборах. В этот период наблюдается и большое сходство в одежде разных народов. В мужском костюме различия выражаются в деталях наплечной одежды, способах застегивания, отчасти в головных уборах. В женской одежде специфика имеется в составе костюма, в той роли, которую играют некоторые ее элементы (рубаха, кафтанчик, платье).

Более ярко выражены различия в женских головных уборах и украшениях (особенно у осетин и вайнахских народов).

[1] О бурках такого типа писал еще Дж. Интериано в XVI в. См.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 48.

[2] *Pallas P. S.* Observation faites dans un voyages entrepris dans les gouvernement meridionaux de l'empire de Russie dans les années 1793 et 1794. V. 1. Leipzig. 1799. Tabl. 19.

[3] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 335.

[4] *Малия Е. М., Акаба Л. Х.* Одежда и жилище абхазов (материалы для историко-этнографического атласа Грузии). Тбилиси, 1982. С. 17.

[5] *Далгат Б.* Материалы по обычному праву ингушей // ИИНИИК. 1930. Вып. 2. С. 359.

[6] Народы, живущие между Каспийским и Черным морями. Ингуши. Рис. С. Бегрова. СПб., 1822.

[7] *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 404; *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев С. 111.

[8] *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. С. 241.

[9] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 138, 370, 615.

[10] *Spencer Ed.* Travels in Circassia in 1836. London, 1837. T. 1. P. 250.

[11] Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 36.

[12] *Тменов В. Х.* «Город мертвых». С. 122.

[13] *Мамукаев Т. Б.* К этнографии и антропологии «Города мертвых». С. 95.

[14] ГМЭ, № 14759 Т.

[15] Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 193.

[16] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. С. 51, 108.

[17] ЧИРКМ, № 0С4198.

[18] ЧИРКМ, 0С4306.

[19] Les peuples de la Russie. Paris, 1813. V. II. Fig. 13.

[20] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 362, 442.

[21] *Каламбий.* На холме. Из записок черкеса. С. 320–321.

[22] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 295, 335, 362, 441, 545, 579, 600. О стеганых рубахах узбеков, надевавшихся под кольчугу и носивших название *джубба* (броня, латы), см.: *Задыхина К. Л., Сазонова М. В.* Мужская одежда узбеков Хорезма конца XIX – начала XX в.// Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 153. В русском языке такая одежда называлась тегиляй. См.: *Савваитов П.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896. С. 144. У народов аварской группы Дагестана терминами *тегеле, тигиля,*

тенгела называют бешмет. См.: *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана. М., 1981. С. 38.

[23] *Мамукаев Т. Б.* К этнографии и антропологии... С. 106.

[24] *Семенов Л. П.* Археологические разыскания в Северной Осетии... С. 78.

[25] В. Х. Тменов также отмечает, что с покойником клали иногда 3—5 комплектов одежды. Он считает это явление «влиянием тюркоязычных элементов на осетинскую культуру». (*Тменов В. Х.* «Город мертвых». С. 54); мы с этим не можем согласиться и выдвигаем другое объяснение.

[26] См.: *Тменов В. Х.* «Город мертвых». С. 23.

[27] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 49, 75, 295, 362, 441—442, 531.

[28] *Мамукаев Т. Б.* К этнографии и антропологии... С. 99. Рис. 1.

[29] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 75, 210, 295, 442.

[30] Там же. С. 64, 75, 295, 335.

[31] Там же. С. 362, 600.

[32] *Семенов Л. П.* Археологические разыскания в Северной Осетии. С. 80; см. также: *Тменов В. Х.* «Город мертвых». С. 118—119.

[33] Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 158; См. также: *Мамукаев Т. Б.* К этнографии и антропологии... Рис. на с. 99.

[34] *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник. С. 125.

[35] *Мамукаев Т. Б.* К этнографии и антропологии... С. 99.

[36] *Тменов В. Х.* «Город мертвых». С. 118.

[37] *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Пятигорского округа. Табл. V.

[38] Осетины глазами русских... С. 36, 193.

[39] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии. С. 51.

[40] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 210, 442, 532.

[41] Осетины глазами русских... С. 157.

[42] *Тменов В. Х.* «Город мертвых». С. 126; см. также: *Семенов Л. П.* Археолсгические разыскания в Северной Осетии. С. 75; *Он же.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии. С. 51.

[43] *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. С. 94—95.

[44] *Даутова Р. А.* Исследование средневековых памятников в горной Чечне // АО 1976. М., 1977. С. 95.

[45] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 75.

[46] *Тменов В. Х.* «Город мертвых»... С. 120.

[47] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 335, 362.

[48] Там же. С. 295, 532.

[49] *Вахушти.* География Грузии // ЗКОРГО. 1904. Кн. XXIV. Вып. 5. С. 140.

[50] *Мамукаев Т. Б.* К этнографии и антропологии... С. 96, 106, 107.

[51] Народы, живущие между Каспийским и Черным морями... Кистин.

[52] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 251.

[53] Там же. С. 548, 600.

[54] Там же. С. 49, 295, 602.

[55] Les peuples de la Russie... V. II. P. 11.

[56] *Милютин Д. А.* Заметки о племенах кавказских. Чечня // ОРГБЛ. Ф. 169. Оп. 81. Д. 7. Л. 25, об.

[57] *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 168.

[58] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 251—252; см. также: Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 145—146.

[59] Осетины глазами русских... С. 72, 97—98.

[60] *Милютин Д. А.* Заметки о племенах кавказских. Кабарда // ОРГБЛ. Ф. 169. Оп. 81. Д. 5. Л. 8 об., 9 об.

[61] О вышитых полукафтаньях упоминает автор первой половины XIX в. Хан-Гирей (см. с. 242).

[62] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. М., 1957. Т. 1. С. 10, 173, 260, 290 и др.

[63] *Олеарий Адам.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. М., 1870. С. 461.

[64] Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 46.
[65] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 101, 117.
[66] Там же. С. 249.
[67] Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 193, 273; см. также: *Вахушти.* География Грузии. С. 68.
[68] *Мамукаев Т. Б.* К этнографии и антропологии... С. 108. Рис. 14.
[69] ГМЭ, № 33467т
[70] *Далгат Б.* Материалы по обычному праву ингушей. С. 329.
[71] *Вахушти.* География Грузии. С. 80; см. также: Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 273.
[72] ГМЭ, № 33469т, 33470т.
[73] Les peuples de la Russie. V. II. Текст о чеченцах. Пагинации нет.
[74] ГМЭ, № 20006-91$_{1,2}$; 14781т$_{1,2}$; Музей Грузии. 24-14/7.
[75] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 364–365; см. также: Осетины глазами русских и иностранных путешественников, С. 163.
[76] Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936. С. 406.
[77] Там же. С. 375.
[78] *Аджинджал И. Л.* Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. С. 361.
[79] *Güldenstedt I.-A.* Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. SPb., 1787. Tabl. X.
[80] *Биджиев Х. Х.* Могильник Карт-Джурт. С. 9. Рис. 4.
[81] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 602.
[82] *Лёвашева В. П.* Белореченские курганы... С. 138, 190. Рис. 6.
[83] ГМЭ, № 33471т; 33474т; 33475т; 33477т.
[84] Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 36.
[85] ГМЭ, № 14792т.
[86] *Мамукаев Т. Б.* К этнографии и антропологии... С. 108, рис. 100.
[87] *Екельн Л.* Из записок русского, бывшего в плену у черкесов (чеченцев.– *Е. С.*) // 03.1841. Т. XIX. № 11–12. С. 94; Журнал путешествий по земле донских казаков // Северный архив. 1824. № 12. С. 262.
[88] ГМЭ, № 33472т.
[89] *Левашева В. П.* Белореченские курганы. С. 138, 190. Рис. 6.
[90] *Нагоев А. Х.* Материальная культура кабардинцев... С. 65.
[91] *Марковин В. И.* Чеченские средневековые памятники. С. 251.
[92] Atlas on collection de 43 costumes persans, militer et civil. Dessines par A. Orloskj. pour armer les voyagen Pers, fait pendans les années 1812 et 1813, par Gaspard Drouvilles. St. Peterbourg, 1823. Tabl. 10. Под таблицей надпись: Dama Circassiene en costum national dessine par M. Swebach.
[93] ЧИРКМ. № 0С4303.
[94] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 249.
[95] Обозрение российских владений за Кавказом. СПб., 1836. Ч. 2. С. 204.
[96] *Беляев С.* Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев // Библиотека для чтения, 1848. № 88–89. С. 27.
[97] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 309, 364, 443, 540.
[98] *Мамукаев Т. Б.* К этнографии и антропологии... С. 100, 108; *Тменов В. Х.* «Город мертвых». С. 126, 129. Рис. 27.
[99] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии. С. 51–52; *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. С. 94; *Милютин Д. А.* Заметки о племенах кавказских. Чечня. Л. 26.
[100] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 364, 540.
[101] *Мамукаев Т. Б.* К этнографии и антропологии... С. 102. Рис. 1–6.
[102] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 64, 364, 475, 503, 540–541.
[103] *Spencer Ed.* Travels in Circassia in 1836.
[104] *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Пятигорского округа. С. 44. Табл. IV. Рис. 1; *Левашова В. П.* Белореченские курганы. С. 188. Рис. 6.
[105] *Мизиев И. М., Нагоев А. Х.* Раскопки кабардинских курганов С. 133.
[106] *Нагоев А. Х.* Материальная культура кабардинцев. С. 22. Рис. 16.

[107] *Мизиев И. М.* Могильник у села Карт-Джурт в Карачаево-Черкесии. С. 128; *Он же.* Могильник Курнаят в Кабардино-Балкарии. С. 126; *Биджиев Х. Х.* Археологические раскопки в Горном Карачае. С. 127–128; *Биджиев Х. Х., Шаманов И. М.* Раскопки в Карачае. С. 192; *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. С. 68–69.

[108] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 602.

[109] Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 161.

[110] *Тменов В. Х.* «Город мертвых». С. 120.

[111] Там же. С. 120.

[112] ГМЭ, № 33481т, 33479т.

[113] *Тменов В. Х.* «Город мертвых». С. 120.

[114] Осетины глазами русских... С. 161.

[115] См.: *Волкова Н. Г.* Этнический состав... С. 148; Курхарс имеется в коллекциях музеев: ГМЭ, № 6191–11; ЧИРКМ, № 0С4302.

[116] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии. С. 17–18; *Он же.* Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал // ИЧИНИИ. 1960. Вып. 1. Т. 2. С. 53; *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. С. 94, 165; *Виноградов В. Б., Абдулвахабова Б. Б.-А., Чахкиев Д. Ю.* «Солнечный гребень» ингушских женщин.

[117] Осетины глазами русских... С. 162.

[118] Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1970. С. 173, 402.

[119] Кабардино-русский словарь. М., 1957. С. 29; Русско-адыгейский словарь. М., 1960. С. 799.

[120] Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965. С. 125; см. также: *Отаров И. М.* Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1978. С. 39.

[121] *Оздоев И. А.* Русско-ингушский словарь. М., 1980.

[122] Осетинско-русский словарь. С. 196; *Оздоев И. А.* Русско-ингушский словарь. С. 134.

[123] *Зеленин Д. К.* Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia. 1926, V, № 2; *Гаген-Торн Н. И.* Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5–6. С. 76–88; *Лебедева Н. И., Маслова Г. С.* Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в.// Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 227–229.

[124] Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 193–194.

[125] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии. С. 108, 111.

[126] *Марковин В. И.* В стране вайнахов. М., 1969. С. 17.

[127] *Далгат Б.* Материалы по обычному праву ингушей. С. 330.

[128] Журнал путешествия по земле донских казаков. С. 262–263; *Екельн Л.* Из записок русского... С. 24; *Гриценко Н. П.* Современники середины XIX в. о Чечне и чеченцах // АЭС. 1968. Т. 2. С. 299.

[129] Описание горских народов. Курск, 1794. Согласно исследованию М. О. Косвена, это сочинение принадлежит П. С. Потемкину. См.: *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. 1. М., 1955. С. 282. См. публикацию рукописи П. С. Потемкина: Описание кабардинского народа, составленное в 1784 г. П. С. Потемкиным // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1956. Вып. 5. С. 145.

[130] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. 2. С. 125.

[131] *Шаманов И. М.* Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением ребенка (XIX – начало XX в.) // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980. С. 81.

[132] Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 161.

[133] Очерки истории Адыгеи. Майкоп. 1957. Т. 1. С. 111, 113–114.

[134] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 309, 364, 391, 443, 454, 503, 540.

[135] *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Пятигорского округа. С. 44. Табл. IV; *Левашева В. П.* Белореченские курганы. С. 203–207, Рис. 12.

[136] Наиболее полная характеристика украшений женского костюма балкарцев и карачаевцев дана в книге: *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. С. 71–75.
[137] *Тменов В. Х.* «Город мертвых». С. 128–129; *Семенов Л. П.* Археологические разыскания в Северной Осетии. С. 23, 78–80.
[138] Журнал путешествия по земле донских казаков... С. 262.
[139] ГМЭ. № 1896–269.
[140] *Екельн Л.* Из записок русского офицера... С. 94.
[141] *Милютин Д. И.* Заметки о племенах кавказских. Чечня. Л. 21.
[142] *Марковин В. И.* В ущельях Аргуна и Фортанги. С. 121. Рис. 2.
[143] *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. С. 93–103; *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура Горной Ингушетии. С. 72, 74.
[144] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии. С. 108–111.
[145] *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. С. 102–103.

ОДЕЖДА
конца XIX — начала XX в.

Мужская одежда

Нательная одежда: рубаха, бешмет. Рубаха в прошлом входила в комплекс мужского костюма. У всех народов Северного Кавказа имеется собственный, незаимствованный термин для ее наименования, одинаковый как для мужской, так и для женской одежды. Однако выяснить наличие и функции, а главное — степень распространения рубахи у конкретных народов не всегда представляется возможным, так как имеющиеся об этом свидетельства противоречивы. По рассказам большинства информаторов, основной нательной одеждой был бешмет, а рубаху под него надевали только богатые [1]. В то же время рубаха, особенно у чеченцев, ингушей, осетин-горцев, могла играть роль и такой одежды, на которую непосредственно надевали даже шубу (рис. 7).

По материалу мужские рубахи были разнообразны: овчинные, суконные, из холста, хлопчатобумажных тканей. Овчинные рубахи во второй половине XIX в. встречаются изредка, чаще всего у пастухов в Чечне, Ингушетии, Балкарии и Карачае. У последних сохранилось название *тёри кёлек* (рубаха из шкуры). Овчинные рубахи, притом не только мужские, но и женские, существовали в соседнем Дагестане вплоть до начала XX в.[2] Рубахи шили из сукна домашней выработки. По-балкарски суконную рубаху называли *чепкен-кёлек*. Овчинные и суконные рубахи с бешметами не носили, так как они заменяли его.

Основным материалом для рубах во второй половине и особенно в конце XIX — начале XX в. были холст, полотно, бязь, позднее ситец, сатин. Эти ткани привозили из России, отчасти Закавказья русские, грузинские и армянские купцы, которые вели разъездную, чаще всего меновую торговлю. В последние годы XIX в. в крупных селениях появляются мелкие лавки, иногда содержавшиеся представителями местного населения. Ткани из конопли в весьма ограниченном количестве, по полевым данным, выделывали адыгейцы. Рубахи из холста они надевали во время полевых работ от жары, шили из этой прочной ткани одежду детям.

По покрою можно выделить два типа нательных рубах: 1) рубаха туникообразная с перекидным плечом, прямыми рукавами с ластовицами, с клиньями в боках, на груди посредине разрез, застежка у ворота на одну пуговицу; 2) рубаха со вшивным плечом и выкройной проймой. Второй тип постепенно сменял первый, но длительный период они сосуществовали. Туникообразная рубаха сохранилась у старшего поколения и в XX в., когда нательную рубаху стали воспринимать как белье (рис. 8).

Р и с. 7. Мужская одежда, оружие и прически. XIX в.
осетины с кинжалом, шашкой и с ружьем в чехле;

Кроме рубахи, нательной одеждой являлся бешмет, устойчиво сохранявший особенности своего покроя. На карте мы отмечаем: бешмет легкий на подкладке или без нее. Термин *бешмет* широко вошел в русскую научную и художественную литературу и разговорную практику [3]. Слово это тюркское, но оно не встречается в языках тюркских народов, живущих на Кавказе. Видимо, проникло оно в русский язык давно от тюрков-кочевников или позднее от одного из оседлых тюркских народов, возможно, казанских татар [4]. В качестве названия мужской одежды народов Северного Кавказа этот термин привился настолько прочно, что мы будем им пользоваться и в дальнейшем изложении.

Надо отметить, что почти у всех народов Северного Кавказа для бешмета применяется другой термин, также тюркского происхождения. У карачаевцев, балкарцев, ногайцев бешмет называется *къаптал* [5], у кабардинцев — *къэптал*, адыгейцев — *къэптан*, у чеченцев и ингушей *гIовтал* и только осетины называют его *куырӕт*. Это иранское наименование, имеющее близкие аналогии у ряда народов различного происхождения, среди них В. И. Абаев называет таджиков, туркмен, узбеков, лезгин,

Рис. 7 (продолжение)

кабардинец с кинжалом, шашкой и пистолетом; ингуш-старик с длинной бородой;

лакцев[6]. Мы можем добавить еще азербайджанцев и армян. Однако у всех этих народов аналогичное слово употреблялось применительно к одежде другого покроя и назначения, чем северокавказский бешмет. Для этнографа важно сопоставление не только термина, но и самого предмета.

По покрою бешметы одинаковы у всех народов Северного Кавказа. Это распашная одежда с высоким стоячим воротником и застежкой спереди посередине до талии. Верхняя часть бешмета туго обхватывает фигуру, а от талии вниз он расширяется путем особой системы клиньев. Спинка кроится из цельного куска, постепенно суженного к талии. По линии талии она подрезается от боков к середине, где оставляют цельнокроенный участок не шире 4—5 см, расширяющийся к подолу до значительной ширины. По этому же принципу кроится передок, имеющий разраз посередине на всю длину. Подрез по талии спереди делали меньше, чем на спине. В бока вшивали клинья, состоящие из двух или более частей. На талии при этом образовывалось утолщение, поддерживающее от сползания ременной пояс. Внизу в боковых швах оставлены разрезы.

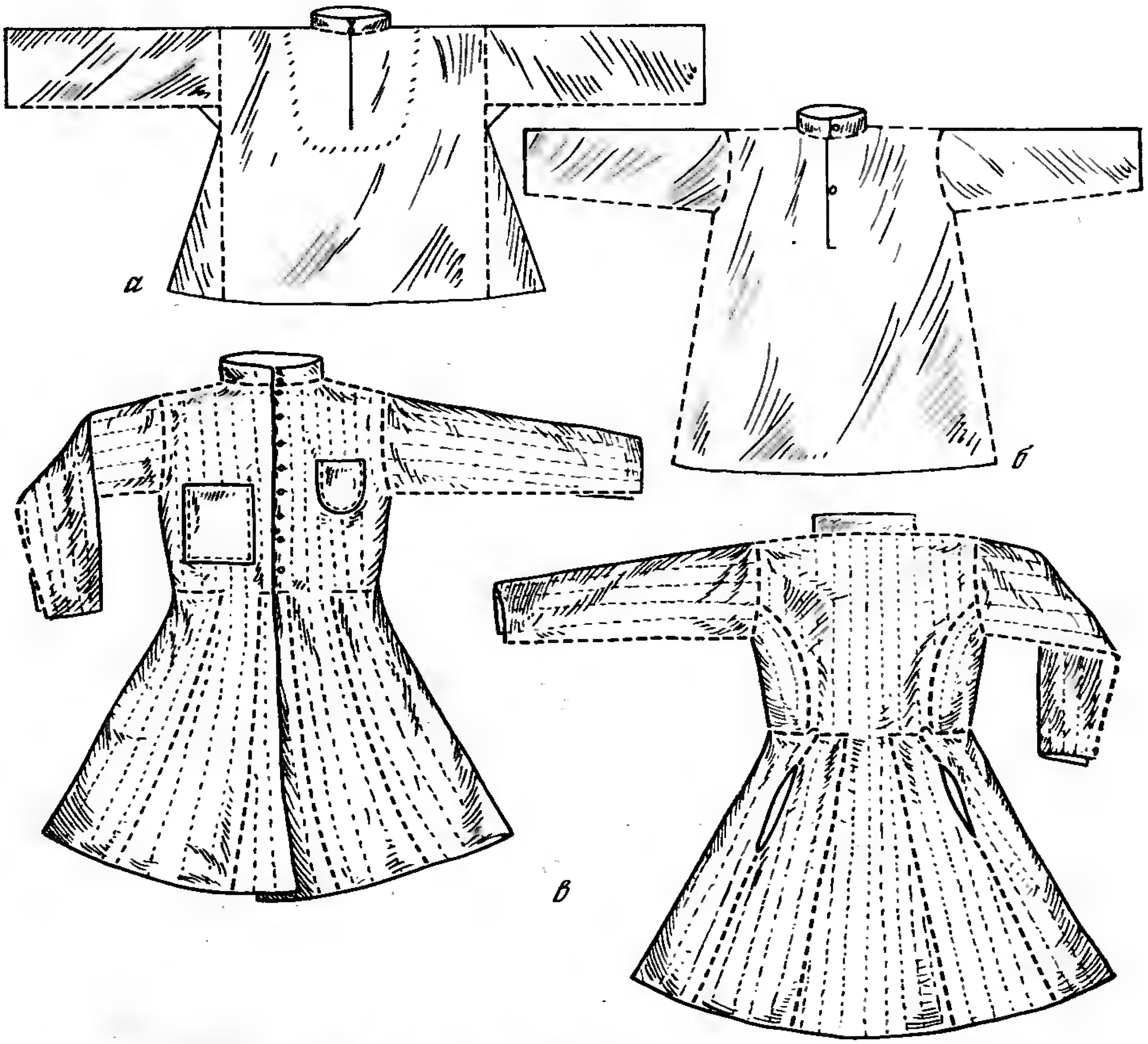
Р и с. 7 (окончание)

ногаец с короткой стрижкой и абазинец с бритой головой и бородой

К передним полам бешмета от талии или немного ниже пришивали узкие клинья, обеспечивающие запáх.

Довольно сложный покрой, описанный выше, сочетается с перекидным плечом и вшиванием по прямой линии рукава, что обычно характерно для древних форм туникообразной одежды. Перед и спинка кроятся одновременно из одной полосы ткани по продольной нити. Рукава также кроят по продольной нити. При этом, если ткань полосатая, то полоски ложатся поперек рукава. Рукав обычно пришивали по прямой линии или чуть-чуть прикроенной пройме. Его делали средней ширины длиной до кисти. Длина бешмета была различной: он был выше колен или немного ниже. Длинные бешметы носили чаще старики.

Особо следует остановиться на застежке. По бортам от ворота до талии пришивали тонкий шнурок, на котором предварительно на некотором расстоянии друг от друга вывязывали особые узелки, игравшие роль пуговиц. Этим шнурком обшивали правый борт бешмета. Узелки-пуговицы шли по самому краю. По левому борту из такого же тонкого шнура ручной работы делались петли. На груди борта сходились встык



Р и с. 8. Мужская плечевая нательная одежда. Конец XIX — начало XX в.

***а* — рубаха тунпкообразная, *б* — рубаха со швом на плече и выкройной проймой; *в* — бешмет легкий на подкладке**

без запáха. В другом варианте шнурок с петлями пришивали с изнанки, отступя от левого борта на 1—2 см. Петли через специально сделанные дырочки пропускали на лицевую сторону. Пуговицы и петельки могли пришиваться и по отдельности по лицевой стороне, но это считалось более грубой работой. При застегивании борт с пуговками находил на борт с петельками. Иногда для большей прочности и плотности застежку делали двойной, т. е. потайную и наружную. Пуговки-узелки были настолько мелкими, что застегивание их требовало большой ловкости. У осетин существовал обычай проверять умение молодой жены быстро застегнуть пуговицы на бешмете мужа. В начале XX в. начали делать потайную застежку из фабричных металлических крючков и петель. Иногда она дублировала традиционную на пуговицах и узелках [7].

Нижняя часть рукава бешмета также застегивалась на шнурковые петли и пуговки. Около кисти прямого, без разреза, рукава на расстоянии 6—9 см друг от друга пришивали пуговки и петли по косым линиям, сходящимся вверху. При застегивании рукав складывался складкой и тем самым сужался книзу. Если на рукаве делали разрез, то по одному краю его пришивали шнурок с пуговицами, а по другому по косой линии пришивали петли. При застегивании получался тот же результат. Наконец, существовал третий вариант, когда обе стороны разреза были скошены, а пуговки и петли шли по краям. Такого рода застежку позднее иногда делали на рукавах «кавказских рубашек», а также женских платьев.

Мы так подробно останавливаемся на этих мелочах потому, что при нахождении аналогий вне Кавказа они могут дать ключ к вопросам происхождения данных форм одежды и приоткрыть пути культурно-исторических и этнических связей.

Обязательный для бешмета XIX—XX вв. высокий воротник обычно простегивался в несколько рядов (иногда узорно), что обеспечивало ему прочность и несминаемость. В ряде случаев на груди делали накладные карманы, чаще с одной (левой) стороны груди. В большой карман порой вшивали второй, маленький, слегка выступавший над краем первого. Он предназначался для часов.

Бешмет обычно шили на подкладке, точно повторявшей его покрой. Для более прочного соединения верха с подкладкой спинку бешмета иногда прошивали несколькими строчками.

Стеганые на тонком слое шерсти или ваты бешметы имели тот же покрой, что и бешметы легкие, но обычно их делали длиннее.

В начале XX в. и позднее бешметы изредка шили отрезными по талии, сохраняя ту же систему клиньев.

Бешмет сочетал в себе функции нательной и верхней домашней или рабочей одежды. Рубашка при бешмете не была обязательна. В бешмете находились дома, надевали во время работы в лесу, на кошах, в поле, ходили по селению. В некоторых случаях он мог считаться и выходной одеждой, тогда его носили подпоясанным ремнем с кинжалом. Это чаще встречалось у чеченцев и ингушей. Но более приличным считалось в качестве выходной одежды надевать на бешмет черкеску. Особенно это было принято у адыгских народов, плоскостных осетин, а также карачаевцев и балкарцев. Носить черкеску без бешмета не полагалось, хотя в отдельных случаях это правило нарушалось. Непосредственно на бешмет можно было надеть и шубу. В целом бешмет как повседневная и парадная одежда был широко распространен, однако его имели не все крестьяне. Иногда его имитировали своеобразной «манишкой», состоящей из воротника и части передка с застежкой [8].

Разнообразное использование бешмета объясняет и применение той или иной ткани. Рабочий бешмет могли сшить и из домотканого сукна. Но, вероятно, именно потому, что он часто был нательной одеждой, его по возможности старались делать из холста, бязи, а богатые люди — из шелковых или полушелковых тканей. Почти всегда бешмет, особенно

его верхнюю часть, делали на подкладке. Во второй половине XIX — начале XX в. бешметы шили из фабричных тканей — сатина, ластика, «чертовой кожи», ситца, атласа, репса, и также шерстяного кашемира.

Бешмет бывал различным по цвету, иногда довольно ярким (оранжевый, ярко-синий, зеленый и др.). Шили его также из полосатой или клетчатой материи. Но считалось, что под парадную черную или темных цветов черкеску надо надевать белый бешмет, а под светлую — темный.

По поводу происхождения бешмета существуют разные мнения. Б. А. Калоев находит в нем сходство со скифскими кафтанами (чертомлыцкая ваза, войлочный ковер из Пятого Пазырыкского кургана), а также с аланской одеждой (из Змейского могильника). Он считает, что эта одежда с древности характерна для ираноязычных предков осетин [9]. О древности бешмета для осетин пишет и А. Х. Магометов [10] (карта 1).

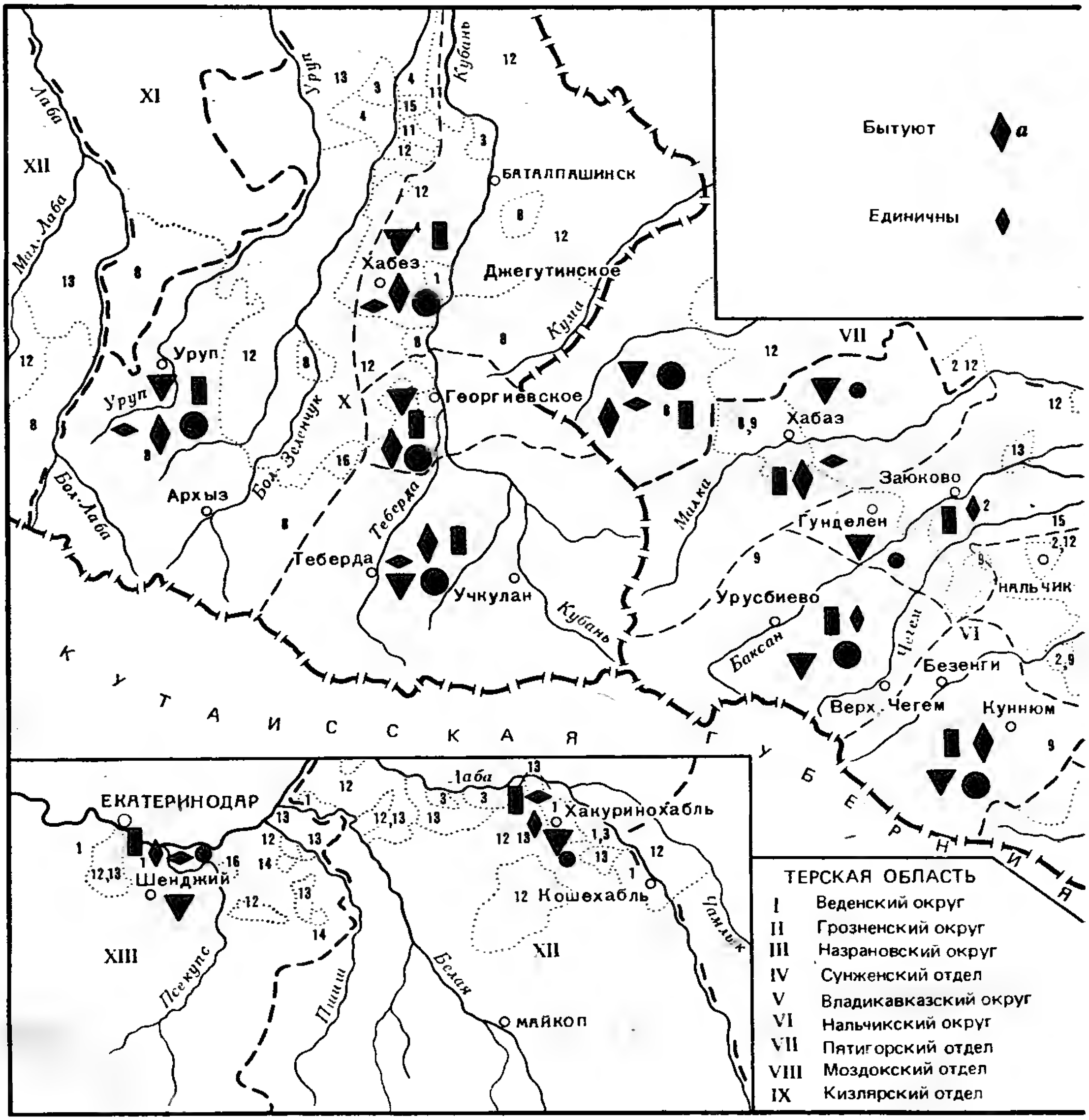
С мнением о глубокой древности этого типа одежды можно согласиться, но она была известна не только скифам и аланам. Анализируя одежду половцев по «каменным бабам», С. А. Плетнева указывает, что они носили кафтан, плотно охватывавший верхнюю часть тела и имевший длинные узкие рукава [11].

Такого же типа одежду в период средневековья носили, как мы уже знаем, и адыгские, и вайнахские народы. Видимо, в этот период, как и в более раннее время, тип одежды определялся не столько этнической спецификой, сколько образом жизни. Народы, быт которых был связан с верховой ездой, охотой, скотоводством, могли выработать в одежде общие черты, стремясь сделать ее более удобной. Для выяснения происхождения бешмета крайне важно было бы сопоставить в ранних его формах не только покрой, но и те специфические «мелочи» отделки, системы застегивания, о которых уже упоминалось.

Бешмет, так же как и черкеска, широко бытовал у казаков Северного Кавказа [12].

Штаны. В XIX в. штаны надевали непосредственно на тело. Понятие нижних или «внутренних» штанов появилось позднее, в самом конце XIX — начале XX в. По покрою верхние и нижние штаны не отличались. Все они делались на вздежке без разреза спереди. На карте представлены три типа штанов.

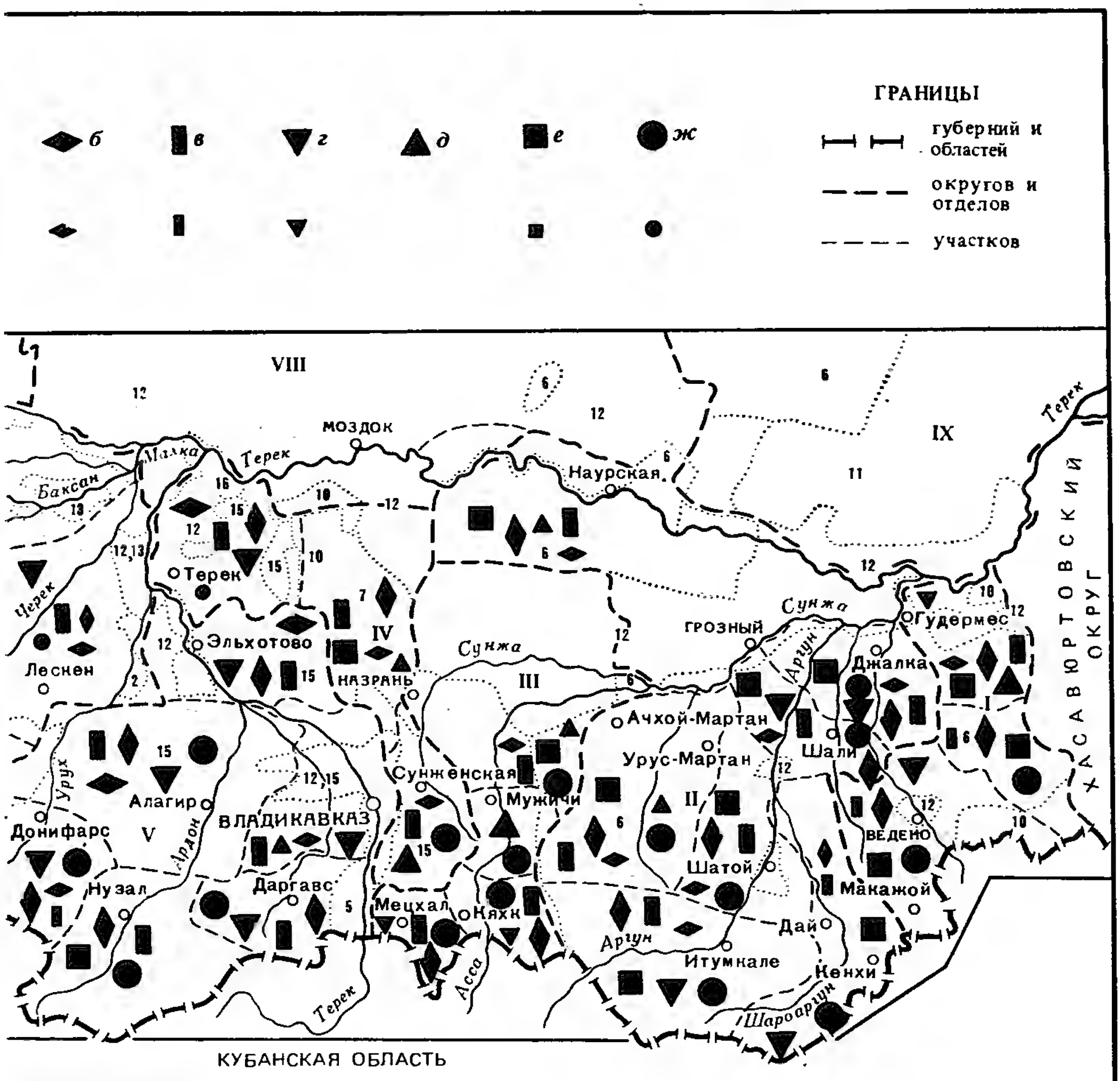
1. Штаны с широким шагом. Штанины делали из прямого куска материи со швами с внутренней стороны, они были равные по ширине сверху донизу или иногда суженные книзу, со штрипками. Между штанинами вставляли большой ромбовидный клин из целого куска ткани или составной. Он доходил до надставки — обшивки верхнего края для вздежки. При растягивании штанин в стороны по низу получалась почти прямая линия, достигающая иногда 90 см. Такие штаны были очень удобны для езды верхом и не стесняли свободу движений при ходьбе, лазании, перепрыгивании через ручьи и другие препятствия. Штрипки, пришивавшиеся к низу штанин, были необходимы для удержания их при натягивании ноговиц и надевании обуви. Этот тип штанов имел наибольшее распространение у адыгских народов, карачаевцев, балкарцев,



Карта 1. Мужская нательная одежда. Конец XIX — начало XX в.

Рубахи: *а* — туникообразная, *б* — со швом на плече и выкройной проймой; *в* — бешмет (легкий на подкладке). Штаны: *г* — из ткани с широким шагом с ромбовидным клином; *д* — из ткани с узким шагом с клиньями; *е* — из ткани с узким шагом без клиньев; *ж* — из овчины с широким шагом

На всех картах: 1 — адыгейцы, 2 — кабардинцы, 3 — черкесы, 4 — абазины, 5 — грузины, 6 — чеченцы, 7 — ингуши, 8 — карачаевцы, 9 — балкарцы, 10 — кумыки, 11 — ногайцы, 12 — русские, 13 — украинцы, 14 — армяне, 15 — осетины, 16 — греки



большей части осетин. В меньшей степени он бытовал у чеченцев и ингушей (рис. 9).

2. Штаны с более узким шагом, книзу суженные. Они имели клин в шагу из двух или четырех кусков, при сшивании получающий трапециевидную форму. При другом варианте штанов с узким шагом клинья спускались по внутренней части штанины иногда ниже колен. При растягивании штанин ширина в шагу обычно не превышала 40—50 см. Они были распространены у чеченцев, ингушей, отчасти у осетин.

3. Штаны с узким шагом без клиньев, сшитые из двух половин, подкроенных в шагу. Они приближаются к брюкам городского покроя,

но без шпринки, на вздежке. До революции были распространены мало, чаще всего у чеченцев, ингушей и в соседнем Дагестане.

Наконец, назовем еще один тип штанов, покрой которых определить не всегда возможно, так как их шили из овчины, кусков разной формы. По ширине клина между штанинами (иногда неясно выраженного) они близки ко второму типу. Штаны из овчины носили в зимнее время, а старики иногда и летом, особенно на горных пастбищах.

Зимние штаны шили из домотканого сукна. Суконные штаны носили и летом, но предпочитали для летних штанов окрашенный холст, различные бумажные плотные ткани — нанку, сатин, «чертову кожу» и др. У всех типов штанов по верху пришивалась полоса из бумажной ткани, в сгиб которой продергивали вздежку, чаще всего из шерстяной или бумажной тесьмы домашнего производства. Край этой обшивки загибался не внутрь, а наружу.

В ряде случаев на суконных штанах швы изнутри обшивали полоской бумажной ткани. Все это было связано с тем, что штаны из любого материала надевались непосредственно на тело.

Нижние или «внутренние» штаны появились в конце XIX — начале XX в. и имелись далеко не у всех.

Традиционные штаны первого и второго типа носились и после революции, особенно стариками.

Особенно долго сохранялся традиционный покрой для нижних штанов.

Значительный интерес представляет терминология, связанная с этим элементом одежды. У карачаевцев и балкарцев штаны называются *кёнчек* — термин, имевшийся в языке половцев, но не употребляющийся сейчас другими тюркскими народами. Тем более примечательно, что адыгское наименование штанов (*гъончэдж* — адыг., *гъуэншэдж* — кабард.) является вариантом того же названия кёнчек. В адыгские языки оно могло войти непосредственно от половцев, вытеснив полностью более ранний неизвестный нам адыгский термин. Штаны адыгских народов однотипны с балкарскими и карачаевскими и по своему покрою близки к тем, которые характерны для тюрков-кочевников.

У других народов Северного Кавказа для наименования штанов имеются собственные термины (осетины — *хжлаф*, чеченцы — *хечи*, ингуши — *хечий*), но для штанов из сукна или шерстяной материи осетины употребляют слово *салбар*, чеченцы и ингуши — *шарбал*. У карачаевцев и балкарцев существует слово *шалбар*, но оно имеет несколько презрительный оттенок: штаны неуклюжие, широкие, штаны из грубого сукна. Слово *шалбар* считается иранским, но в форме *шелвар* — «широкие штаны» имеется в турецком языке, откуда, видимо, проникло и в русский язык в форме *шаровары*.

Штаны с широким шагом, с большой мотней частично бытовали и среди славянских народов, но только в районах их соприкосновения или связей с тюркскими народами (уральские казаки, украинцы, в особенности запорожцы). Это может служить косвенным подтверждением возможности влияния тюрков (половцев) на бытовую культуру коренного населения Северного Кавказа.

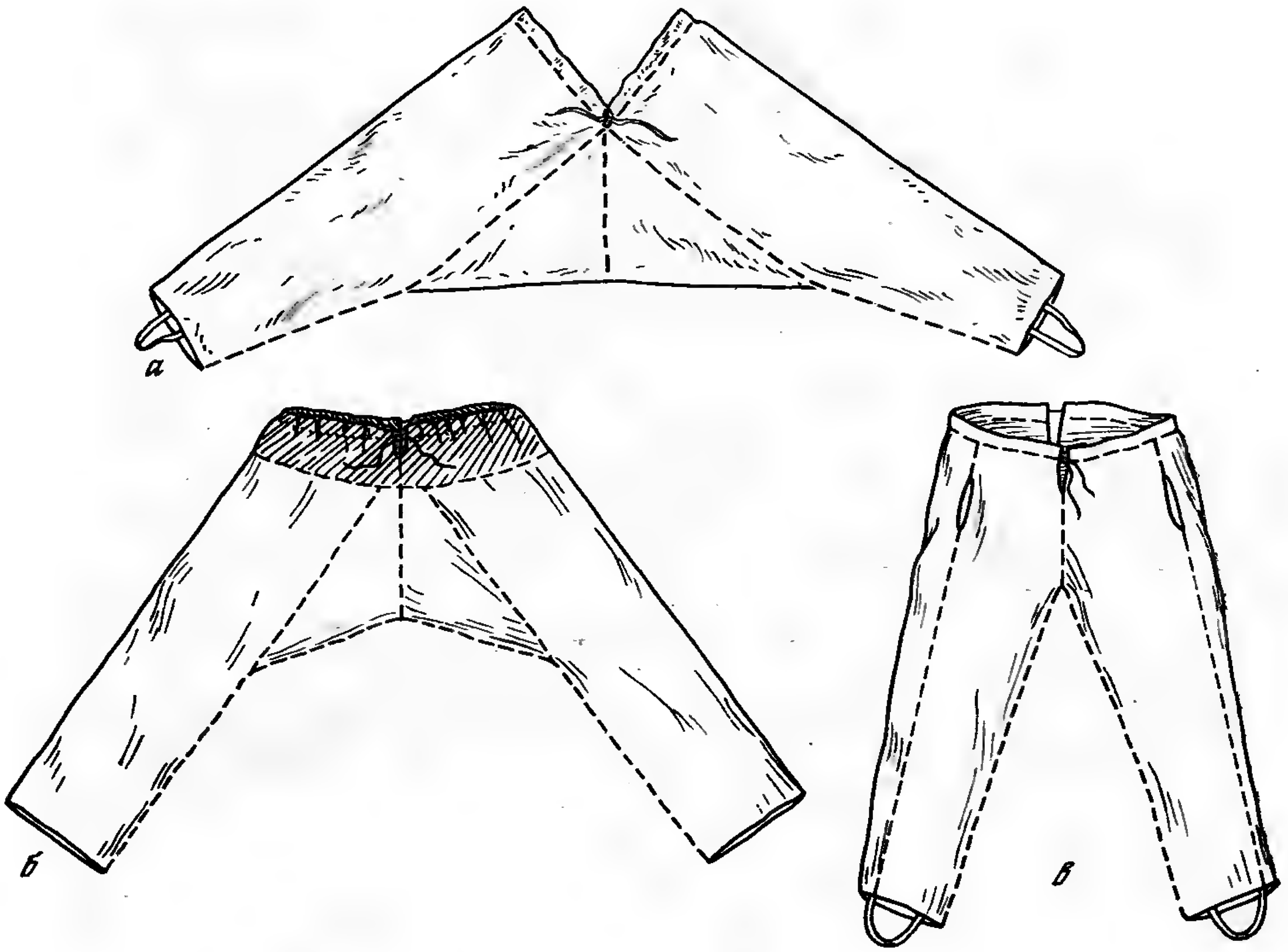


Рис. 9. Мужские штаны. Конец XIX — начало XX в.

а — с широким шагом и ромбовидным клином; *б* — с узким шагом с клиньями; *в* — с узким шагом без клиньев

Верхняя одежда. Верхнюю мужскую одежду народов Северного Кавказа можно разделить на две большие группы: несшитая, накидная и сшитая, надеваемая в рукава. Накидная одежда могла быть из ткани или войлока. Наиболее известной накидной одеждой народов Северного Кавказа являлась войлочная бурка. Сшитую одежду делали также из разных материалов: овчины или другого меха, войлока, ткани.

Наиболее примитивной формой верхней одежды была накидка из войлока или домотканого сукна прямоугольной формы, которую надевали на плечи для защиты от дождя, снега, ветра. В конце XIX — начале XX в. такие накидки обычно входили в костюм пастуха. На горных пастбищах на пастушьем коше всегда имелись куски войлока, служившие постелью (более толстые) или одеялом, ими покрывали мешки с мукой, солью и др. В случае нужды войлоки использовали и как наплечную накидку. Так было, например, в Карачае и Балкарии, если мужчина не имел бурки. Однако для табунщика бурка была обязательна.

Осетины носили накидки из грубой шерстяной ткани (*хьийсын*). Б. А. Калоев сравнивает их с «подобной одеждой скифов, часто встречаемой в изображениях на археологических памятниках» [13] А. Х. Ма-

гометов, отмечая древность хьийсын, указывает, что она упоминается в нартском эпосе, а в XIX в. была «одеянием бедняков» [14]. В. И. Абаев [15], приводя осетинское напменование накидной одежды (плаща) *пилиз*, связывает его с персидским pālās. Однако относилось ли название *пилиз* к накидке из ткани *хъийсын*, неясно, так же как не уточнена и ее форма. У чеченцев и ингушей накидку делали в виде квадрата, сшитого из домотканого сукна *маша*, сложенного вдвое по прямой линии для большей плотности и тепла. Ее называли *жаун маша*, т. е. чабанское сукно или одеяло. Наименование соответствовало двойной функции этого предмета. Закрепляли накидку на плечах при помощи деревянной или костяной палочки или железного гвоздя, протыкавшихся сквозь ткань. В других случаях пришивали завязки.

Такая простейшая накидка имеет на Кавказе очень древние традиции. Археологи считают, что крупные бронзовые булавки с разнообразными навершиями, относящиеся к кобанскому, а некоторые типы — и к докобанскому периоду, использовались именно для скрепления краев одежды из грубой ткани [16]. В коллекциях ГМЭ имеется чеченская накидка начала XX в., закреплявшаяся при помощи пришивной петли и пуговицы фабричной работы.

Для конца XIX — начала XX в. наиболее характерной и целесообразной формой накидной одежды являлась бурка, т. е. плащ из войлока с подкроенными и сшитыми плечами и вырезом для шеи. Бурка защищала всадника (воина, табунщика) от дождя, снега, холода, жары, ветра (при встречном ветре ее поворачивали задом наперед). Во время привала она служила одновременно подстилкой и одеялом, а под голову в качестве подушки клали папаху или кожаную подушку с кавказского седла. Бурка, наброшенная на воткнутые в землю колья, играла роль заслона или палатки. Надевая бурку на плечи, всадник маскировал свое оружие, а также спасал его от сырости, что имело большое значение для кремневых ружей и пистолетов. Именно эти достоинства способствовали ее не только многовековому бытованию (впервые бурка упоминается у Интерпапо [17], 1504 г.), но и распространению за пределы региона, в первую очередь среди казачества Северного Кавказа и Дона.

Покрой бурки менялся. Для XVIII — начала XIX в., как мы писали выше, характерна короткая (иногда выше колена) колоколообразная бурка. При изготовлении подобной бурки шерсть выкладывалась в форме полукруга (или даже $^3/_4$ круга). Для получения круглого выреза при раскладывании шерсти иногда накладывали деревянную чашку и по ней равняли край шерсти. Этот тип сохранялся и в конце XIX в., но бурка постепенно удлинялась. Короткие бурки (иногда просто подрезанные старые) употребляли пастухи-чабаны, они пасли скот пешком, длинная одежда затрудняла ходьбу. Более длинная бурка была удобна для всадников. Особенно нуждались в ней табунщики, которые постоянно передвигались с лошадьми с места на место. Бурка заменяла им и жилище, каких-либо построек на кошах не возводили. Длинные бурки вошли в моду в начале XX в. (рис. 10).

Бурки различались по качеству (плотность, водонепроницаемость,

Рис. 10. Мужская накидная одежда
сверху слева — бурка чабана короткая, осетины;
сверху справа — накидка из домотканого сукна, чеченцы;
снизу — бурка парадная, кабардинцы

легкость) и по длине ворса (благодаря которому дождь или растаявший снег стекал с них). При валянии бурки с ворсом использовали косицу — длинную шерсть, которую накладывали уже в процессе валяния. После валяния, чтобы поднять ворс, его расчесывали щеткой из стеблей дикого льна или деревянной с железными зубьями [18].]

Для удержания бурки на плечах спереди у ворота пришивали накладные кожаные петли фигурной формы, в которые продергивали ремешок для завязывания. Иногда лицевую сторону петли сплошь покрывали золотом или серебряным шитьем. Такие петли, заготовленные заранее, служили подарком невесты молодым родственникам мужа. Ворот и верхнюю часть бортов иногда обшивали галуном. В некоторых случаях изнутри на углах у подола делали вышивку из золотых ниток. Ее характер — раскрытая ладонь, звезда и полумесяц, кувшин для омовения — указывает на то, что она имела не столько эстетическое, сколько охранно-магическое значение.

На Северном Кавказе особенно ценились кабардинские бурки — легкие и плотные. Карачаевские бурки были теплее, но тяжелее. Наиболее качественными и красивыми считались длинноворсные бурки, выделывавшиеся андийцами в соседнем Дагестане, но они были очень дороги, доступны немногим и у народов Северного Кавказа встречались редко. Парадные бурки валяли из белой шерсти.

Второй тип бурки с прямыми, очень широкими (до метра) плечами, имевший почти не расширяющийся книзу силуэт, сложился уже в XX в. Старики относят его появление к периоду первой мировой войны, а широкое распространение — к годам гражданской войны, связывая эту форму с необходимостью скрывать под буркой винтовку. Бурка этого типа повсеместно вытеснила старую колоколообразную бурку. В Чечне и Дагестане считают, что она пришла из Кабарды, но сами кабардинцы не знают истории ее появления.

Одной из форм сшитой плечевой одежды, носившейся главным образом пастухами-овчарами, являлась одежда из бурочного войлока. Ее надевали иногда и при выезде в лес за дровами и т. п. Она была длинной (до колен, а иногда и ниже), прямого покроя или приталенной с длинными вшивными рукавами. В отдельных случаях к ней пришивали нечто в виде капюшона или круглого войлочного колпака, надевавшегося на голову, иногда и поверх папахи, в дурную погоду [19].

В Карачае и Балкарии, где такого рода одежда была наиболее распространена, ее называли *гебенек* [20]. В Балкарии иногда гебенек делали из гладкого войлока, без ворса, но при изготовлении в него вкатывали или нашивали поперечными рядами бахрому из крученой шерсти длиной до 10—12 см. Эту бахрому для подростков и молодежи иногда делали из шерсти разных цветов — красной, желтой, белой. Но она служила не столько для украшения, сколько для стекания воды от дождя или снега.

Войлочная одежда была распространена, хотя и в меньшей степени, у кабардинских пастухов. Ее называли *гуэбэнеч*, т. е. тем же термином, что и в Карачае и Балкарии, но в кабардинском фонетическом варианте. У осетин-дигорцев она бытовала под наименованием *габана*, у абхазов —

агуабанакъ [21]. И сама одежда, и термин представляют значительный интерес. Турки называли плащ из войлока *кепенек* [22]. У казахов *кебенек* — это одежда из войлока [23]. У узбеков *кибанек* — теплый халат для пастухов, сшитый из домотканой шерстяной материи и подбитый войлоком [24]. У украинцев бытовал *кобеняк* [25] — верхняя, главным образом дорожная одежда из толстого сукна с капюшоном (второе название — «свита с видлогою»). Наконец, у Савваитова [26] мы встречаем *кобеняк* или *кибинек* в списках гардероба русских царей XVI—XVII вв. с указанием, что это верхняя одежда, употреблявшаяся в дождь и ненастье. Итак, и по термину, и по назначению, и по внешнему виду одежда пастуха и царя совпадала. Видимо, здесь имело место заимствование и самой одежды, и термина из общего источника. Таким источником могли быть тюрки-кочевники, к быту которых она весьма приспособлена.

На рисунке XVII в. одежду такого типа мы видим на ногайце. У адыгейцев (абадзехов, шапсугов) в недавнем прошлом была распространена подобная пастушья или дорожная одежда. Ее шили из войлока, иногда украшали на груди нашивками из кожи. Сведения об этой одежде получены нами в Адыгее в 1965 г. от информаторов самых различных возрастов — от 65 до 97 лет. Они называли ее *щIыбэ* (видимо, от *щIыб* — «спина, хребет, задняя сторона чего-либо») [27]. Подобное словообразование встречается и в других случаях. Так, широко известное в Закавказье тюркское наименование бешмета *архъалыкъ* (архалук, ахалухи) связано с названием спины, спинного хребта *аркъа*. У ингушей и чеченцев указаний на существование подобной одежды из войлока не имеется. Но в Чечне, по свидетельствам наших информаторов, у пастухов иногда употреблялась овчинная шуба с откидным капюшоном.

У народов Северного Кавказа одежда типа гебенека в конце XIX — начале XX в. была уже единичной, хотя и встречалась вплоть до 20-х годов.

Аналогичная войлочная одежда типа куртки очень примитивного туникообразного покроя, с короткими рукавами и швом по бокам и низу рукава, встречалась и в Дагестане под названием *чопуз* [28].

Верхняя теплая одежда — шуба шилась также из меха, главным образом из овчины. Шуба была необходима особенно на пастбищах, где ею приходилось часто пользоваться и летом. Необходимость этого вида одежды хорошо выражена в чеченском языке, где понятие «одежда» передается не только термином *бедар*, но и выражением *куй-кетар* (букв. «шапка—шуба»). Особо важную роль шуба играла в горных районах, где ее носили даже женщины (но не девушки).

Мы считаем необходимым выделить три основных типа шубы. Прямая или слегка приталенная неотрезная шуба из овчины, распашная, с длинными рукавами, открытой грудью; вокруг ворота и по борту до пояса обшита полоской овчины. Такую шубу часто носили нараспашку, без пояса, не на черкеску, а на бешмет. Как правило, она была нагольная, белая. В очень редких случаях у зажиточного старика можно было видеть ее покрытой домоткапым сукном или покупной тканью. Бытовала более всего у осетин, карачаевцев, балкарцев.

Это наиболее ранний тип шубы, и в конце XIX — начале XX в. ее носили в селениях и на кошах только пожилые люди. По рассказам информаторов, такого же покроя шубы делали раньше из волчьего меха.

Шуба второго типа, имевшая большее распространение, своим покроем напоминала бешмет или черкеску с цельными передками и спиной и клиньями на боках. Спереди у пояса была застежка. Ворот и часть борта до застежки обшиты полоской овчины. При шитье шубы стремились экономить материал. Овчина — не сукно, и порой приходилось составлять один клин из нескольких кусков. На верхнюю часть шубы и рукава брали шкуры взрослых баранов — более теплые. Нижнюю часть делали обычно из шкурок молодых барашков, чтобы шуба была легче и хорошо лежали фалды боковых клиньев ниже пояса. Для шубы требовалось несколько бараньих шкур. Шубу этого типа надевали на каптал или на черкеску, а иногда под нее (главным образом в тех случаях, когда шли или ехали в другое селение). В шубе такого покроя было удобно ездить верхом.

С начала XX в. она постепенно заменяется шубой, отрезной по талии, сзади и на боках присборенной, иногда с застежкой от шеи до пояса, напоминавшей русский полушубок.

Шубы вышеописанных типов носили и в селении, и на кошах. Овчина, выделенная местным способом (белая), плохо переносила сырость, поэтому во время дождя шубу выворачивали мехом наружу. Шуба была относительно дорогой вещью, и бедные крестьяне носили ее до полного износа. Шубы, крытые тканью, были прочнее, но и дороже.

Шуба третьего типа, как правило, крытая, отрезная по талии, отличалась от предыдущих тем, что она была двубортной, с закрытой грудью и невысоким стоячим воротником из мерлушки курпей. Полосой из мерлушки иногда окаймляли низ рукавов, а порой и борта до пояса. Такая шуба могла застегиваться на любую сторону (слева направо или наоборот) и в нижней части имела глубокий запáх. Покрой этой шубы был явно заимствован, возможно, с кавалерийского полушубка. Ее называли «зелимханка».

Для всех видов одежды народов Северного Кавказа характерна застежка встык, без запáха. Таким образом, двубортность едва ли могла развиться сама по себе. Однако и эта шуба застегивалась на пуговицы и петли, сделанные из шнурка, но более крупные, чем у бешметов и черкесок. Шубы третьего типа раньше всего появились, по-видимому, в Адыгее [29], плоскостной Чечне, а в горных районах — Карачае, Балкарии, Осетии и других — начали распространяться лишь в 1920-х годах.

Черкеска — наиболее широко известная мужская верхняя одежда народов Северного Кавказа — шилась в основном из домотканого сукна. Однако в конце XIX — начале XX в. на праздничные черкески стали шире, чем раньше, использовать покупные фабричные сукна. Домотканые сукна в основном были естественных цветов шерсти — бурые, черные, серые, белые, реже крашеные — темно-красные, красно-коричневые. Белые черкески встречались редко и служили выходной одеждой мест-

ной знати. В Кабарде на белую одежду (бурку и черкеску) для недворянских сословий существовал запрет. Применение фабричных сукон немногим изменило привычную цветовую гамму. Изредка встречались черкески синие, коричневые, цвета бордо (рис. 11).

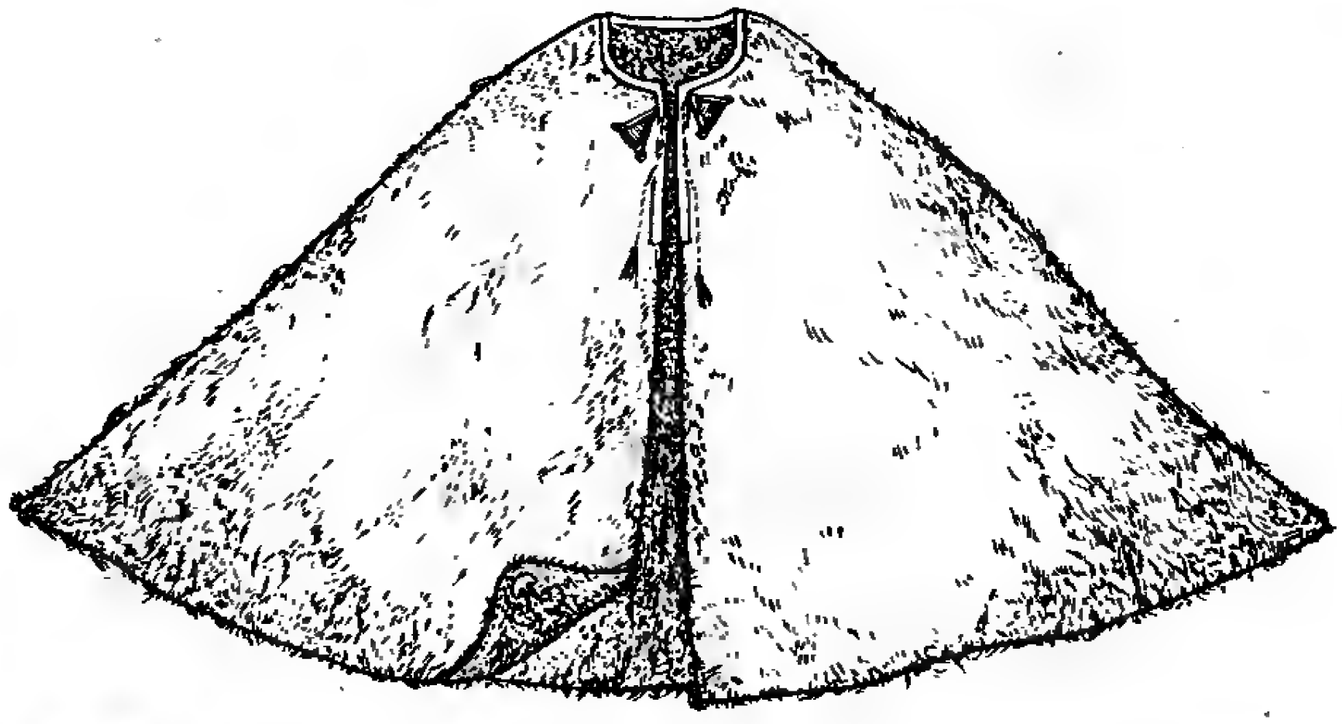
Покрой черкески такой же, как у бешмета, но у нее нет воротника, грудь открыта (виден бешмет или, позднее, кавказская рубаха). Около талии застежка на несколько пуговиц и петель из шнурка. Рукава прямые и широкие, в праздничных черкесках спускались ниже кисти и носились с отворотом наружу. Длина черкески менялась в зависимости от времени, назначения черкески (будничная, праздничная) и социальной принадлежности ее хозяина. Обычная длина черкески в конце XIX — начале XX в. была чуть ниже колен. В начале XX в. в моду вошли очень длинные, почти до земли черкески, удобные лишь для всадника. Эта мода была характерна для социальной верхушки, особенно в плоскостных районах, и продержалась недолго.

Черкеска, обтянутая по фигуре, от пояса плавно расширялась книзу при помощи особого кроя спины и клиньев. Боковые швы у подола оставляли незашитыми на 10—12 см. Черкеска обычной длины была удобна для верховой езды, не стесняла движений при ходьбе, лазании по скалам, переходе через ручьи и т. п. В случае необходимости передние полы поднимали и затыкали сзади за пояс. Наиболее бросающейся в глаза особенностью черкески были газырницы, размещавшиеся на обеих сторонах груди. Появление их относится к сравнительно недавнему времени. Кожаные газырницы во второй половине XIX в. были полностью вытеснены сшитыми из той же ткани, что и сама черкеска. Количество карманчиков в них увеличилось до 8—10 с каждой стороны. Газырницы пришивали довольно высоко (10—12 см ниже плеча), но постепенно они спустились значительно ниже. Иногда под ними продолжали делать внутренние поперечно расположенные карманы для патроны, кресала, позднее в них держали часы (карта 2).

Традиция обшивать газырницы, ворот и борта праздничной черкески галуном, характерная для знатных горцев в XVIII — начале XIX в., уже к середине XIX в. встречалась редко. Обшивка подола, рукава и бортов тонким шнуром ручной работы того же цвета, что черкеска, имело значение технологическое, заменяя подшивку. Из этого же шнурка делали пуговицы и петли для застегивания.

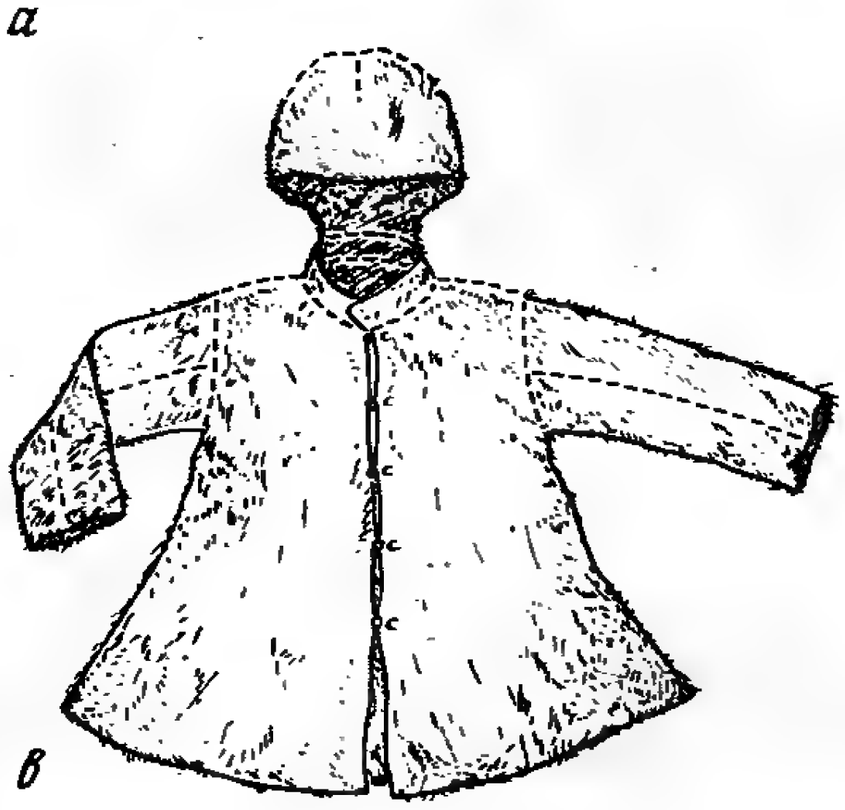
Главным щегольством считалось, если черкеска была хорошо сшита и сидела, как влитая. В этом отношении горянки отличались удивительным искусством. Лучшие мастерицы кроили черкеску «с одного взгляда» и с безошибочной точностью. Этому умению несомненно способствовала отмечавшаяся ранее стандартность покроя черкески, бешмета, а иногда и шубы.

Черкеску носили застегнутой и подпоясанной узким ременным поясом, на котором висел кинжал, иногда пистолет и шашка. Особенно строго соблюдалась эта манера ношения черкески у адыгских народов, карачаевцев, балкарцев, осетин. Нараспашку носили черкеску только глубокие старики, да и то в своем селении или на коше, куда надевали

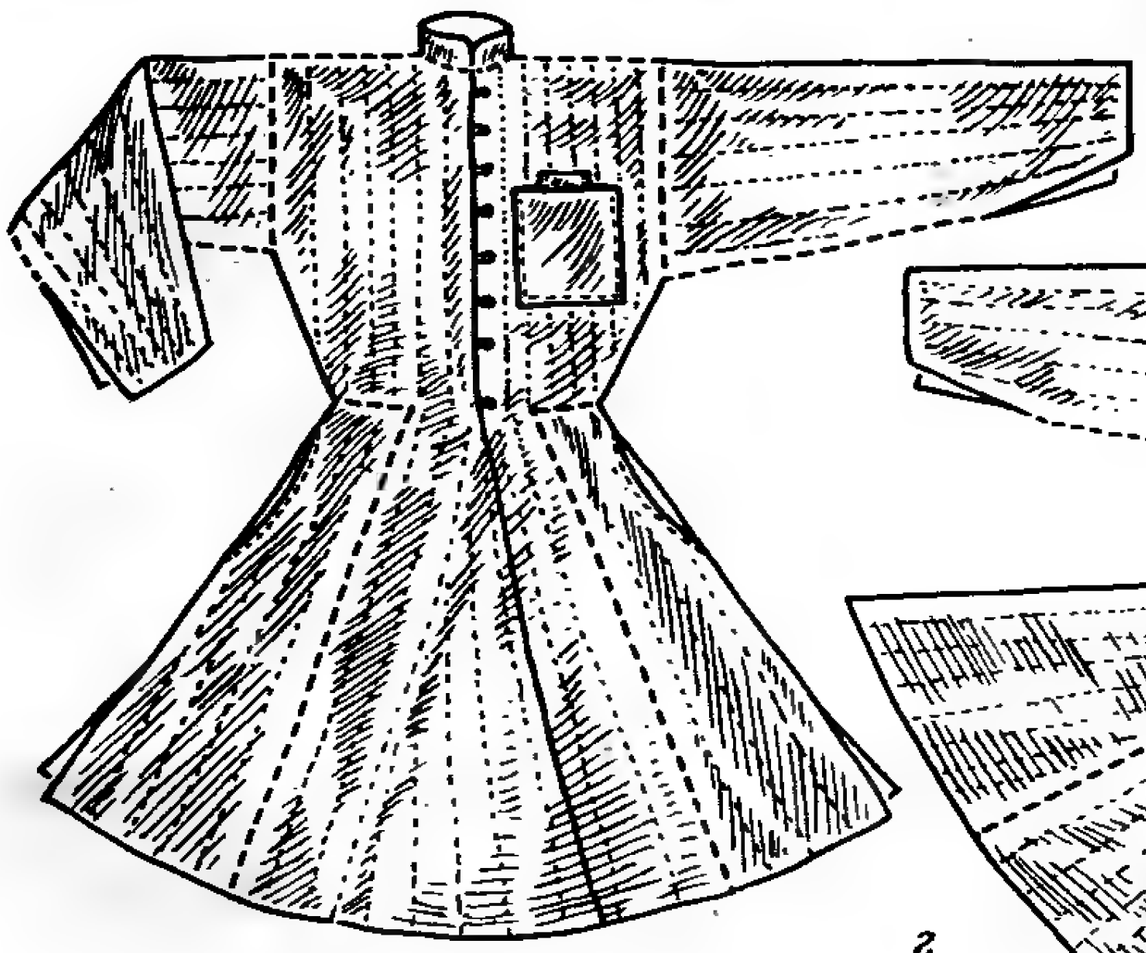


а

б



в



г

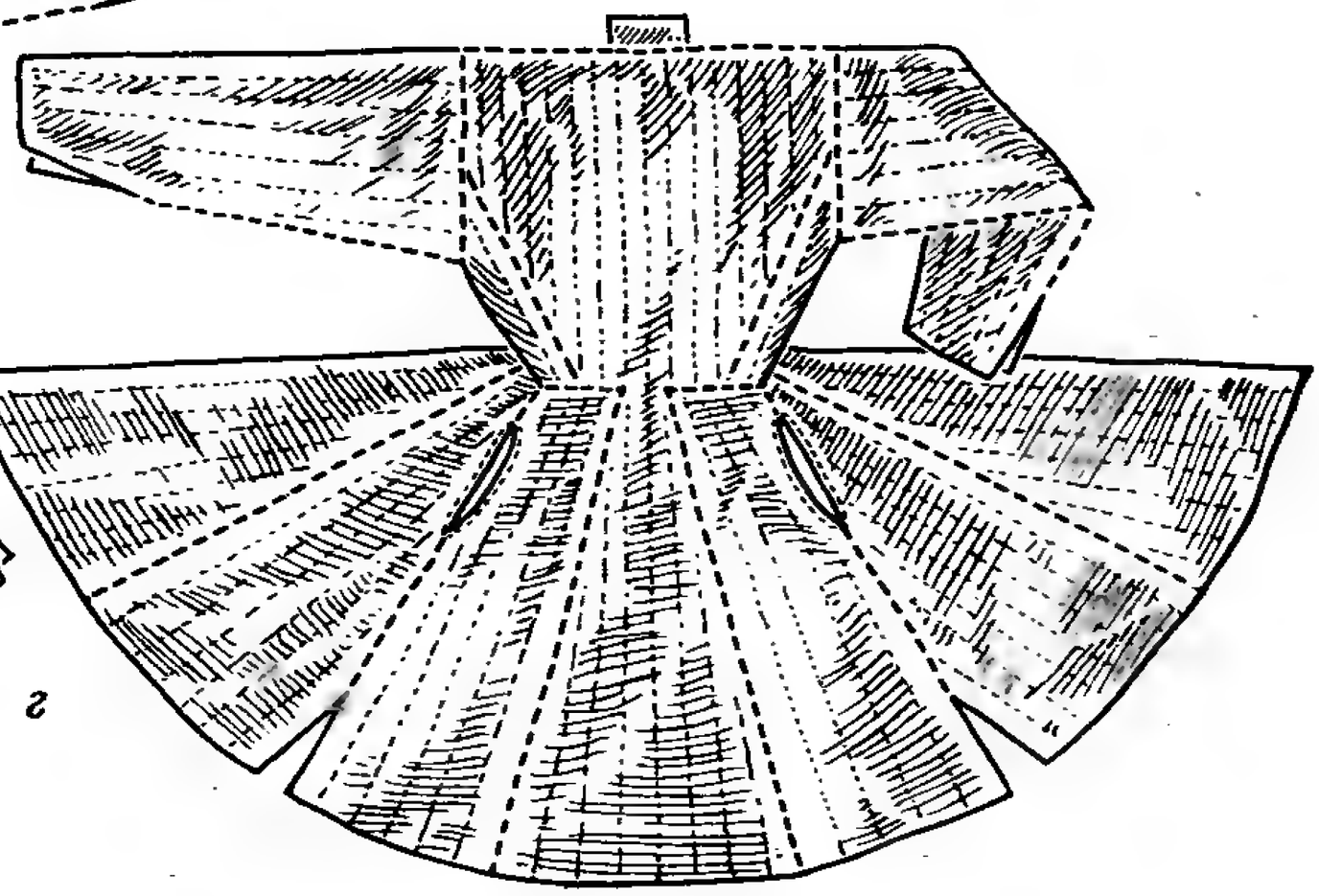
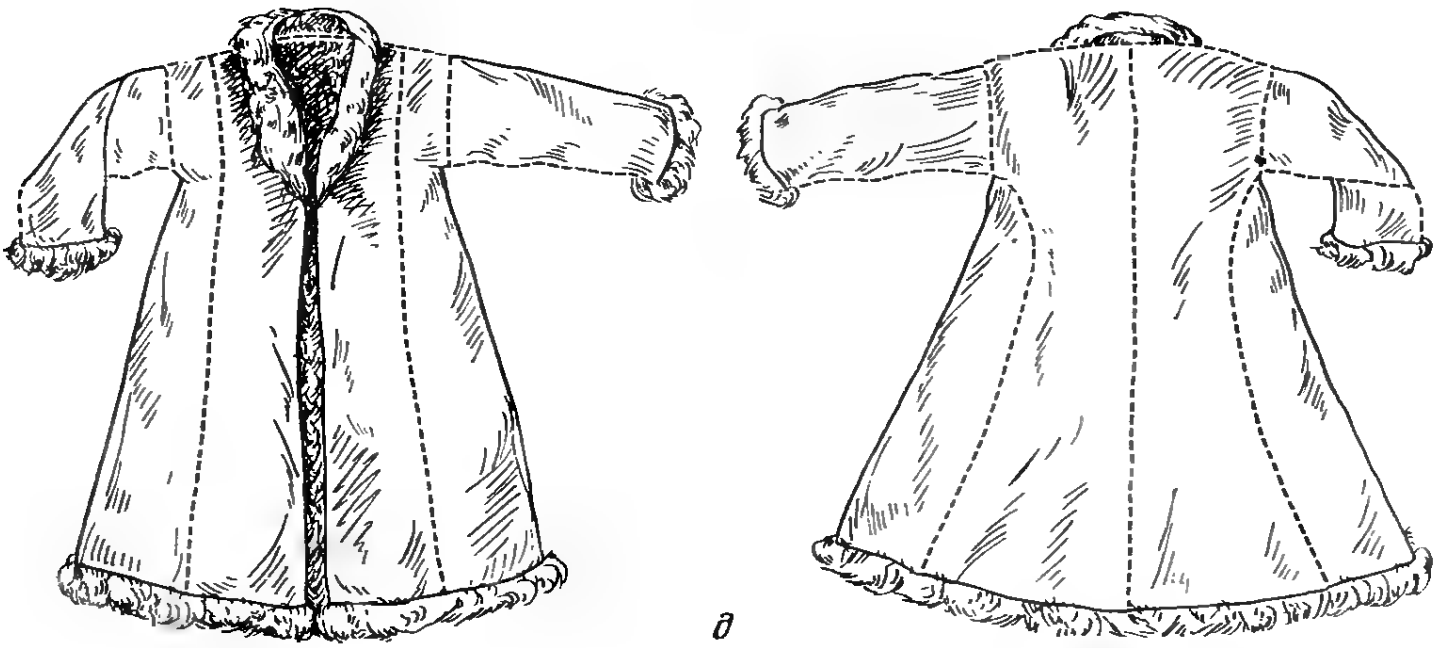
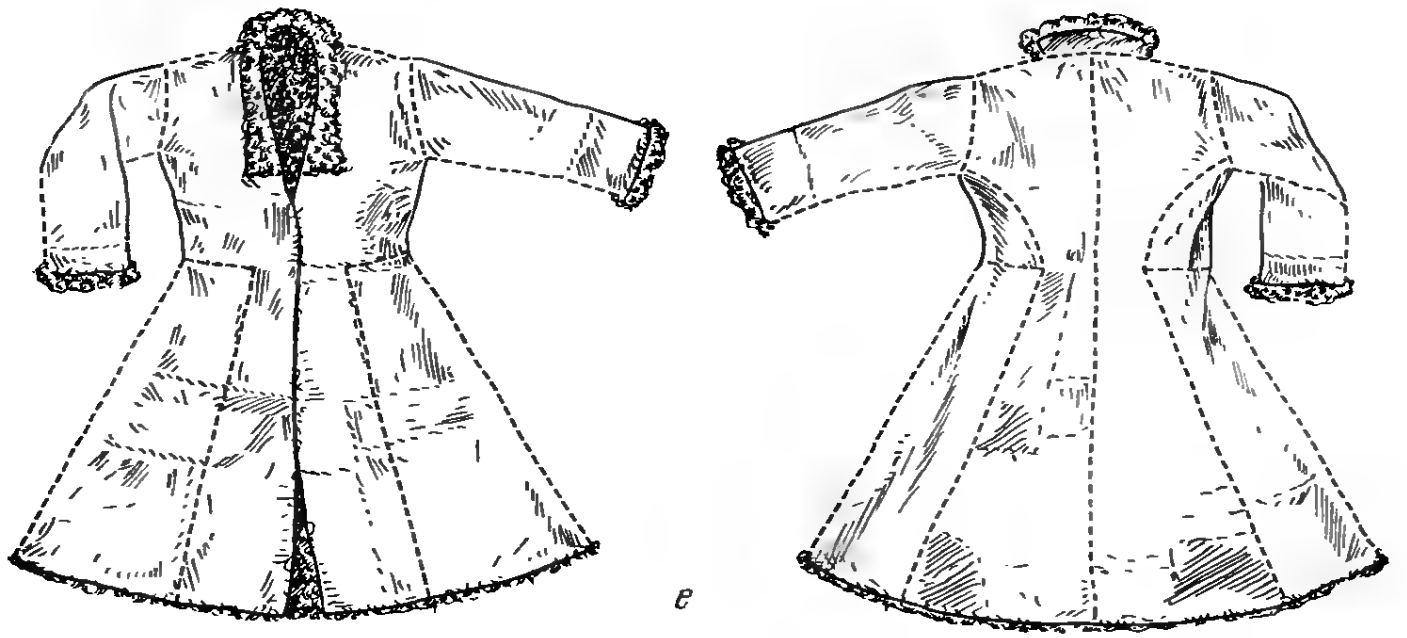


Рис. 11. Мужская верхняя одежда. Конец XIX — начало XX в.

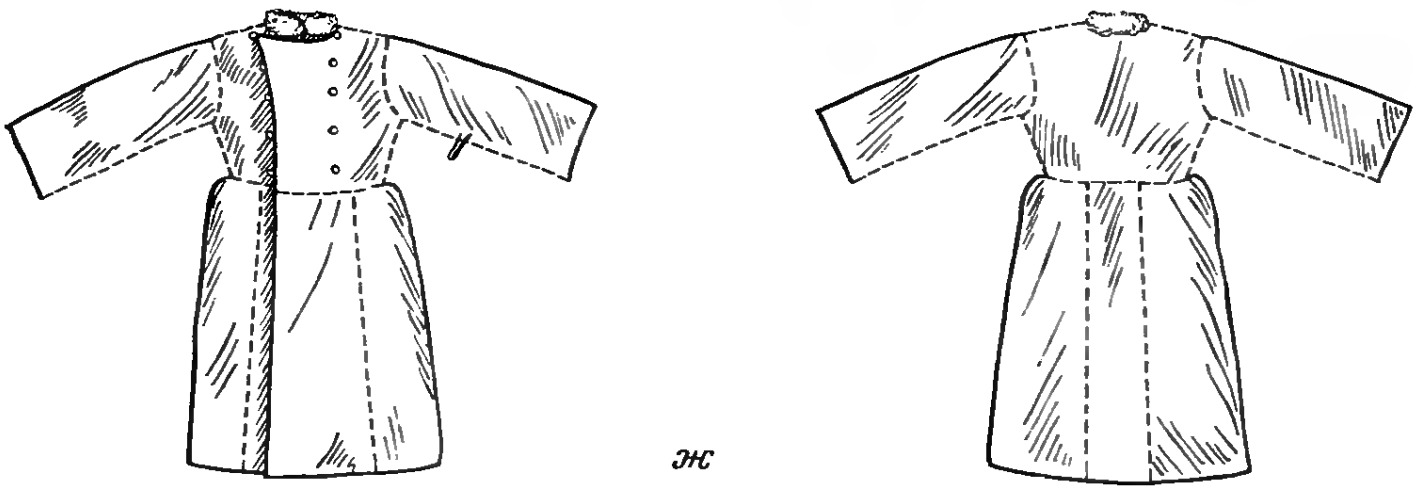
несшитая накидная: *а* — бурка колоколообразная; *б* — бурка прямая; сшитая, надеваемая в рукава: *в* — из войлока; *г* — из ткани — бешмет теплый, стеганый на вате или шерсти;



д



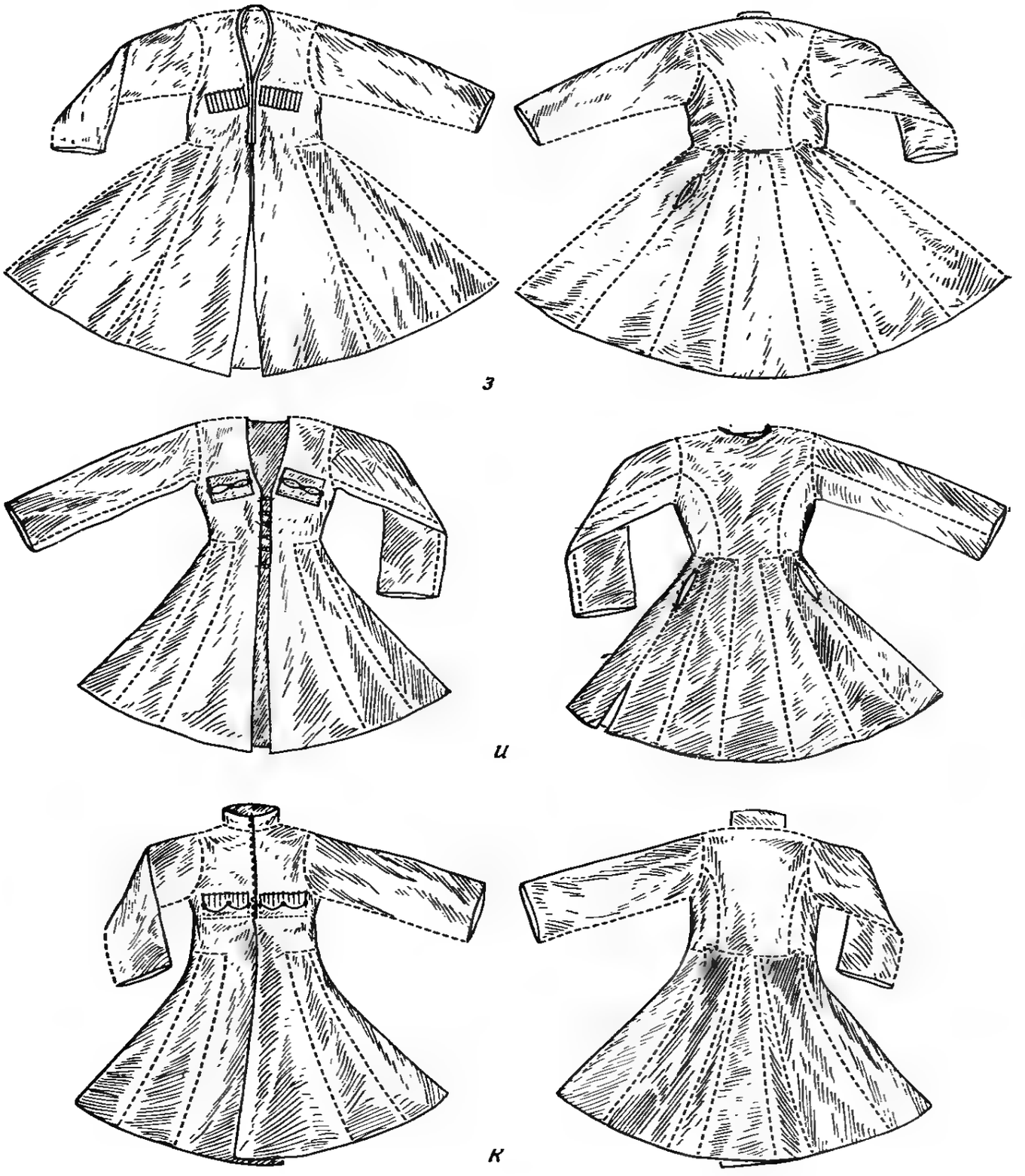
е



ж

Р и с. 11 (продолжение)

д — из овчины или другого меха прямого покроя; *е* — в талию типа черкески; *ж* — в талию отрезная двубортная;



Р и с. 11 (окончание)

з — из ткани — черкеска с газырями; *и* — черкеска без газырей; *к* — черкеска со стоячим воротником

обычно старые, поношенные черкески. Черкеска была парадной, выходной одеждой и имелась не у каждого, особенно в восточной части Северного Кавказа (Чечня, Ингушетия, отчасти Осетия).

Черкеску впервые шили подростку в 10—12 лет, а иногда и позднее [30]. В крестьянской среде черкески шили свободными, «на вырост».

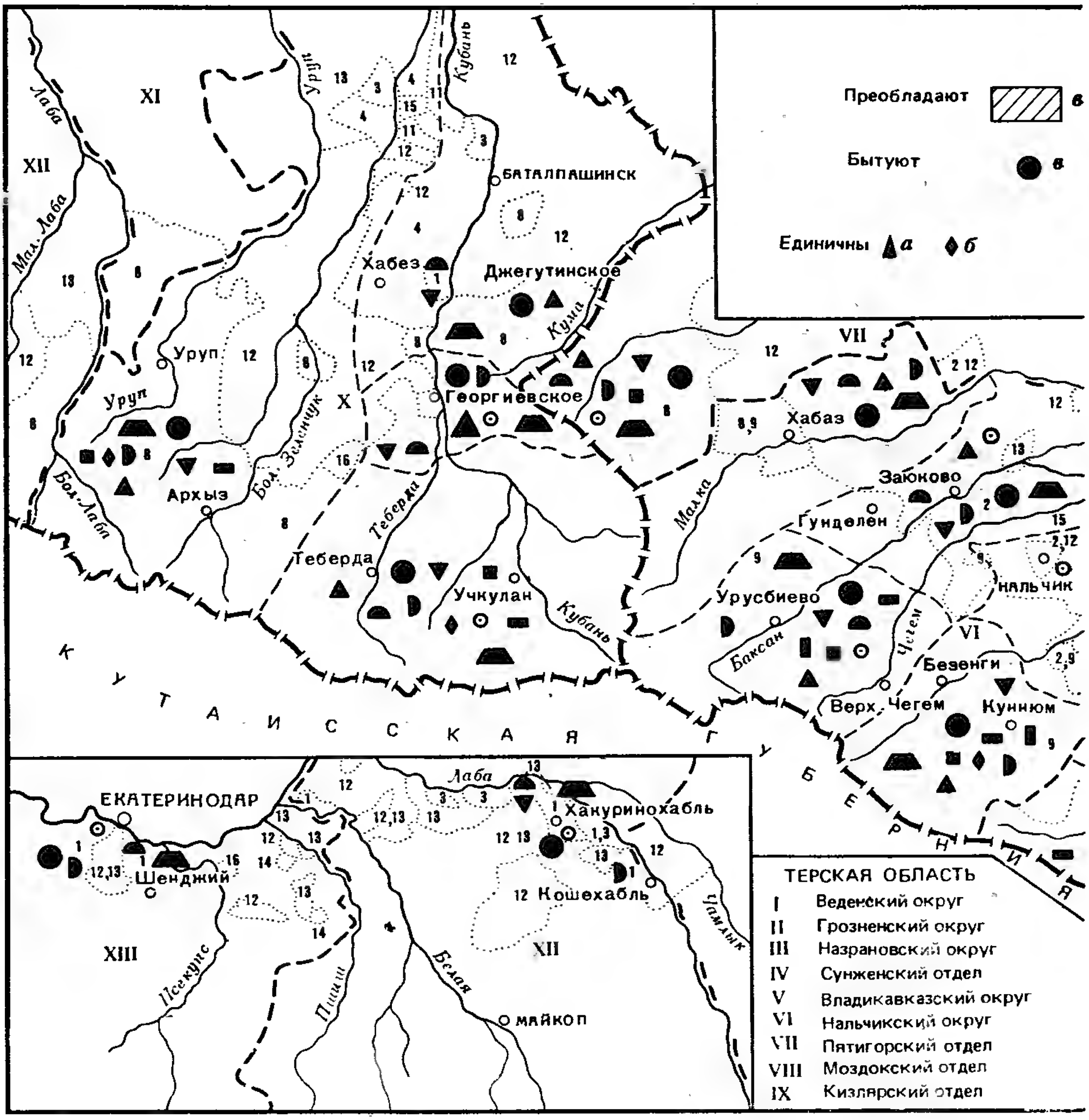
Добротная, но мешковатая черкеска крестьянина служила предметом насмешки щеголей-дворян.

Удобство черкески и мужского горского костюма в целом подтверждается тем, что терские казаки переняли его полностью (так же как седловку лошадей, манеру езды, ношения оружия и др.). Позднее, в 40-х годах XIX в., этот костюм был утвержден как воинская форма казачьих войск на Кавказе. Такое официальное признание, если можно так выразиться, «укрепило авторитет» данной одежды и в среде самих горцев.

Название «черкеска» было дано этой одежде русскими, которые впервые увидели ее на черкесах [31]. Местные названия черкески представляют значительный интерес. Кабардинцы и черкесы называют ее *цей*, адыгейцы — *цый*, карачаевцы и балкарцы — *чепкен*, ногайцы — *шепкан* [32]. Все эти названия обозначают также и ткань, из которой шили черкески, т. е. домотканое сукно. Наименование той или иной одежды по названию ткани обычно свидетельствует о ее давности и характерности для народа. Об этом же говорит совпадение наименования и покроя мужской и женской одежды.

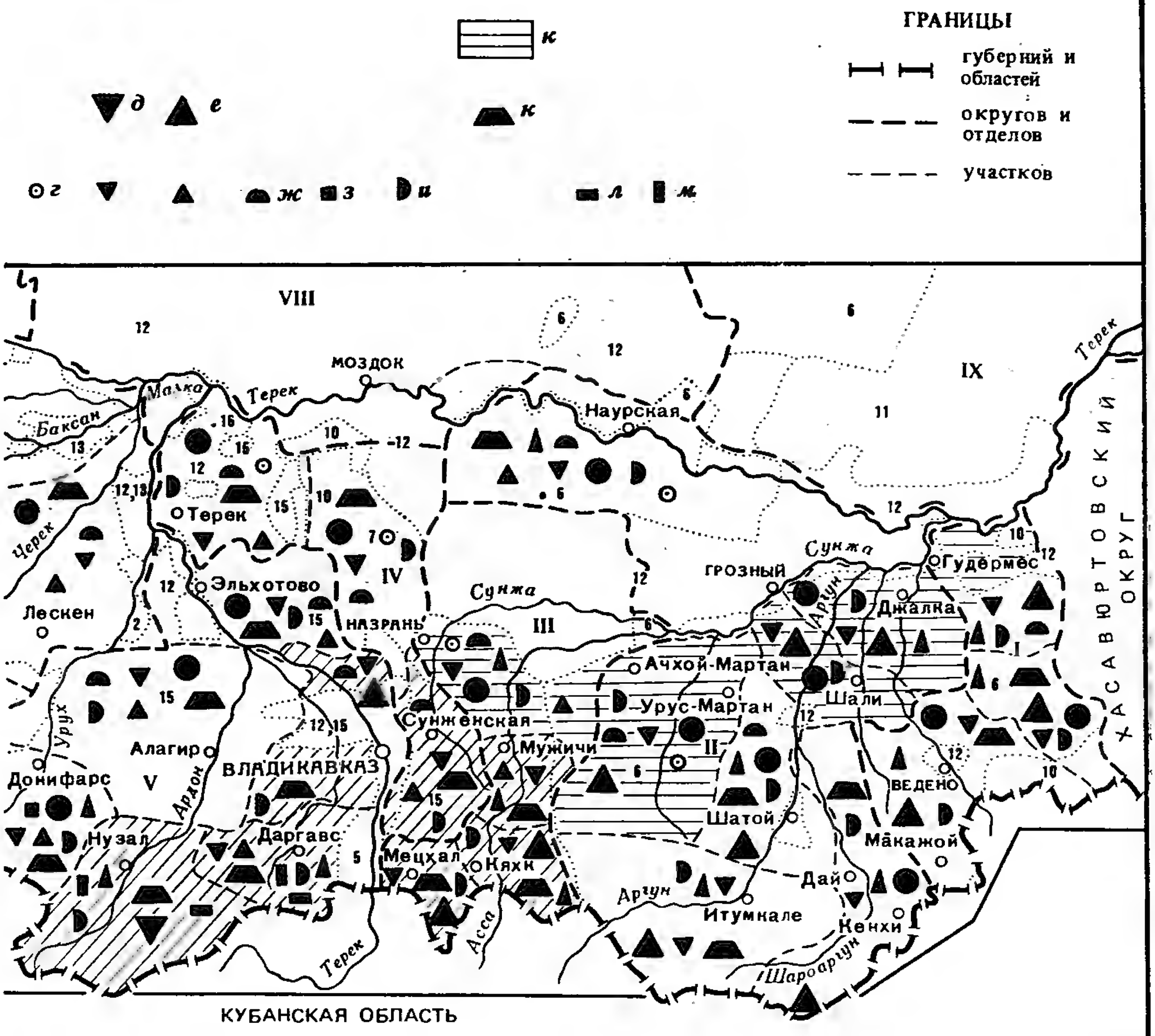
Другая группа народов — осетины, чеченцы, ингуши называют черкеску терминами, которые являются вариантами названия *чоха*, *чуха* [33], распространенными в Закавказье, в том числе и в Грузии. Черкеска по-осетински *цухъхъа*, по-чеченски *чоа*, по-ингушски *чохкий*. Видимо, эти названия занесены из Грузии, многовековые связи с которой характерны для указанных народов. Однако заимствованным в данном случае является только термин, а не сама одежда. Подтверждением этого может служить покрой черкески у этих народов, тождественный с покроем аналогичной одежды других народов Северного Кавказа. Вместе с тем он сильно отличается от покроя чохи, чухи населения восточной и центральной части Грузии, с которым чаще всего соприкасались осетины, ингуши, чеченцы. Различие состоит в покрое спины. У чохи центральной и восточной Грузии спинка делалась отрезная и в средней части на талии была сильно присборена. Тем не менее термин закавказского происхождения полностью вытеснил местный, видимо, существовавший ранее [34].

Какие изменения в черкеске наблюдаются во второй половине XIX и особенно в XX в.? Было уже отмечено распространение фабричных сукон, из которых стали шить черкеску. Произошло удлинение самой черкески, стремление сделать ее более обтягивающей стан, увеличение в газырницах числа гнезд. Изменились и сами газыри. Первоначально газыри представляли собой деревянные трубочки, в которые засыпали определенную мерку пороха (у чеченцев, ингушей и осетин газырь называется словом «мерка»), а также закладывали свинцовые пули. Отверстие затыкалось тряпочкой, которая при зарядке ружья играла роль пыжа. Иногда вместо случайной тряпочки делали специальные затычки из шерсти. Однако больше были распространены металлические (иногда серебряные и даже золотые) крышечки, красиво отделанные гравировкой и чернью. Впоследствии, с появлением ружей, заряжавшихся с казенной части готовыми патронами, газыри утратили практическое значение и превратились в украшения, их стали делать в виде круглых



Карта 2. Мужская верхняя одежда. Конец XIX — начало XX в.

Несшитая накидная: *а* — накидка из ткани, *б* — накидка из войлока. Бурка: *в* — колоколообразная, *г* — прямая. Сшитая, надеваемая в рукава: *д* — из овчины или другого меха прямого покроя, *е* — из овчины или другого меха в талию типа черкески, *ж* — из овчины или другого меха в талию отрезная двубортная; *з* — из войлока; *и* — из ткани бешмет, стеганый на вате или шерсти; *к* — из ткани черкеска с газырями; *л* — из ткани черкеска без газырей, *м* — из ткани черкеска со стоячим воротником



деревянных палочек с цилиндрическими крышечками из металла, кости или рога, а иногда концы палочек просто красили черной краской. На черной черкеске обычно носили газыри с белыми костяными крышечками, а на светлой — с черными. Появились и газыри, у которых на одном конце была черная крышечка из рога, а на другом — белая из кости. Газырь по желанию можно было втыкать то одним, то другим концом.

(Богатые люди носили праздничные черкески с нарядными газырями. Крестьяне и раньше зачастую использовали газырницы не по назначению, храня в них сухие палочки для разведения костра и другие необходимые предметы.)

В начале XX в., а в особенности в 1920—1930-годах, наблюдается отступление от традиционного покроя черкески — спинку стали делать отрезной. Иногда застежка при помощи шнурковых пуговиц и петель подстраховывается или открыто заменяется покупными железными крючками и петлями. К этому же периоду относится распространение черкески без газырей, которая иногда встречалась и в конце XIX в.[35]

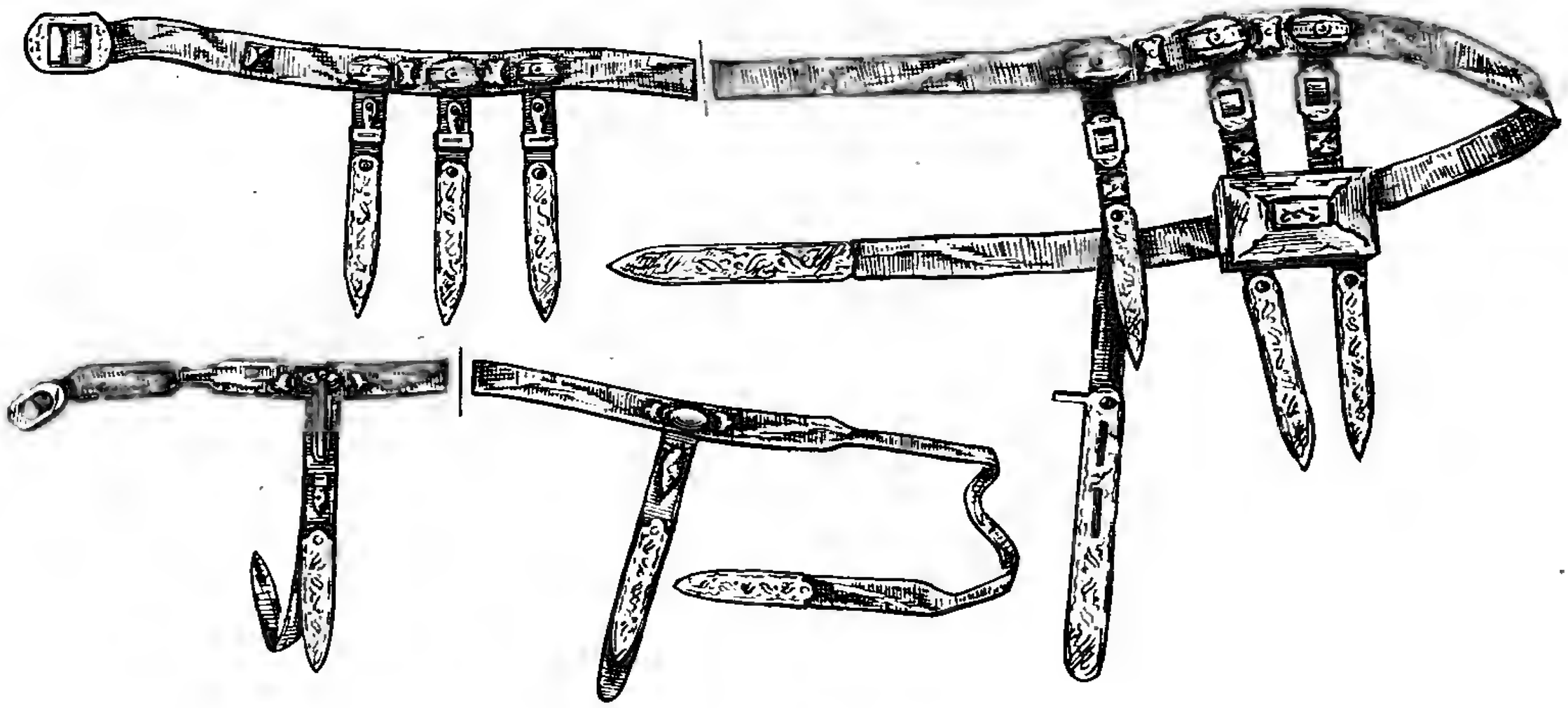
Вместо газырниц в начале XX в. стали нашивать поперечные длинные и узкие карманы со своеобразными двойными (сверху и снизу) клапанами. Форма такого клапана, по объяснению стариков, имела практическое значение, так как донышки карманчиков в газырницах быстро протирались и газыри или что-то другое, лежащее в кармашке, могло вывалиться. Позднее, с исчезновением за ненадобностью газырниц, подобный клапан стали делать и сверху (или только сверху) и газырница заменилась нагрудным карманом своеобразной формы. В некоторых случаях у обычной по покрою черкески с газырницами делали высокий воротник, как у бешмета. Одежда такого типа была значительно теплее черкески, так как закрывала шею и грудь. Кроме того, ее можно было носить без бешмета, прямо на рубашку. А если вместо газырниц на груди делали накладные карманы, то она принимала вид очень длинного бешмета. В Балкарии черкеску со стоячим воротником называли *чепкен—къаптал* (т. е. черкеска-бешмет). Такие модифицированные черкески встречались не часто и только в качестве рабочей одежды. Чаще всего их можно было зафиксировать у осетин (в горных районах), у балкарцев и в виде исключения у карачаевцев и кабардинцев.

Пояса. Пояс считался обязательным элементом мужского костюма. Не подпоясанным мужчине нельзя было выйти на улицу, войти к старику или к человеку, стоявшему выше его по положению. Пояс не носили только дети и очень дряхлые старики. Во время траура мужчина мог первые дни ходить без пояса или повязать вместо кожаного пояса полотенце или кусок ткани. Как уже отмечалось, ношение кожаных поясов с металлическими пряжками и накладками — это древняя традиция горцев Северного Кавказа (рис. 12).

По нашим материалам можно выделить два типа мужских поясов: кожаные с металлическим набором и пояса из ткани или войлока.

Во второй половине XIX — начале XX в. более всего были распространены пояса из узкого кожаного ремня. На одном конце пояс имел пряжку, в которую продергивался другой конец пояса, снабженный металлическим наконечником. Пояс туго затягивался на талии, а длинный кончик ремня продевали в подвижную обоймочку. Пояса этой простейшей формы носили повседневно, они были доступны любому горцу. Праздничные пояса украшали многочисленными, часто серебряными бляшками и подвесками разной формы. Носили пояс на черкеске, на бешмете (если черкеска не была надета), а иногда и на шубе. У чеченцев и ингушей пояс изредка надевали и на рубаху.

К поясу подвешивали различные предметы, необходимые мужчине в дороге, на охоте. Это были сальница или жирница — прямоугольная металлическая коробочка с салом для смазывания оружия; отвертка слож-



Р и с. 12. Мужские пояса из кожи с металлическим набором. Кабардинцы

ной формы для разбора огнестрельного оружия, служившая иногда и кресалом; брусок для точки кинжала или ножа; пульпица; кожаный походный стакан; мешочек, в котором лежали кремень, трут, кресало и др. Пастух мог повесить на пояс мешочек с разной мелочью для лечения скота. Одним словом, пояс заменял карманы. Но самое главное — на поясе висело оружие: кинжал (или нож в деревянных полуножнах), пистолет и иногда шашка. Последнюю носили и на портупее.

Праздничный пояс с металлическим, обычно серебряным набором, кроме пряжки, наконечника и обоймочки, был украшен накладными фигурными бляшками с чернью, гравировкой, иногда позолотой по серебру. Бляшки были и железные с насечкой оловом, латунью или золотом. На поясе, особенно спереди, делали подвески-ремешки с металлическими наконечниками и бляшками. По мере того как изменялось оружие и вообще падало его значение, пояс все больше становился украшением. Жирница, отвертка и другие необходимые предметы заменялись их имитацией. Такие пояса получили особое распространение в начале XX в., в основном у молодежи [36].

Оставаясь обязательной частью мужского костюма, пояс все более приобретал престижное значение. Богато украшенный пояс был гордостью владельца, особенно молодого богатого франта.

Металлические наборы для поясов делали у мастеров-ювелиров на заказ или покупали у них готовыми. В этот период мастерами в основном были дагестанцы (лакцы или кубачинцы), работавшие в городах и селениях Северного Кавказа отходниками. Многие из них оседали здесь на длительный период. Немногочисленные мастера из местного населения работали в той же манере, а иногда были учениками дагестанцев.

Праздничные пояса часто переходили из рук в руки в качестве подарка или покупки, поэтому пояс мог свидетельствовать скорее о социаль-

ном и имущественном положении своего владельца, чем о его этнической принадлежности.

Пояса второго типа — из полосы ткани (видимо, широко распространенные в более ранние периоды) носили старики, муллы и хаджи, мужчины, находившиеся в трауре. Ткань складывали в несколько раз, а иногда скручивали жгутом. Матерчатый пояс могли падеть на бешмет, но не на черкеску. Такие же пояса, только из другого материала — войлока шириной в 4—6 см, носили во время косьбы. «На летнем покосе ременным поясом не подвязывайтесь, он затвердеет, высохнет, спину потрет»,— такой практический совет давала балкарская песня [37].

Традиционные узкие кожаные с металлическим набором пояса оказались довольно устойчивой частью мужского костюма.

Ноговицы, подвязки, носки. Специфическим элементом костюма народов Кавказа, в особенности Северного, являются поговицы — нечто вроде гамаш, надеваемых поверх брюк. Они плотно охватывают ногу, начинаясь от подъема и заканчиваясь выше колена (часто закругленным выступом) или доходя до бедра. Закрепляли ноговицы под ступней штрипками. Ноговицы обтягивали ногу поверх брюк, не давая последним болтаться, цепляться за ветки и камни. Во время верховой езды поговицы защищали ноги от пота лошади, металлических пряжек стременных ремней и т. п. Они утепляли ногу и вообще играли роль голенищ высоких сапог. По материалу можно выделить ноговицы из ткани — домотканого сукна, из войлока, из кожи.

Наиболее распространены были ноговицы, сшитые из домотканого сукна темных цветов: коричневые, бурые, черные, серые, красновато-коричневые. По верхнему и нижнему краю их обшивали шнурком или тесьмой ручной работы. Из тесьмы или полоски кожи делали штрипки. Шили ноговицы из одного куска сукна со швом сзади или из двух кусков, соединенных спереди и сзади вертикальными швами. В отдельных случаях, по словам авторов XIX в., эти два куска различались по цвету. Ноговицы из сукна носили повседневно, особенно при выезде куда-либо, при полевых работах, работе в лесу, на охоте и т. п.

Ноговицы из войлока имели более ограниченное употребление. Их надевали чаще всего пастухи на кошах в сочетании с войлочной одеждой — гебенеком. Их делали высокими, почти до бедра, для лучшей защиты от дождя и холода. Чаще всего ноговицы носили карачаевцы и балкарцы, но они бытовали также у кабардинцев и адыгейцев.

Ноговицы кожаные делали из сафьяна, они были дорогими и доступны не всем. Такие ноговицы считались праздничными. Кожаные ноговицы плотно и красиво обтягивали ногу. Иногда их украшали тиснением, галунами, а в более ранние периоды — аппликациями из красного сафьяна по обычному для кожаных ноговиц черному фону [38]. Кожаные ноговицы носили все народы Северного Кавказа, но в основном молодежь и люди среднего возраста из богатых семей. Старшее поколение предпочитало более теплые ноговицы из сукна [39].

Интересны наименования ноговиц у тюркских народов Северного Кавказа. Карачаевцы и балкарцы называли ноговицы *ышым*, ногайцы —

Р и с. 13. Ноговицы и носки. Конец XIX — начало XX в.

слева вверху и внизу — ноговицы из войлока и из кожи; *справа вверху и внизу* — носки из кожи и из войлока (или меха)

сым. В киргизском и узбекском языках слово *шым* (*шим*) значит «штаны». Это одно из самых древних тюркских названий штанов [40]. На Северном Кавказе, как мы видим, этим словом называют ноговицы, напоминающие отдельные штанины. У других народов ноговицы называют чаще всего терминами, происходящими от слова «голень». Видимо, ноговицы имеют чисто местное происхождение и поэтому в тюркском языке их названиям не было прямого соответствия.

Сверху на ноговицы в зимнее время иногда надевали наколенники из сукна или овчины. Они имели вид коротких, но широких трубок, закрывавших ногу от подколенной части до середины бедра. Наколенники носили обычно старики или люди, страдавшие ревматизмом и другими болезнями ног.

Для закрепления ноговиц и наколенников под коленом существовали подвязки из ремня или войлока. Кожаные подвязки обычно были из

очень узкого ремня с пряжкой и наконечником, как на поясе. Иногда их металлические части делали из серебра и украшали гравировкой и чернью. Имелись подвязки из довольно широкой (2—4 см) полоски мягкой кожи, которая на одном конце разделялась пополам, образуя завязки, а на другом конце имела петлю, в которую продевали завязки. По краям кожу обшивали тесьмой или галуном. Подобную форму имели и подвязки из войлока. Бедняки иногда подвязывали ноговицы кусочком шерстяного шнура (рис. 13).

Ноговицы носили в сочетании с носками или, при закрытой обуви, без носков. Наиболее характерными были носки, сшитые из сафьяна, сукна, или войлока, что является также специфической особенностью костюма народов Северного Кавказа. Вязаные из шерсти носки не имели на Северном Кавказе древней традиции, в отличие от Закавказья и Дагестана. Их начали вязать и то далеко не у всех народов в конце XIX — начале XX в., а главным образом в советское время, когда вошли в обиход готовые трикотажные носки. Название вязаных носков и чулок у карачаевцев, балкарцев, осетин происходит от грузинского слова *цинда* — «носки», «чулки», что свидетельствует, возможно, о заимствовании этих изделий из Грузии. Только у чеченцев и ингушей вязаные носки известны давно. Их вязали из шерсти белого или темного цветов. Существовал для их наименования и собственный термин — *пазаташ*. Возможно, распространению вязания у чеченцев способствовало соседство с Дагестаном, славившимся своими вязаными изделиями.

Носки из сафьяна состояли из двух частей: нижней, сшитой из одного куска кожи со швом на подошве и заднике и глубоким с загибанием носком, и верхней — низких прямых голенищ, сшитых из одного куска сафьяна. Верхняя часть голенищ по бокам была закруглена. Нижняя и верхняя части соединялись очень тонким внутренним швом. Место сшивания иногда украшали галуном или шнуром из золотых ниток. Сафьяновые носки чаще всего делали из черного сафьяна. У адыгских народов для лиц дворянского происхождения в XIX в., как и в XVIII в., часто шили носки из красного сафьяна. Сафьяновые носки плотно облегали ногу и могли служить легкой домашней обувью, но чаще на них, особенно при выходе из дома, надевали кожаные туфли. Сафьян обычно покупали, а он стоил довольно дорого, поэтому такие носки носили как праздничные, у богатых же они являлись повседневными.

Особый интерес представляет название сафьяновых носков, имеющее общий корень у всех народов Северного Кавказа (меси, мес, мест, маис, маьхьси). Таджики называют близким наименованием *махси*[41] мягкую обувь, хотя и отличную по покрою. Бытует этот термин и в Закавказье. По В. И. Абаеву, это древнеиранский термин, восходящий к слову «овца»[42]. Он находит его и в скифском языке. Возможно, что этот термин вошел в кавказские языки очень давно вместе с проникновением в культуру самого предмета. Многие авторы считают меси не носками, а обувью. Происходит это, видимо, потому, что для русского человека носки — это только вязаное изделие, но, как мы видим, на Кавказе носки делали из разных материалов. Принцип же употребления — на босу ногу

под поговицу, с последующим надеванием кожаной обуви — позволяет нам причислить их к носкам.

Косвенным подтверждением этого толкования служит и отношение к ним в быту самого народа. Как известно, правоверный мусульманин перед молитвой должен был снять обувь и обмыть ноги. Но человек, у которого на ногах были меси, мог их не снимать, а только провести по ним мокрой рукой.

Носки из сукна повторяли покрой сафьяновых меси и имели такое же употребление. Делали их обычно из тонкого мягкого сукна. Сшитые из сукна носки бытовали и у рачинцев — горцев Западной Грузии.

Войлочные носки шили по тому же образцу, что и сафьяновые, из тонкого войлока. У чеченцев войлочные носки носили женщины, а для мужчин делали длинные до колен войлочные чулки, которые заправляли в штаны. Но в конце XIX — начале XX в. войлочные носки носили уже немногие. У ногайцев, карачаевцев и балкарцев существовали также валяные войлочные носки (*уйцикъ* — у ногайцев, *уюкъ* — у карачаевцев и балкарцев). Их валяли прямыми, без пятки, на специальной дощечке мечевидной формы.

Мужская и женская обувь. Кавказская обувь отличается необычным разнообразием по материалу, покрою, форме и функциям. Такое разнообразие во многом зависит от различных природных условий, занятий, образа жизни и социального положения местного населения. Особенно велико влияние природных условий в горных районах, где отсутствовали хорошие дороги и где от удобства обуви часто зависела сама жизнь человека.

Изучение обуви и особенно ее картографирование представляют большой интерес, так как это позволяет выявить и реконструировать самые простейшие ее формы, сохранявшиеся тысячелетиями. Коллекции обуви в музейных собраниях очень невелики. Хранение обуви, особенно сделанной из плохо выделанной сыромятной кожи, весьма сложно. С течением времени обувь ссыхается, теряет форму, и судить о ее покрое не всегда представляется возможным.

Описания обуви в литературе неполны, суммарны, часто неточны, имеется путаница в терминологии. В русской литературе чуть ли не все виды кавказской обуви именуют «чувяками». Но даже применяя местные термины, авторы путают их и называют одним словом самые разные типы обуви. В национально-русских словарях авторы, не найдя русских соответствий, пишут: «вид национальной обуви», в лучшем случае упоминая материал.

Мужская и женская обувь у народов Северного Кавказа почти не различалась. Женщины носили все те же виды обуви, что и мужчины, но в ином количественном соотношении. Кроме того, имелось небольшое число специфически женских видов обуви, в основном не местного происхождения. Они имели ограниченное распространение и бытовали у более зажиточных и знатных. Поэтому, хотя мы даем раздельные карты по мужской и женской обуви, классификация и описание ее будут едиными.

В основу классификации, принятой нами, положен ряд признаков: материал (обувь из кожи, войлока, ткани), покрой, способ изготовления. Характеристика обуви дается начиная от простейших форм к более сложным, что позволяет предположительно показать ее эволюцию.

Наибольшее многообразие форм имеет кожаная обувь. Многие виды кожаной обуви надевались на босую ногу. Но при этом для тепла и мягкости в нее подкладывали особую мягкую сухую траву. Такую обувь носили пастухи, охотники. По мере намокания травяной подстилки от дождя, снега или при переходе через речки траву заменяли сухой, беря ее с собой про запас. Для рабочей и повседневной обуви в крестьянской среде использовалась сыромятная кожа, выделанная в домашнем хозяйстве руками женщин, с некоторым участием мужчин в операциях, требующих силы (разминание кожи, изготовление ремешков для сшивания обуви и др.). Использовали кожи лошадей, крупного рогатого скота, в т. ч. буйволов (как взрослых особей, так и молодняка). отчасти козьи шкуры (для парадной обуви). При изготовлении рабочей обуви шкуры иногда не очищали от шерсти. Интересно, что у всех народов Северного Кавказа понятия «шкура» и «кожа» обозначалась одним словом (у адыгов — *фэ*, осетин — *царм*, тюркских народов — *тери*, вайнахов — *не*).

Простейшей формой обуви была обувь из одного куска кожи, скрепленная или сшитая. Первый тип обуви встречался в Кабарде, это обувь для косцов, называемая *карэхь*. Она представляла собой сложенный вдвое прямоугольный кусок телячьей кожи (часто с шерстью) в длину ступни. С одного конца она имела крепление при помощи тоненького ремешка. При надевании этот конец образовывал носок с петлей на конце. По верхнему краю проделывали отверстия, в которые протягивали ремешки. На пятке ремешки скрещивали, проводили вперед и, захватывая петлю на носке. закрепляли на ноге. Эта простейшая обувь была удобна только для косцов, работавших не на крутых склонах (рис. 14).

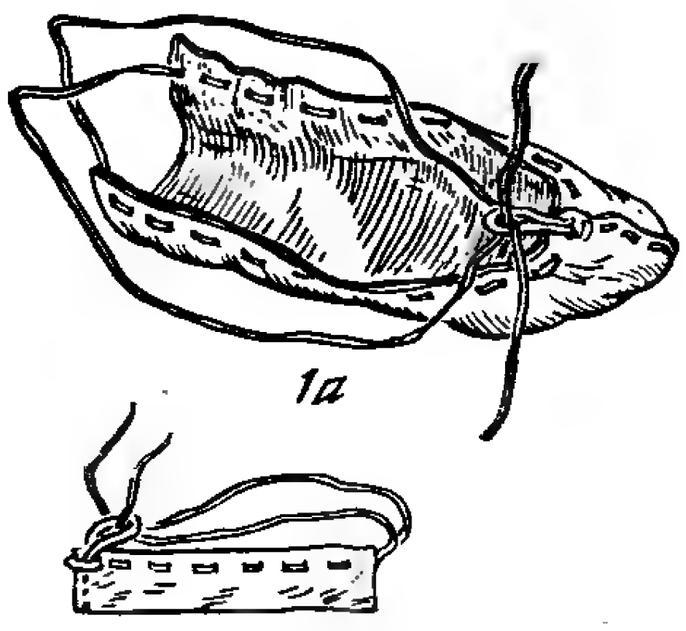
К этому же типу обуви, сделанной из одного куска сыромятной кожи, относятся осетинские *къогъодзи*, аналогичные грузинским *каламани*. Для их изготовления употребляли кусок кожи в форме вытянутой трапеции, по всем краям которой прорезали дырочки. Из более широкого края трапеции, присборивая кожу, получали носок. В дырочки продергивали веревочку или ремешок, собиравший всю кожу вокруг ноги и закреплявшийся у щиколотки. В отличие от кабардинской в этой обуви прикрывалась и пятка. Подобная обувь существовала также у адыгейцев и чеченцев. Носили ее в основном мужчины. Данный тип обуви известен не только народам Кавказа (в особенности Закавказья), но и славянским народам под названием *постолы, поршни*.

Более сложной была обувь, не просто скрепленная ремешками, а сшитая из одного куска кожи. Заготовка в развернутом виде представляла собой пятиугольник с вытянутым углом. При складывании получался закрытый глубокий носок и такой же задник. доходящие до щиколотки. Шов проходил по заднику и по подъему. У щиколотки обувь закреплялась на ноге с помощью ремешка, продернутого в специальные отверстия-ушки.

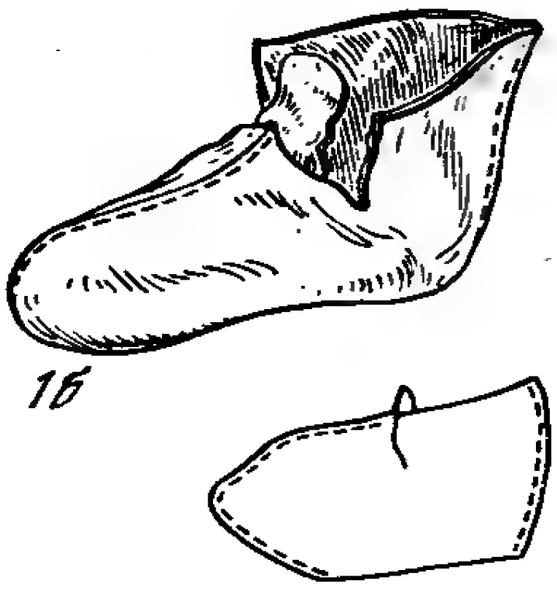
При другом варианте кроя заготовка обуви имела вид вытянутого прямоугольника с двумя закругленными выступами (для носка) на одном конце и маленькой выемкой — на другом, образующей при сшивании округлую пятку. Шов проходил вертикально по заднику и по подъему ноги, заходя на переднюю часть подошвы. У подъема делали полукруглый подрез, в который вшивали язычок (по-карачаевски *къулак* — «ухо»). При завязывании ремешка спереди у щиколотки узелок ложился на язычок и не натирал ногу. Эту обувь делали из сыромятной кожи домашней выработки. При носке она требовала особого ухода. По возможности часто ее мазали маслом, курдючным или внутренним жиром и разминали, чтобы сделать мягкой и менее водопроницаемой. Закрепление обуви у щиколотки предупреждало кручение ее вокруг ноги даже при намокании. Носили ее и мужчины, и женщины. Мужчины при этом надевали суконные или войлочныеноговицы, а женщины чаще заправляли в нее нижний край штанов. Наиболее широко такая обувь бытовала у Балкарии и Карачае, где ее называли *чарыкъ*. Кабардинцы употребляли термин *гончарыкъ* (каб. *гуэн-шырык*) [43]. У кабардинцев под этим наименованием известна простая мужская обувь указанного покроя из сыромятной кожи, термин тюркский. В Чечено-Ингушетии обувь этого типа была распространена довольно широко. Везде ее носили, подкладывая внутрь мягкую сухую траву [44]. Чеченцы иногда заменяли ее листьями кукурузы или носили на шерстяной чулок.

Форма этой обуви — мягкой, без пришивной подошвы, с завязками у щиколотки, ее ношение с ноговицами говорит о том, что это очень старый вид обуви. А. А. Миллер считает, что это «древняя обувь», некогда бывшая в распространении на всем Кавказе, судя по археологическим данным [45]. А. А. Миллер ссылается на глиняный сосуд, раскопанный им у Кызыл-Ванка в 1925 г. Этот сосуд воспроизводит мягкую обувь с завязкой у подъема и ноговицей и датируется Миллером VIII в. до н. э. К этому же времени относится бронзовый сосуд в виде обуви из Закавказья и др. [46] В настоящее время количество археологических материалов, подтверждающих мнение А. А. Миллера, значительно увеличилось.

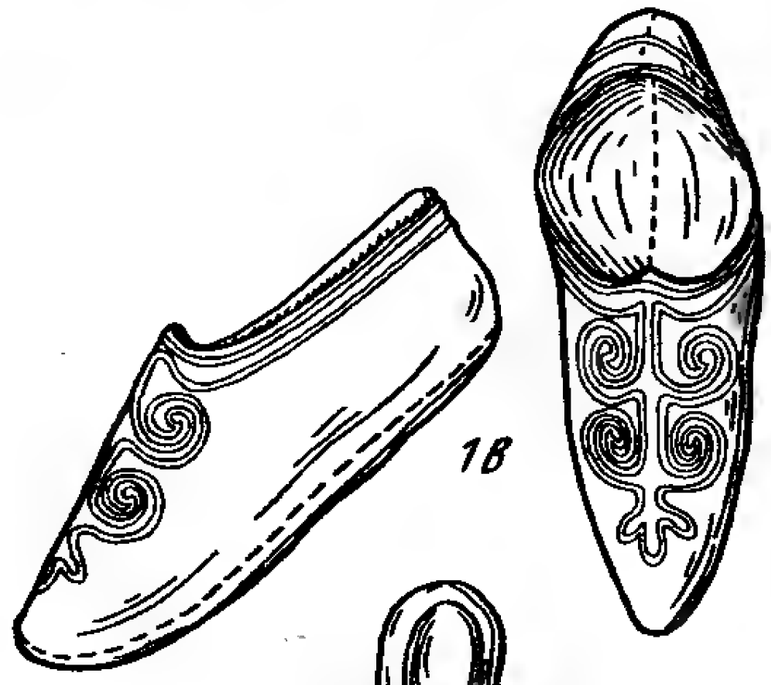
Весьма примечателен и, насколько нам известно, не имеет аналогий вне Кавказа еще один вид обуви из сыромятной кожи. По покрою и внешнему виду она похожа на вышеописанную обувь. Особенностью ее кроя является то, что при сохранении обычного шва на заднике подошва обуви во всю ширину сплетена из ремешков. В этой обуви было удобно ходить по крутым склонам гор, так как ременной переплет подошвы препятствует скольжению. Такую обувь надевали охотники, пастухи, косцы на горных покосах, путники, шедшие через перевалы. Карачаевцы и балкарцы называли ее *чабыр*. Надевали обувь на босую ногу, подкладывая внутрь для тепла и мягкости специально собранную траву *салам* (по-карачаевски), которую носили с собой. Старики говорили, что лучшая — мягкая и неломкая трава та, которая перезимовала под снегом или хотя бы прихвачена морозом [47]. Если в чабыр попадала вода, она, не задерживаясь, протекала через подошву и надо было только сменить подстилку. Носили эту обувь мужчины. Они же ее и изготовляли



1а

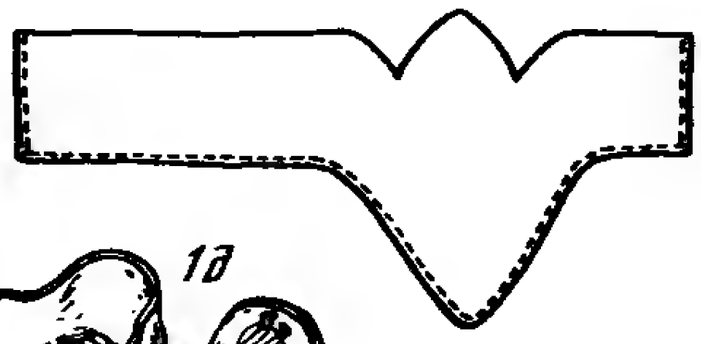


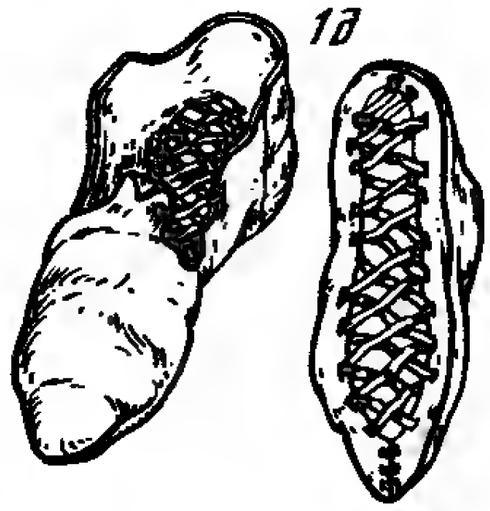
1б



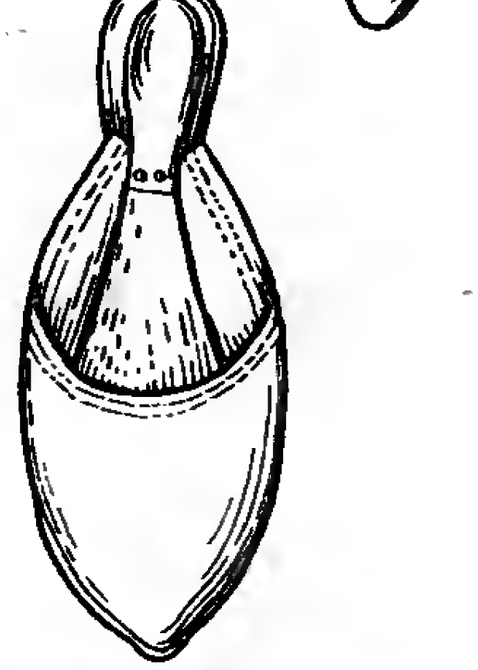
1в

1г

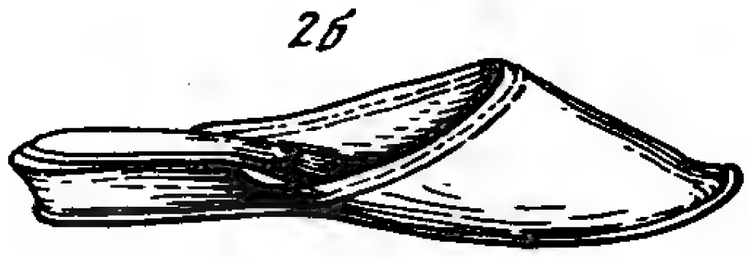


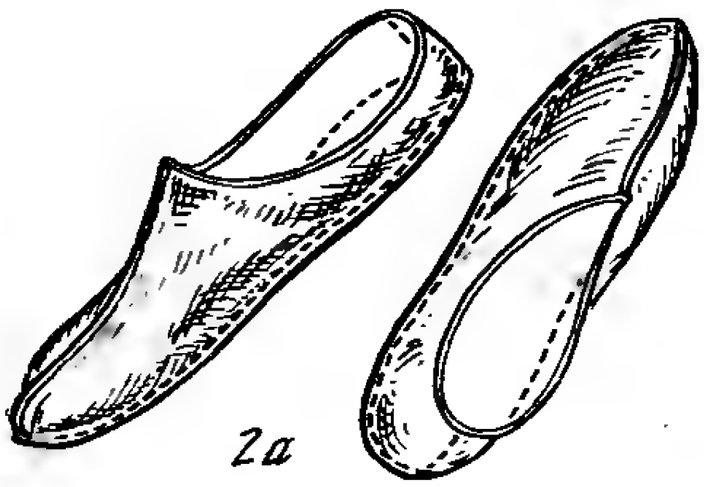


1д

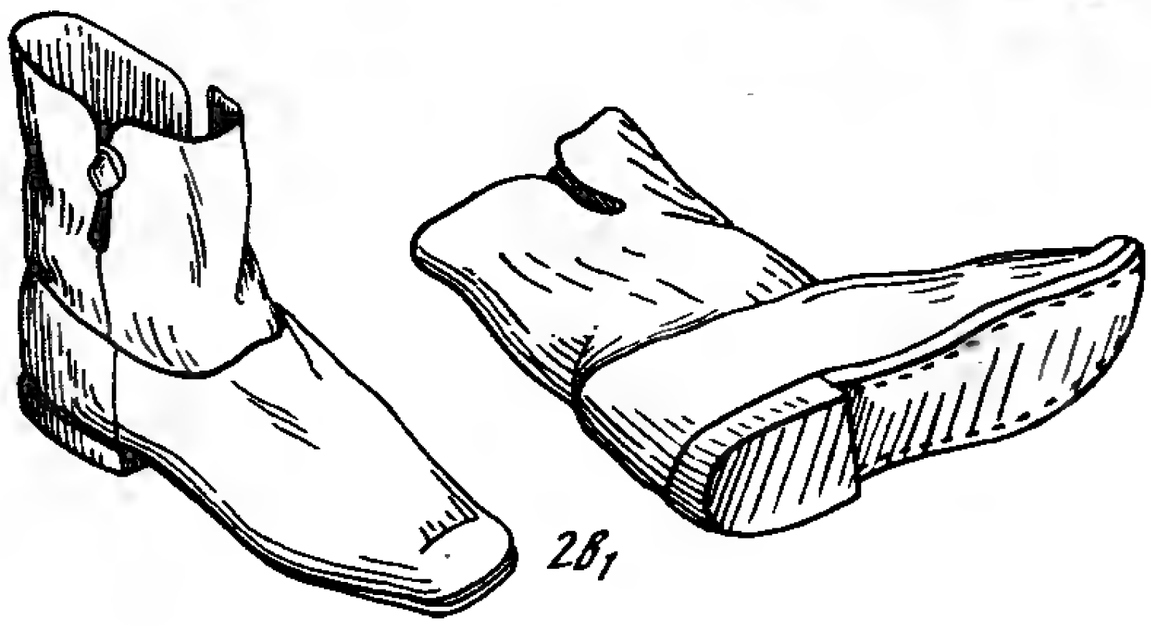


2б

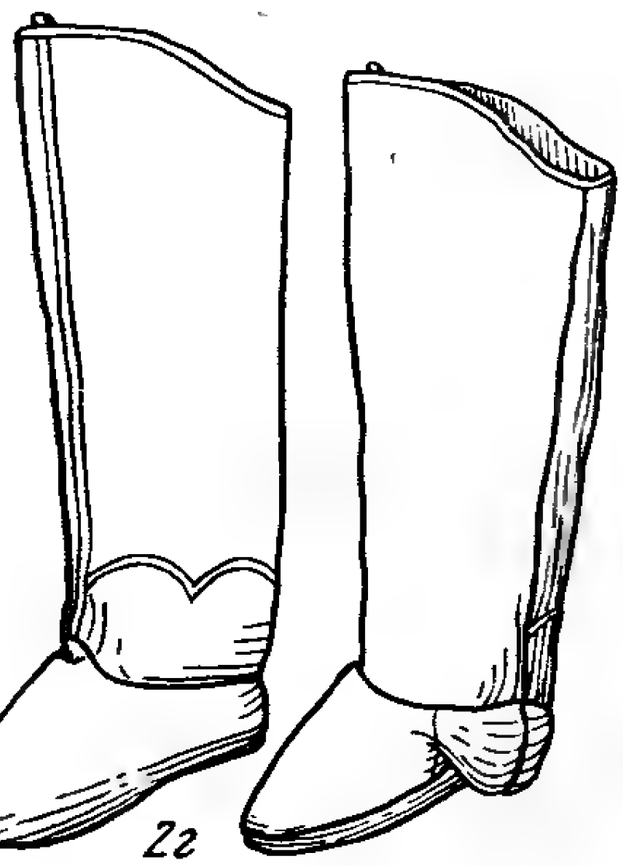




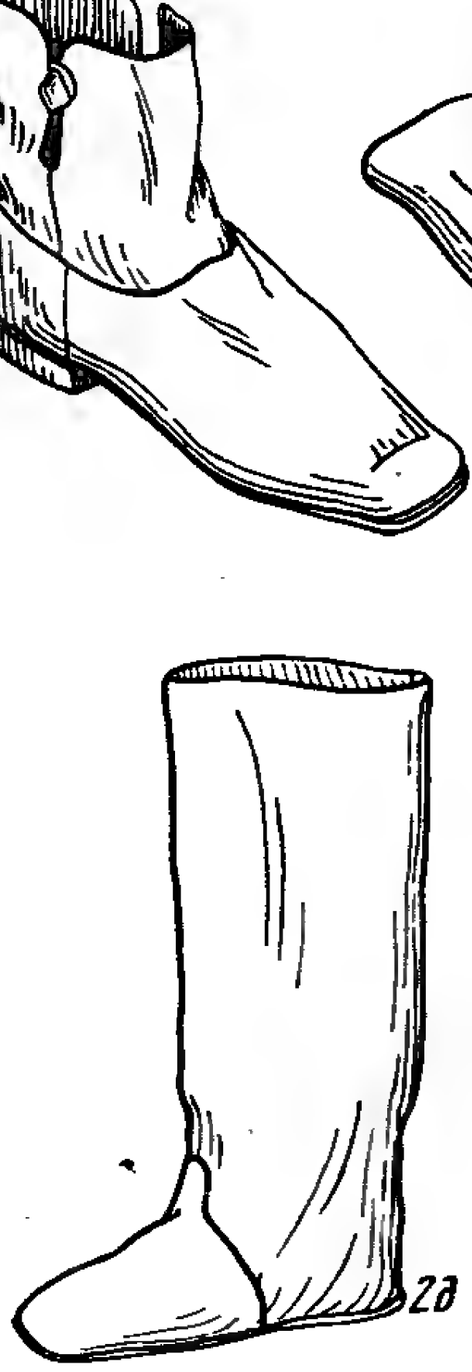
2а



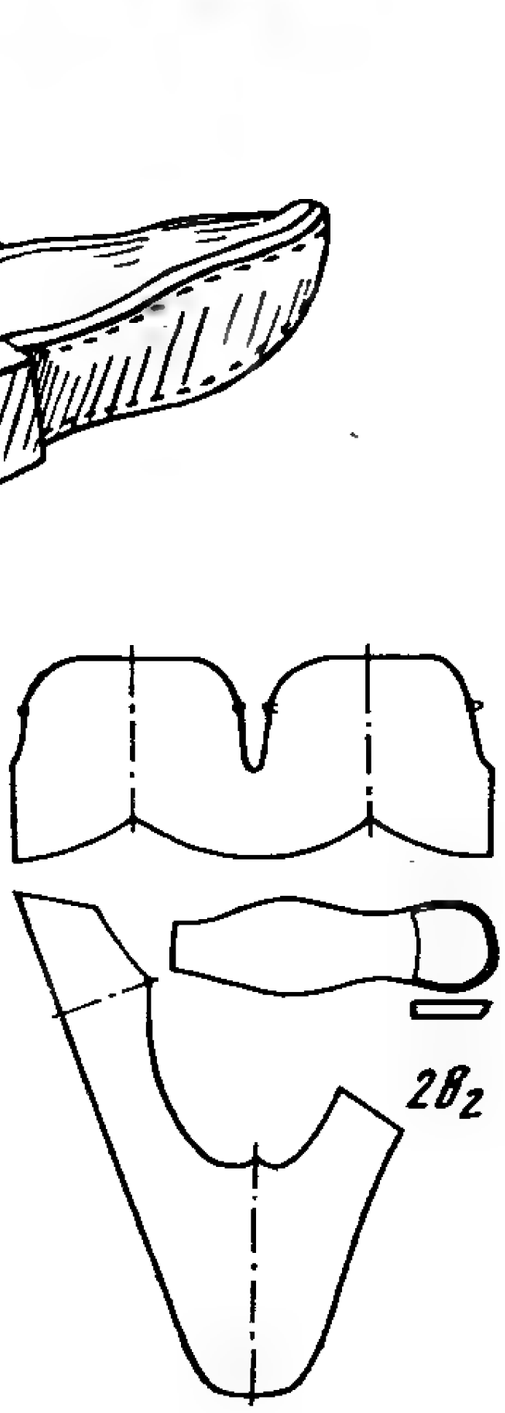
2в1



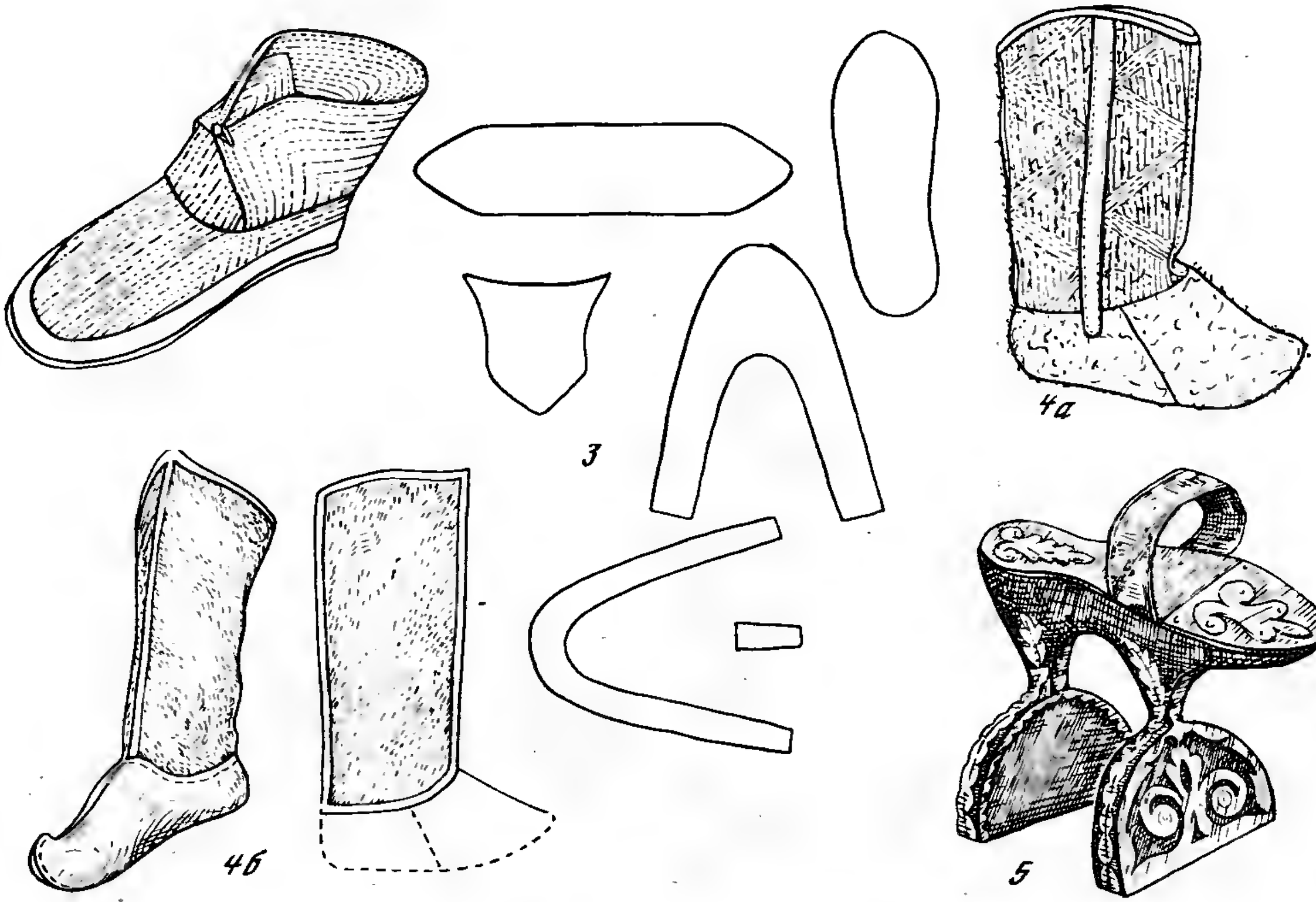
2г



2д



2в2

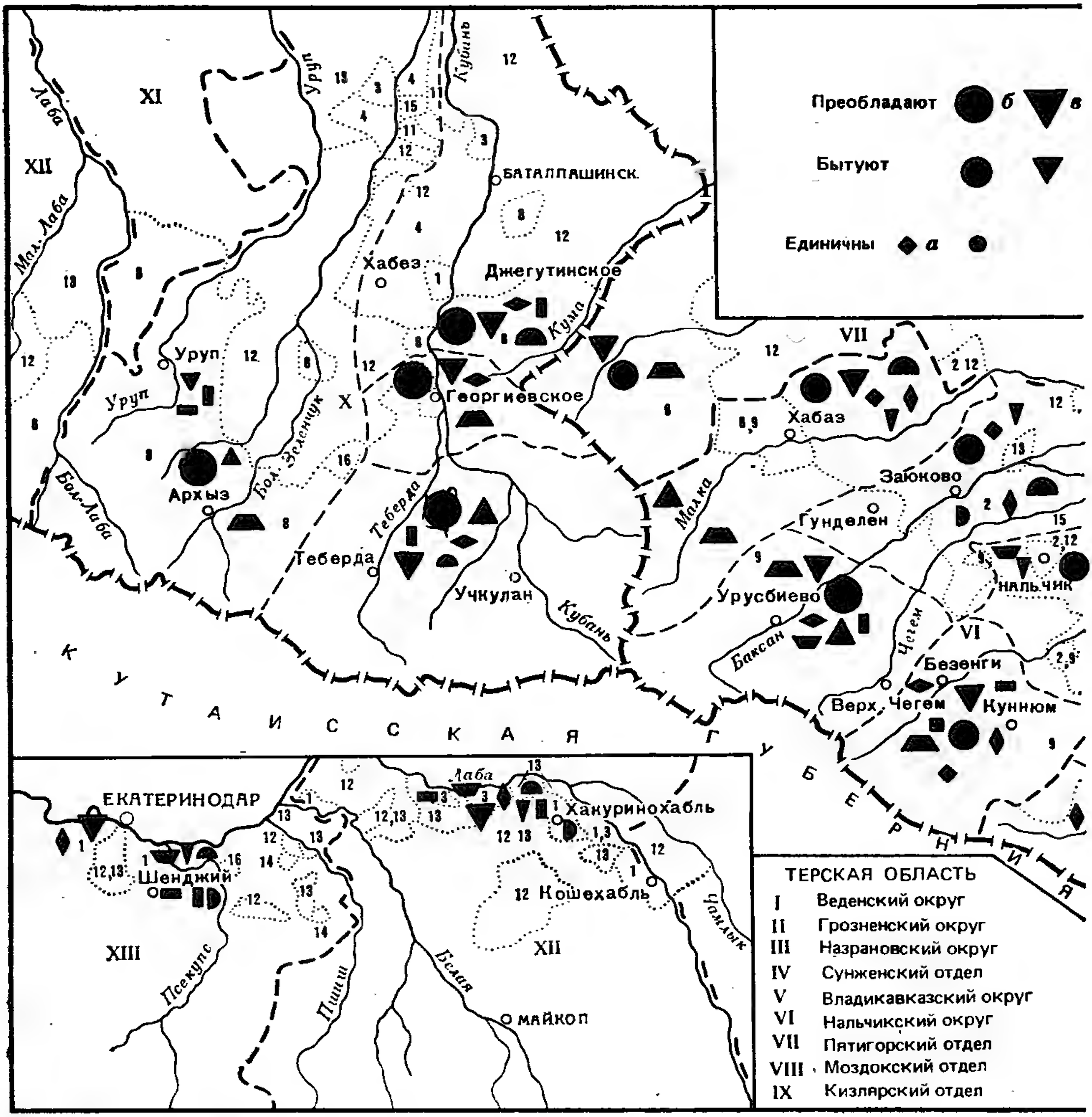


Р и с. 14. Мужская и женская обувь. Конец XIX — начало XX в.

1 — кожаная цельнокроенная (из одного куска): *а* — типа постолов, без швов (мужская); *б* — со швом на носке и заднике (мужская и женская); *в* — со швом на подошве и заднике (мужская и женская); *г, д* — с плетеной подошвой (мужская); *2* — кожаная детально кроенная (из нескольких частей): *а* — с твердой подошвой (мужская и женская); *б* — с твердой подошвой, каблуком и без задника (женская); $в_1$ — с твердой подошвой и низким каблуком (женская); $в_2$ — кройобуви; *г* — сапоги мягкие со швом на подошве (мужская); *д* — сапоги мягкие со вшивной подошвой (мужская); *3* — обувь из ткани с кожей, детально кроенная, верх из сукна, подошва из кожи (мужская и женская); *4* — обувь из войлока, детально кроенная: *а* — на голенищах с кожаными полосками (мужская и женская); *б* — нижняя часть обшита кожей (мужская и женская); *5* — деревянные ходули, обтянутые бархатом, отделанные серебром (женская)

во время пребывания на кошах. Пастух за сезон изнашивал несколько пар такой обуви. И хозяин, по обычаю, должен был обеспечивать его кожей для изготовления новой пары.

О существовании подобной обуви (по-осетински *æрчьи*) писал в своем донесении русский посол, переходивший в 1802 г. в Грузию через горный перевал. Перед перевалом его обули в такую обувь [48]. О наличии ее у осетин писал в XVIII в. грузинский ученый — царевич Вахушти. Находят ее и в наземных склепах [49]. Известны случаи, когда такого рода обувь использовалась в русской армии. По рассказам наших информаторов, во время русско-турецкой войны солдаты никак не могли подняться

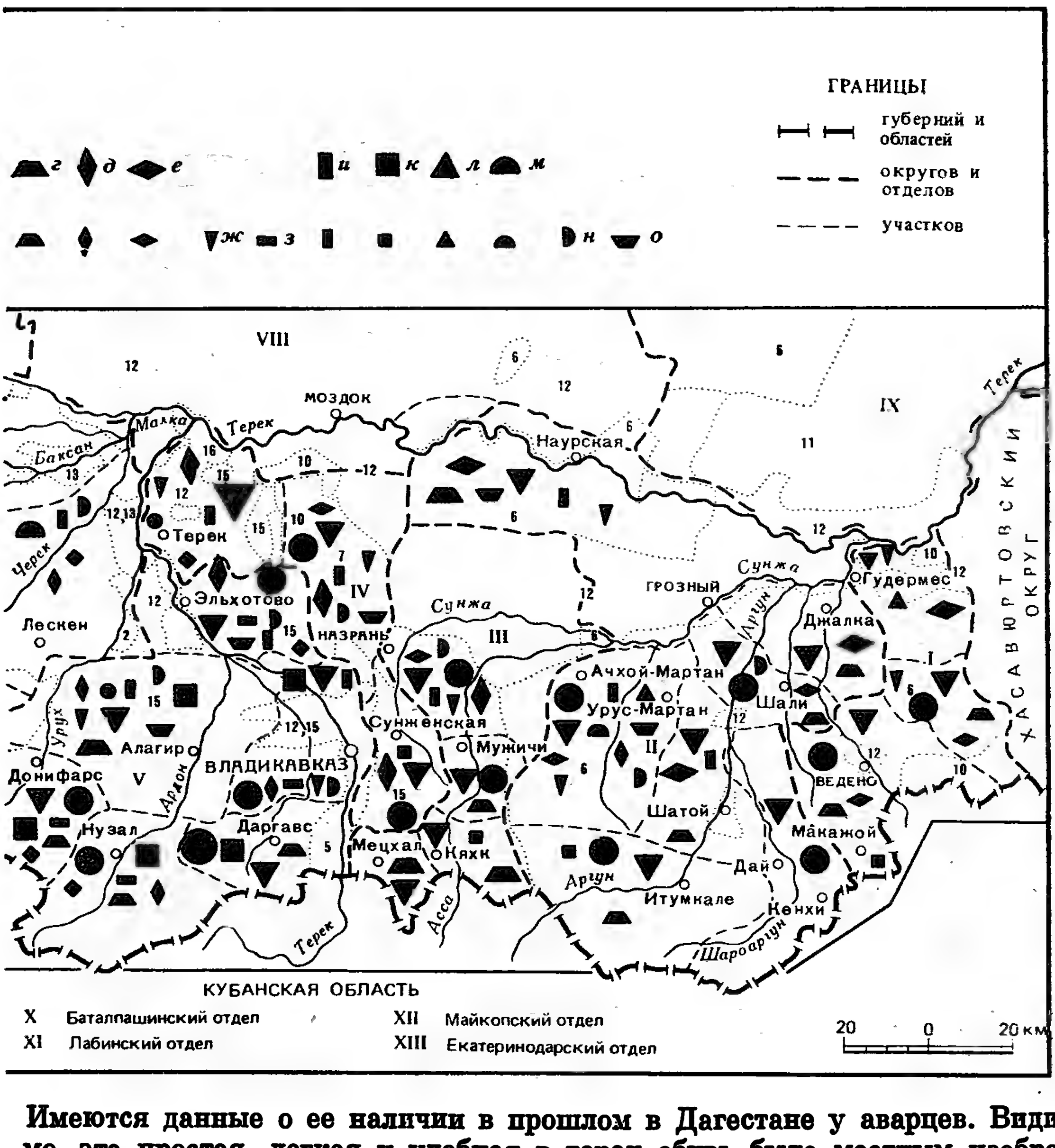


Карта 3. Мужская обувь. Конец XIX — начало XX в.

Кожаная из одного куска: *а* — типа постолов, без швов, *б* — со швом на заднике и носке, *в* — со швом на подошве и заднике, *г* — с плетеной подошвой. Кожаная низкая из нескольких кусков: *д* — с мягкой подошвой, *е* — с твердой подошвой. Кожаные сапоги: *ж* — с мягкой подошвой, *з* — с твердой подошвой, *и* — «русские сапоги»; *к* — обувь из ткани и кожи, *л* — обувь из войлока. Галоши: *м* — деревянные, *н* — кожаные, *о* — резиновые

на гору близ Ахалцихе. Подполковник-осетин, командовавший войсками, воспользовался советом отца и приказал изготовить для солдат *ирчыи*.

Обувь этого типа, кроме осетин, карачаевцев и балкарцев, была распространена у горных чеченцев и ингушей [50], а также у грузинских горцев — хевсуров, сванов, рачинцев, мтиулов, мохевцев, тушин, пшавов.



Имеются данные о ее наличии в прошлом в Дагестане у аварцев. Видимо, эта простая, легкая и удобная в горах обувь была местным изобретением и существовала у горцев Кавказа издавна. Ее самобытность подтверждает существование у каждого народа ее собственного наименования (см. терминологическую таблицу).

Описанная выше обувь была рабочей или повседневной и бытовала в основном в крестьянской среде.

Среди кожаной обуви, более парадной, можно выделить обувь, также сшитую из одного куска кожи, но другого покроя: шов в ней проходит по подошве и заднику [51]. Носок был цельный, глубокий, закрывал весь подъем. Иногда вверху был оформлен в виде мысика. Шили эту обувь

женщины выворотным способом с левой стороны тонкой иглой из сафьяна или хорошо выделанной кожи. В иглу вдевали тончайшую кожаную ленточку или навощенную льняную или конопляную нитку. При этом старались захватить только внутренний слой кожи, чтобы шов был более тонким. По окончании работы обувь выворачивали верхним слоем кожи наружу, швы таким образом оказывались внутри. Такой способ шитья был возможен только на более тонкой, хорошо выработанной коже.

Обувь такого рода носили и мужчины, и женщины поверх кожаных или суконных носков или на босую ногу. Франты предварительно смазывали ее внутри мылом, размачивали и давали обсохнуть на ноге, чтобы придать обуви нужную форму. Ее украшали тиснением, галунами, а иногда и золотым шитьем (женскую обувь) (карта 3).

Обувь из тонкого сафьяна была принадлежностью костюма знатных и богатых мужчин не только из-за своей высокой стоимости, но и потому, что они не ходили пешком, а ездили верхом. И эта обувь у них менее изнашивалась. Отличительной чертой обуви кабардинских феодалов был ее цвет — красный (кожаные носки и надевавшиеся на них *лъахстэн вакъэ* — сафьяновая обувь). Эту особенность учитывали во время стычек с кабардинцами. Стрелять в воина в красной обуви — значило убить одного из предводителей. Таким образом, цвет обуви имел социальный смысл. И это нашло отражение в фольклоре. Так, Лиоан — народный мудрец, живший в XVI в., в одном из своих предсказаний сказал: «Будет война. Чевяки из грубой кожи пойдут войной против тляхстан — сафьяновой обуви, и чевяки победят». Крепостные (пшитли) носили грубые чевяки из коровьей или буйволовой или свиной кожи, а пки уорки (феодалы) сперва натягивали тонкий сафьяновый чулок, а сверху сафьяновую обувь [52].

Кожаная обувь, сшитая из нескольких кусков, бытовала у всех народов Северного Кавказа, но особенно была характерна для адыгов. По-кабардински она называлась *лъахстэн вакъэ*. Ее делали, как уже отмечалось, со швом на подошве. Имелась также обувь с отдельно выкроенной и пришитой или вшитой подошвой, которую часто вшивали выворотным швом. По внешнему виду она напоминала вышеописанную обувь со швом на подошве и заднике. У народов Северного Кавказа обувь со вшитой мягкой подошвой распространения не получила (отмечалась единично).

В начале XX в. у мужчин встречались мягкие сапоги, представлявшие собой как бы сшитые вместе ноговицы и мягкую обувь типа лъахстан вакъэ [53]. Возможно, эта форма родилась под влиянием русских сапог, так как вообще высокая обувь не была характерна для народов Северного Кавказа.

Шили также обувь на твердой подошве из специально выделанной кожи, имевшую вид туфель с острым и слегка приподнятым носком. Она появилась в начале XX в., служила как бы переходной формой к покупной обуви городского типа. Носили ее и мужчины, и женщины поверх кожаных или вязаных носков, а позднее с фабричными чулками.

Чаще всего она встречалась у чеченцев и ингушей, а также и их соседей — кумыков в Дагестане. С. Ш. Гаджиева указывает, что все виды обуви на твердой подошве делали специалисты-сапожники, главным образом лакцы [54].

Среди лакцев Дагестана было много отходников самых разных специальностей. Сапожным делом на родине и в других местах занимались жители с. Шовкра [55]. Они поселялись на сезон, а то и оседали надолго в городах и крупных селениях Северного Кавказа. Так, в чеченском селении Урус-Мартан была сапожная мастерская, принадлежавшая чеченцу, в которой работали лакцы. В этой мастерской шили разную обувь, вплоть до русских сапог. В селении имелся магазин, торговавший готовой обувью как местной работы, так и фабричной.

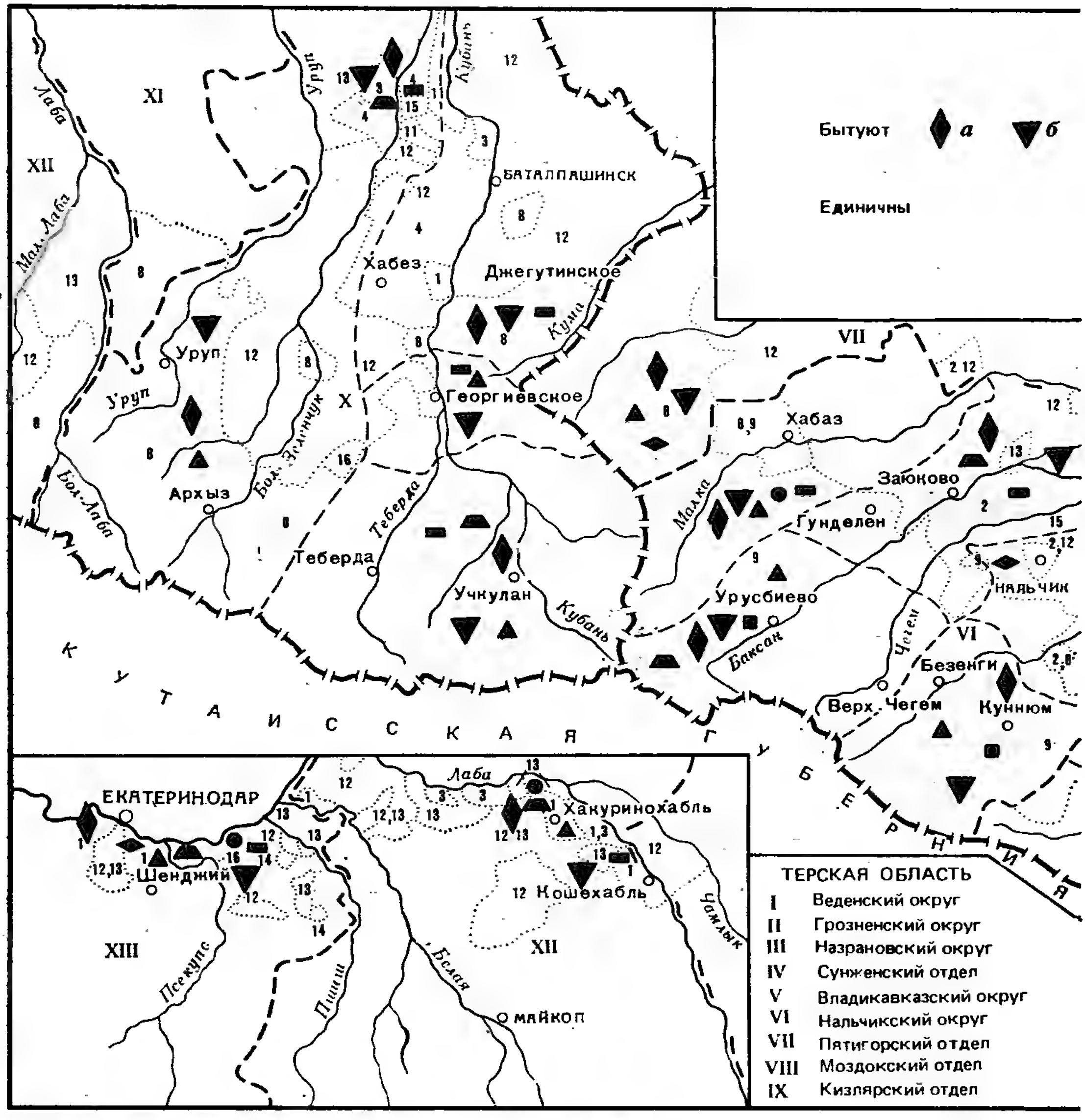
В крупном карачаевском селении Учкулан также работали сапожники из Дагестана — «кумуки» (карачаевцы всех дагестанцев называли *кумук*, так как языком общения у них был кумыкский язык). Они шили обувь на подошве, имевшую вид туфель, которые носили с кожаными ноговицами, или более закрытые с застежкой у щиколотки. Такую обувь на подошве так и называли *къумукъ чарыкъ* и считали ее праздничной.

Если сопоставить обувь подобного типа, принадлежавшую чеченцам и карачаевцам и хранящуюся в ГМЭ, то она поражает своим сходством (общий вид, покрой, техника исполнения). Видимо, ее шили, как и другую обувь, в частности невысокие кожаные сапожки из выделанной кожи, с пришивной подошвой, имеющиеся в коллекциях музея как по чеченцам, так и по карачаевцам, те же лакские мастера или выучившиеся у них чеченцы.

Более широкое распространение обувь с подошвой получила со второго десятилетия XX в.

Войлочная обувь в зимнее время употреблялась почти всеми народами изучаемого региона. Обычно ее шили в виде довольно высоких сапог из гладкого или с ворсом войлока. В последнем случае часто использовали обрезки бурочного войлока или куски от старой бурки. Швы закрепляли при помощи полоски кожи, иногда другого цвета, и они служили также украшением (чеченцы). У адыгейцев для закрепления швов использовали и полоски цветной ткани. Голенище пришивали отдельно, нижнюю часть делали со швом на заднике и подошве, обшивали ее кожей, а иногда пришивали к ней подошву. В других случаях кожей прикрывали лишь швы. Украшением служили полоски кожи, иногда кожаные аппликации, галуны (по верху), узорная прострочка [56].

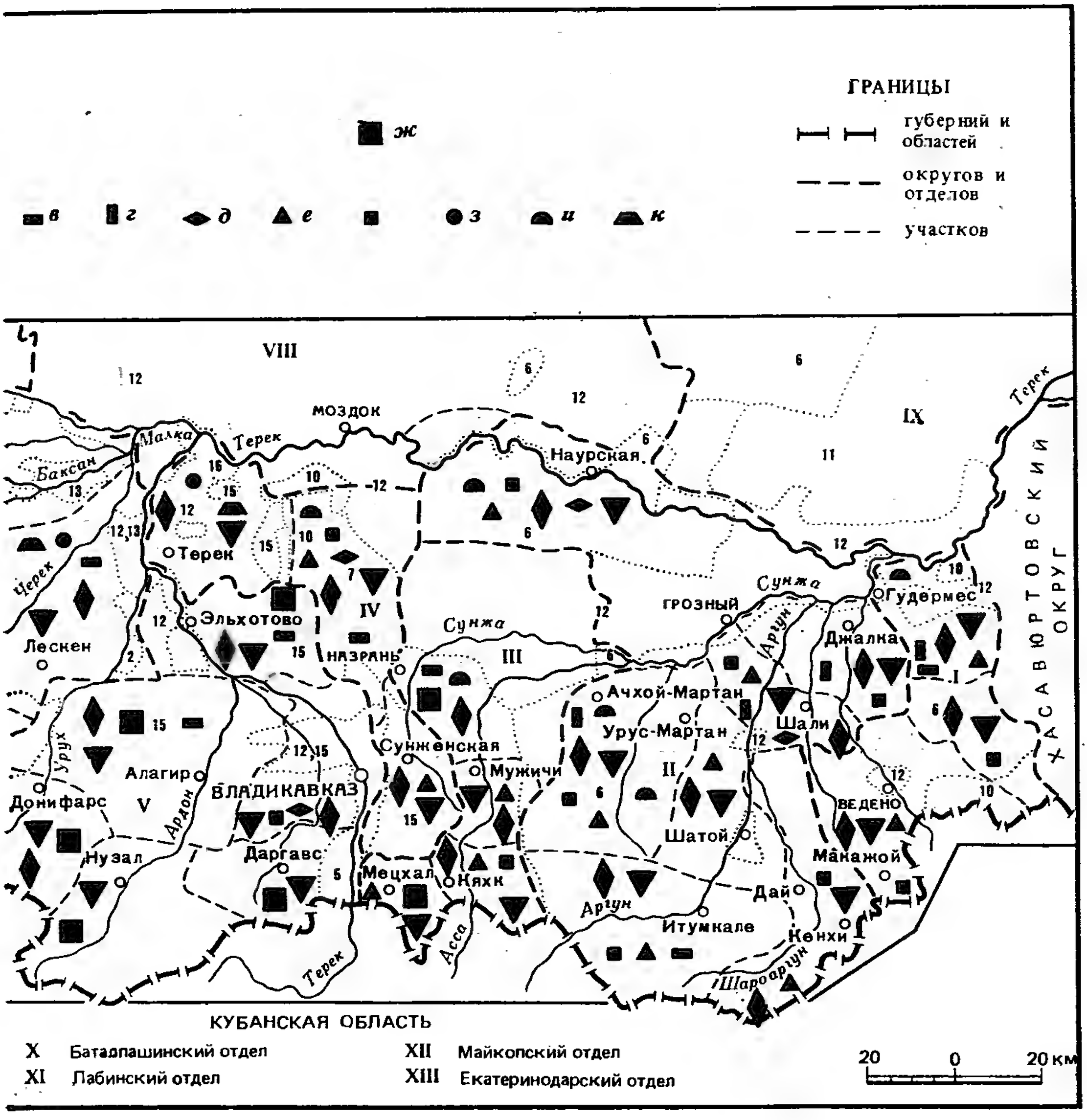
Обувь из ткани более всего была распространена у осетин, ингушей и чеченцев, в меньшей степени — у балкарцев. Ее шили из домотканого сукна на подкладке или из плотной бумажной ткани. Для твердости и прочности густо простегивали параллельными строчками, а позднее прострачивали на машинке. Обувь имела вид невысоких (15 см.) сапожек с заостренным носком, состоящих из нижней части и короткого голенища с застежкой сбоку или спереди у подъема или без застежки. К ним пришивали подошву из сыромятной воловьей кожи, иногда с шерстью.



Карта 4. Женская обувь. Конец XIX — начало XX в.

Кожаная из одного куска: *а* — со швом на подошве и заднике, *б* — со швом на заднике и носке. Кожаная из нескольких кусков: *в* — с мягкой подошвой, *г* — с твердой подошвой и каблуком без задника, *д* — городского типа (фабричная и кустарная); *е* — войлочная; *ж* — из ткани и кожи; *з* — обувь типа галош деревянная, *и* — обувь типа галош кожаная; *к* — обувь из дерева (ходули)

Край нижней части обуви обшивали полоской кожи. В ряде случаев кожей обшивали и задник. Носили такую обувь в качестве повседневной и мужчины, и женщины, а изготовляли женщины. Осетины называли ее *фасмын дзабыр* (шерстяная обувь) или *хæцьил дзабыр* (тряпочная обувь), балкарцы — *чепкен чарыкъ* (суконная обувь).



У адыгских народов и карачаевцев суконную обувь делали только для маленьких детей.

У некоторых народов существовала верхняя обувь, заменявшая галоши, которую надевали поверх мягкой обуви или носков. У кабардинцев и чеченцев ее делали из дерева и кожи. Толстая деревянная подошва с каблуком (напоминающая современные «платформы») держалась на ноге при помощи глубокого кожаного носка, прибитого гвоздями. Задника не было.

Сведения информаторов о назначении этой обуви расходятся. Одни считают ее домашней обувью, другие говорят, что обувь носили в плохую погоду главным образом в пределах двора. У адыгейцев сущест-

вовали деревяшки в форме одной подошвы, которые привязывали к ногам детям в дождливую погоду.

В Чечне, а иногда и в Осетии встречались также кожаные галоши с толстой подошвой, низким широким каблуком. Задники делали из двойного слоя подошвенной кожи, передки — из более тонкой хорошо выделанной черной или коричневой кожи; при сшивании с задниками концы передков закладывались между двумя слоями кожи задника, что придавало этому виду обуви большую прочность. Чеченцы эту обувь называли *екъа калош* (жесткие калоши), а осетины — *хъæбæр къалос* (твердые калоши). Такие же калоши были у кумыков — *къаты калош* (*къаты* — твердый). Изготовляли их сапожники, чаще лакцы [57].

В конце XIX в. и особенно в начале XX в. к местным народам начали проникать резиновые галоши т. н. азиатской формы: с острым носком и глубоким подъемом. Но они были доступны только богатым [58]. У чеченцев резиновые галоши *лаклош* покупали девушкам и молодым парням — женихам (карта 4).

Как следует из предыдущего, набор женской обуви почти не отличался от мужской, хотя употребление некоторых типов обуви женщинами было ограничего только беднейшим населением. С другой стороны, при общности форм женская обувь в ряде случаев отличалась большей нарядностью, была украшена не только галунами и тиснением, но и золотым шитьем. Имелось два типа обуви, считавшихся только женскими. Первые из них — башмаки, С. Ш. Гаджиева выводит этот термин из тюркского глагола *басмакъ* — «наступать» [59]. Наименование «башмак» вошло в русский язык, им называли невысокие сапожки на пуговицах или шнуровке (ботинки). На Северном Кавказе башмаками именовали туфли на твердой подошве, с глубокими, слегка загнутыми острыми носками, без задника, на невысоком каблуке, имевшем форму косячка (часто он бывает подбит железными гвоздями). Надевали такие туфли поверх кожаных или вязаных носков, а иногда и на босу ногу.

Обувь этого типа распространена в Закавказье и вообще на Востоке, на Северный Кавказ она скорее всего занесена из Дагестана, где бытовала в основном среди богатых женщин. Башмак делали специалисты-сапожники, они украшали его вышивкой, аппликациями из кожи. Большое внимание уделяли отделке обуви изнутри. Это объяснялось тем, что в Иране, Азербайджане (в этих районах башмак наиболее распространен) в жилище в обуви не входили, а оставляли ее у порога, где она была доступна всеобщему обозрению. Такие башмаки, по полевым сведениям, более всего носили в плоскостной Чечне, чаще в зажиточных семьях, а также в Осетии и Карачае. В коллекциях ГМЭ по карачаевцам имеются две пары нарядных домашних туфель европейской работы без задника, на французском каблуке, украшенных вышивкой. Видимо, проникновению их в быт каких-то богатых карачаевских семей способствовало внешнее сходство с более ранними формами башмаков.

Существовал еще один вариант обуви этого типа, чаще всего у адыгейцев — без задника, с носком из кожи или бархата, украшенным вышивкой местной работы, но без каблука, на подошве из толстой кожи.

У адыгейцев же встречалась обувь, по-видимому, заимствованная из Крыма или Турции, которую называли *папыш*. Ее надевали поверх кожаных носков, а иногда и сафьяновых мягких туфель. М. З. Азаматова считает эту обувь домашней. В описаниях внешнего вида обуви нашими информаторами есть расхождения. Одни считают ее аналогичной вышеупомянутым башмакам, другие отмечают, что нижняя часть обуви была деревянная, на двух невысоких подставках, украшенная тонкой резьбой или инкрустацией. Изготовляли ее специалисты-мужчины. Нам же кажется, что папыш, воспроизведенные в альбоме «Адыгейский народный орнамент» [60],— это типичные банные сандалии, широко распространенные в Турции, Армении, по-видимому изменившие свою функцию в новой среде в Адыгее.

Специально женской обувью была деревянная обувь, известная в русской литературе как ходули. У адыгских народов она называлась *пхъэцуакъэ* (адыгейцы), *пхъэвакъэ* (кабардинцы). Оба названия переводятся как «деревянная обувь». От адыгов, видимо, эта обувь проникла к карачаевцам и балкарцам, где получила название *агъач аякъ кийм*.

Вырезанные из дерева в форме ступни, но с острым носком ходули укрепляли на двух подставках (под носком и пяткой) равной высоты. Подставки эти расширялись книзу в форме полукруга. Ходули удерживались на ноге при помощи прикрепленной к ним широкой петли из кожи или галуна. В петлю просовывали носок ноги, обутой в мягкую обувь. Высота ходуль, если судить по имеющимся в Музее этнографии народов СССР экземплярам, колебалась от 16 до 20,5 см. На таких ходулях женщина не только стояла, но и передвигалась, хотя и очень медленно. «За полдня полкомнаты проходила»,— свидетельствовали наши информаторы.

Ходули обтягивали бархатом или кожей, украшали накладками из металла, иногда серебра с гравировкой, чернью и позолотой. Более дешевые имели накладки из жести со штампованным орнаментом. Среди музейных экземпляров (из Карачая) встречались ходули, верх которых был выложен костяными орнаментированными пластинками. Инкрустация подобных (но часто еще более высоких) ходуль костью и перламутром особенно характерна для крымских татар. В некоторых случаях под ступней обуви укрепляли металлические звенящие подвески.

Пхъэвакъэ или агъач аякъ бытовали в феодальной среде, что объяснялось не столько их стоимостью, сколько социальным смыслом. Высокие ходули, высокая шапочка, пышный наряд выделяли женщину, физически поднимали ее над толпой, делали «высокопоставленным» лицом. По образному выражению одного из информаторов, «как мечеть над домами, княгиня над другими женщинами поднималась». В фольклоре ходули являются символом пышной и богатой жизни. Княгиня, взятая в плен, плачет: «Всю жизнь ходила я на ходулях, а теперь у ножек кровати кровавые слезы роняю» [61]. Ходули сравнивают с чудесным конем: «Конь — хуаре —мои ходули в засыпанной снегом траве потеряла» [62].

Итак, ходули — принадлежность женского костюма высшего сословия. Но есть событие, возвышающее любую женщину,— свадьба. Русскую

крестьянскую девушку на свадьбе величали княгиней, а на голову надевали особый убор — «корону» (корона, Русский Север). Так и адыгская девушка на свадьбу могла надеть ходули, взятые у кого-либо на время. Знатные женщины надевали ходули не только на свадьбу, но при любом торжественном выходе, на праздник, на танцы.

По всей вероятности, ходули не являются древним видом адыгейской обуви, как пишет об этом М. З. Азаматова [63], а заимствованы у феодальной верхушки крымских татар, с которыми были связаны знатные семьи адыгских народов. Из Крыма адыги получали многие товары (преимущественно из Каффы — Феодосии), в том числе обувь. Об этом свидетельствуют, в частности, адыгские поговорки и загадки. В одной из них говорится: «Длинноногий из Крыма в нашем доме напоминает базар» (сапоги) [64]. Сапоги — высокая цельная кожаная обувь — не свойственна Кавказу, в особенности Северному, и большей частью является заимствованной и поздней по происхождению.

С конца XIX в., а особенно в первые десятилетия XX в., у народов Северного Кавказа распространяется покупная обувь. В первую очередь она появляется в районах, близких к городам Владикавказу, Екатеринодару, Грозному, Майкопу, и в крупных равнинных селениях [65]. Мужчины начали носить русские сапоги, отвечавшие местным вкусам и заменявшие традиционное сочетание невысокой обуви с ноговицами. Наиболее широкое распространение сапоги получили среди осетин. Об этом можно судить со слов информаторов, а также по бытовым фотографиям 1890-х годов и особенно начала XX в. Однако надо учитывать, что фотографировались только самые зажиточные люди и по преимуществу в праздничной одежде.

На распространение русских сапог, в первую очередь в Осетии, влиял ряд факторов: близость к Владикавказу, где жило в основном русское население, с которым осетины поддерживали тесные контакты; кроме того, среди осетин было много офицеров, служивших в осетинском конном полку. Большая часть осетин исповедовала одну с русскими христианскую религию. Все это способствовало росту русского влияния среди осетин.

Мусульманские народы труднее воспринимали что-либо от иноверцев-русских. Наблюдалась и прямая агитация мулл против русской обуви; они говорили, что для шитья сапог могла быть использована и свиная кожа, что при шитье обуви русские сапожники вставляли в дратву свиную щетину и т. д.

Русские сапоги носили в начале XX в. и в Адыгее, реже — Кабарде и Чечне. В последней русские сапоги считались сугубо праздничной обувью. Особенно ценились лакированные сапоги с передками из «гамбургской» кожи (замши). Их надевали только на свадьбы, а в обычное время ставили в комнате на почетное место, прикрывая платком. Носили сапоги и с галошами.

Русские сапоги не только покупали готовыми, но и шили на заказ в местных мастерских, вроде той, что была в Урус-Мартане в Чечне, у «кумуков»-сапожников в Учкулане и т. п.

Труднее проникало городское влияние в женскую среду. До революции фабричная обувь у женщин встречалась очень редко. Ботинки на шнуровке или пуговицах носили лишь женщины из зажиточных семей в городе или пригородных селениях.

Бедные слои населения ходили в простой местной обуви, а в теплое время многие мужчины, дети, а иногда и женщины, особенно в Осетии, ходили босиком.

Головные уборы. Головной убор был важнейшей частью костюма горца. «Если голова цела, на ней должна быть шапка», «Шапку носят не для тепла, а для чести», «Если тебе не с кем посоветоваться — посоветуйся с шапкой». Эти и тому подобные пословицы и поговорки охотно приводят информаторы, подчеркивая важность и обязательность шапки для мужчины [66]. Головные уборы не снимали и в помещении (за исключением башлыка). Иногда, снимая шапку, надевали легкую шапочку из ткани. Существовали и особые «ночные» шапки, главным образом у стариков. Горцы брили или очень коротко стригли голову, что также способствовало сохранению обычая постоянно носить какой-либо головной убор.

Форма головных уборов, а в ряде случаев и манера их ношения на протяжении рассматриваемого времени подверглись значительным изменениям.

Мы приняли типологизацию головных уборов по двум признакам — материалу и форме.

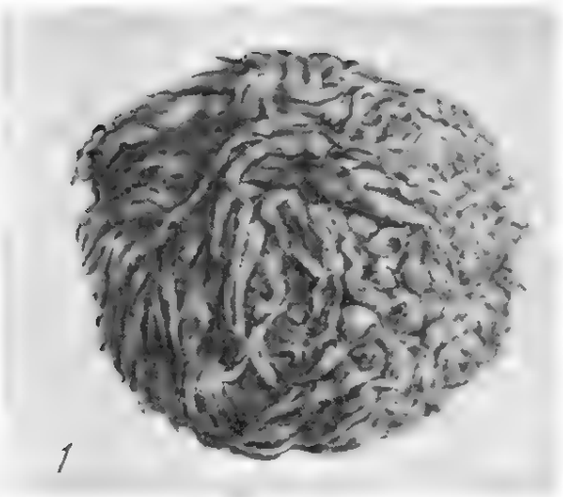
К первому типу отнесены головные уборы различной формы, сделанные целиком из меха, ко второму — шапки с меховым околышем и верхом из ткани, войлока и др. Оба эти типа горских шапок в русской литературе называют тюркским термином *папаха* (*папах*). Русское слово «шапка» горцы применяют именно к этим типам головных уборов.

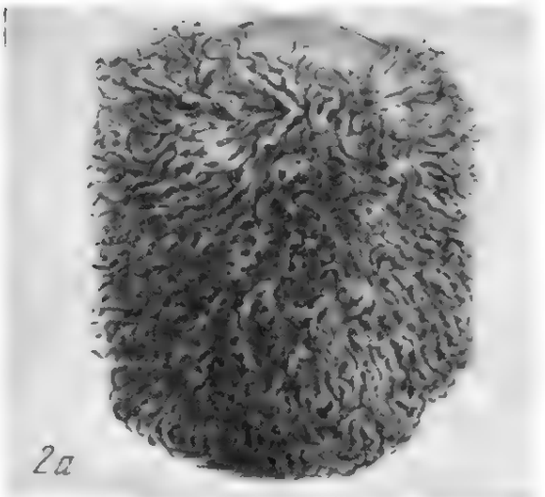
Третий выделенный нами тип представляют шляпы из войлока, четвертый — головные уборы из ткани — башлыки.

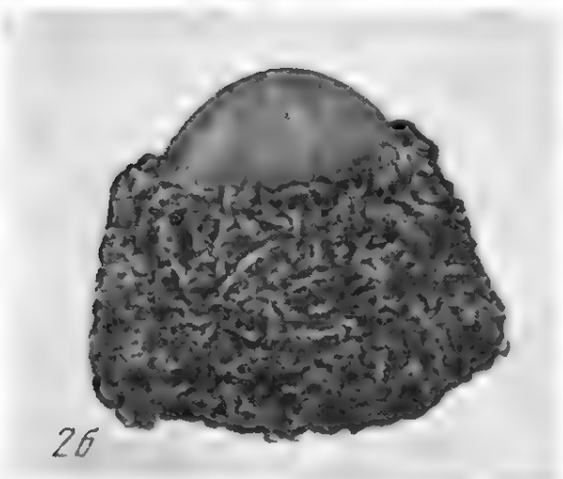
Материалом для изготовления папах служили овечьи шкуры разного качества, а иногда и шкуры коз особой породы. Теплые зимние папахи, а также пастушьи делали из овчины с длинным ворсом наружу, часто подбивая их овчиной с подстриженной шерстью. Такие папахи были теплее, лучше защищали от дождя и снега, стекавших с длинного меха. Для пастуха лохматая папаха часто служила и подушкой.

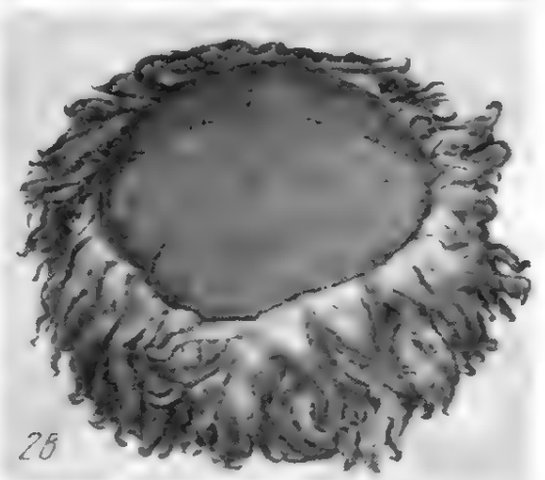
Длинношерстные папахи делали также из шкур особой породы баранов с шелковистой длинной и кудрявой шерстью или из козьих шкур ангорской породы. Они были дорогими и встречались редко, их считали парадными.

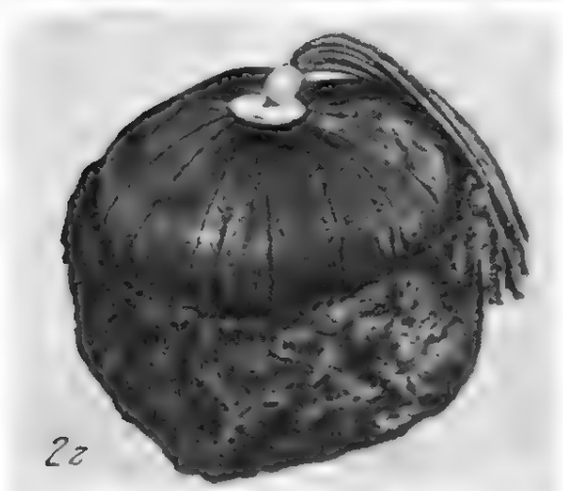
Вообще же для праздничных папах предпочитали мелкий кудрявый мех молодых барашков (курпей) или привозной каракуль. Каракулевые шапки называли «бухарскими». Ценились также папахи из меха калмыцких овец. «У него пять шапок, все пять из калмыцкого барашка, он пзнашивает их, кланяясь гостям». Эта хвала не только гостеприимству, но и богатству. «У него три шубы, все три бухарские; висят на гвозде и тля поедает их». Так пели в похоронной песне о богатом человеке [67].

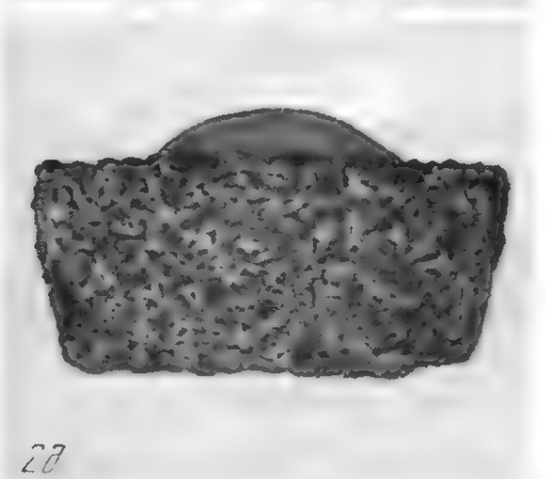

1

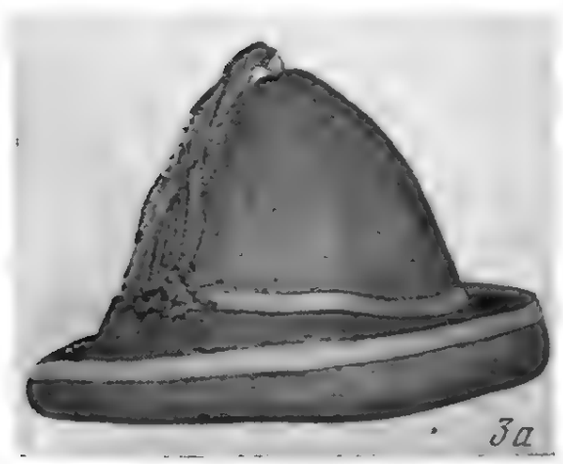

2а

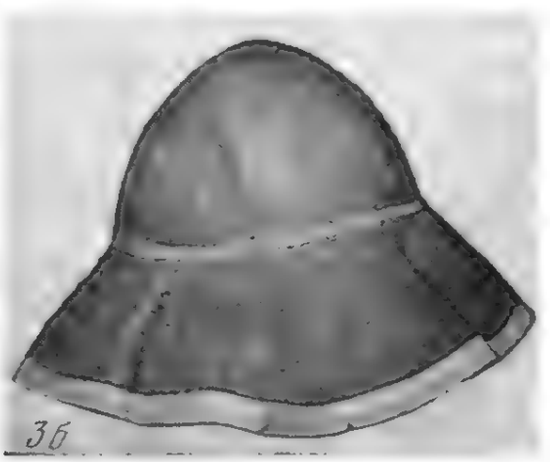

2б


2в


2г


2д


3а


3б

Форма меховой шапки может быть весьма разнообразной. Этнограф С. В. Кокиев, сам осетин, свидетельствовал: «Зимою шляпы заменяются меховыми шапками, которые тоже чрезвычайно разнообразны, начиная от самых изящных и миниатюрных до самых грандиозных, как стог сена. Полнейшее приволье каждому». Примерно то же самое писал об осетинах в 1872 г. В. Б. Пфаф: «Впрочем, папаха сильно подвержена моде: порою ее шьют очень высокою, в аршин и более высоты, а в другое время довольно низкою, так что она немного лишь выше шапки крымских татар» [68].

Во всем этом разнообразии, зависящем от назначения папахи, социальной принадлежности хозяина, моды, личных вкусов, тем не менее наблюдается некоторая последовательность форм, которую мы и попытались отразить на картах. Кроме того, нами отмечена и возрастная разница: старики, а часто и дети носили обычно уже выходящие из моды шапки.

Как видно из материалов, относящихся к XVIII — началу XIX в., при наличии разнообразных типов шапок из ткани большое распространение, особенно среди простого народа, имели меховые шапки-папахи, часто с верхом из ткани. Л. И. Лавров [69] высказывал мнение, что меховая шапка, папаха — это поздняя форма головных уборов, им предшествовали шапки из тканей, которые зафиксированы на рисунках путешественников и в археологических материалах. Нам эта точка зрения не кажется убедительной. Издавна занимаясь скотоводством, делая из шкур не только шубы, но и штаны и даже рубахи, как мог горец «не додуматься» до меховой шапки? (рис. 15).

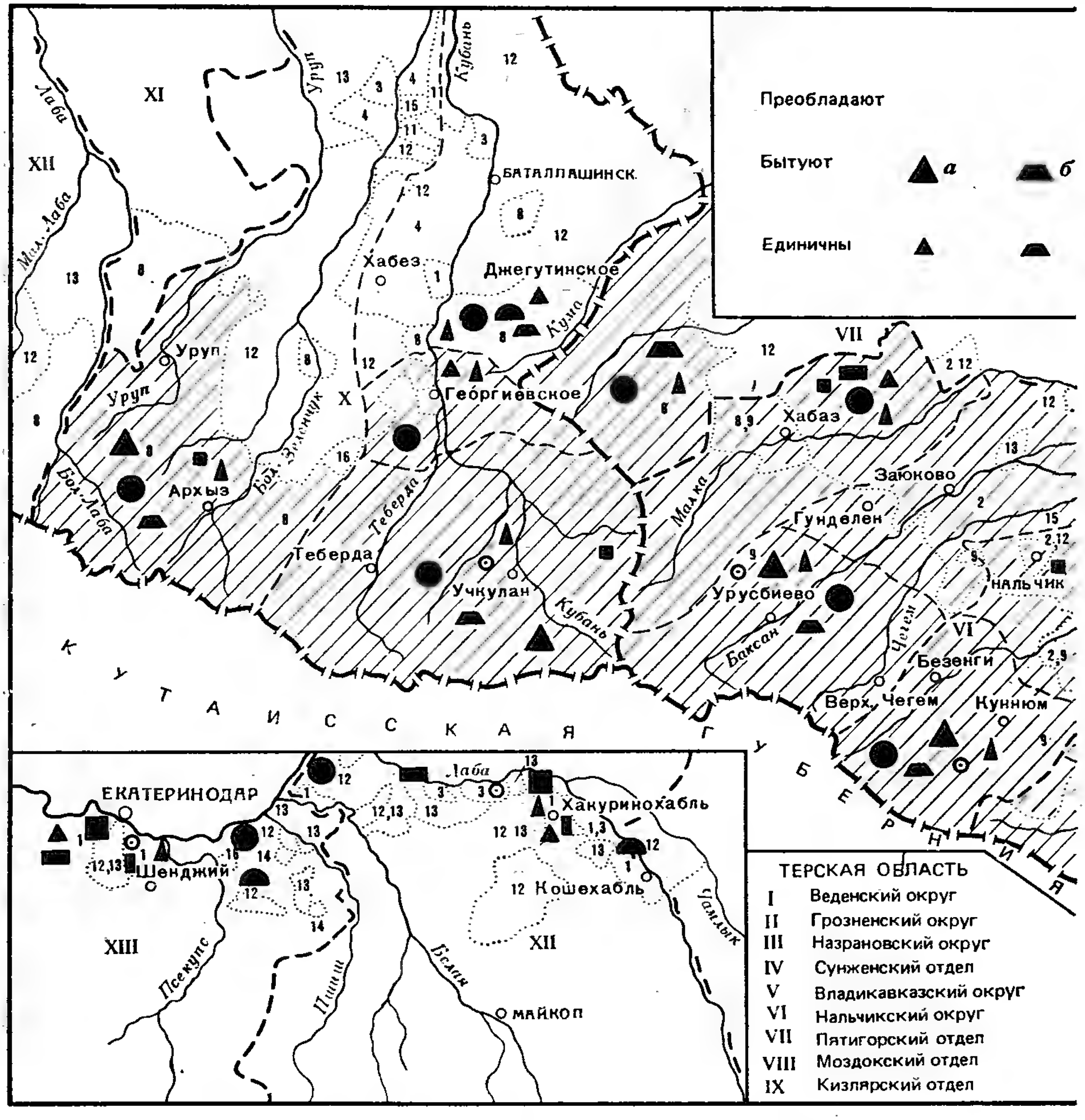
Остатки меховой шапки были обнаружены в Белореченских курганах. Меховые шапки мы видели и на рисунках многих путешественников XVII—XVIII вв., особенно там, где они изображали толпу. Что касается археологических материалов, то ведь и шубы мы в них не находим, хотя знаем, что их носили. Видимо, плохо выделанная овчина не сохранялась в могилах. Кроме того, хоронить всегда старались в лучшей, более нарядной одежде, а шапка из овчины, вероятно, была повседневной. На рисунках путешественников XVIII — первой половины XIX в. чаще всего изображаются люди богатые, знатные, в нарядных шапках из ткани с галунами. Большая часть из них — это жители плоскостных районов и побережья Черного моря, куда издавна проникали привозные ткани разного качества, шедшие прежде всего на одежду знати.

Во всяком случае, с конца XVIII в. меховые шапки уже бытовали и во второй половине XIX в., согласно полевым материалам, стали преобладающими в составе головных уборов.

←

Рис. 15. Мужские головные уборы. XIX — начало XX в.

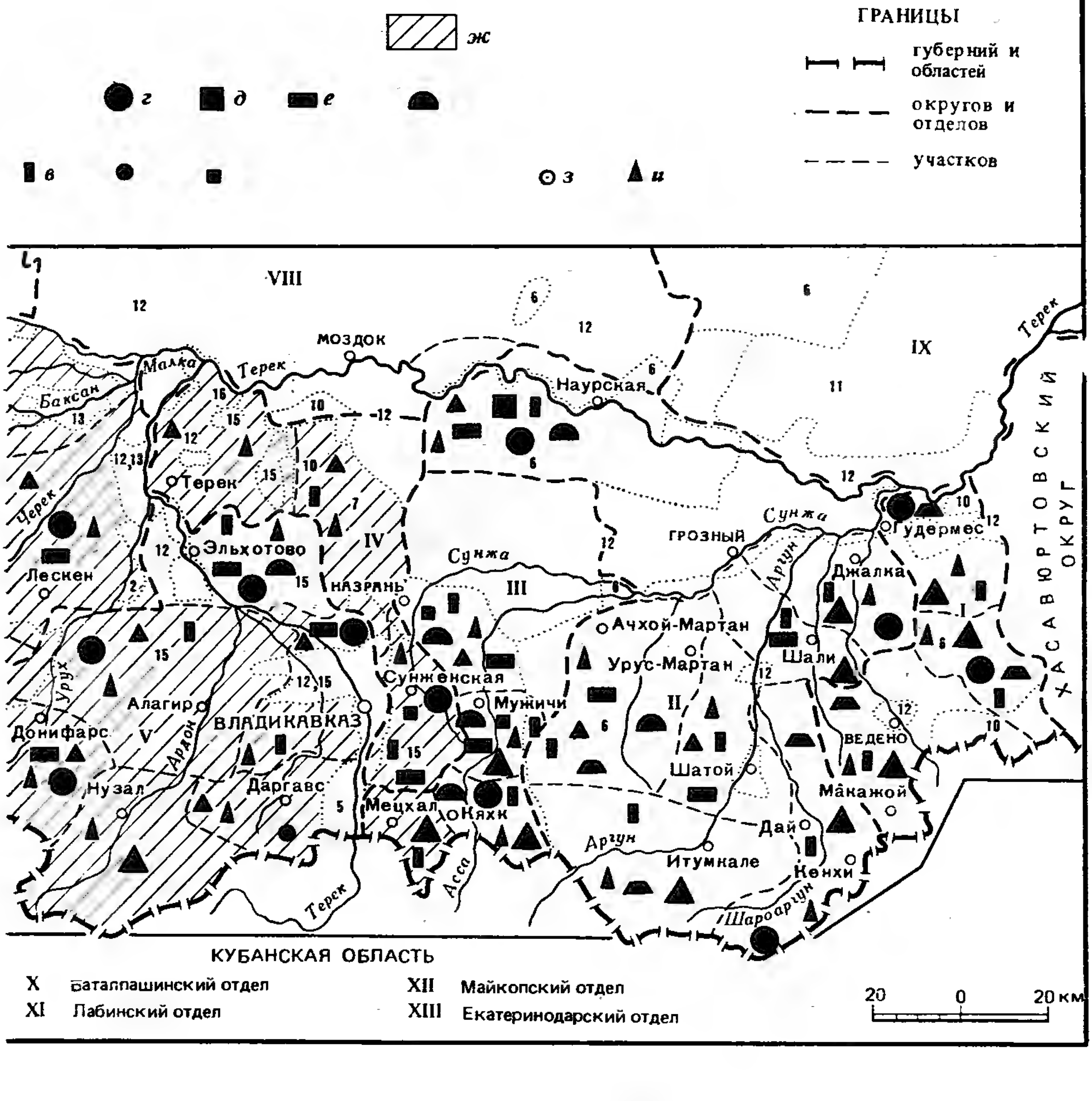
1 — из овчины полусферические, карачаевцы, XIX в.; *2* — из меха с верхом из ткани: *а* — ингуши, XIX в.; *б* — кабардинцы, конец XIX в.; *в* — карачаевцы, начало XX в.; *г* — адыгейцы (шапка муллы); XIX в.; *д* — кабардинцы, 1930-е годы; *3* — из войлока: *а* — черкесы-бесленеевцы, конец XIX в.; *б* — осетины, начало XX в.



Карта 5. Мужские головные уборы. Конец XIX — начало XX в.

Из овчины: *а* — мехом наружу полусферические или конусообразные, *б* — нагольные; *в* — из курпея или каракуля прямые, суженные кверху высокие, суженные кверху низкие. Из меха и ткани: *г* — низкие с округлым верхом, *д* — низкие с плоским верхом, *е* — высокие прямые с округлым верхом; *ж* — из войлока с полями, *з* — из войлока типа колпака; *и* — башлыки

В конце XIX — начале XX в. шапки целиком из меха (из овчины с длинной шерстью) бытовали главным образом в качестве пастушеских (чеченцы, ингуши, осетины, карачаевцы, балкарцы). Иногда их делали из овчины мездрой наружу, это были высокие конусообразной формы шапки с широким околышем.



В то же время у чеченцев и ингушей имелись парадные шапки из курпея, высокие и прямые.

В начале XX в. вошли в моду невысокие, почти по голове, суживающиеся кверху шапки из каракуля. Их носили главным образом в городах и прилегающих к ним районах плоскостной Осетии и в Адыгее.

Из овчины шили ночные шапки, обычно из пяти клиньев, имевшие вид ничем не покрытого колпака или подобие чепца. Их надевали на ночь мехом внутрь мужчины старшего возраста. В конце XIX — начале XX в. более широко бытовали меховые шапки с донышком из ткани или войлока, неоднократно менявшие свой фасон.

Наиболее старой формой считались высокие лохматые шапки с выпуклым верхом из мягкого войлока. Они были так высоки, что верх шапки наклонялся в сторону. Сведения о таких шапках записаны от стариков карачаевцев, балкарцев и чеченцев, которые сохранили в своей памяти рассказы отцов и дедов. Ареал этих шапок и степень их распространения точно не известны.

В конце XIX — начале XX в., кроме описанных выше шапок из меха, носили также шапки второго типа — из меха с тканью. Верх их шили из четырех клиньев, околыш был из овчины. Для верха использовали домотканое сукно или покупную ткань. Зимние шапки старцков-горцев подбивали стриженой овчиной, иногда войлоком. Часто встречались шапки с подкладкой из ткани, стеганой на вате. Верх у этих шапок был округлым и выпуклым, его также шили из четырех клиньев. Позднее, особенно в начале XX в., выпуклый верх стали заменять плоским, также из ткани. Эти шапки считались более парадными, их делали из мерлушки или каракуля, иногда даже на кожаной подкладке (карта 5).

В качестве парадной шапки в рассматриваемый период были распространены высокие (до 25—30 см), очень мохнатые папахи из шкур баранов с длинной шелковистой шерстью или козьих шкур. Выпуклая верхушка была покрыта тканью, тонким сукном или бархатом. Иногда ее украшали галунами. Такие папахи бытовали у чеченцев, ингушей, реже отмечались у осетин и кабардинцев, носили их и терские казаки. Шапки стоили дорого, поэтому имелись они преимущественно у богатых людей. Парадной считалась и прямая высокая папаха из каракуля. Она была распространена в Осетии, Кабарде, Адыгее, плоскостной Чечне и сравнительно редко в горных районах Чечни, Ингушетии, Карачае и Балкарии.

В настоящее время трудно выяснить, чем вызывались эти колебания моды. Однако, по нашему мнению, папаха рано вошла в воинскую форму не только казачьих частей, но и русской армии вообще. Папахи носили во многих национальных частях, входящих в царский конвой. Форменные папахи влияли на головные уборы горцев, особенно праздничные, парадные.

После первой мировой войны на Северном Кавказе повсеместно распространилась невысокая шапка (околыш 5—7 см) с плоским донышком из ткани. Околыш делали из курпея или каракуля. Донышко, выкроенное из одного куска ткани, находилось на уровне верхней линии околыша и пришивалось к нему. Такую шапку повсюду называли «кубанкой» (впервые ее стали носить в кубанском казачьем войске), а в Чечне — «карабинкой» из-за ее малой высоты [70]. Распространение этой шапки шло с запада на восток и было быстрым, у молодежи она вытеснила другие формы, а у старшего поколения и населения горных районов сосуществовала наряду с папахами старых типов. Да и сама «карабинка», если ее шили не из каракуля, а из овчины, выглядела совершенно иначе и напоминала шапки середины XIX в.

В городах и близких к ним районах шапки делали специальные мастера, в горах их шили сами женщины.

Поскольку шапка была одним из главнейших предметов мужской одежды, для молодых стремились приобрести красивые праздничные шапки. Их очень берегли: хранили, покрывая платком. При поездке в город или на праздник в другое селение праздничную шапку везли с собой и надевали перед въездом, снимая более простую шапку или войлочную шляпу.

Третьим типом головного убора является войлочная шляпа, которой пользовались все народы Северного Кавказа в теплое время года. Войлочная шляпа была в первую очередь крестьянским рабочим головным убором. Надевали ее также в дорогу, но при въезде в селение часто меняли на папаху. Шляпы различались по выработке (мягкие и жесткие), цвету, способам отделки [71]. Их изготовляли женщины — валяли в виде плоского блина, а затем формовали на деревянной болванке. Шляпы из белой мягкой шерсти (в Чечне их называли исхаркуй, т. е. суконная шляпа) были более нарядными, в них ходили в селениях, особенно молодые люди. Войлочная шляпа с очень широкими твердыми полями из грубой шерсти называлась по-чеченски *мангал куй*, т. е. шляпа для косцов. Края и низ тульи обшивали шнуром.

Осетинские шляпы были более легкими и мягкими. Край шляпы и место перехода тульи в поля обшивали полоской ткани того же цвета. Осетинские шляпы довольно рано оценили туристы. Еще в начале XX в. их покупали в большом количестве. Туристские шляпы по краю украшали бахромой из длинной шерсти.

Для карачаевских и балкарских шляп был характерен очень плотный, хотя и тонкий, войлок. Карачаевцы редко обшивали край тканью. По краю обычно нашивался шнур ручной работы, такой же шнур отделял тулью от полей; на верхушке тульи часто из шнурка сплетали пуговку, от которой радиально расходились шнурки (чаще шесть), концы которых закреплялись у нижнего края тульи. Балкарцы применяли обшивку и тканью, и шнуром. Последний способ был возможен лишь при плотно скатанном войлоке.

У адыгских народов шляпы обычно обшивали полоской ткани. Иногда, особенно в детских шапках, верхушку украшали кисточкой из шелковых нитей.

При надевании войлочной шляпе можно было придать различную форму. Поля носили опущенными или загнутыми с одной или нескольких сторон, иногда их с боков заворачивали во внутрь или поднимали вверх, закрепляя шнуром и т. п. «Формы ей дают,— отмечал С. В. Кокиев — самые причудливые, это зависит вполне от личной изобретательности каждого: можно встретить круглый или конусообразный верх, широкие поля, закрывающие иногда даже плечи, опущенные или вздернутые, как у итальянского бандита или же a la Napoléon и т. п. Единственным руководителем в этом случае служит воображение осетина, которое приводит к самым уродливым и смешным и странным формам» [72].

Мы отметили бы скорее большую живописность и своеобразие различных манер ношения шляп.

Войлочные шляпы, во всяком случае у адыгских народов, карачаевцев и балкарцев, претерпели некоторую эволюцию. В конце XIX — начале XX в. форма их была иной: тулья была более высокая, вроде колпака, поля маленькие. Такая форма близка форме абхазских войлочных копусообразных колпаков. Правда, последние не имели полей [73].

Войлочные шляпы у всех народов назывались тем же термином, что и шапка вообще, но с прибавкой указания на материал (войлочная), в то время как слово «шапка» без уточнения материала являлось синонимом мехового головного убора — папахи. У карачаевцев и балкарцев понятие шляпы передавалось термином *къалпакъ*, напоминавшим об ее более древней форме. Наряду с этим бытовал термин *кийиз бёрк*, т. е. войлочная шапка.

В конце XIX — начале XX в. изредка встречались турецкие фетровые фески. Их надевали поверх матерчатой верхушки шапки муллы и хаджи, совершившие паломничество в Мекку. На меховой околыш папахи наматывалась чалма в виде сложенной в несколько раз полосы ткани белого, зеленого, красного цвета, а иногда и пестрой. Чалму носили на папахе и без фески [74].

Из ткани шили маленькие шапочки вроде мягких тюбетеек, которые защищали подкладку папахи от пота. Они известны у адыгейцев, кабардинцев, чеченцев. Последние, входя в помещение, иногда заменяли папаху шапочкой типа тюбетейки, сшитой из полоски ткани с небольшим круглым донышком.

Башлык известен народам Северного Кавказа под тем же названием тюркского происхождения (*баш* — голова). Только у адыгейцев он имеет местное название *шъхъарыхъон* (т. е. головной). Ту же семантику имеет наименование башлыка у абхазов [75].

Башлык представлял собой капюшон с длинными закругленными на концах лопастями. Его шили из сложенного вдвое куска материи. Шов проходил сзади. Передние концы опускались в виде широких и длинных лопастей. При надевании башлыка даже на высокую шапку эти лопасти могли быть замотаны вокруг шеи. При общей схеме покрой и отделка имели ряд вариаций.

На Северном Кавказе башлыки носили на шапку, а не прямо на голову, как в Западной Грузии и частично в Абхазии. Надевали его во время дождя в накидку. При езде верхом концы обматывали вокруг шеи, спустив назад. В дороге при хорошей погоде башлык висел на плечах, на шнурке, спущенный капюшоном и лопастями назад. Башлык иногда носили на плечах, скрестив концы на груди и заткнув за пояс. Так его надевали чаще старики для тепла, они повязывали башлык и на талию. Во время сева крестьяне иногда использовали его как сеялку, завязав лопасти через плечо (рис. 16).

Все это будничное, обычное применение башлыка. Но он был и украшением мужского костюма в торжественных случаях. Богато украшенный башлык надевал юноша, когда ехал за невестой. Надевали башлык и на скачки. Башлык был одним из обычных подарков невесты родственникам мужа, в таком случае его старались красиво украсить. Простые

Р и с. 16. Способы ношения башлыков

слева **— башлык поверх папахи в дорогу в дурную погоду;** ***справа*** **— башлык на плечах во время праздничного выхода, на свадьбе**

рабочие башлыки обычно не имели особых украшений, их шили из узкого домашнего сукна, иногда довольно грубой работы, составляли порой из нескольких кусков. Нарядные праздничные башлыки шили из белого, черного, серого или окрашенного в красный цвет домашнего сукна тонкой работы (которым особенно славились осетины). Очень ценилось мягкое, теплое и красивое по цвету сукно из верблюжьей шерсти [76]. На башлыки покупали также тонкие фабричные сукна разных цветов.

Башлыки украшали галунами, шелковой или шерстяной тесьмой, кистями, золотым шитьем, басонными пуговками. Богато украшенные башлыки были одним из предметов для подарка членам царской фамилии, русским начальникам. После революции эти башлыки (кабардинской и

осетинской работы) были переданы в ГМЭ. Среди них есть явно подарочные экземпляры с короной и инициалом [77].

Башлык широко распространился в России. Он входил в форму казачьих войск и некоторых других воинских частей. Известен был и за границей (наполеоновские солдаты были снабжены башлыками). В конце XIX — начале XX в. в русских городах башлыки носили не только гимназисты, но и гимназистки.

Хотя башлык считался мужским головным убором, в рассматриваемый период его стали носить и девушки во Владикавказе и Адыгее. Их башлыки были особенно нарядны. По-видимому, это вторичное явление: башлык вернулся на Кавказ из России уже в функции и женского убора.

Среди музейных экземпляров башлыков наблюдаются отличия в покрое. У карачаевцев, балкарцев, ингушей, в значительной части и кабардинцев башлыки имели небольшой капюшон, выкроенный под прямым углом. Парадные башлыки у осетин, а отчасти и кабардинцев, имели капюшон большей величины, который кроился иногда под тупым углом, непосредственно переходя в широкие и короткие лопасти. В некоторых случаях (кабардинцы) башлыки делали такого покроя, что их можно было носить только на шее.

Созданный для сугубо практических целей, элемент дорожной одежды постепенно превратился в украшение богатого костюма [78]. В крестьянской среде, особенно в горах, он сохранял и свою практическую функцию и удобный для этого покрой — с небольшим под прямым углом капюшоном и довольно длинными лопастями.

Подытоживая данные по головным уборам, сопоставим их с материалами по обуви. Традиционные формы обуви, сложившиеся в давние времена, прошли почти неизменными через XVIII—XIX вв. и оказались довольно устойчивы и в первой половине XX в. Это объясняется, как мы уже отмечали, приспособленностью народной обуви к условиям природы и быта, практичностью, несложностью изготовления в домашних условиях.

В головных уборах помимо практичности (а иногда и вопреки ей) большую роль играет социальная характеристика, момент престижности. Поэтому на их изготовление и приобретение порой не жалели времени и средств. Мужские головные уборы XVIII — первой половины XIX в., особенно принадлежавшие социальной верхушке, в дальнейшем исчезли из обихода либо упростились. Позднее для них стала характерна большая изменчивость, сосуществование разных типов и форм. Это было связано с функциональным назначением того или иного убора: парадный, повседневный, шапка пастуха, шляпа косаря и т. п. Наиболее устойчивым элементом оставался материал: мех, ткань, войлок, формы же менялись, отражая не только различные заимствования, влияние моды, но и индивидуальные вкусы.

Комплексы мужской одежды. Мужская одежда всех народов Северного Кавказа, как в отдельных предметах ее, так и в комплексах в целом, обнаруживает чрезвычайную близость, а в ряде случаев и тождест-

во. Различия наблюдаются в мелочах, деталях, да и то не всегда. Ниже мы попытаемся разобраться в причинах сходства и в том, в какой исторический период оно могло сложиться.

У всех народов Северного Кавказа было несколько комплексов одежды, связанных с различными жизненными обстоятельствами. Первый — это дорожный, походный комплекс одежды. Он включал в себя помимо той или иной обычной одежды бурку, башлык и папаху, т. е. те три обязательных предмета, которые собственно и превращали его в дорожный комплекс. В условиях длительных поездок и походов эти предметы были не только очень удобны, но и крайне необходимы. На первом месте, конечно, была бурка, о разнообразии употребления которой мы говорили ранее. Бурка наиболее специфична для народов Северного Кавказа. Горцы издавна изготовляли бурки не только для себя, но и на продажу. Бурка являлась предметом торговли, а часто прямого обмена с соседями, прежде всего с Западной Грузией [79], в свою очередь служившей для народов Северного Кавказа источником получения различных тканей, ниток и т. п. Бурки продавались также и северным соседям — казачеству, где они не только вошли в быт, но и стали частью воинской казачьей формы.

Наиболее популярны были бурки кабардинской, карачаевской и балкарской работы.

Вторым характерным для дорожного комплекса предметом являлся башлык. Западноевропейские путешественники в ряде случаев так и называют башлык «дорожным капюшоном». Особенностью покроя башлыка были длинные лопасти, которые позволяли замотать ими шею, не защищенную ничем, кроме стоячего воротника бешмета, да и он, видимо, не всегда был высоким. Этими же лопастями можно было прикрыть лицо от ветра, холода (или при желании быть неузнанным). Башлыки также служили предметом вывоза в Закавказье, в Россию, в Крым. Народы Северного Кавказа в отличие от населения Западной Грузии и Абхазии носили башлык только поверх шапки, а не прямо на голову. И если в Западной Грузии существовали десятки способов завязывания башлыка, то на Северном Кавказе его просто накидывали поверх папахи, а концы спускали вперед или заматывали вокруг шеи. Размер башлыка в известной мере зависел от фасона папахи, так как, надетый поверх нее, он должен был закрывать и плечи.

Папахи имели различную форму, что, однако, служило не столько этническим признаком, сколько временны́м; форма также определялась возрастом, приверженностью к моде и личным вкусам. Папаха обязательно входила в состав дорожного комплекса, даже если про запас имелась войлочная шляпа. Башлык надевали только на папаху, а возможность холодной и дождливой погоды в горах всегда надо было учитывать.

Бурка, башлык и папаха составляли обязательный комплекс дорожной одежды всадника во второй половине XIX — начале XX в. и бытовали в качестве таковой почти по всему Кавказу.

Второй комплекс — выходной, парадный. В нем также весьма ярко выступали общие черты бытовой культуры народов Северного Кавказа.

Он включал в себя черкеску, бешмет, иногда рубаху, штаны (широкие или узкие в шагу), поговицы, выходную обувь из кожи или сафьяна, чаще всего с мягкой подошвой, пояс с кинжалом и папаху того или иного фасона. В случае выезда за пределы селения парадный ансамбль иногда дополнялся буркой и башлыком, и таким образом первый и второй комплексы совмещались. Полный выходной костюм имели зажиточные люди. Порой костюмом или отдельными его предметами могли пользоваться другие лица — родственники и друзья хозяина. В парадный комплекс мог входить праздничный башлык, богато отделанный галупом, кистями, а иногда и вышивкой. Башлык в этих случаях носили на плечах с капюшоном и лопастями, спущенными за спину. Он закреплялся спереди при помощи завязок из галуна или шнура. Такой башлык молодые люди носили и внутри селения в торжественных случаях — на свадьбу, на танцы и т. п.

Сочетание первого и второго комплексов одежды образовывало тот самый костюм, который бытописатели часто называли «обычный горский костюм».

Второй комплекс был очень близок к одежде населения Западной Грузии (Имерети, Сванети, Рача, Мегрелия) и особенно Абхазии [80]. Это сходство наблюдалось главным образом в верхней одежде — черкеске (в западногрузинской чохе) и бешмете, обувь и головной убор имели отличия. Именно указанные выше области были более всего связаны в хозяйственном и историко-культурном отношениях с Северо-Западным и Центральным Кавказом — адыгскими народами, карачаевцами и балкарцами, а также осетинами (последние имели наиболее тесные связи с карталинцами). «Наряду с традиционным костюмом весьма популярной в Кахети и Картли была северокавказская черкеска из белого или желтого сукна с газырницами на груди» [81]. Первый и второй комплексы, характерные для народов Северного Кавказа, бытовали в Дагестане [82], также в качестве парадного выходного костюма.

Эти же комплексы распространились и среди терского и кубанского казачества и стали их военной формой.

В конце XIX в. и особенно в начале XX в. второй комплекс распространяется и в Восточном Закавказье — Восточной Грузии [83], Азербайджане [84] и Армении [85]. Здесь он сосуществовал с другими традиционными для этих мест костюмами (с чохой, архалуком и т. п.). Его бытование было ограничено определенными слоями населения, главным образом молодежью из зажиточных семей.

Н. Г. Волкова и Г. Н. Джавахишвили, рассматривая вопрос о традициях и инновациях в грузинском мужском костюме, пишут: «В мужской одежде в конце XIX — начале XX в. более стабильны традиционные формы. Помимо них органической частью мужского костюма Грузии стали элементы, привнесенные с Северного Кавказа, из Персии, Турции (черкеска, разрезные рукава в чохе, остроконечный головной убор из меха и др.)» [86].

Если сходство одежды Северо-Западного Кавказа и Северо-Западной Грузии, как можно предполагать, опирается на какие-то глубокие тради-

ции и даже этногенетическое родство (абхазы и адыги), то на Восточном Кавказе комплекс с черкеской явно привнесен с Северного Кавказа. Характерно, что в этих районах местные женщины не умели шить черкеску, ее изготовляли только специалисты-портные.

Костюм с черкеской северокавказского типа стал для населения значительной части Кавказа той общей формой одежды, которая предшествовала городскому костюму.

Третий комплекс — это повседневная рабочая одежда. Она имела большие отличия у разных народов. Эти отличия выявлялись не столько в покрое и характере отдельных предметов, сколько в составе комплекса в целом.

Повседневный комплекс одежды адыгских народов, а также карачаевцев и балкарцев, абазин и кубанских ногайцев состоял из бешмета, штанов с широким шагом, заправленных в ноговицы, и рабочей обуви из сыромятной кожи со швом на заднике и носке. При некоторых работах надевали обувь с плетеной из ремней подошвой. В летнее время на голову надевали войлочную шляпу или папаху. Зимой носили папаху и шубу. Рубашка при таком костюме была не обязательна (при выходе из селения надевали черкеску). Этот вариант повседневного комплекса условно можно назвать западным.

У чеченцев и ингушей при наличии вышеописанного костюма чаще в качестве рабочей одежды носили рубаху, штаны, более узкие в шагу, папаху и иногда войлочную шляпу. Штаны иногда заправляли прямо в обувь, без ноговиц. Это восточный вариант комплекса.

Рабочий костюм осетин занимал промежуточное место. У них бытовали и западный и восточный варианты комплекса повседневной одежды. Но они чаще, чем другие народы, носили войлочную шляпу. Для них типична также обувь из сукна с кожаной подошвой, которой почти не было на Северо-Западном Кавказе. По-видимому, в основном с осетинами надо связывать распространение черкески без газырей, иногда с высоким воротником. Она надевалась прямо на рубаху и считалась рабочей, повседневной одеждой. Такие черкески бытовали также у балкарцев, а иногда и в Карачае.

Говоря о повседневной рабочей и домашней одежде, необходимо выделить четвертый комплекс — специализированную одежду для пастухов, продиктованную условиями их работы. По своему составу она совпадает с рабочей одеждой, но у разных народов в нее включалась специальная пастушеская одежда. В Карачае, Балкарии, Осетии (Дигории) и отчасти в Кабарде в состав одежды пастухов крупного рогатого скота и овец входила войлочная одежда с рукавами, а также короткая бурка или просто накидка из куска войлока. У осетин была распространена короткая бурка, а еще также накидка из грубой ткани. У чеченцев и ингушей, кроме бурки, была накидка из домотканого сукна.

Итак, в повседневной одежде наблюдались наибольшие различия, видимо, прежде всего потому, что она была наиболее приспособлена к бытовым особенностям жизни народа, отвечала его потребностям и возможностям. Все предметы повседневной одежды делались руками местных

женщин, а не ремесленников, чье участие в создании костюма обычно приводит к известной его нивелировке.

Можно условно выделить пятый комплекс — с шубой, указав при этом, что он является не столько сезонным (зимним), сколько более всего связанным с вертикальной зональностью, отгонным скотоводством, возрастными различиями. Шубы (чаще всего нагольные) разного покроя носили на горных пастбищах и летом. Они же могли служить покрывалом для спанья. В шубе летом можно было видеть стариков, особенно по вечерам. Адыгские народы, карачаевцы и балкарцы обычно надевали шубы поверх бешмета, иногда под черкеску. Осетины, чеченцы, ингуши носили шубу и прямо на рубаху. Крытые шубы носили более зажиточные люди и в качестве выходной одежды.

Комплекс с шубой был характерен и для народов Дагестана — соседей чеченцев. Народы Дагестана в отличие от горцев Северного Кавказа имели разнообразный набор шуб [87].

Причины сходства мужской одежды народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. уже являлись предметом суждений в ряде наших работ. Кратко их можно сформулировать следующим образом:

1. Сходство географических условий и хозяйственной деятельности, связанной с вертикальной зональностью. Даже народы, жившие в предгориях, пасли свой скот на альпийских пастбищах, т. е. имели одинаковые условия производственного быта с жителями горных районов. Одинаковые формы производственной деятельности — в основном отгонное скотоводство в сочетании с земледелием — давали сходное сырье для производства одежды.

2. Наличие общих компонентов, участвовавших в этногенезе многих народов, а также общих исторических влияний. Значение аланской культуры, влияние тюрков-кочевников, прочные историко-культурные и экономические связи с русскими, с народами Закавказья, в первую очередь с грузинами. Источники получения материалов, отдельных предметов одежды были общими для всех народов Северного Кавказа.

3. Длительное соседство и исторические связи народов Северного Кавказа между собой имели большое значение в сложении общих форм и целых комплексов одежды. Специфические формы связей между народами: аталычество, куначество, побратимство, межплеменные и межнациональные браки — сопровождались обменом предметами одежды, ее дарением родственникам мужа, иногда одежда входила в состав выкупа за кровь и др.

Поскольку создательницей костюма в основном была женщина, переход ее из одной этнической среды в другую служил одним из путей сложения общности одежды. Все эти виды связей, в особенности межэтнические браки, были характерны в основном для феодальной верхушки, где в наибольшей степени наблюдались заимствования, следование «моде». Несомненно влияние одежды кабардинских феодалов на одежду соседних народов, в первую очередь их привилегированных сословий, часто являвшихся вассалами кабардинских князей.

Итак, причин, способствовавших сложению общности в одежде народов Северного Кавказа, было много. Но на разных этапах исторического развития наибольшее влияние оказывала та или иная причина или их сочетание. Такие причины, как сходство хозяйственной деятельности или торговые связи, в первую очередь обусловливали идентичность материала для одежды. Сходство покроя диктовалось общими чертами не только в хозяйстве, но и в быту, в частности воинском, и т. п.

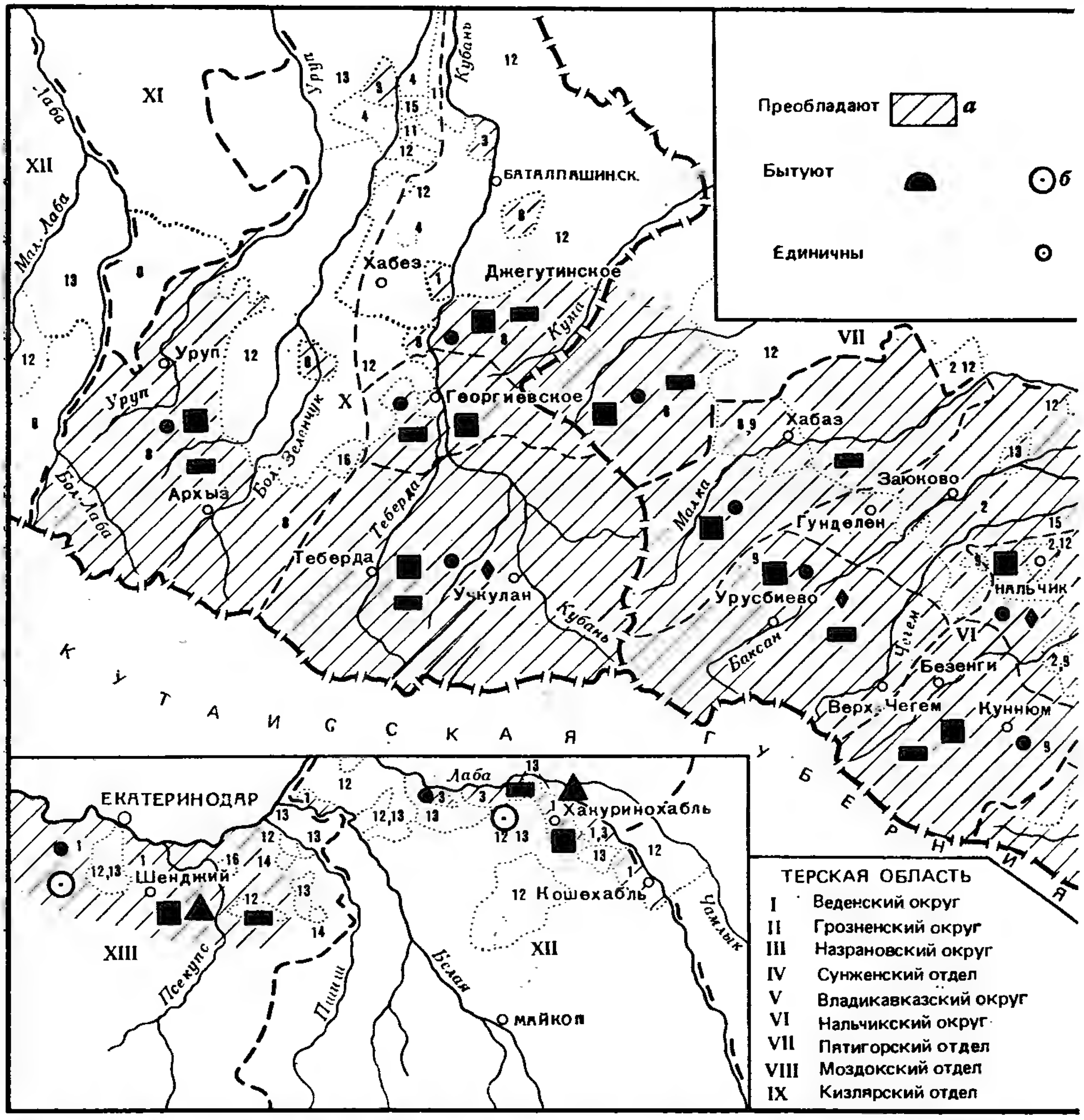
Но сказать «почему» и даже «как» — еще не значит сказать «когда». Для иллюстрации сложности ответа на этот вопрос приведем два мнения крупных кавказоведов.

Е. И. Крупнов, говоря о второй половине I тысячелетия нашей эры, пишет о сходном культурном облике населения Северного Кавказа: «Эта культурная общность племенных групп разных районов Северного Кавказа, прослеживаемая по формам материальной культуры, совершенно не исключает существующих между ними языковых и других различий... По всем данным именно здесь, на Северном Кавказе, зарождаются основные типы современных горских костюмов: папаха, черкеска, бешмет, ноговицы и пояс, украшенный цветным металлом» [88].

Рассматривая значительно более поздний период, Л. И. Лавров говорит: «Как видно из приведенных материалов, в XIV—XV вв. уже существовали прототипы таких позднейших видов адыгского костюма, как бешмет, бурка, ноговицы и чувяки». Что касается пояса, то он, по мнению Л. И. Лаврова, напоминает нынешний лишь формой металлического набора. Черкеска, папаха, башлык, низкая войлочная шляпа с большими полями XIX в. не имеют прототипов среди известных фрагментов адыгской одежды XIV—XV вв. Появление их в быту кабардинцев относится к более позднему периоду [89].

При изложении материала по конкретным разделам мы в ряде случаев говорили о древности той или иной формы одежды. Но более точно ответить на этот вопрос смогут только позднейшие исследователи, в руках которых будет, надеемся, и повый материал. Мы высказали мнение о том, что терминология одежды может в какой-то мере способствовать определению времени появления того или иного типа одежды. Что же касается приведенных высказываний Е. И. Крупнова и Л. И. Лаврова, то при расхождении в отдельных моментах важно единое мнение обоих авторов в том, что основной комплекс мужской одежды сложился как общий для народов Северного Кавказа много столетий назад.

Мы также можем подтвердить длительное сохранение традиционных упоминавшихся выше форм одежды. Наибольшей устойчивостью отличаются обувь и ноговицы, затем бурка, меховая шапка, бешмет, штаны, рубаха и пояс. Значительные изменения претерпели верхняя одежда (черкеска) и парадный головной убор. Общая тенденция развития к сближению форм особенно ясно выявилась во второй половине XIX — начале XX в.

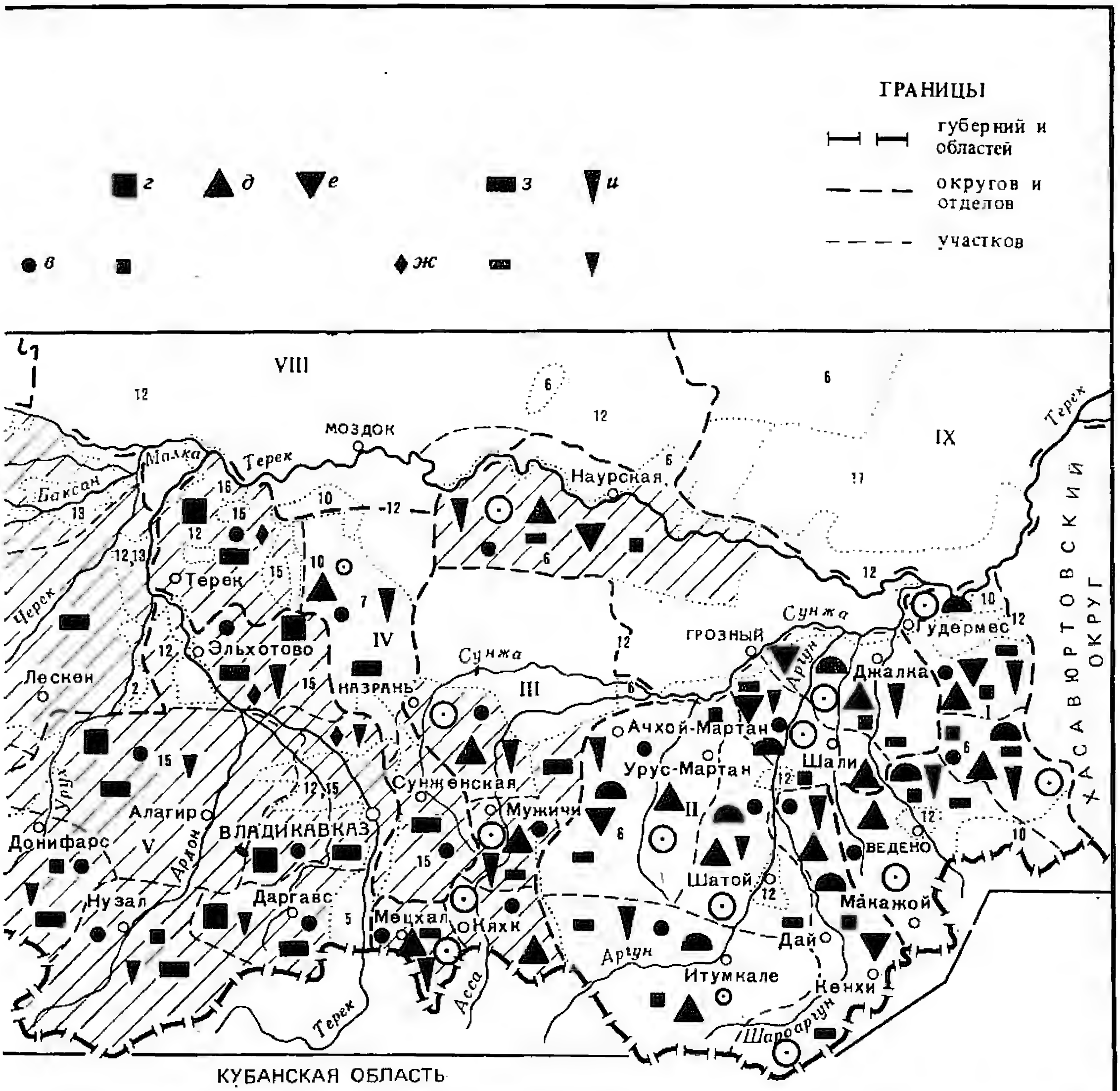


Карта 6. Женская нательная одежда. Конец XIX — начало XX в.

Рубахи: *а* — туникообразная повседневная, *б* — туникообразная праздничная, *в* — туникообразное платье-рубаха. Со швом на плече и выкройной проймой: *г* — цельная, *д* — платье-рубаха цельное, *е* — платье-рубаха с кокеткой; *ж* — юбка и рукава, имитирующие рубаху. Штаны: *з* — с широким шагом, *и* — с узким шагом

Женская одежда

Рубахи. Женская нательная одежда состояла из рубахи и штанов, типы которых показаны на карте. Прежде чем перейти к характеристике этих типов, необходимо рассмотреть функцию рубахи у различных народов Северного Кавказа в конце XIX — начале XX в. Мы уже касались этого



вопроса при освещении предыдущего хронологического периода, но конец XIX в. внес известные изменения. У большинства народов: кабардинцев, черкесов, карачаевцев, балкарцев, осетин — рубаха уже не являлась достаточной одеждой не только для выхода из дома, но и в домашних условиях. Поверх рубахи считалось обязательным надевать распашные или закрытые платья, а начиная с 12—13 лет под платье поверх рубахи надевали еще и кафтанчик. Несмотря на это, рубаха еще не понималась как белье, она была видна в разрез платья и тем самым сохраняла функции составной части и выходного, и даже праздничного костюма (карта 6).

У чеченцев и ингушей женская рубаха и в этот период считалась (в сочетании с надетыми под нее штанами) достаточной одеждой для выхода за пределы дома, селения, на праздник, так же как это было и в соседнем Дагестане [90]. Этому не противоречит существование в праздничной одежде молодой чеченской и ингушской девушки распашного платья, надевавшегося поверх рубахи.

Примерно такое же положение наблюдалось у западных черкесов (нынешних адыгейцев).

В первом случае мы имеем дело с рубахой, а во втором — с платьем-рубахой. Платье-рубаха в прошлом было характерно для многих народов нашей страны — народов Средней Азии, Поволжья, русских южных районов и др.

Подтверждение такого деления на платье-рубаху и просто рубаху находим в национальной терминологии, связанной с одеждой и ее развитием. Карачаевцы и балкарцы называли рубаху *кёлек*, осетины — *хжДон*, кабардинцы — *джанэ*. Платье, надевавшееся поверх рубахи, носило другое название. В более поздний период, при переходе на городскую одежду, названия *кёлек*, *хжДон*, *джан* сохранились за рубашкой-бельем, хотя покрой ее и изменился. Платье же современного покроя пазывают ранее существовавшим термином, обозначавшим платье (*чепкен*, *къаба*, *босцей*). У чеченцев и ингушей рубаха называлась *коч*, этот термин перешел и на современное платье, поскольку функции прежней рубахи и современного платья совпадают. Для обозначения белья, нижней рубахи, к слову *коч* прибавляют прилагательное «внутренняя» (т. е. надеваемая внутрь, под них). У адыгейцев рубашка называется *джанэ*. Этот же термин (подобно чеченскому *коч*) перешел и па современное платье. Наименование же платья распашного, надевавшегося (не всегда) поверх рубашки,— *сай*; в настоящее время оно применяется только к распашному национальному платью старинного покроя.

Функциональное назначение рубахи в прошлом (отмеченное и на карте) не могло не влиять на выбор материала, расцветку ткани, эволюцию покроя. Так, у чеченцев и ингушей и во второй половине XIX в. еще встречались рубахи из шерстяной домотканины [91], а позднее их иногда шили из покупной шерстяной материи, что не было принято у других народов Северного Кавказа. Носили также рубахи из крашеного холста, а позднее из ситца, сатина, бумазеи. Праздничные рубахи шили из шелка. У чеченцев и ингушей, отчасти осетин встречались рубахи темных цветов — коричневого, синего, темно-красного, даже черного.

Кабардинцы, карачаевцы, балкарцы, осетины, адыгейцы для праздничных рубах употребляли шелковые ткани типа канауса, реже репса, на будничные рубахи — хлопчатобумажную турецкую ткань *боз* (бязь), впоследствии вытесненную ситцем, сатином. Наряду с красным и синим для праздничных рубах покупали шелка более светлых цветов — оранжевый, палевый, желтый, голубой, белый, салатный и др. Будничные рубашки шили также более светлыми [92].

У всех народов Северного Кавказа для рубах предпочитали выбирать одноцветные ткани или материал с мелким неброским рисунком.

Нами выделены следующие основные типы рубах, сменявших друг друга, но одновременно сосуществовавших в конце XIX — начале XX в. (рис. 17).

Первый, основной тип, идущий из более ранних периодов — туникообразная рубаха. Она имела перекидное плечо, довольно широкий и длинный рукав, пришитый к стану по прямой линии, с ластовицей. Книзу рубаха расширялась за счет боковых клиньев, идущих к подмышке. Клинья могли быть составными из двух частей, со швом на боку или цельными в виде сильно вытянутого равнобедренного треугольника; при этом его вершина вшивалась в шов рукава, заменяя ластовицу. Второй вариант покроя применяли при употреблении более широкой ткани. На груди посередине делали прямой разрез, застегивающийся у горла на одну пуговицу. Вырез оформляли по шее, иногда с небольшой стоечкой. Обычно на плечах, верхней части спины, спереди вдоль разреза делалась подкладка из той же ткани. Иногда (главным образом у чеченцев, ингушей, осетин) на спине вставляли кусок ткани другого качества и цвета.

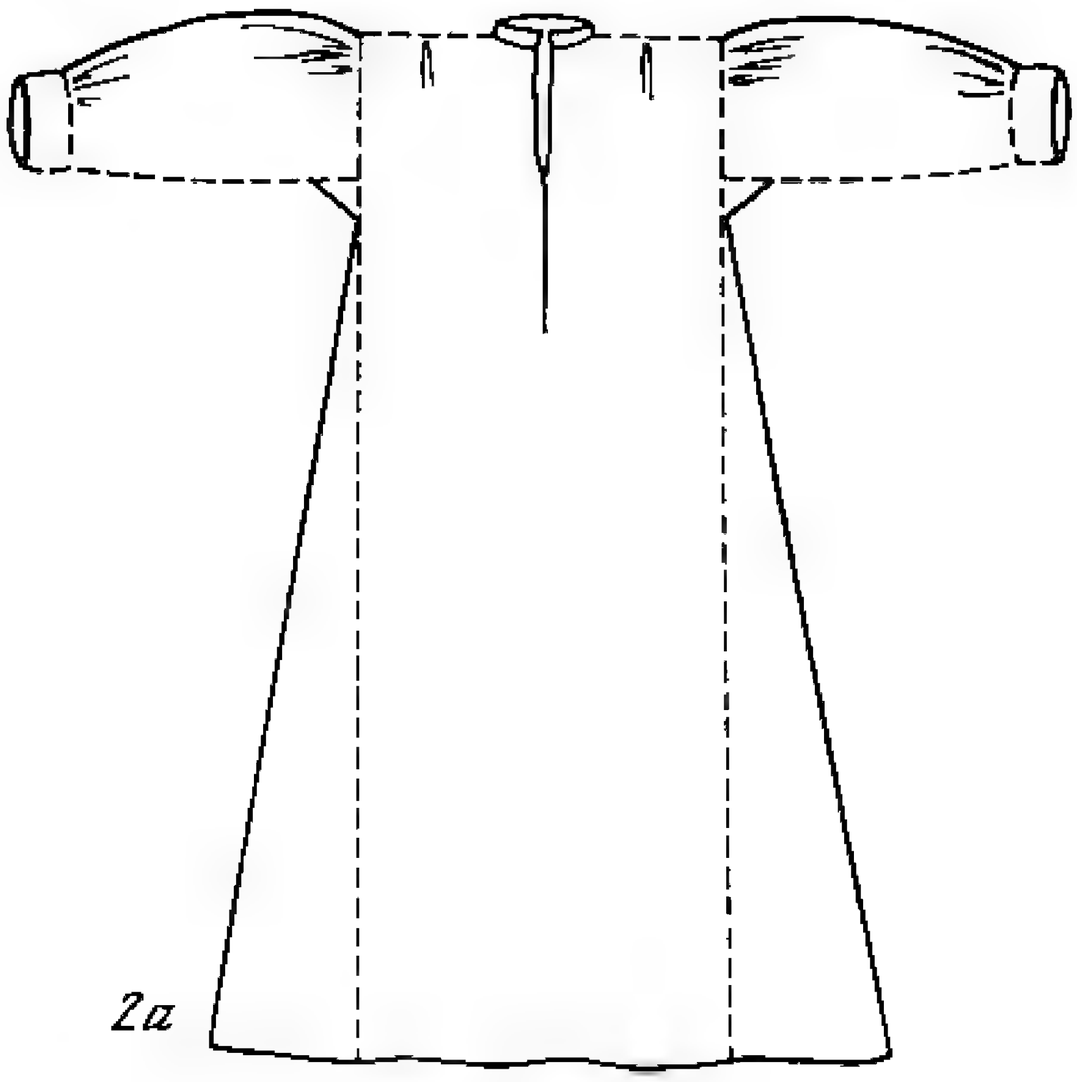
Длина рубахи была различной. В Чечне встречались рубахи чуть ниже колена, а вместе с тем и длинные до щиколотки. У других народов явно преобладали длинные рубахи. Праздничные рубахи, на которые сверху надевались бархатные или шелковые распашные платья, украшенные галунами и вышивкой, или нарядные кафтанчики, отличались не только качеством материала, но еще длиной, а иногда и покроем рукавов. Рукав повседневной будничной рубахи доходил до кисти, в ряде случаев прикрывая ее. Рукав праздничной рубахи делали очень длинным, порой до подола платья и книзу сильно расширяли. Часто расширение рукава достигалось надставкой или оборкой, пришитой около локтя. Туникообразный покрой рубахи при этом сохранялся.

Праздничные рубахи по нижнему краю рукава, разрезу, вороту и подолу иногда обшивали галуном или плетенкой из золотых ниток.

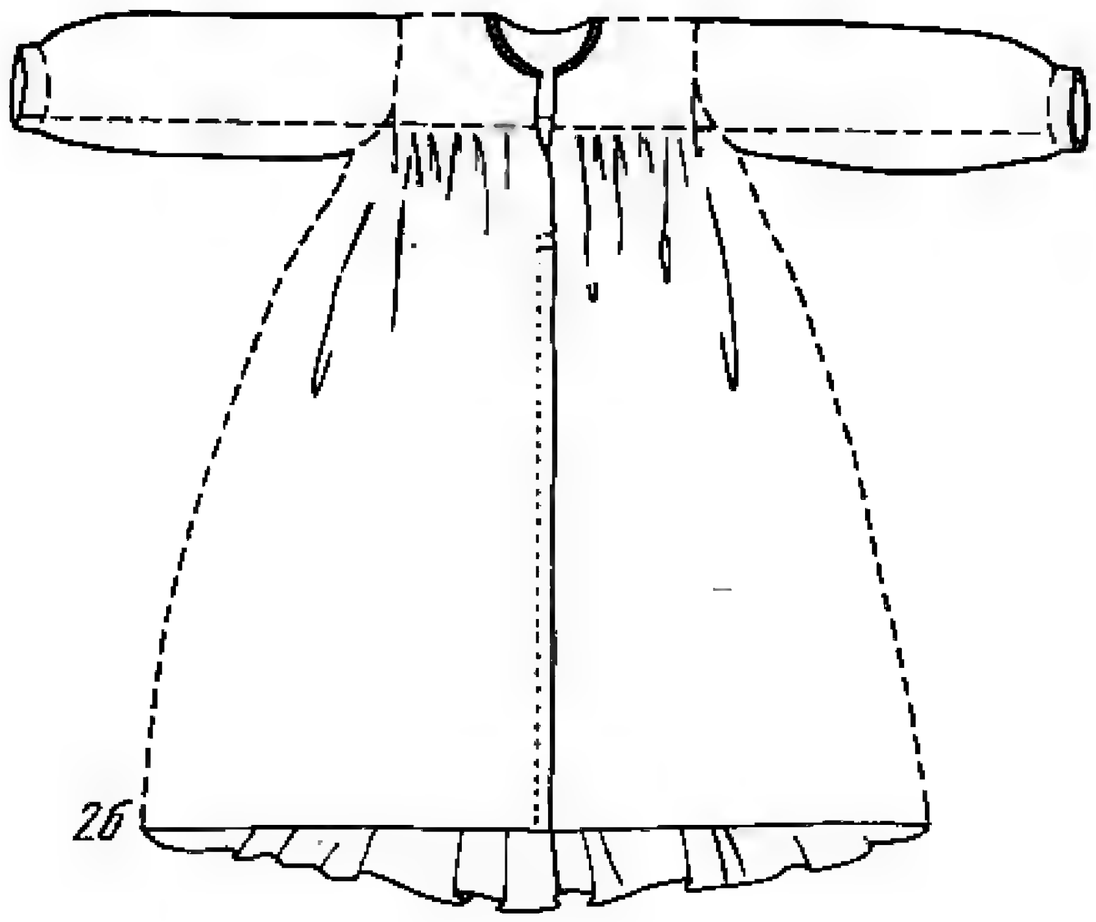
В некоторых случаях спинку и верхнюю часть рукавов, которые не были видны под платьем, делали из более плотной шелковой или даже бумажной ткани. Интересно отметить еще одну «рационализацию», возможную лишь при туникообразном покрое рубахи: разрез, у ворота застегивающийся на пуговицу, делали не только на груди, но и на спине. Это позволяло по мере выгорания и загрязнения рубахи на груди надевать ее задом наперед и таким образом «продлевать ей жизнь». Такие рубахи нам известны у кабардинцев и балкарцев. По сообщению О. А. Сухаревой, это наблюдалось и в сельских районах Средней Азии.

Рубаха второго типа, с выкройными проймами и сшитым плечом, появилась в самом конце XIX в. Она была у́же в плечах, чем туникообразная, и удобнее для надевания под платье или кафтанчик. На рукавах, доходящих до кисти, делали обшлажок или по краю продергивали резинку. Такого рода рубахи получили распространение среди молодых. У старшего поколения сохранялись рубахи туникообразного покроя.

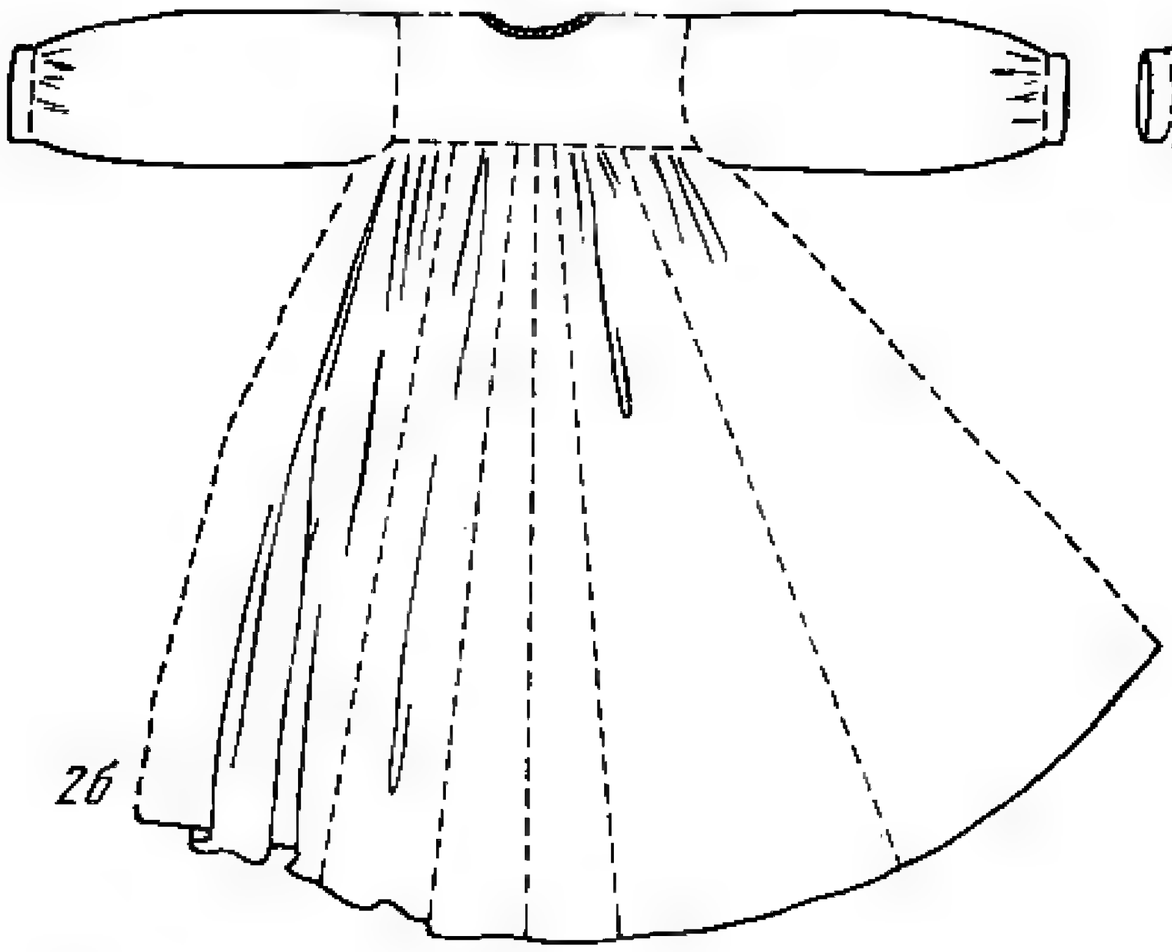
Праздничные рубахи с выкройными проймами шили из шелковых тканей, по низу рукава на обшлаге иногда прокладывали галун.



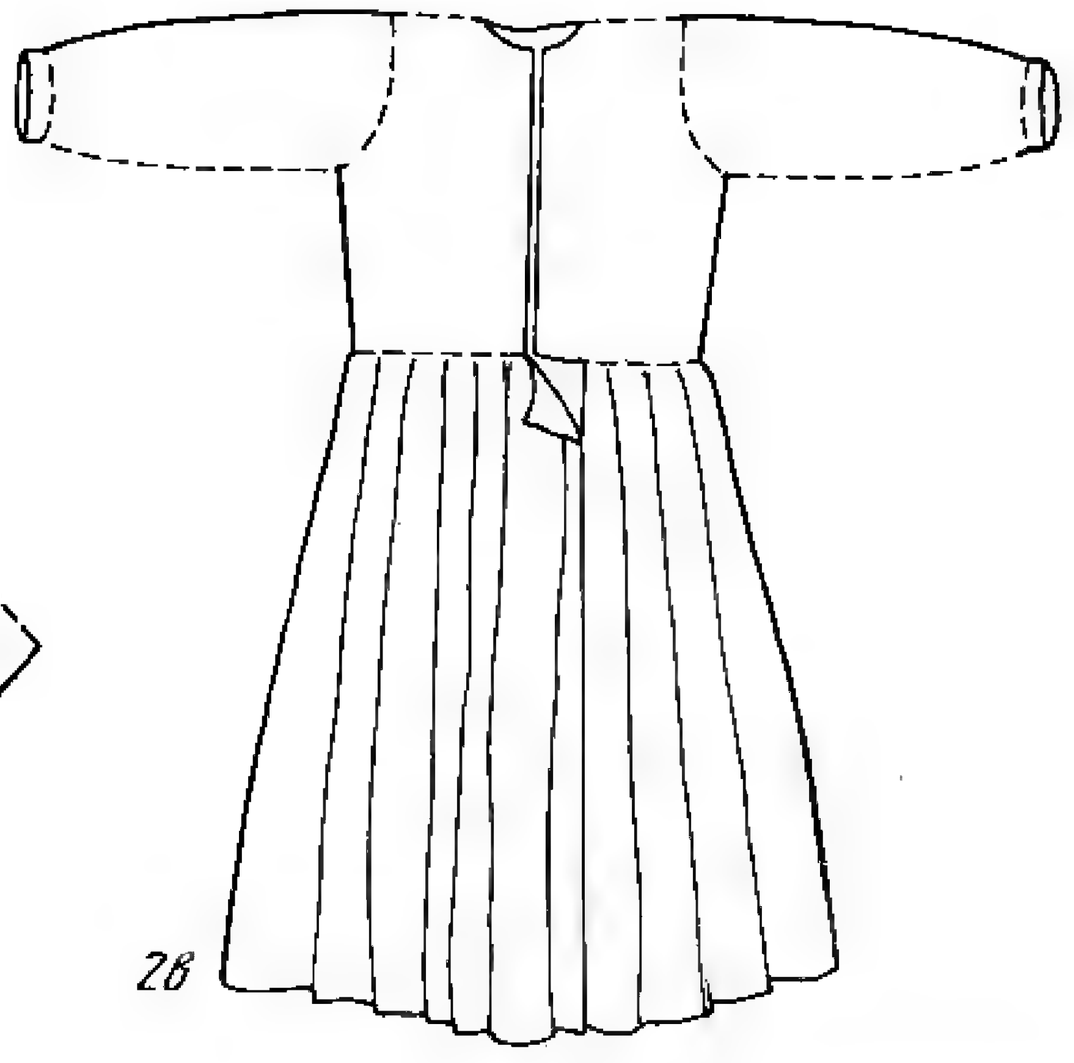
2а



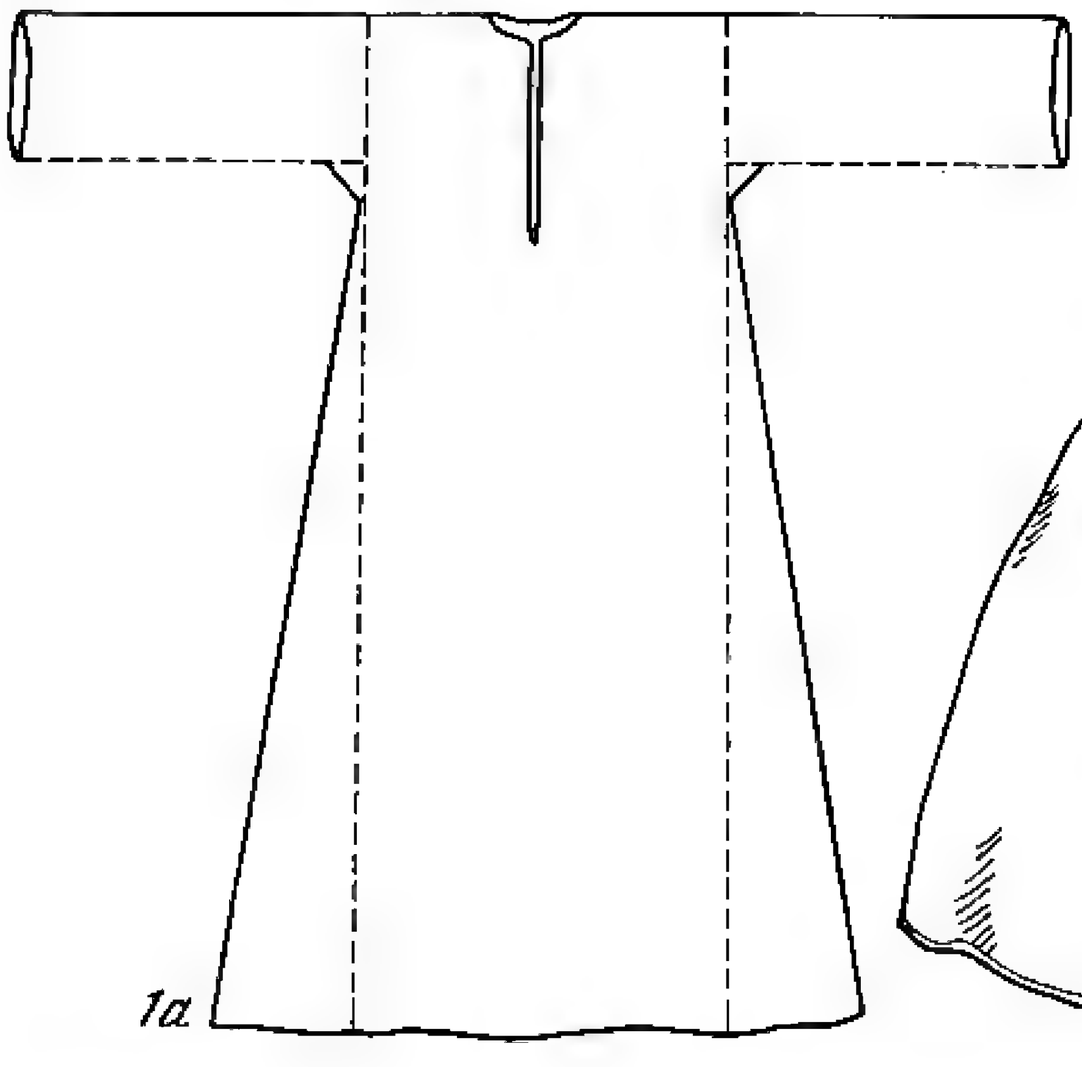
2б



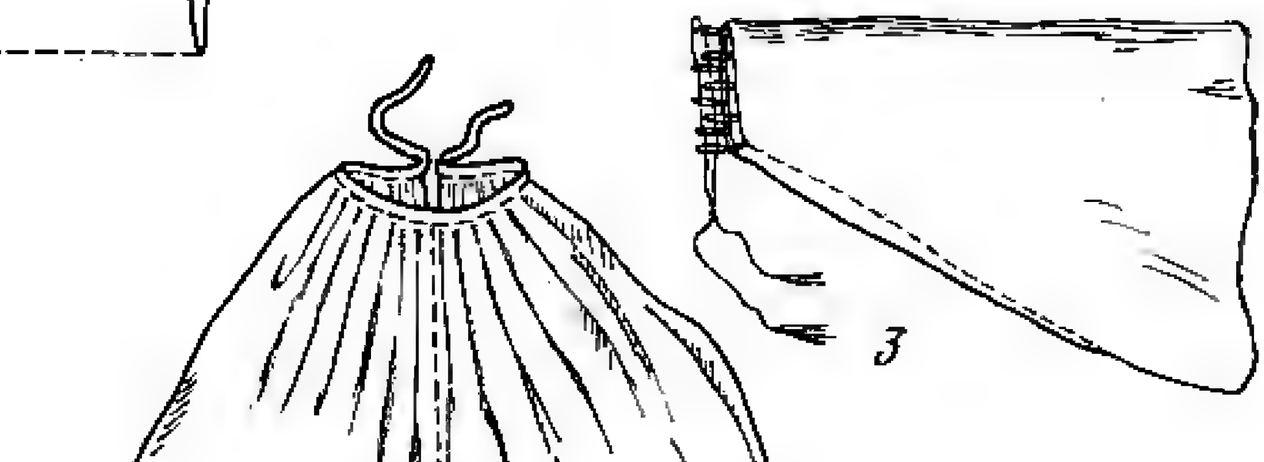
2в



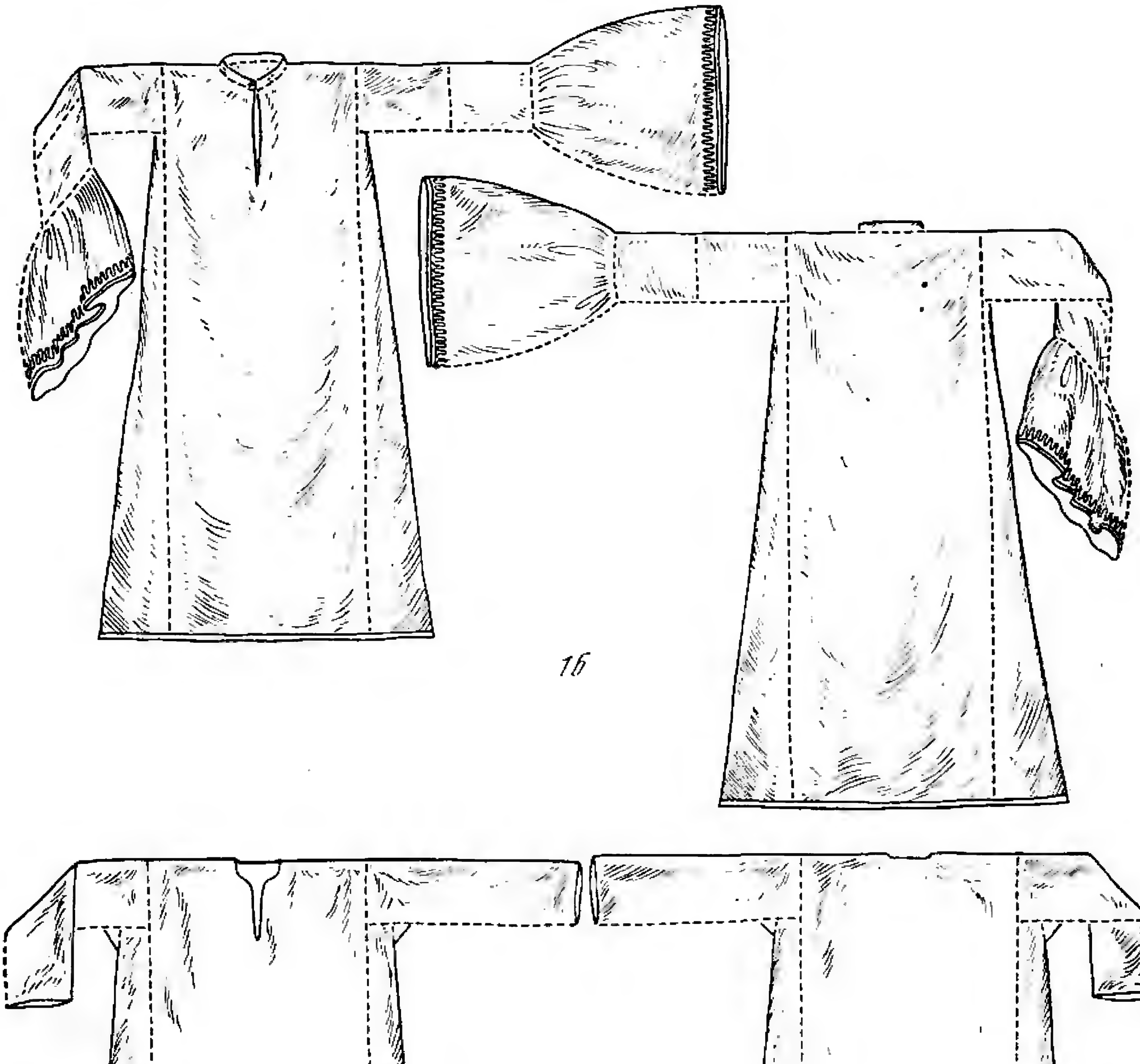
1а



1б



3



1б

1в

Рис. 17. Женские рубахи

1 — **туникообразная нательная:** *а* — **повседневная,** *б* — **праздничная,** *в* — **платье-рубаха;** *2* — **со швом на плече и выкройной проймой:** *а* — **платье-рубаха, цельная,** *б* — **платье-рубаха с кокеткой,** *в* — **платье-рубаха отрезная;** *3* — **юбка и рукава, имитирующие рубаху**

К самому концу XIX — началу XX в. относится появление рубахи внутренней или нижней, которая надевалась под верхнюю рубаху и играла роль белья. Ее шили обычно из белой ткани, чаще всего туникообразного покроя. Однако нижняя рубаха была лишь у более зажиточных женщин. Наибольшее распространение она получила у адыгейцев.

Наличие нижней рубахи позволяло в праздники ограничиться надеванием под распашное платье шелковой нижней юбки и привязывать выше локтя широкие и длинные шелковые рукава того же цвета. Такая имитация шелковой рубахи встречалась только в тех районах, где поверх рубахи обязательно надевали кафтанчик и платье, т. е. у кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, осетин [93].

Эволюция рубахи, игравшей одновременно и роль платья, у чеченцев, ингушей, отчасти адыгейцев была сложной. Рубаха начала сближаться с платьем в начале XX в. Как уже отмечалось выше, рубаха туникообразного покроя стала уступать место рубахе с выкройными проймами и сшивным плечом. При этом плечо рубахи сузилось, шов, соединяющий рукав со станом, при выкройной пройме шел выше, при туникообразном же покрое он оказался ниже плеча, в верхней части рукава.

Ширину рубахи, удобную при работе, хождении по горам, манере сидеть на полу, стремились сохранить. Это достигалось разными способами. В начале XX в. чеченские и ингушские девушки начали носить платье-рубаху, которое спереди было довольно узким, а сзади широким, так как от шеи до подола, а иногда от талии до подола в задний шов вшивался двойной клин, образующий клёш. Спереди сверху до низу была застрочена складка, прикрывавшая разрез на груди; рукава до кисти прямые или на обшлаге. Такую рубаху называли *гейш-коч*. Вошла она в моду в первом десятилетии XX в. Не исключено, что ее название — отголосок русско-японской войны. Ведь именно в эти годы появилось в России наименование «кимоно» для одного из покроев рукава. Старухи осуждали такой покрой, называя его «грешной рубахой». Такая рубаха, приобретенная в 1907 г., имеется в коллекциях ГМЭ (1284-9).

Примерно с 1915 г. начали носить платье-рубаху на кокетке, иногда только спереди, с оборками из-под нее. Кокетку оттеняли строчкой или кружевом. Рукав был выкройной, иногда с буфом на плече. Фасон рубахи-платья на кокетке оказался наиболее перспективным, он встречается до сих пор. Интересно, что такая же эволюция платья-рубахи характерна и для некавказских народов (узбеков, таджиков и др.).

У адыгейцев развитие платья-рубахи пошло иным путем. Адыгейские женщины не так стремились сохранить ширину платья-рубахи и к кокетке прибегали в исключительных случаях. При сохранении цельного покроя платье у них расширялось только от талии при помощи клиньев.

Штаны. Штаны — единственная, но обязательная поясная женская одежда народов Северного Кавказа, только девочки до 7—8 лет (а у некоторых народов и позже) могли носить длинную рубаху, не надевая под нее штаны. И это было главным образом по бедности. Женские штаны по названию и покрою не отличались от мужских.

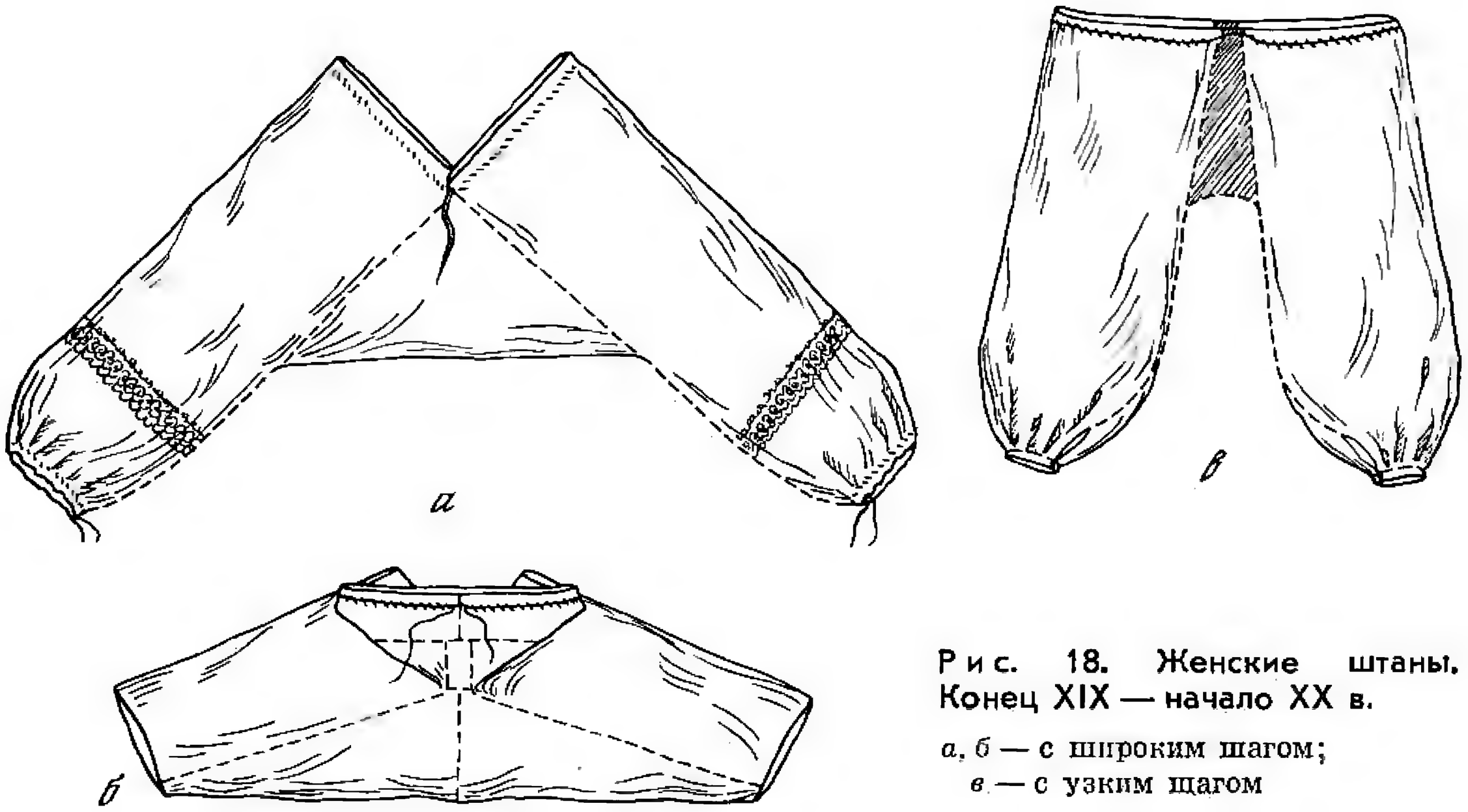


Рис. 18. Женские штаны. Конец XIX — начало XX в.

а, б — с широким шагом;
в — с узким шагом

По покрою можно выделить два основных типа штанов [94]. Первый тип — штаны, очень широкие в шагу, прямые, доходят до щиколоток или до пят. Между штанинами вставлен очень большой клин ромбической формы. Верхние углы клина доходят до обшивки у пояса, а два других — почти до низа штанин. При растягивании по низу получается почти прямая линия (рис. 18).

Штаны или заправляли в обувь или собирали на обшлажок, на шнур с завязками, а позднее и на резинку. Все штаны вверху имели обшивку, куда продергивали тесьму или шнур ручной работы для завязывания. В большинстве случаев для этой цели верхний край штанов отгибался наружу и подшивался.

Штаны второго типа имели более узкие и книзу суживающиеся слегка выкройные штанины, между которыми вшивался небольшой короткий клин трапециевидной формы. При желании сделать штанины более свободными к ним с внутренней стороны пришивали две полосы ткани (иногда другого цвета и качества), идущие от трапециевидного клина до щиколотки. Внизу штанины либо висели свободно, либо, реже, закладывались в сборку или складку на обшлажке. Такого типа штаны были у́же в шагу, чем штаны с ромбовидным клином, имеющие широкий шаг.

Штаны первого типа характерны для карачаевцев, балкарцев (в меньшей степени) и адыгских народов, второго типа — для чеченцев, ингушей, осетин, в меньшей степени балкарцев.

В XIX в. штаны делали из крашеного холста, ситца и других бумажных тканей. Праздничные, особенно свадебные штаны шили и из шелка. Нижнюю часть штанин, которая могла быть видна из-под рубашки, в ряде случаев наставляли шелком, тонким кашемиром и даже парчой.

В Чечне и Горной Осетии в единичных случаях можно было встретить женские штапы из домотканой шерстяной материи. Иногда пожилая женщина донашивала штаны своего мужа.

Штаны шили из цветных тканей, любили выбирать разные оттенки красного, вишневого, фиолетового цвета, особенно для свадебной пары. Повседневные штаны могли быть черными, коричневыми, синими. Иногда использовали и довольно цветастые ситцы, которые в другой одежде горянок не были приняты. В начале XX в., когда в обиход начали входить нижние штаны и эта часть костюма уже воспринималась как белье, их стали делать из более светлых хлопчатобумажных материй.

Кафтанчики и их рудименты. Одним из интереснейших элементов женской одежды является кафтанчик, надевавшийся девушками с периода, «когда они начинали ходить на танцы» (т. е. периода полового созревания). Степень его распространения у народов Северного Кавказа различна. За изучаемое время, особенно в конце XIX — начале XX в., он претерпел сильные изменения, причем как отдельные типы кафтанчика, так и его рудименты сосуществовали. На процессе изменения кафтанчика сказалось различие его функций у разных народов. Кафтанчик был характерен для адыгских народов, карачаевцев и балкарцев, а также осетин. У чеченцев и ингушей в полном виде кафтанчик не встречен.

Покрой женского кафтанчика совпадал с мужским бешметом, но кафтанчик делали обычно короче и он не всегда имел стоячий воротник. Отличием женского кафтанчика являлось наличие крупных металлических застежек, а также украшение его (у девушек) золотым шитьем.

	Адыгейцы	Кабардинцы и черкесы	Карачаевцы	Балкарцы	Осетины
Бешмет мужской	къэптан	къэптал	къаптал	къаптал	куырæт
Бешмет женский, т. е. кафтанчик	кIако, кеч чеча (т. е. короткий)	кIэщI (т. е. короткий)	кюбетюб (т. е. подкольчужник)	чубур	цыбыр куырæт (т. е. короткий бешмет)

Отличался кафтанчик от бешмета и названиями. Сопоставим наименования, помещенные в таблице (см. также приложение). Как видно из таблицы, при сходстве покроя бешмет и кафтанчик имели различные наименования, и только у осетин их названия совпадают, но с прибавлением слова «короткий» (цыбыр), ср. с балкарским названием кафтанчика *чубур*, видимо, заимствованным от осетин. Таким образом, у большинства народов кафтанчик называли словом «короткий». Аналогии этому термину имеются в русском языке. По В. Далю: «Коротай, коротайка — короткий кафтанчик с перехватом, под тулуп... суконный жен-

ский коротенький кафтанчик...» [95]. Наименование «короткий» подразумевает, что основной признак кафтанчика — его меньшая длина. По сравнению с чем? С другой женской одеждой или с мужским бешметом? Последнее кажется менее возможным, хотя мы видим аналогию в осетинской форме *цыбыр куырӕт*. Скорее сопоставляется длина кафтанчика с длиной других составных частей женского костюма — длинными рубахами и платьями. Наибольшей неожиданностью является карачаевское наименование *кюбетюб* (*кюбе* — кольчуга, *тюб* — под) — подкольчужник. Наличие такого термина у женской одежды, по нашему мнению, может объясняться тем, что у мужчин когда-то существовало это название для одежды типа бешмета, надевавшейся под кольчугу, по аналогии с покроем которого назвали и женский кафтанчик.

По своему покрою, назначению и системе застежек кафтанчик был предназначен для того, чтобы туго схватывать и стягивать фигуру от плечей до талии. Застежки представляли собой продолговатые металлические суженные к концам пластинки, одна из которых кончалась петлей, а другая — полушаровидным выступом. При застегивании кафтанчик туго натягивался. Если же одежда с такими застежками была свободной, они расстегивались. Подобные застежки имеют на Кавказе давнюю традицию, о чем мы говорили выше.

Кафтанчик надевали поверх рубахи под распашное платье [96]. Таким образом, он был виден лишь частями: грудь с металлическими застежками, передние полы (в разрез платья) и нижняя часть рукавов, в тех случаях, когда платье имело короткие или разрезные рукава.

Некоторые особенности имелись у адыгейцев. Здесь кафтанчик, надетый поверх рубахи (носившей функцию и платья), считался достаточной для выхода одеждой. Верхняя распашная одежда *сай* могла и не надеваться [97]. На фотографиях, снятых в Адыгее во второй половине XIX — начале XX в., на праздничных гуляниях можно видеть девушек и молодых женщин в нарядных вышитых кафтанчиках без сай [98]. Эта особенность употребления кафтанчика у адыгейцев сказалась на характере его украшений и дальнейшей эволюции.

Кафтанчики были наиболее распространены у адыгских народов, карачаевцев и балкарцев, в меньшей степени у осетин, изредка встречались у ингушей, главным образом в пригородных районах. У чеченцев кафтанчика не было. Не было у них и девичьих корсетов (описанных выше), и, следовательно, женская фигура не деформировалась и развивалась более свободно.

Девичий кафтанчик по возможности шили из дорогих тканей — плотного шелка, бархата, атласа, фабричного тонкого сукна. Часто можно было встретить кафтанчик из сатина или ластика. Предпочитались цвета черный, темно-красный, реже синий, голубой, зеленый. Женщины более старших возрастов носили кафтанчики преимущественно черного цвета из простой ткани и вместо красивых металлических застежек пользовались мелкими металлическими, а иногда и шнурковыми пуговицами.

Кафтанчик — одна из наиболее нарядных частей женской одежды. Металлические, чаще всего серебряные застежки кафтанчиков обычно

украшены гравировкой, чернью, а иногда — позолотой, филигранью и цветными стеклами или камнями. Иногда по обеим сторонам застежки на груди имелись металлические подвески в виде полуминдалин или шариков [99]. В редких случаях застежка была потайной на фабричных крючках, тогда грудь кафтанчика украшали золотым шитьем, иногда имитировавшим форму застежек. Ворот, борта, подол, а иногда и швы на кафтанчике обшивали галуном. Но особенно украшала кафтанчик вышивка золотыми и серебряными нитками, выполненная швом «вприкреп» или гладью. Места вышивки были строго локализованы, а некоторые узоры отличались большой устойчивостью. Вышивка располагалась на передних полочках кафтанчика у подола и на нижней части узких и длинных рукавов. Поскольку у большинства народов кафтанчик надевался под распашное платье с открытой грудью, с короткими или разрезными рукавами, то украшались именно те его места, которые были видны из-под платья во время ходьбы, танцев и т. п.[100] (рис. 19).

Наибольшей устойчивостью узора отличалась вышивка в углу полочки кафтанчика. Она обычно представляла собой довольно крупный, а иногда и очень большой равнобедренный треугольник, обращенный вершиной в угол полы. От основания этого треугольника отходили изогнутые кривые, напоминающие рога. Часто эти «рога» прорастали листочками, завитками или цветками. В других случаях вместо рогов или вместе с ними (посередине) изображали трилистник или фигурку, напоминающую человека. Все эти варианты обычно назывались «узор для угла» (карачаевцы, балкарцы, кабардинцы). В менее развитой форме такой узор встречается и в углу подола распашного платья.

Такое постоянство основного орнаментального мотива угла, общего для адыгов, карачаевцев, балкарцев и осетин, заставляет думать о неслучайности его выбора. В одной из своих работ мы писали: «Видимо, на кафтанчике этот треугольник имел в свое время особое значение либо магического порядка, либо какого-то знака. Если мы вспомним, что кафтанчик начинали носить при наступлении половой зрелости, готовности к замужеству, то это, может быть, и послужит объяснением традиционности и обязательности на кафтанчике вышивки именно этого типа» [101].

К. А. Берладина в ряде интересных работ [102] дает убедительную интерпретацию развития подобного изображения из стилизованного мотива бараньей головы. Изображения голов баранов, козлов известны в мелкой бронзовой пластике кобанского периода. По-видимому, они носились как амулеты, причем подвешивались и к поясу. Расположение узора на полах кафтанчика делает вероятной его трактовку как оберега молодой девушки. С этим древним мотивом был связан и наиболее традиционный способ шитья вприкреп. Впоследствии значение треугольника с рогами как стилизованного изображения головы животного было забыто и он начал сочетаться с растительными мотивами. Иногда вышивка полочек кафтанчика напоминала растительные побеги с листьями. У некоторых кафтанчиков борта и подол окаймлялись вышивкой бордюрного типа растительного или геометрического характера. Ее выполняли различной техникой: шов вприкреп (отдельные элементы узора), выкладка шнуром

Р и с. 19. Украшения кафтанчиков. Шитье золотом, шов «вприкреп»

слева вверху и внизу **— балкарцы, 1880-е годы и вторая половина XIX в.;**
справа вверху и внизу **— кабардинцы, вторая половина XIX в. и 1880-е годы**

или узким галуном, шитье гладью. Это видимо, более поздние варианты вышивки, чаще всего встречавшиеся у адыгейцев и осетин. Нижняя часть рукава кафтанчика не имела определенных канонов для узора, но по возможности украшалась довольно пышно.

Надевание кафтанчика под распашное платье, из-под которого были видны только его отдельные части, как отмечалось выше, обусловило характер размещения вышивки. Это в конечном счете способствовало распадению кафтанчика на несколько предметов: 1) нагрудник с застежками или без них; 2) нижние полочки на пояске, поясные подвески; 3) нарукавники; 4) иногда воротничок. Нетрудно заметить, что это именно те части бывшего кафтанчика, которые были видны из-под платья и обычно украшались металлическими застежками, галунами, вышивкой. Впоследствии эти части стали восприниматься как отдельные предметы. Мало того, каждая из этих частей прошла свой путь развития. Лишь путем сопоставления и анализа музейных коллекций и полевых материалов удалось восстановить ход этого процесса, проследить все промежуточные формы данного элемента одежды, которые сосуществовали в конце XIX—начале XX в.

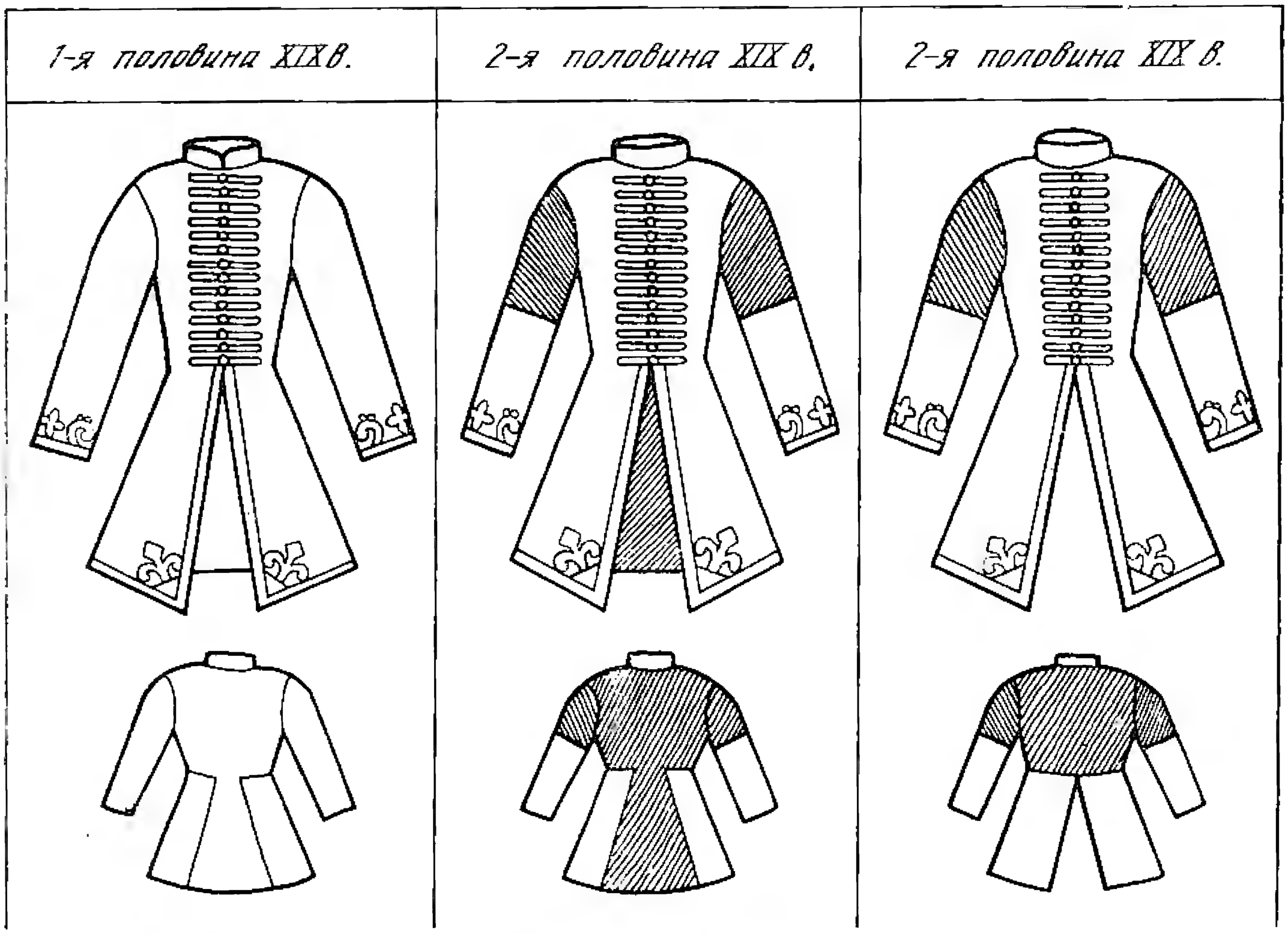


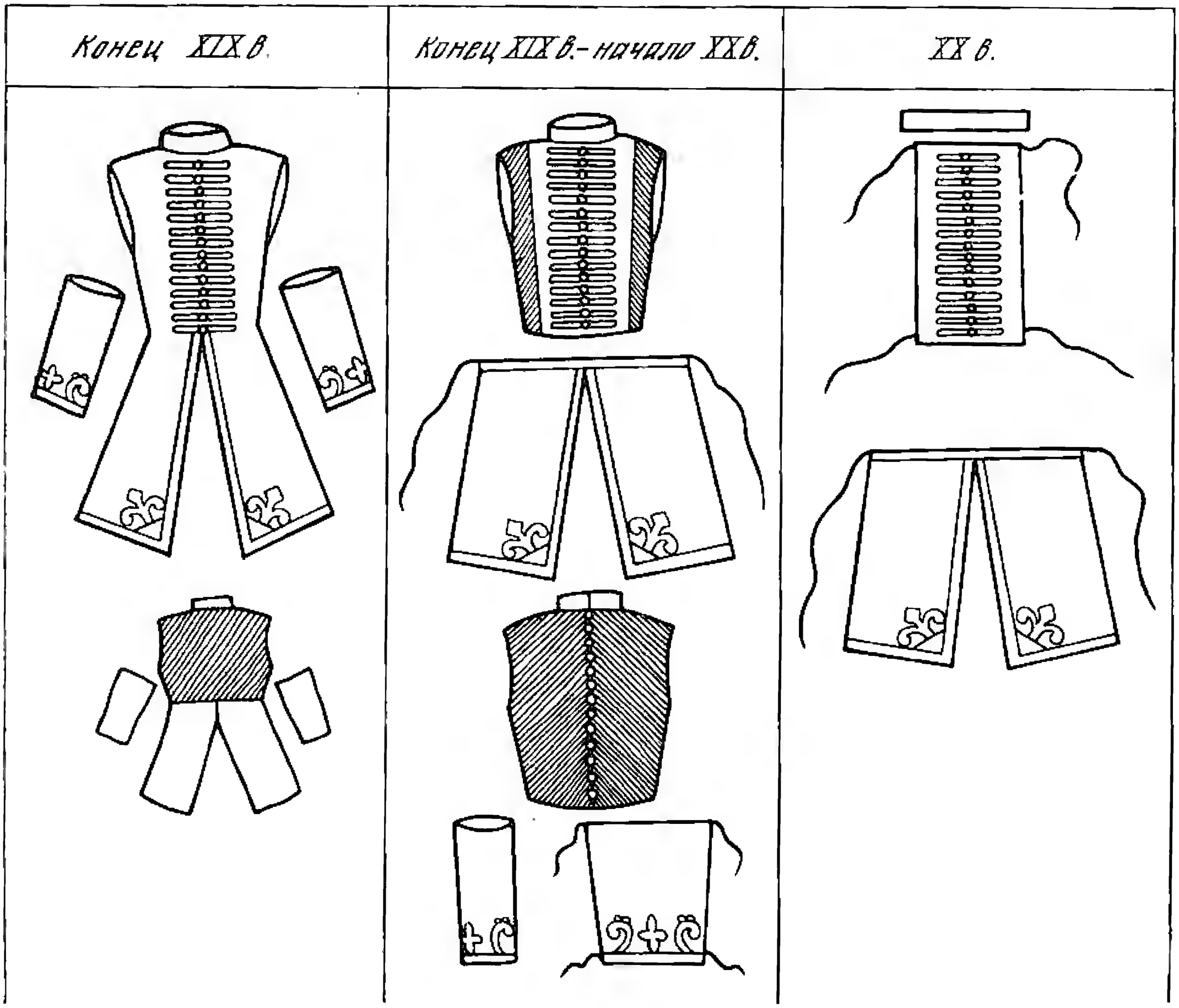
Рис. 20. Эволюция покроя кафтанчиков и их элементы

Особенно наглядно это видно на кафтанчиках кабардинских, карачаевских и балкарских женщин [103] (рис. 20).

Нами выявлены и представлены два основных типа кафтанчиков: надеваемые под платье и надеваемые поверх платья, а также их варианты. Сначала бытует: 1) Кафтанчик полный, сшитый из одной материи и его варианты: а) некоторые части цельного кафтанчика (спинка, верхняя часть рукавов), не видные из-под платья, сшиты из более тонкой и дешевой ткани; б) кафтанчик, утративший нижнюю часть спинки: спинка, сшитая из более дешевой ткани, доходит только до талии. Передки кафтанчика сохраняются полностью, и полы их доходят до половины бедра или чуть ниже.

2. Затем кафтанчик утрачивает рукава и превращается в безрукавку. В остальном его покрой сохраняется полностью. К такой безрукавке поверх длинных рукавов рубахи надеваются вышитые нарукавники, закрывающие часть руки от локтя до кисти. Они имеют вид нижней части узких рукавов. В другом варианте нарукавник имеет форму трапеции и застегивается у кисти и локтя на маленькие пуговки. Впоследствии кафтанчик-безрукавка распадается на две части, далее существующие и развивающиеся самостоятельно (рис. 21).

3. Передние полочки кафтанчика отделяются и пришиваются к узкому пояску, застегивающемуся на талии, превращаясь в поясные подвески.



Они напоминают короткий фартучек (как его и называют отдельные авторы), состоящий из двух половинок, украшенных галунами и вышивкой, часто сохраняющей традиционный узор угла кафтанчика. Эти полочки при ходьбе и танце видны в разрез распашного платья. Позднее при переходе к платьям, закрытым спереди, они исчезают. Период бытования этих подвесок ограничивается 3—4 десятками лет, если не меньше.

4. Верхняя часть распавшегося кафтанчика приобретает самостоятельность в функции нагрудника, надеваемого под вырез платья, и имеет несколько типов. Сначала это просто безрукавка из простой, часто белой ткани, которая застегивается сзади на пуговицы или крючки. Спереди на нее нашита широкая полоска бархата, сукна, плотного шелка, часто окантованная галуном, на которой закреплены традиционные нагрудные металлические застежки, в данном случае играющие роль нагрудных украшений, видных в глубокий (до талии) вырез платья.

Затем эта форма превращается в нагрудник с нашитыми на него застежками, который удерживается при помощи пришитого к нему стоячего воротника, застегивающегося сзади на шее. Иногда полоска ткани с застежками привязывалась тесемками или пришивалась изнутри под раз-

рез платья, а вышитый воротник надевался отдельно, напоминая ошейник.

Наконец, образуется нагрудник без застежек, украшенный золотым шитьем, чаще всего гладью, обычный узор — растительный побег с цветками и листьями, построенный по принципу двусторонней симметрии по вертикальной оси. Такие нагрудники делали из бархата, сукна или плотного шелка. Они закреплялись завязками на шее и талии, иногда имели стоячий воротник. Цвет их отличался от цвета платья, но часто совпадал с цветом поясных подвесок и нарукавников. Оба эти типа нагрудника наиболее характерны для адыгских народов, карачаевцев, балкарцев, отчасти осетин.

В этот период встречаются, особенно у осетин плоскостных районов и в городе, нагрудники из легкой шелковой ткани в сборку, с обшивкой по вороту или стоячим воротником. Их надевали под платье с вырезом на груди, но чаще всего уже не распашного покроя. Они имитировали парадную рубашку или блузку. У шеи иногда пришивали кружевную рюшку, а посредине — ряд мелких серебряных пуговиц.

Наконец, надо отметить нагрудники, сшитые из той же ткани, что и платье. Они надевались под вырез платья и создавали иллюзию цельного лифа. Эти нагрудники были последней ступенью перехода к платью с закрытой грудью и стоячим воротником. Такие платья были характерны и для европейской моды начала XX в. Возможно, появление нагрудников последнего типа связано с влиянием городской одежды.

Таким образом, воротничок, нагрудник, нарукавник и полочки являются рудиментами кафтанчика. Обычно их шили из одинаковой ткани и украшали вышивкой одного типа. Но постепенно память о том, что эти предметы должны имитировать цельный кафтанчик, была утрачена и в ряде случаев их делали разного цвета да и носили не в полном наборе.

Каковы же причины распадения кафтанчика на части? Нам думается. их несколько: желание сэкономить дорогой материал, заменив его более дешевым и легким в тех местах, где кафтанчик не был виден; стремление сделать более свободными движения рук и корпуса. Сочетание рукава рубахи туникообразного покроя с узкими рукавами кафтанчика и платья, конечно, ограничивало движения рук. Наконец, видимо, известную роль играло стремление сделать костюм в целом менее теплым. Процесс облегчения, а затем и распадения кафтанчика касался девичьего костюма. Более всего он проявился у кабардинцев, менее — в Карачае и Балкарии (возможно, в силу более холодного климата). В Осетии кафтанчик в полном виде сохранялся, видимо, не позднее третьей четверти XIX в. В конце XIX — начале XX в. носили уже только нагрудник и поясные подвески, а позднее (при закрытых платьях) — один нагрудник, с застежками или без них.

В конце XIX в. и особенно в начале XX в. нагрудник с нашитыми застежками в редких случаях встречался у ингушей и чеченцев, видимо, под влиянием осетин и кабардинцев. Надевался подобный нагрудник под верхнее распашное платье, в свою очередь имевшее нагрудные металлические застежки, обычно располагавшиеся от шеи до талии. Но чаще всего

Р и с. 21. Женские кафтанчики и их элементы

вверху **— кафтанчик, надеваемый под платье;** ***внизу слева*** **— кафтанчик, надеваемый поверх платья;** ***в центре и справа*** **— нагрудники с застежками и с вышивкой**

застегивались только несколько (2—3) нижних пар. Это позволяло видеть и нагрудник. При этом часто при полном внешнем сходстве застежки на нагруднике назывались *туыйдаргаш*, т. е. нагрудные украшения (букв. «петли»), а застежки на платье — «чаьрпазаш» (застежки). У кумыков застежки на платье назывались *шарпазлар*, т. е. корень слова одинаков с чеченским. Любопытно, что у абхазов застежки на платье носили близкое название *ачамраз* [104]. В турецком языке *сарчаз* значит «лежащий поперек, скрещенный», а также род жилета с двойным рядом пуговиц [105]. Возможно, что название застежек и у чеченцев, и у кумыков происходит из тюркских языков.

У адыгейцев, где кафтанчик играл роль и самостоятельной верхней одежды, он, естественно, не мог утрачивать какие-либо свои части. Расположение галунов и вышивок на нем было рассчитано на то, чтобы его можно было обозревать со всех сторон. Часто эти кафтанчики шили из тонкого фабричного сукна, со стоячим воротником, длиной немного выше колен и так богато украшали галуном или золотым шитьем, что они напоминали какие-то придворные мундиры. Но в самом конце XIX — начале XX в. появились и отдельные нагрудники с застежками, иногда пришивавшиеся к платью под вырез.

Замена кафтанчиков нагрудниками превратила застежки в украшение, изменила их функцию. Это привело к изменению системы их застегивания, рассчитанной в прошлом на натяжение. При нашивании на нагрудник или полоску ткани они стали непроизвольно расстегиваться. Тогда мастера на одной половине застежки, той, где раньше была пуговица-выступ, стали делать снизу крючок, сверху прикрытый выпуклой розеткой, как бы имитирующей пуговицу. На второй половине вместо петли делали пластинку с маленькой петлей или просто отверстием, куда входил крючок. Внешне эти застежки напоминали существовавшие ранее, но уже не расстегивались так легко. Выступ-розетка, заменивший пуговицу, получил возможность самостоятельного развития и в дальнейшем в ряде случаев принимал довольно пышные формы. В конце XIX в. такие застежки стали нашивать и на кафтанчик, но главным образом на отдельный нагрудник. В начале XX в. появилась новая «застежка» — цельная неразъемная пластинка с выступом-шишечной и розеткой в средней части. По форме она напоминала застежку в застегнутом состоянии. Итак, утрата функции застегивания привела к изменению самого предмета, ставшего только украшением.

В начале XX в. застежки или их имитации стали делать различной длины, сообразуясь с формой выреза платья, под которое надевали нагрудник. Последнее чаще всего наблюдалось в Осетии и Чечено-Ингушетии, где кафтанчики раньше не носили. Осетия дает и наибольшее разнообразие типов застежек, вариапты их форм и украшения, а иногда и технологии изготовления. Более ранние традиционные застежки были чаще всего литыми, украшенными гравировкой, иногда чернью, полосками ложной зерни. Позднее широкое применение нашла накладная филигрань (или ее имитация); встречалось также украшение кампями или цветными стеклами. Появились застежки с несколькими перехватами, акценти-

рованными выступами или розетками, застежки в виде изогнутых и распростертых крыльев или хвостов и др. Разнообразие застежек, наблюдаемое в Осетии, объясняется тем, что здесь быстро шел процесс изменения костюма в целом, сильнее сказывалось русское и грузинское влияние.

На технологию изготовления и характер украшения застежек[106] влияло и то, что Владикавказ был центром всего Северного Кавказа, городом, где было много ювелирных магазинов, а также мастерских (они снабжали своими изделиями не только Осетию, но и прилегающие районы), в которых работали главным образом пришлые мастера — кубачинцы, лакцы, армяне.

Мастера-ювелиры, изготовлявшие застежки, имелись также в Минеральных Водах, в Нальчике, крупных селениях. Они в основном работали на заказ, часто по образцам, предложенным самими заказчиками.

Постоянством формы и отделки отличаются застежки у адыгских народов, прежде всего адыгейцев. Возможно, это связано с тем, что нагрудники, требовавшие новых приемов застегивания, встречались здесь относительно редко. Застежки на кафтанчиках, носимых как верхняя одежда, всегда характеризовались стабильностью формы.

У черкесов и кабардинцев также имелись застежки фигурной формы в виде горизонтально расположенных рогов в сочетании с ромбовидным выступом. Делали их плоскими, украшали гравировкой и несложной чернью. Застегивались они на плоские круглые пуговицы, имевшие припаянную ножку. Эти пуговицы продевались в широкие петли на второй половине застежки. Таких застежек нашивалось не более четырех пар, так как они были довольно массивными. Их фигурная форма напоминает узоры золотого шитья в углах кафтанчика. Сделаны они, видимо, местными мастерами — кабардинцами или черкесами. Время их появления уточнить не удалось. Застежки этого же рисунка, но очень пышно украшенные филигранью, опубликованы в альбоме, изданном в 1967 г.[107]

На многих нагрудниках, особенно у карачаевцев, балкарцев, кабардинцев, около шеи помещается крупная застежка фигурной формы, скрепляемая при помощи крючка и петли. Чаще всего она имеет вид двух птичек с головами, обращенными назад. Иногда они настолько стилизованы, что напоминают растительный мотив. Несмотря на древность мотива птички, широко представленного в женских украшениях Кавказа, эти застежки появились, видимо, не ранее начала XX в. На фотографиях более раннего периода они не зафиксированы. Карачаевцы их называют *боюнлукъ* — «шейная».

После распадения кафтанчика и появления отдельных нагрудников застежки на них могли быть всех уже известных нам типов. На этих нагрудниках порой сохранялся и способ прикрепления застежек, закономерный для того периода, когда они пришивались на туго обтягивающий стан кафтанчик. В этом случае нагрудник с лицевой стороны делался из сукна или бархата, а с изнанки подкладывались полоски кожи. На каждой застежке имелись два металлических ушка, которые пропускались через прорези в ткани и коже. С обратной стороны через все эти ушки продевался тонкий ремешок или крепкий шнурок, концы которого

закреплялись вверху и внизу каждого ряда. Такой способ крепления не давал застежке вырваться вместе с тканью даже при сильном натяжении. Применение его на отдельных нагрудниках было просто данью традиции.

Рассмотрение истории кафтанчика и застежек дает яркий пример того, как под влиянием требований жизни (удобство ношения, экономия) изменяются традиционные и появляются новые формы в костюме горянки. В свою очередь эволюция кафтанчика дает толчок к изменению даже таких устоявшихся форм, как нагрудные застежки.

В Чечне, в районах, близких к Дагестану и горной Грузии, бытовали безрукавки, не связанные с кафтанчиками и их эволюцией, а являвшиеся самостоятельной формой одежды, распространившейся, возможно, под влиянием соседей. Эти безрукавки имели прямой покрой, были длиной иногда до бедра. Их шили из бархата, шелка, плотной ткани темных цветов. На безрукавках в качестве украшений использовались серебряные застежки обычного для Северного Кавказа типа. Они сочетались с монетами и различными металлическими украшениями, нашитыми параллельными рядами не только по всему переду, но и по спине. Среди них были амулеты треугольной формы и тумары в виде цилиндриков с крышечками на обоих концах. В чеченском селении Мескеты Ножайюртовского района, примыкающего к Дагестану, мы видели подобную безрукавку, сделанную в начале XX в., но позднее украшенную советскими монетами. По сообщению Г. А. Сергеевой, безрукавки с нашитыми монетами надевали поверх платья-рубахи (как и в Мескеты) аварки Гумбетовского района.

В краеведческом музее в Грозном имеется безрукавка, приобретенная у кистинов в с. Дунси. Она датируется последней четвертью XIX в. На ней, кроме монет, имеются украшения, схожие с носившимися пшавскими женщинами.

Верхняя одежда (*платье*). Женскую верхнюю плечевую одежду, надеваемую поверх рубахи или кафтанчика, мы называем термином «платье». У большинства народов (кроме чеченцев, ингушей и адыгейцев) современное платье именуется тем же термином, что и описываемая плечевая одежда. В русской литературе встречаются наименования этой одежды бешметом, архалуком и даже халатом (видимо, из-за распашного покроя).

Нами выделены и представлены на карте четыре основных типа плечевой одежды (платья), сосуществовавшие в конце XIX — начале XX в. Эти типы показывают эволюцию формы от открытой распашной одежды до закрытых платьев. Вероятно, именно этим эволюционным процессом объясняется обилие вариантов каждого из четырех типов (рис. 22).

Покрои рукава также отличаются большим разнообразием, часто именно в форме рукава выявляются этнические и региональные особенности.

Для XIX в. наиболее характерным покроем женского платья у адыгских народов, карачаевцев, балкарцев, осетин был покрой типа мужской черкески. У некоторых народов совпадало и название одежды. Так, у карачаевцев черкеску и женское платье именовали одним термином *чепкен*

и при необходимости уточнить, о чем идет речь, добавляли прилагательное «женское» — *тиширыгу*.

У кабардинцев черкеска называлась *цей*, а женское платье — *босцей* (*бостей*), что является сочетанием двух слов: *бос* (*боз*) — привозная из Турции ткань и *цей* — черкеска и одновременно домотканое сукно. Таким образом, бостей — буквально «бумажная черкеска». Такое наименование отражает то, что привозные ткани давно уже вытеснили шерстяную домотканину из женской одежды кабардинцев.

Итак, первый тип женского платья характеризуется покроем черкески: с цельными передками, спинкой с узким перехватом и подрезами по талии, вставными клиньями на боках. Как и черкеска, платье было распашным, открытым на груди. Плотно охватывая стан от талии, оно плавно, без сборок расширялось книзу. Рукава чаще всего делали короткими, до локтя, они отличались от рукавов черкески.

Как уже отмечалось ранее, покрой черкески был господствующим в одежде народов Северного Кавказа. Он был типичен для черкески, бешмета, женского стеганого къаптала, кафтанчика, платья и в меньшей степени — для мужских и женских шуб. Одежда такого покроя подчеркивала стройность и красоту фигуры и соответствовала эстетическому идеалу горцев. Она была удобна в работе, в дороге, а для мужчин и в походной обстановке. Покрой зависел также от ширины местного материала. Домотканое сукно было узким, и добиться ширины в подоле можно было только за счет клиньев. Относительная толщина и грубость его исключали собирание сборок у талии. Это привело бы к неудобству и неуклюжести одежды.

Совпадение покроя верхней (черкеска, платье) одежды и надеваемой под нее (бешмет, кафтанчик) не случайно. Приталенная, туго охватывающая фигуру верхняя одежда допускала только такой же покрой и для нижней (кроме рубашки). Последняя шилась из тонких тканей, которые легко сжимались под тесной верхней одеждой.

До середины XIX в. в повседневной одежде, а в праздничных платьях — и позже покрой черкески являлся преобладающим [108]. Последнему обстоятельству способствовало то, что нарядное выходное платье шили из богатых тяжелых тканей: бархата, плотного шелка. Из привозных тканей шили женскую одежду еще в средневековье и эти тяжелые ткани требовали покроя типа черкески.

Для девушек платье было единственной теплой одеждой — отсюда естественно желание сделать его из более плотной ткани.

Таким образом, эстетические и практические цели совпадали и диктовали формы одежды.

Во второй половине XIX в. в связи с усилившимися экономическими связями с Россией на Северный Кавказ увеличился ввоз тканей фабричного производства, в том числе и дешевых, доступных основной массе населения. Фабричные ткани были широкими, легкими и позволяли большее разнообразие в покрое. Однако долгое время и из этих тканей шили платья старого покроя. А если покрой менялся, то часто на месте прежних швов делали ложный шов, прострочку, а на нарядных платьях про-

кладывали галун. При шитье из тонких тканей лиф, а иногда и все платье ставили на подкладку. Это обеспечивало большую сохранность платья, которое носили порой до полного износа, а также утепляло его (рис. 23).

Применение новых тканей дало возможность увеличить ширину подола не только за счет клиньев, как в платье первого типа, но и за счет того, что платье делали отрезными в талии, а нижнюю часть расширяли за счет сборок, складок или покроя типа клеш. Таким образом сложился второй тип платья — распашное, отрезное по талии. Можно выделить

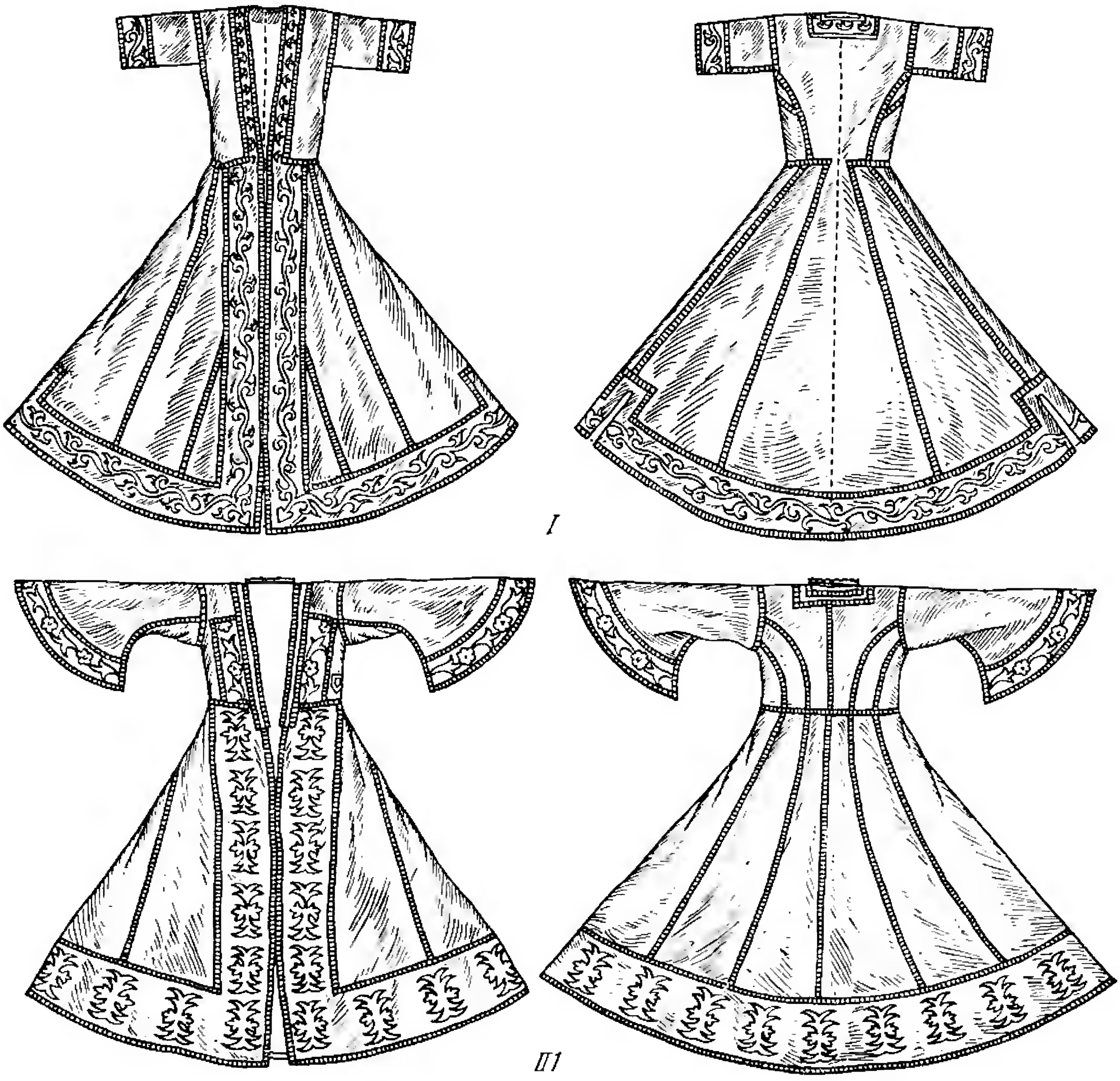
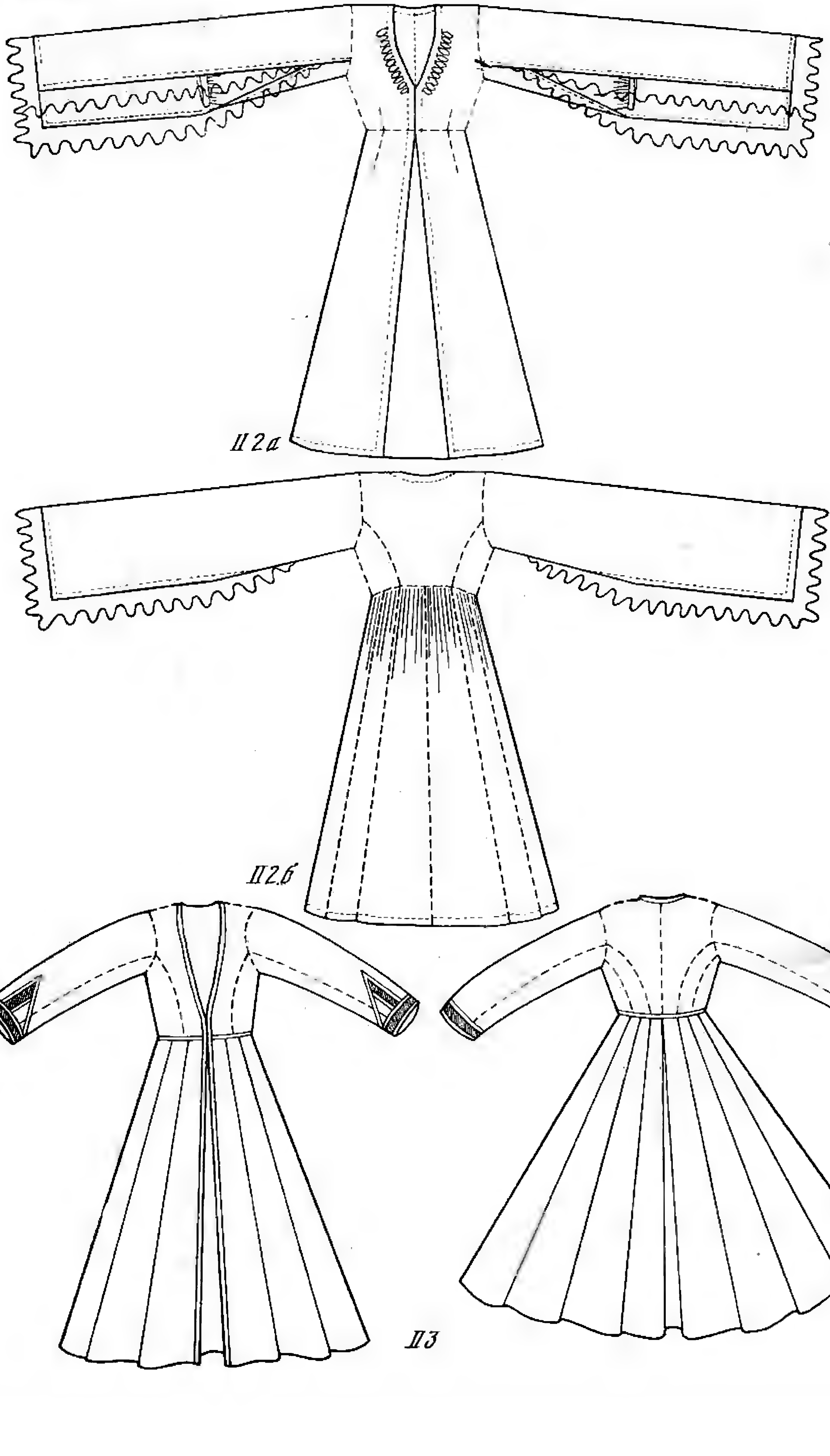


Рис. 22. Женская верхняя одежда (платье)

I — распашное, покроя черкески; II — распашное, отрезное по талии: *1* — с юбкой из клиньев; *2* — с юбкой в сборку (*а* — спереди, *б* — сзади); *3* — с юбкой в складку;

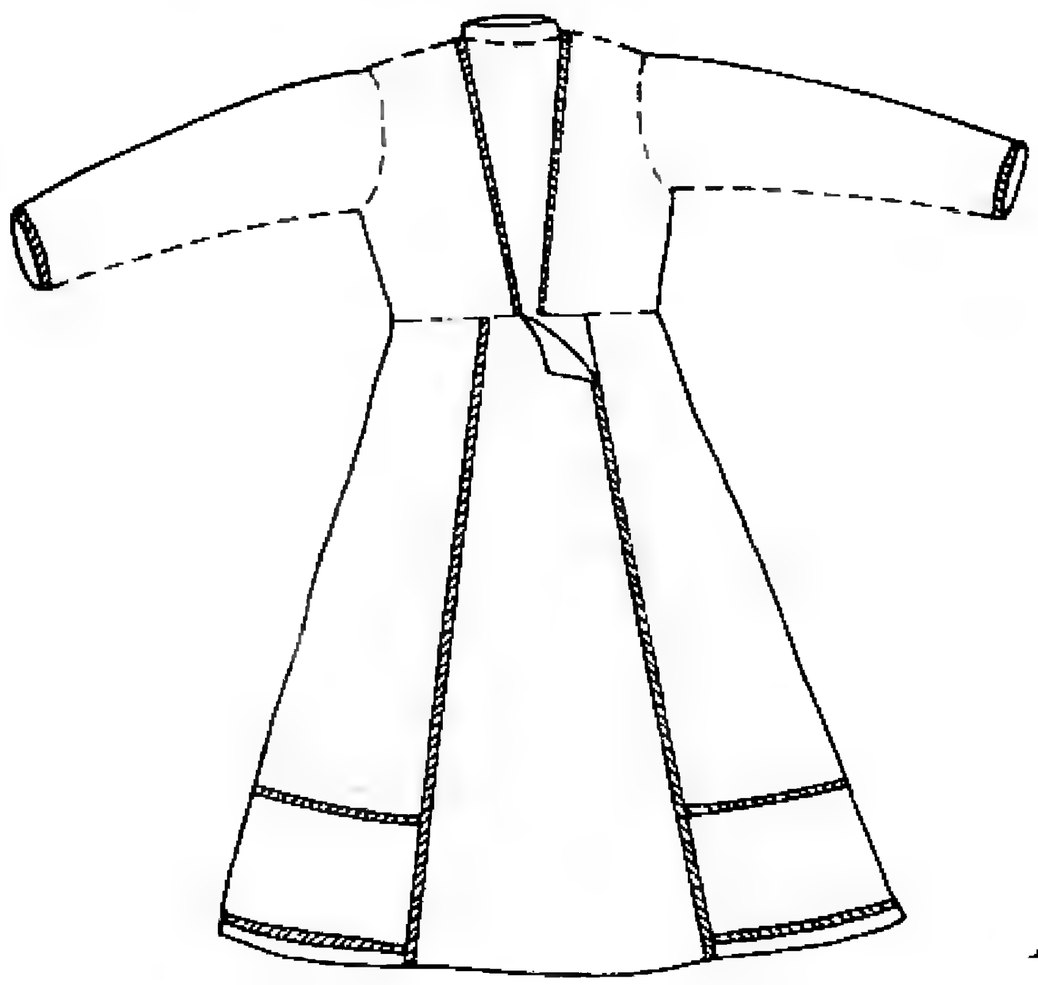


II 2а

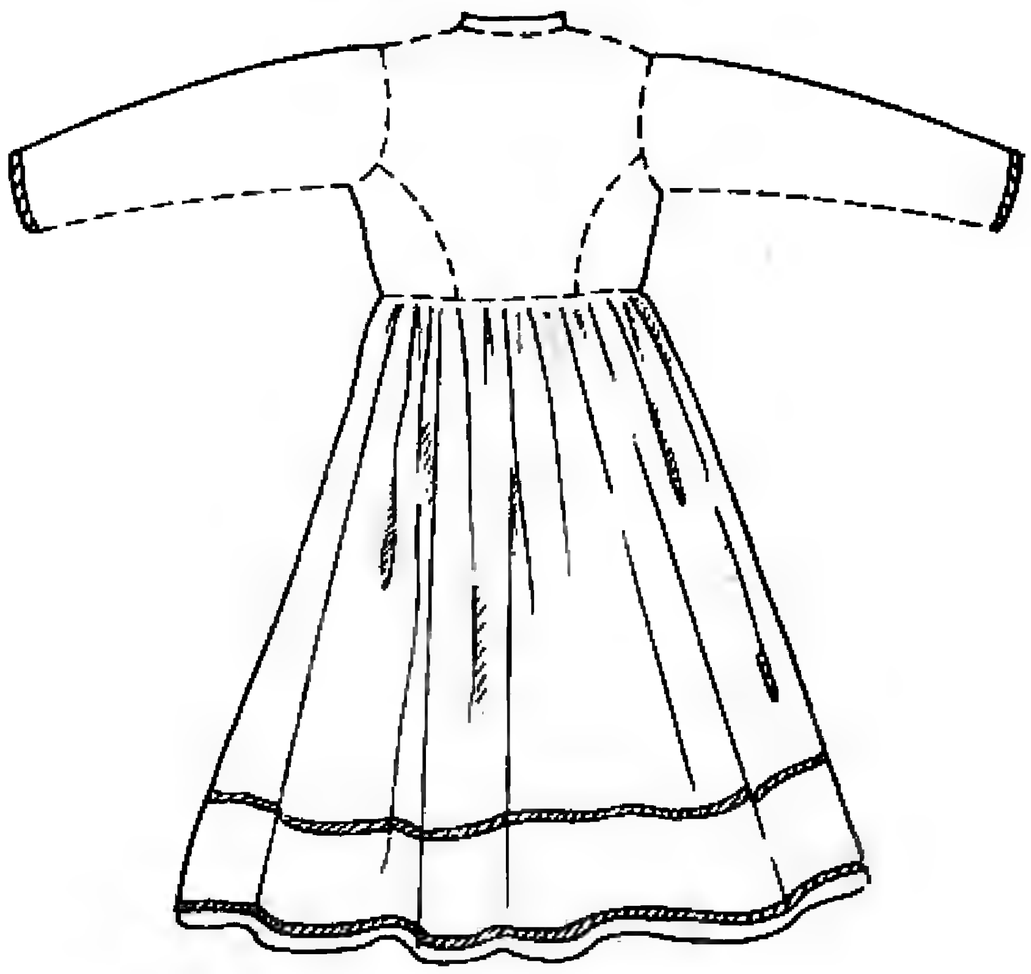
II 2б

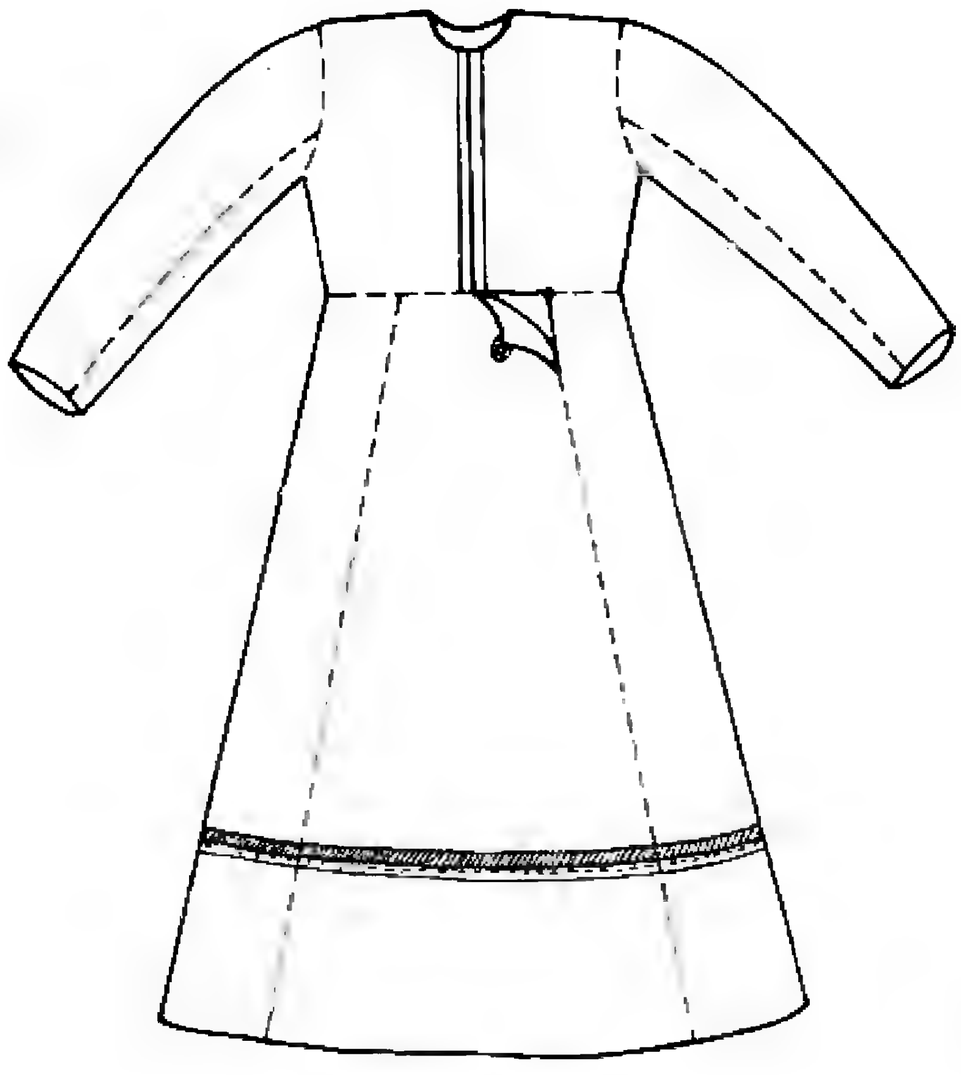
II 3

III 1

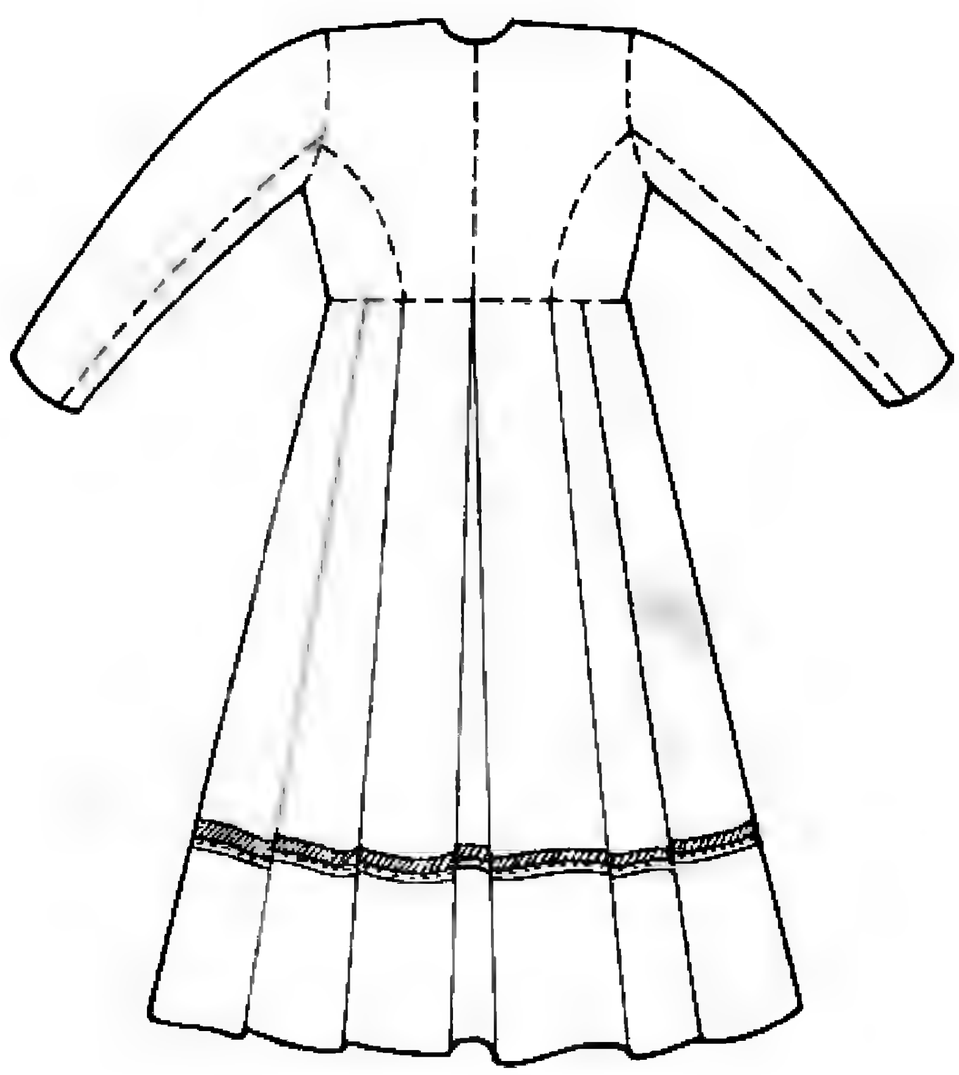


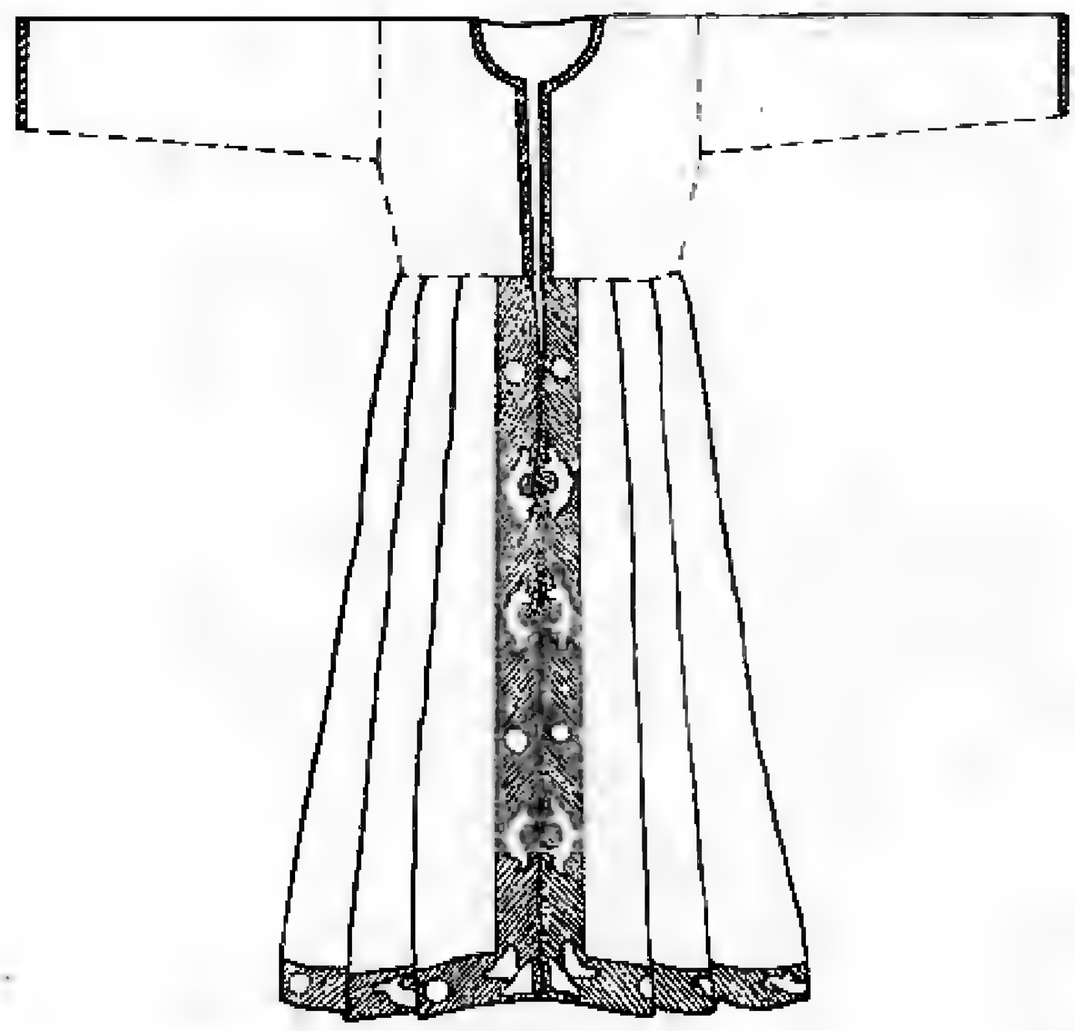
III 2





III 3





IV1

IV2

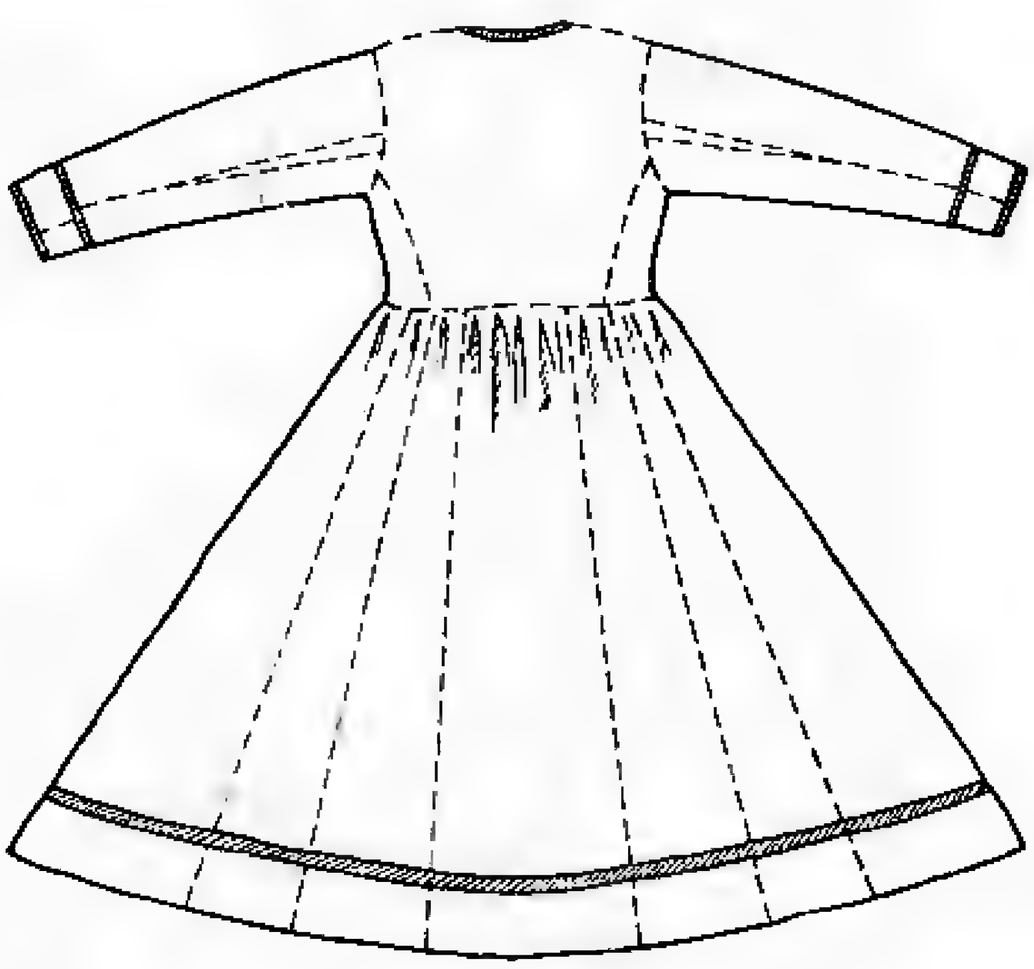


Рис. 22. (окончание)

III — отрезное закрытое: *1* — с юбкой из клиньев; *2* — с юбкой в сборку; *3* — с юбкой в складку; IV — переходная форма от распашного к закрытому: *1* — со швом от талии до подола; *2* — со вставкой от талии до подола

несколько способов расширения юбки-платья: сохранение системы клиньев разной ширины (как в черкеске) или равновеликих, сборка по талии юбки, составленной из клиньев или прямых полос, применение заложенных складок (сходящиеся сзади, бантовые и др.) (рис. 23 А).

Преобладали платья с юбкой в складку, сборки встречались реже и главным образом на будничных платьях из тонких тканей. Клеш появился в начале XX в. и встречался очень редко. В расположении складок и сборок были возрастные различия. Девичье распашное платье шили так, чтобы перёд был гладким, а сборки и складки начинались ближе к бокам и уходили на спину. Это как бы имитировало покрой типа черкески с гладкими и цельными передками. Такой покрой делал фигуру

Р и с. 23. Женщины в праздничной одежде. XIX в.
слева — абазинки; *справа* — ногайки. Кубанская обл.

девушки более стройной. Спереди к борту иногда пришивали от талии косой клин, обеспечивающий менее широкое распахивание платья при ходьбе. В одежде замужней женщины сборки или складки могли начинаться спереди от самого разреза. Складки чаще всего закладывались спереди назад с обеих сторон навстречу и сходились на спине. Иногда

во встречную складку на спине вставляли большой клин, что способствовало расширению платья. Бывало, что вся юбка закладывалась бантовыми складками.

Новый покрой платья отражен в балкарском наименовании женского платья. По-балкарски платье *джыйрыкъ* — «сборчатое». Можно думать, что в прошлом имелось другое название, которое при появлении нового фасона было вытеснено прилагательным «сборчатое», отметившим главную его особенность.

Рис. 23А. Кабардинки из семьи князей Баташевых. XIX в.

Платье покроя черкески балкарцы называли *поз джыйрыкъ*, т. е. «прямое (или ровное) сборчатое».

По-карачаевски платье со сборками называлось *джыйрыкъ чепкен*, а со складками — *къарталы чепкен* (*къарта* — складка).

Все описанные выше варианты отрезного платья бытовали у карачаевцев, балкарцев, кабардинцев и в меньшей степени у осетин.

При разнообразии покроя юбки лиф у платьев распашных, но отрезных по талии сохранял прежний покрой с открытой грудью. В вырезе была видна грудь кафтанчика с застежками или нагрудник. Женщины среднего возраста и пожилые в конце XIX — начале XX в. металлических застежек не носили. Через вырез платья у них был виден кафтанчик, застегнутый на мелкие пуговки, или рубашка. Часто они шили платья без выреза на груди, с застежкой от горла до талии.

Распашное платье всех типов могло сочетаться с рукавами разной формы, изменяемость которой во времени и пространстве была чрезвычайно велика. Платья первого типа (покроя черкески) чаще всего имели рукава покроя «кимоно» или пришитые по прямой нитке, без ластовицы, по боковой шов плавной изогнутой линией переходил в шов рукава (как в ватных капталах). Рукав был различной длины: выше локтя, до запястья, с оборкой, пришитой к короткому рукаву, с прорезью у подмышки или ниже локтя. Иногда рукав ниже локтя переходил в длинную разрезную лопасть, закругленную по нижнему краю. Во второй половине XIX в. последний вариант встречался редко, обычно парадные платья делали с коротким рукавом, к которому в торжественных случаях прикреплялась отдельная лопасть, украшенная вышивкой или галуном.

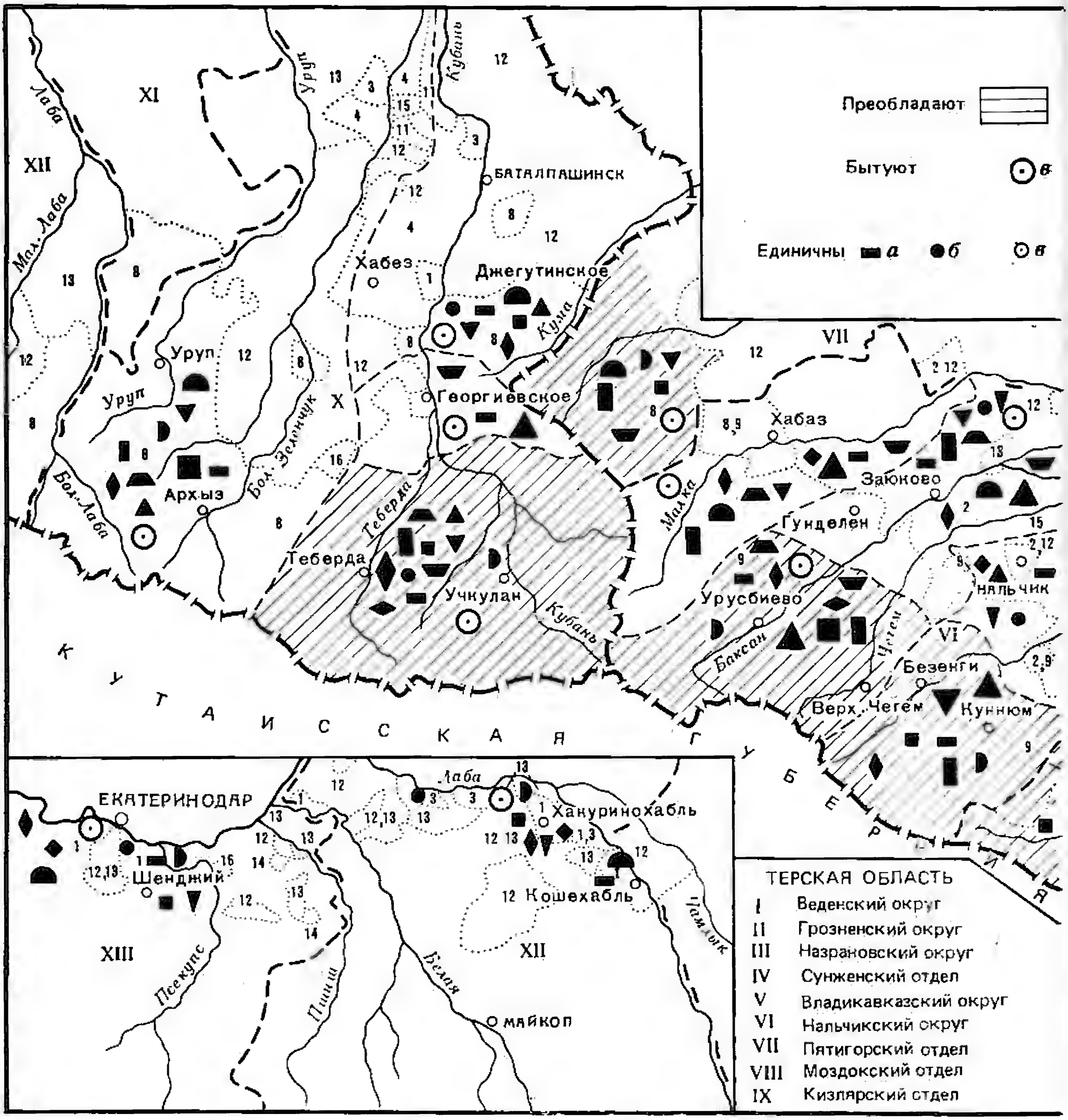
Указанные выше формы рукавов встречались и при платье второго типа — распашном с отрезом по талии.

Платье третьего типа — отрезное закрытое — появилось в последние годы XIX в. и особенно в начале XX в., когда начался переход от платьев распашных сверху донизу к закрытым от талии до подола при сохранении лифа старого типа. Закрытая юбка имела ближе к левому боку вверху небольшой разрез для застежки. Левая часть лифа около этой застежки не пришивалась к юбке. Отдельно надеваемый пояс прикрывал щель между лифом и юбкой. Юбку шили так же, как в распашных платьях второго типа: в сборку или закладывали складками.

Переход к закрытым платьям являлся результатом влияния городской одежды. В первую очередь их начали носить в районах, близких к городам, крупным русским селениям и станицам [109].

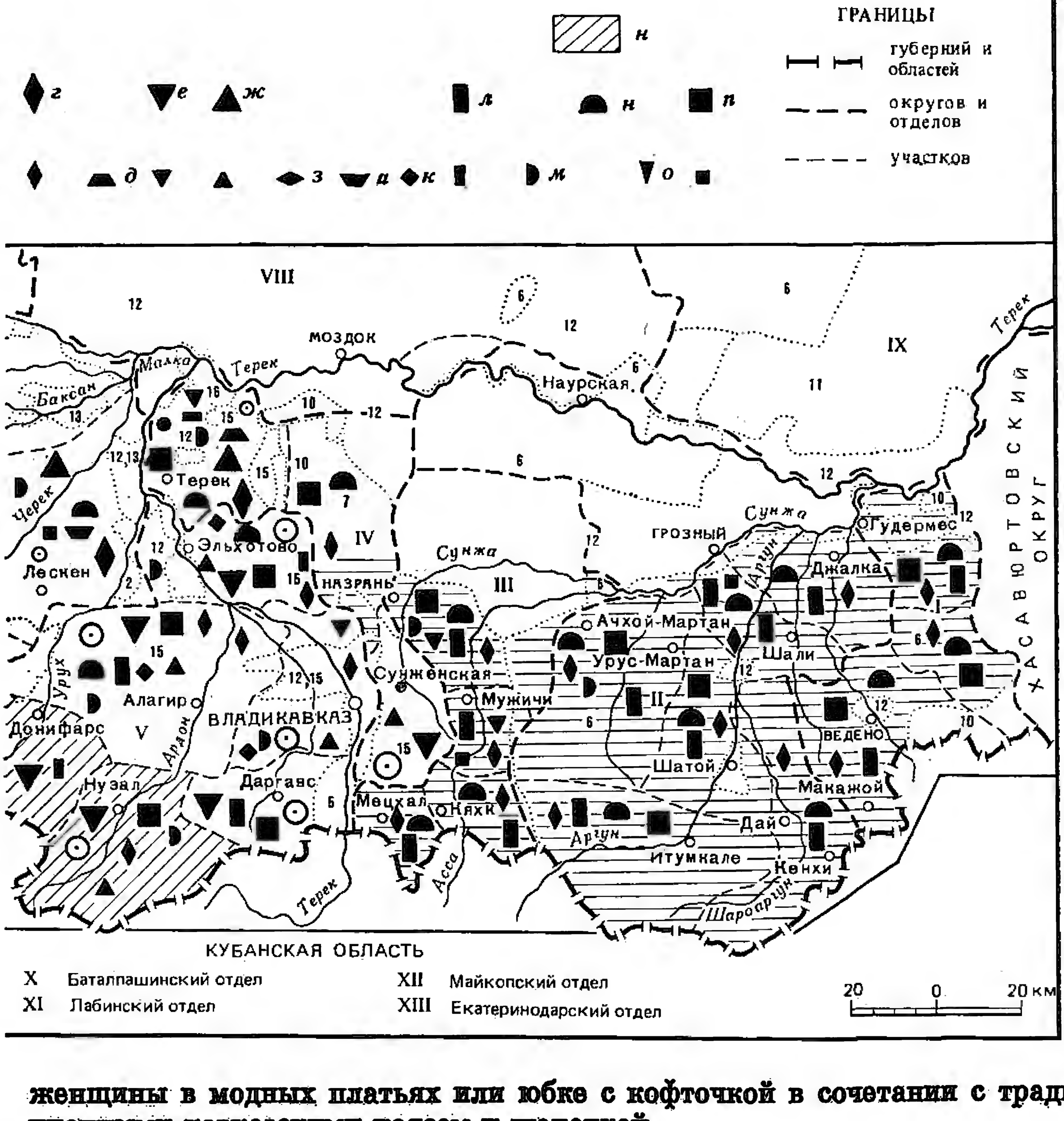
Мода начала XX в. в основном отвечала горским представлениям о женской одежде. В это время в России носили платья или блузки с длинными рукавами, высоким воротником, с прилегающим или более свободным лифом. Нижняя часть платья — юбка была очень длинной, расширяющейся книзу, с гладким передом. На талию надевали широкие бархатные или кожаные пояса, часто с металлическими пряжками. Все это было вполне приемлемо и для горянок. Подражание таким модным платьям было не коренной ломкой местных требований и вкусов, а просто приспособлением их к моде.

В городах, а также в среде сельской интеллигенции иногда можно было видеть на женщине местной национальности не только модные платья, но и блузки (обычно светлых тонов) и юбки модного фасона. Осетинские женщины иногда надевали под платье с лифом традиционного покроя легкие блузки с кружевами и рюшками, заменявшие нагрудник. На некоторых фотоснимках первой четверти XX в. изображены



Карта 7. Женская верхняя одежда. Конец XIX — начало XX в.

Платье: *а* — распашное, покроя черкески; *б* — распашное, отрезное по талии, с юбкой из клиньев; *в* — распашное, отрезное по талии, с юбкой в сборку; *г* — распашное, отрезное по талии, с юбкой в складку; *д* — отрезное закрытое с юбкой из клиньев; *е* — отрезное закрытое с юбкой в сборку; *ж* — отрезное закрытое с юбкой в складку; *з* — переходная форма от распашного к закрытому со швом от талии до подола; *и* — переходная форма от распашного к закрытому со вставкой от талии до подола; *к* — платье городского типа. Теплая одежда: *л* — шубы из овчины или другого меха нагольные; *м* — шубы из овчины или другого меха крытые; *н* — одежда из ткани, стеганая без меха; *о* — одежда из ткани, стеганая с мехом; *п* — наплечная шаль, заменявшая теплую одежду



женщины в модных платьях или юбке с кофточкой в сочетании с традиционными кавказскими поясом и шапочкой.

Платья четвертого типа, явившиеся переходной формой от распашного платья (типы 1, 2) к закрытому (тип 3), представлены следующими основными вариантами: это платье со швом от талии до подола и платье со вставкой от талии до подола.

В первом случае распашное платье сшивали по разрезу от талии до подола, оставляя у талии часть разреза не сшитым для облегчения надевания. Если до сшивания полы платья до подола были украшены вышивкой, получалась широкая вышитая полоса, состоящая из двух более узких. Во втором случае под разрез подставляли кусок ткани, одинаковой

с тканью платья или отличной. При этом по сторонам разреза делали по встречной складке. Все это имитировало распашное платье в видную через разрез рубаху. В других вариантах этот вставленный кусок ткани окаймляли по швам галуном, тесьмой, позументом. Порой его украшали вышивкой в виде отдельных мотивов, повторяющихся иногда и по подолу платья. Иногда разрез прикрывали подобием вышитого по краям, расширяющегося книзу передника, нашитого на платье спереди. В этих двух вариантах имело место стремление приспособить сшитое ранее и дорого стоившее платье к требованиям моды.

Встречались платья, сшитые без разреза, но спереди по срединной линии у них была заложена односторонняя складка или нашита полоска ткани, отличная по цвету, фактуре, а иногда украшенная по всей длине пуговицами или металлическими накладками. Все эти украшения как бы напоминали о существовании в прошлом разреза. Описанные выше варианты характерны главным образом для нарядных праздничных платьев девушек и молодых женщин (карта 7).

Платья третьего и четвертого типов чаще всего имели рукав с выкройной проймой: прямой длинный, с высоким обшлагом, присобранный у плеча и с напуском у локтя, с буфом у плеча или так называемый «кривой» рукав, состоящий из двух выгнутых по кривой половин. Все эти рукава соответствовали городской моде тех лет. Будничные платья шили уже сразу без разреза спереди. Распашные повседневные платья удерживались у пожилых женщин (поверх них часто повязывался передник), а также в качестве праздничной девичьей одежды.

В целом платья распашные, отрезные по талии, а также четвертого (переходного) типа более всего были характерны для кабардинцев, карачаевцев, балкарцев и отчасти осетин (рис. 24).

В силу уже отмечавшейся ранее специфики состава женского костюма у адыгейцев, чеченцев и ингушей материал по этим народам рассматривается отдельно.

Верхняя женская одежда адыгейцев *сай* по внешнему виду сходна с описанными выше платьями кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, осетин. Но мы уже в разделе о рубахах отмечали, что у адыгейцев часто роль платья исполняла рубаха *ӧжан*, в дальнейшем своем развитии сблизившаяся с платьями городского покроя. Сай — верхняя распашная одежда — надевалась поверх рубахи или кафтанчика главным образом в торжественных случаях и была далеко не у всех женщин. Сай обычно имела покрой черкески, особенно если ее шили из бархата, плотного шелка или сукна. Шили сай и из более тонких тканей. В этом случае саи делали отрезным по талии, со сборками или складками у пояса.

Особенностью адыгейской сай покроя черкески было то, что платье не имело застежки у пояса, его носили нараспашку. В связи с этим борта на груди не скашивались, а сразу от плеча шли вниз по прямой линии. В других случаях прямо от плеча до подола шел косой уширяющий клин (в кабардинских платьях он начинался от талии) [110]. При таком покрое, который в более ранний период встречался и у других народов, в частности у осетин, и соответствующей манере ношения на

Рис. 24. Женщины-карачаевки из дворянских семей. Сел. Карт-джурт. XIX в.

груди полностью был виден перёд кафтанчика со всеми застежками. Пояс надевали или на сай, или под неё на кафтанчик.

Рукава сая имели несколько вариантов. При покрое типа черкески рукав делали коротким с привязной лопастью — нарукавной подвеской. Довольно часто сохранялся и более старый покрой, когда лопасть составляла одно целое с рукавом. Иногда на узком рукаве платья делали выше локтя поперечную полоску широкого галуна (имитация короткого рукава), под которую пришивали лопасть. Некоторые к платью пришивали нагрудник с застежками и полочки кафтанчика. В этих случаях чувствовалось желание создать цельный, одновременно надеваемый костюм из тех деталей, которые у других народов (например, кабардинцев) имели тенденцию распадаться (кафтанчик).

Если платье было из легкой ткани, то рукава делали узкими, но короткими и к ним пришивали широкую оборку.

Сай в силу особенностей своего назначения не претерпела тех изменений покроя, которые характерны для платьев других народов Северного Кавказа, испытавших влияние городской моды (зашивание разреза от талии до подола, городские фасоны рукавов). Сближение традиционной формы одежды с новой модой у адыгейцев характерно для рубахи *джан*, а иногда даже для кафтанчика. Сай продолжала существовать в своем

первоначальном виде до той поры, пока одежда адыгейцев сохраняла национальный облик. Близость довольно крупных городов — Екатеринодара, Майкопа способствовала тому, что часть адыгейских женщин начала воспринимать одежду и прически городского типа.

Отдельно приходится говорить и о верхней плечевой распашной одежде чеченцев и ингушей, надевавшейся на платье-рубаху, *гIабали* или *полшу*. Ее носили только девушки, главным образом как праздничную. Шили из бархата, шелка, парчи и других дорогих тканей. Лиф был прилегающим, отрезным, юбка спереди гладкая, на боках и спине присобрана. Рукав до локтя был зашит, а нижняя часть его представляла собой разрезную лопасть, прямую или закругленную внизу. Она закрывала кисть руки, а иногда спускалась и ниже. По другому варианту рукав делали длинным до кисти с небольшим разрезом внизу. На груди по бокам разреза часто нашивались серебряные застежки того же типа, что и на кафтанчиках у других народов. На платье бывало по 15—20 вплотную посаженных пар застежек, но из них застегивалось только несколько нижних застежек, расположенных у талии. Остальные расходились и служили лишь украшением, из-под них была видна рубаха и надетые на шее ожерелье или бусы. Рядом с застежками на платье иногда нашивали миндалевидные или грушевидные металлические подвески. При другом варианте несколько пар застежек в форме «боба» или «перца» могли быть пришиты только у талии. Иногда застежками служили пуговицы из монет с припаянными к ним ушками и накидными петлями. На гIабали надевали серебряный пояс, но чаще ходили без него. Судя по фотографиям, относящимся к последней четверти XIX в., гIабали не имеет лопастей на рукавах. Оно надето на платье-рубаху, широкие и длинные рукава которой, выступая из-под рукава гIабали, спускаются до колен и ниже. Рубаха видна из-под гIабали и внизу.

Авторы первой половины XIX в., описывая гIабали (называя его бешметом, архалуком, гIовталом) как праздничную одежду чеченских девушек, указывают на металлические застежки и украшения, на короткие рукава, но не упоминают о рукавах с лопастями. Возможно, это более позднее заимствование от осетин. В конце XIX — начале XX в. появляются описанные ранее двойные рукава с лопастью осетинского типа. В дореволюционный период рукава, а иногда и борта гIабали обшивали галуном, позументом, а позднее и кружевом.

У чеченцев верхняя распашная одежда девушек носила несколько названий. Наиболее распространенное из них — *гIабали* имеет различные аналогии. Так, у осетин женское распашное платье называется грузинским словом *къаба* (платье). У ряда народов Дагестана, прежде всего у кумыков, существует тип женского платья, называемый *къабалай*. Иногда его называли *осетин къабалай* или *осетинляр* (т. е. осетинское платье), что прямо указывает на источник заимствования [111]. Возможно, заимствование шло и через чеченцев (гIабали — къабалай). Форма осетинского платья къаба ближе к чеченскому гIабали, чем к кумыкскому къабалай. В восточных районах Чечни нам приводили еще одно наименование женской распашной одежды — *полшу*. В словаре оно имеет по-

Р и с. 25. Возрастные отличия в женской одежде. Конец XIX — начало XX в.
слева — кабардинка-девушка; *справа* — замужняя кабардинка

метку «устный» [112]. Народная этимология связывает его с термином *полла* — «бабочка», видимо, по сходству откидных рукавов с крыльями (при танце). Термин *полуша* имеется также у кумыков, но относится к платью без разреза спереди. У даргинцев была форма женского платья, которое называлось *осетин полуша* (типа къабалай) [113]. Его считали заимствованным от кумыков во второй половине XIX в.

В 1949 г. в Дигории мне привели два термина для женского платья: *къаба* и *пъолци* (ср. *полшу*, *полуша*). Дело лингвистов определить, является ли термин *полшу*, *пъолци* осетинским или чеченским, но, по-видимому, он существовал у чеченцев ранее и лишь впоследствии сменился (и то не во всех районах) наименованием гІабалай, проникшим либо через осетин, либо непосредственно из Грузии. Связи чеченцев и ингушей с Грузией были давними и крепкими.

Так же как адыгейская саи, чеченское гІабали или полшу не имело тенденции превращения в платье путем уничтожения разреза спереди. ГІабали вплоть до последних дней сохранило распашной покрой. Платье

Р и с. 26. Праздничные платья. Шитье золотом и серебром, отделка галуном *слева вверху* — платье с нарукавниками, кабардинцы, вторая половина XIX в.; закрытое платье, адыгейцы, начало XX в.; свадебное платье, осетины, начало XX в.; *слева внизу* — платье с нарукавниками и полочками кафтанчика, адыгейцы, вторая половина XIX в.; платье с пришитыми нарукавниками, адыгейцы, начало XIX в.; *справа* — платье с пришитыми нарукавниками и рукавчиками, черкесы, конец XIX в.; платье с длинными рукавами балкарцы, начало XX в.

же развилось из платья-рубахи коч, так же как у адыгейцев из рубахи джан.

Ингушское женское распашное платье называлось *чукъи*, т. е. тем же, пришедшим из Закавказья термином, которым называли и мужскую черкеску. Покрой его совпадал с покроем гІабали. Застежки первоначально пришивались на платье, но позднее вошел в обиход и нагрудник с застежками.

Праздничные девичьи платья у всех народов Северного Кавказа шили по возможности из дорогих тканей — бархата, шелка, иногда парчи. Однако их употребление ограничивалось не только материальным благосостоянием, но и семейным положением и возрастом. После рождения ребенка и во всяком случае в среднем возрасте даже праздничное платье шилось чаще из покупной шерстяной ткани (кашемир), чем из шелка или атласа. В семействах, принадлежащих к социальной верхушке, отступления от этого правила были более обычными. Нередко даже пожилые женщины этого круга надевали платье из тяжелого шелка, но без вышивки и украшений (рис. 25).

Нарядные платья отделывали различными украшениями, повседневные платья из дешевых тканей (ситец, бязь, бумазея, сатин и т. п.) обычно украшений не имели. Изредка повыше подола и по бортам нашивалась покупная цветная тесьма. Места, где располагались те или иные украшения, были строго фиксированы.

Для украшения платья применялись: а) галуны, б) шитье золотом и серебром, в) басонные изделия собственной работы, г) металлические нашивные украшения, д) покупные позументы, узорная тесьма, аграманты, кружево (особенно в начале XX в.).

Галуны различной ширины, гладкие и узорные, прокладывались по швам, выявляя покрой вещи. Их нашивали по краям — подолу, борту, верху стоячего воротника, низу рукава, по краю подвесного нарукавника. Наряду с декоративной галун выполнял и практическую функцию. Нашивая галун по шву, увеличивали прочность последнего. При обшивании края нарукавника галун вшивали между основной тканью и подкладкой, выпуская по краю как кант. Он предохранял края нарукавника от вытирания.

Шитье золотом играло основную роль в украшении платья. Применялись две техники шитья: «вприкреп» и гладь. Вышивали только золотыми и серебряными нитками. Технология вышивания вприкреп требовала применения шнура или галуна для окантовки элементов вышивки и соединения их в единый узор [114]. Галун служил также для создания композиций типа каймы или бордюра, ограничивая с одной или двух сторон ряд повторяющихся орнаментальных мотивов (рис. 26).

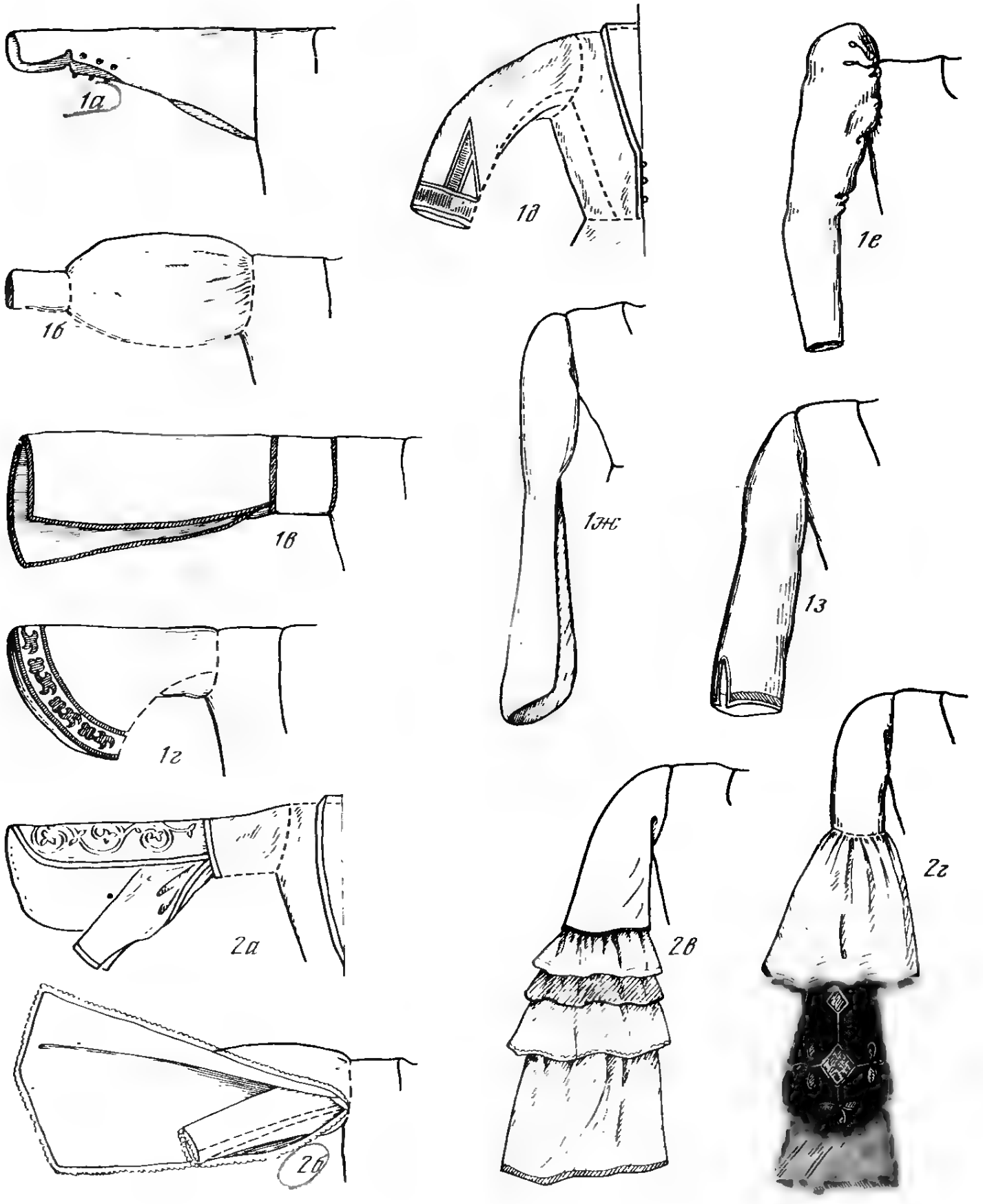
Вышивкой украшали края разреза платья от талии до подола, а иногда и по подолу. Узор представлял собой ряд отдельных орнаментальных мотивов, ограниченных галуном, объединяющим их в кайму. В других случаях узор имел вид побега или зигзага с отходящими от него завитками, цветками, листьями.

Вышивку располагали также по бокам выреза платья на груди. Она была здесь мельче, проще по очертаниям, иногда ограничивались одной — двумя полосками галуна. Это можно объяснить тем, что обычно девушки у многих народов Северного Кавказа носили на голове большие шали с бахромой. Концы шали на спине и спереди закрывали верхнюю часть фигуры. Это делало вышивку на груди не обязательной. Видимо, последняя не имела даже пережиточно магического характера защиты груди или спины. У адыгейцев на платье саи можно было видеть наплечную вышивку типа погон, иногда вышивали и низ рукавов.

Вышивка гладью встречалась на платьях значительно реже. Узор ее носил характер или растительного побега, или сильно разветвленных растительных мотивов, повторяющихся по подолу или передку платья, а также в нижней части рукавов.

Расположение вышивки и ее характер меняются при переходе от распашных платьев к закрытым спереди. Ход изменений сопутствовал эволюции самого платья.

Басонные изделия (шнуры, пуговки, шарики, кисточки, плетенки, вилюшки, фигурные подвески) встречались на платьях относительно редко.



Р и с. 27. Рукава женских платьев

1 **— одинарные:** *а* — осетины, *б* — черкесы, *г—ж* — карачаевцы, *в*, *з* — адыгейцы; *2* — **двойные:** ***а*** **— черкесы,** *б* — осетины, *в* — абазины, *г* — кабардинцы

Пуговки служили для застегивания. Их нашивали повыше талии (4—5 штук) и застегивали при помощи накидных петель из шнурка. Плетенками из золотого шнура или вилюшками отделывали края рукава, борта платья вместо галуна или рядом с ним. По сторонам выреза на груди иногда нашивали подвешенные на шнурках кисточки или фигурные плетеные из золотого шнура подвески. Порой они служили завязками. Басонные украшения делали сами женщины вручную. Наиболее примитивно, с применением не только рук, но и зубов, изготовлялся твердый золотой шнур, из которого затем выплетали вилюшки, подвески, плетенки и т. п. Для этого прочную льняную или конопляную нить обматывали золотой ниткой, добиваясь наибольшей плотности обмотки. Басонные изделия особенно тонкой работы встречались у адыгских народов и осетин, живших на плоскости.

Покупные позументы, аграманты, узорная тесьма, кружево (главным образом прошвы) вошли в обиход в последние годы XIX в. и особенно в начале XX в. Их нашивали на платье по подолу, бортам, вдоль разреза, несколько отступя от края. Кружево обычно покупали черное, светлое же красили в черный цвет. Такого рода отделка, отчасти заменяющая галун, использовалась в основном на платьях нераспашного покроя.

У адыгейцев и осетин (особенно горожан) можно было видеть белое тонкое фабричное кружево или рюшку, выпущенные из-под рукава или высокого воротничка. Осетины обшивали кружевом иногда и края откидных рукавов.

Покрой рукава платья. Рукава женской одежды народов Северного Кавказа имели наибольшую изменяемость форм и разнообразие. При относительной стабильности и общности покроя одежды в целом та или иная форма рукава может служить основанием для определения этнической принадлежности или датировки предмета (рис. 27).

Иллюстративные, а частично и вещевые материалы позволяют проследить изменения покроя рукавов на протяжении значительного времени. Наиболее ранний покрой рукава, пришитого по прямой нитке, сохранился до XX в. в туникообразных рубахах. Рукав пришивался несколько ниже плеча, имел ластовицу и представлял собой сложенный вдвое прямой кусок ткани. Рукав, пришитый по прямой линии, в сочетании с перекидным плечом, сохранялся и в верхней одежде — стеганых къапталах, платьях из тяжелого плотного материала и, наконец, во многих кафтанчиках. Во всех этих случаях рукав делался без ластовицы, но боковой шов лифа плавной линией переходил в шов рукава. Рукав мог быть коротким, до локтя или длинным и узким, до кисти. Вшитый по прямой линии без ластовиц длинный и узкий рукав очень стеснял движение руки, тем более что эта одежда надевалась поверх другой, также имевшей рукава. Для облегчения движения руки в локте было несколько приемов. От плеча или немного выше локтя рукав расширяли, иногда внизу он был очень широким, напоминая рукав рясы священника. Такой рукав характерен для праздничных женских рубах, но встречался и в платьях адыгских женщин, особенно в XIX в. Облегчение движений руки в локте достигалось еще одним способом: рукав шили длиной чуть

Рис. 28. Типы нарукавных подвесок и их орнаментация. Вторая половина XIX в.
а, б — кабардинцы; *в* — балкарцы; *г* — карачаевцы

выше локтя, а ниже к нему пришивали длинную и широкую оборку, спускавшуюся до кисти, а иногда и ниже. Иногда оборку делали двойной. В некоторых случаях ее не зашивали по шву и при сгибании руки она свободно свешивалась вниз.

В XVIII — начале XIX в. часто встречались длинные узкие рукава с разрезом у плеча, а иногда и около локтя, через который можно было высвободить руку. Или, наконец, длинный рукав зашивали только до локтя; кроме того, в нижней части у кисти делали застежку, которую иногда застегивали. Эти виды рукавов в редких случаях встречались и в конце XIX в. как пережиточная форма.

Наиболее своеобразную форму имел рукав, зашитый только в верхней части на 10—15 см, а ниже переходивший в постепенно расширяющуюся закругленную лопасть. Длина лопасти иногда доходила до подола. Эта форма зафиксирована еще в первой половине XIX в., но впоследствии она получила широкое распространение и дожила до начала XX в. Наиболее характерна она для адыгских народов, но встречалась у карачаевцев и балкарцев. Под лопастью был виден рукав кафтанчика, часто украшенный вышивкой, и длинный рукав рубахи. При поднимании руки лопасть свисала свободно. Часто ее украшали вышивкой (изредка даже с обеих сторон) и обшивали галуном. Рукава с лопастью были в XIX в. принадлежностью праздничного платья женщин из феодальной среды и в известной мере подчеркивали их сословную принадлежность.

К концу XIX в. произошло некоторое усовершенствование рукавов с лопастью. Лопасти, украшенные вышивкой, стали делать отдельно как нарукавные подвески. В торжественных случаях их привязывали или пристегивали под короткий рукав или рукав с оборкой. Иногда при

длинном рукаве платья нарукавную подвеску закрепляли у кисти. Ее часто делали отличной от платья по цвету, ткани и характеру орнамента. Узор золотого шитья нарукавных подвесок сохранил в наибольшей чистоте старые типы орнамента, композиция которого была подчинена форме самого предмета (рис. 28).

Изготовление вышитой нарукавной подвески требовало иной раз не менее года работы, она очень ценилась и передавалась от матери к дочери. Надевали ее в немногих торжественных случаях, и жила она много дольше, чем платье (рис. 29).

Указанные выше варианты рукавов более всего характерны для адыгских народов, меньшее разнообразие можно отметить у карачаевцев и балкарцев [115]. В Осетии рукава с нарукавными подвесками встречались редко, главным образом у женщин привилегированных фамилий.

В конце XIX в. в рукавах появляются выкройные проймы, к этой моде начинают приспосабливаться некоторые из старых фасонов рукавов. Вместе с проймой в одежду горянок проникают другие элементы городской моды. Можно выделить следующие варианты: а) рукав прямой длинный с разрезом или без разреза у кисти; б) длинный неширокий рукав с обшлагом, нашитым или как бы только обозначенным галуном или позументом; в) рукав с буфом у плеча на обшлаге или без него (городская мода начала XX в.); г) выкройной рукав, сшитый из двух половин с двумя продольными швами (его называли «кривой», так как он кроился как бы на полусогнутую в локте руку).

Рукава с выкройными проймами встречались обычно уже не на распашных, а на закрытых платьях, близких к городской моде конца XIX и особенно начала XX в. Их носили женщины из зажиточных семей, более всего осетинки (сказывалось влияние большого города — Владикавказа).

В этот же период в женском платье чеченок гІабали сохранялся рукав более старого типа: со скошенным разрезом у кисти, через который был виден рукав рубахи. Низ рукава и разрез часто обшивали широким галуном. Подобные рукава бытовали только на верхней одежде чеченок. Платье-рубаха при переходе от туникообразного покроя к выкройной пройме, а с 1910-х годов — и к кокетке, сохранило прямой широкий рукав или присборенный у кисти с узким обшлагом.

В конце XIX — начале XX в. сложилась и такая форма рукава женского платья, которую можно считать специфической для осетин, особенно она характерна для праздничных и свадебных платьев [116]. Этот рукав был двойным. В одну пройму вшивали и узкий длинный рукав, и второй распашной, от самого верха широкий и округляющийся внизу. Длина верхнего рукава была разной: иногда чуть длиннее кисти, в других случаях ниже колена. Иногда внутренний рукав отличался от платья по цвету, совпадая с цветом праздничной рубахи (или имитировавшей ее юбки), видной в разрезе распашного платья. Нарядные платья осетинки шили обычно из легкого шелка светлых тонов, их украшали галуном, иногда кружевом (по борту и краям верхнего рукава), они были весьма изящны.

Рис. 29. Нарукавники. Имитация рукава кафтанчика. Вторая половина XIX в. Кабардинцы

Двойной рукав осетинского типа можно видеть и в чеченской праздничной одежде (гІабали, полшу), которую носили девушки, особенно на свадьбу. В других случаях чеченская распашная одежда гІабали или полшу имела рукав, зашитый в верхней части и распашной ниже в виде широкой лопасти, срезанной по низу по прямой линии. По краю лопасть иногда украшали монетами (восточные районы Чечни), галуном или кружевом (плоскостные районы). Такой покрой рукавов имел место в Кабарде в первой половине XIX в., но в Чечне он появился относительно поздно — во второй половине XIX — начале XX в.

Своеобразный двойной рукав появился в конце XIX в. и у адыгейских распашных платьев сай. К короткому выше локтя рукаву пришивалась широкая лопасть и одновременно узкий и длинный рукавчик, имитирующий рукав кафтанчика. Иногда на длинный узкий рукав выше локтя пришивали лопасть, а место соединения прикрывали широким галуном или поперечной складкой. Благодаря этому создавалось впечатление короткого рукава сая, из-под которого выступала лопасть и длинный узкий рукав.

В итоге следует подчеркнуть, что описанные выше типы рукавов (за исключением прямых длинных или коротких) характерны не только для праздничных платьев женщин определенной социальной среды — феодальной верхушки. Преувеличенно длинные рукава, низко висящие лопасти были очень неудобны для работы и не могли быть повседневными. Они подчеркивали именно праздность, возможность не работать: кратковременную — для большинства (свадьба, праздник) или постоянную — для высших сословий. Богато расшитые нарукавные подвески, часто наиболее нарядный элемент одежды, служили своеобразным свидетельством богатства и знатности их обладательницы. Наибольшей пышностью и торжественностью отличался костюм кабардинок знатного происхождения. Феодальная Кабарда была законодательницей мод для социальной верхушки всех народов Северного Кавказа.

В более поздний период, вплоть до современности, эти сложные, но красивые формы рукавов стали особенностью свадебных платьев, а также костюмов национальных танцевальных коллективов.

Теплая одежда. Вопрос о ношении женщинами народов Северного Кавказа теплой верхней одежды весьма запутанный, что можно объяснить недостаточным вниманием к нему дореволюционных авторов и несколько предвзятым подходом исследователей в первые годы Советской власти. Литература этого периода считала непреложным положение о том, что горянке не разрешалось носить теплую одежду, независимо от ее возраста, национальности и района обитания.

Необходимость вовлечения женщин в производство, общественную жизнь, раскрепощение от старых, унижающих обычаев, стали главной задачей в первые годы Советской власти. Все это было предпосылкой для проведения политической кампании «Пальто — горянке». Местами она вызвала яростное сопротивление мусульманского духовенства и наиболее отсталой части населения. Протест против ношения теплой одежды даже там, где ее носили и в старину, был направлен не столько против самого «нарушения обычая», сколько против всего нового, что несла с собой Советская власть.

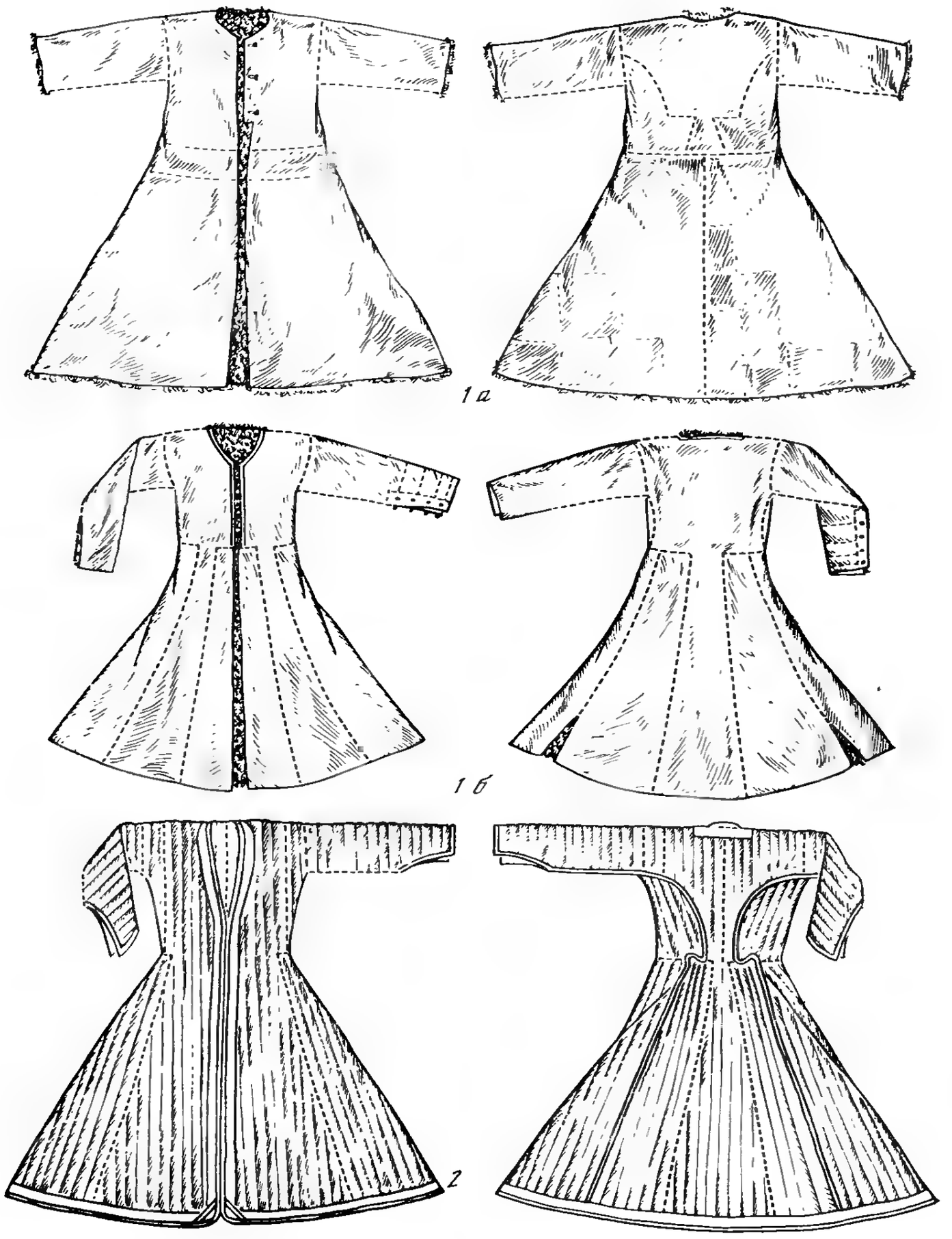
На самом деле наличие или отсутствие теплой одежды у горянок определялось географическими условиями (горы или плоскость), возрастом и семейным положением, материальным благосостоянием и отчасти сословной принадлежностью.

Типы теплой одежды были довольно разнообразны: это 1) шуба из овечьей шкуры или другого меха, нагольная или крытая; 2) одежда, сшитая из ткани, стеганая на шерсти или на вате; 3) наплечная шаль, заменяющая теплую одежду (карачаевцы и балкарцы ее называли *палтон-джаулукъ*).

При рассмотрении теплой одежды приходится учитывать то, что одни виды ее (шубы, шали) носили пожилые женщины, а другие (капталы) — замужние лет с 25—30. При этом надо иметь в виду, что женщины-горянки уже с сорока лет могли считаться пожилыми. Это очень запутывает картину преобладания и бытования того или иного типа одежды.

В холодное время года женщины могли надевать и несколько рубах или платьев одно на другое [117]. Надо учитывать и то, что в более ранний период, а у некоторых народов вплоть до конца XIX в., женскую одежду иногда шили из домоткаиого сукна, грубого, но теплого.

Нагольные или крытые шубы из овчины во второй половине XIX — начале XX в. носили женщины замужние, чаще всего пожилые, в Чечне, Ингушетии, горных районах Осетии, в Карачае и Балкарии [118]. Шубы делали отрезными, прилегающими в верхней части и расширяющимися от талии к подолу. Воротника не было, застежка от ворота до талии встык. Шубу делали из шкурок молодого барашка (курпей, эльтир). Чтобы она была легче и тоньше, мех подстригали. Качество меха определялось зажиточностью хозяйки шубы. Богатые женщины покрывали шубы плотной тканью — сатином, «чертовой кожей», шелком, иногда даже парчой (рис. 30).



Р и с. 30. Женская теплая одежда. Конец XIX — начало XX в.

1 — шубы из овчины или другого меха: *а* — нагольная, *б* — крытая; *2* — одежда из ткани, стеганая, без меха

В плоскостных, более теплых районах, т. е. у адыгейцев, черкесов, кабардинцев, части осетин, ингушей и чеченцев, шубы как постоянной зимней одежды замужних и даже пожилых женщин почти не существовало [119]. Но в редких случаях в богатых семьях можно было видеть шубки, подбитые беличьими шкурками, отделанные по борту мехом белки, выдры, куницы, часто украшенные галуном. Шили их в талию, распашными, с открытой грудью и рукавами до локтя. Основной материал — бархат. Иногда такую одежду делали стеганой на тонком слое шерсти или ваты с отделкой мехом. Шубы эти обходились дорого, носили их немногие женщины и не столько для тепла, сколько «для красоты».

В начале XX в. осетинки из семей национальной интеллигенции и офицеров, особенно во Владикавказе и прилегающих к нему районах, надевали пальто и шубы европейского покроя.

Теплая одежда, сшитая из ткани, стеганая на шерсти или вате, была распространена в той или иной степени у всех народов Северного Кавказа. У карачаевцев и балкарцев она называлась *къаптал*, у кабардинцев — *къэптал*, у адыгейцев — *къэптан*, у чеченцев и ингушей — *гIовтал*. Русское соответствие этой одежде подобрать трудно, и мы для простоты изложения будем называть ее капталом. Каптал имел покрой черкески: длинный, распашной, с цельными передками и спинкой, с боковыми клиньями. Спереди к борту пришивали клинья, увеличивавшие запáх. Плечи перекидные, рукав вшит по прямой линии с плавным переходом к боковому шву, без ластовиц. Длина рукава, внизу скошенного, на капталах пожилых женщин была до запястья, у более молодых на праздничных капталах рукав иногда делали до локтя. Застежка у пожилых шла от ворота до талии на мелкие пуговицы из шнурков или металлические. Молодые женщины шили каптал с открытой грудью и застежкой у талии. Длина каптала доходила до щиколоток. В боковых швах у подола имелись небольшие разрезы. Простегивали капталы на руках продольными линиями на расстоянии 3—3,5 см друг от друга. Простежку делали на распластанном раскрое с уже пришитыми (но не сшитыми) рукавами. Поэтому на рукавах при надевании простежка шла поперечными линиями (рис. 31).

Иногда, особенно в XX в., капталы делали отрезными по талии с прямой, а не выкройной, как у черкески, спинкой. В таких случаях по спине нашивали галун, имитируя более старый покрой черкески с цельной спинкой.

Каптал шили из плотного шелка, атласа, кашемира, сатина, иногда бархата, на подкладке из ситца или бумазеи. У пожилых женщин на капталах преобладала ткань черного, коричневого, темно-синего, серого, блекло-зеленого цвета. Молодые замужние женщины носили капталы из бархата, шелка, кашемира красного, голубого, желтого цвета, иногда из шелковой ткани, затканной цветами (лаудан) или полосатой восточной материи (шамеледжи). В некоторых случаях капталы украшали золотым шитьем, серебряными накладками, а чаще всего галуном, который прокладывали у ворота, по бортам, по низу рукавов. Часто галун нашивали по боковому шву каптала с переходом на нижний шов рукава.

В этом случае галун служил не только для украшения, но и для закрепления этого самого важного шва.

Наиболее широко были распространены капталы у карачаевцев и балкарцев. У кабардинцев и черкесов они встречались гораздо реже, что, видимо, объясняется более теплым климатом. У адыгейцев, по словам информаторов, каптал шили коротким, выше колен. Но он был далеко не у всех и тогда для тепла надевали несколько рубах.

В Северной Осетии стеганый каптал во второй половине XIX в. встречался уже не часто[120]. Но материалы из наземных склепов позволяют судить, что по общему облику и покрою он был сходен с капталами других народов.

У ингушей дольше, чем у других народов, сохранялся обычай зимой носить шубы и женщинам. Но наряду с шубами существовали и стеганые капталы, короткие у молодых и более длинные у старух. Чеченские информаторы указывают, что каптал и шубу полагалось носить только во время чилле (сорок самых холодных дней года). Обычно он был короче платья-рубахи, но по покрою совпадал с вышеописанными капталами других народов Северного Кавказа. Иногда у пояса на него пришивали серебряные крупные застежки, а грудь была открыта. Чеченцы, ингуши, адыгейцы носили каптал поверх платья-рубахи. У остальных народов его надевали иногда поверх платья или даже под него.

Рис. 31. Женская теплая одежда. Къаптал праздничный. Карачаевцы. Конец XIX в.

Обычай носить вместо теплой одежды шаль типа пледа, накинутую на плечи, а иногда и на голову, был особенно характерен для карачаевцев, балкарцев, осетин и вообще жителей горных районов. Это следствие обычая, по которому девушки и молодые женщины не носили теплую одежду.

У карачаевцев такой плед называли палтон-джаулукъ, т. е. «пальто-шаль». Этот термин несомненно много «моложе» самого обычая использовать шаль как теплую верхнюю одежду. Шали шили из домотканого сукна, а в конце XIX — начале XX в. преобладали покупные часто клетчатые пледы. Осетинки иногда сами вязали из шерсти шали или большие треугольные косынки (в начале XX в.). Старые женщины носили шали в сочетании с капталом и даже шубой.

Пояса. Для женщин Северного Кавказа пояс не являлся обязательной частью одежды, в отличие от мужчин.

У чеченцев и ингушей платье-рубаху не подпоясывали. То же, по-видимому, было в прошлом у адыгейцев, хотя некоторые авторы упоминают о шнуре для подпоясывания платья-рубахи. У этих народов пояс являлся принадлежностью праздничного богатого девичьего костюма, но даже в этом случае не был строго обязательным.

У осетин, карачаевцев, балкарцев, кабардинцев девушка начинала носить пояс с момента «пригодности к замужеству». Качество и материал пояса зависели от материальных возможностей. Носили их также молодые женщины, а в торжественных случаях иногда и пожилые из богатых семей. Глубокие старухи могли вообще не подпоясываться. Пожилые женщины надевали пояса из куска ткани, полотенца, тканые покупные пояса, иногда талию обматывали платком. При надевании передника, укреплявшегося на талии завязками, пояс был не обязателен (рис. 32).

Мы выделяем в основном четыре типа поясов, в ряде случаев имеющих подтипы. Первый тип — пояса из ткани, т. е. кушаки, о которых мы уже говорили ранее. Их закрепляли на талии путем завязывания или затыкая концы. Второй тип — пояса из кожи, галуна, ткани с галуном, иногда положенных на кожаную подкладку, с металлическими пряжками и украшениями. Металлом являлось серебро, иногда накладное. Данный тип пояса имел четыре подтипа, появившиеся в разные периоды, но сосуществовавшие вплоть до начала XX в. Первый подтип — пояс наиболее старинной формы из кожи шириной 4—6 см, с рядом ритмически расположенных крупных (в ширину пояса) блях круглой или прямоугольной формы. Они украшены легким линейным орнаментом, выполненным чернью. По орнаменту и форме бляхи напоминают адыгейские украшения у плеча женского платья, а также украшения конской сбруи. Работа, видимо, местных адыгских мастеров. Иногда бляхи чередуются с вертикальными полосками из полушаровидных мелких пуговок. Блях чаще всего девять, отчего у карачаевцев такой пояс называется *тогъузлу белибау* (*тогъуз* — девять, *белибау* — пояс). Пряжка не выделяется по размеру и отделке. Застегивается она при помощи стержня с круглой головкой, продеваемого в металлические петли с обратной стороны пряжки. Подобный пояс, но с бляхами неместной работы, был обнаружен в кургане ст. Белореченской, датируемом XIV—XV вв. Пояса этого подтипа характерны для адыгских народов и, видимо, имеют древние традиции.

Другой подтип представлен поясом из кожи или из галуна и ткани на кожаной подкладке; он имел единственное украшение в виде большой пряжки, охватывающей талию спереди до середины боков. Она достигала в ширину 8,5 см и делалась из двух половин, застегивавшихся при помощи стерженька, соединявшего обе половины в прочную конструкцию. Каждая из половин пряжки представляла собой выгнутую, заостренную на одном конце пластинку. Задняя часть пояса была сделана из ремня, галуна или ткани. Карачаевцы выразительно называли такой пояс *къанъга белибау* — «доска-пояс».

Отделка подобных пряжек весьма характерна и устойчива. На гладкую серебряную пластину накладывалась вторая с вырезами, которая украшалась линейным рисунком чернью в виде завитков, кругов. овалов.

Рис. 32. Женские пояса. Конец XIX — начало XX в.
из кожи, галуна, ткани с металлом: *а* — с крупными бляхами, *б* — с широкой пряжкой,

Рис. 32. (продолжение)

в — с узкой пряжкой, *г* — с фигурной пряжкой;

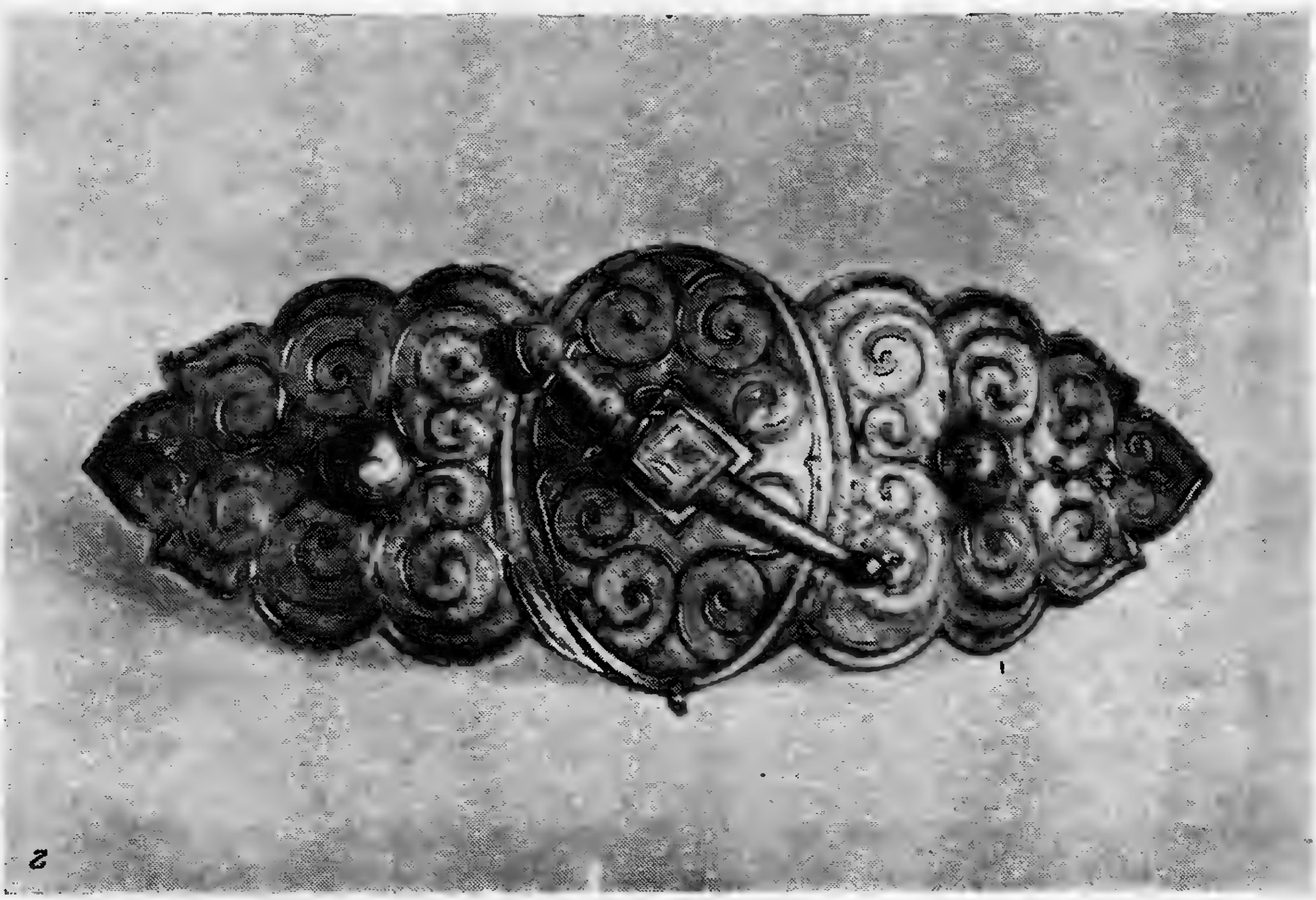
Рис. 32. (окончание)

металлические составные: *б* — с крупной фигурной пряжкой, *в* — с маленькой резной пряжкой

Рис. 33. Пряжки женских поясов

а — кабардинцы, конец XIX в.; *б* — карачаевцы, середина XIX в.;

в



г

Рис. 33. (окончание)

в — осетины, конец XIX в.; *г* — черкесы, начало XX в.

Нижняя пластина оставалась гладкой, составляя фон. Такая отделка была характерна для наиболее старых экземпляров. Позднее пряжки стали украшать гравировкой, ложной зернью, иногда довольно тонким растительным узором. В срединной части пряжки, а также в «ударных» точках композиции в высоких гладких оправах находились крупные плоские овальные и круглые сердолики. В других экземплярах вместо сердоликов делали высокие конусообразные выступы-шипы. Сердолик был одним из излюбленных камней на широкой территории Кавказа (Северный Кавказ, Дагестан, Азербайджан), а также в Туркмении, Киргизии, Казахстане. Ему приписывали охранительные функции. Возможно, что ту же цель имели и заменявшие их шипы (рис. 33).

По характеру орнамента, композиции, принципу сочетания тонкой линии с «пятном» (камень, шип) мы причислили данный подтип пряжек к адыгскому искусству [121]. Этой точки зрения мы придерживаемся и в настоящее время. Позднее такие пряжки стали делать и дагестанские мастера (возможно и армяне), на что имеются указания информаторов, иногда называвших имена мастеров. Часть поясов датирована 1897, 1907, 1918 гг. О том, что пояса выполнены не только адыгскими мастерами, свидетельствуют сами изделия.

Со временем скупой строгий линейный орнамент пряжки, для которого характерно сочетание пустого поля с крупными ударными пятнами, начал меняться. Сначала только накладная вырезная пластина, а затем и все пространство пряжки стало заполняться мелким гравированным с чернью растительным узором кубачинского или лакского типа. Появилась накладная филигрань. Сердолики исчезают, «шипы» смягчают форму и заменяются полушаровидными высокими оправами филигранной работы со вставленными в них небольшими красными стеклышками.

За пышностью украшения иногда теряется традиционная композиция орнамента. Стерженек для застегивания и особенно цепочка, на которой он подвешивается, также становятся все более нарядными. Они обрастают многочисленными фигурными подвесками, которые, свешиваясь на пряжку в центральной части, почти закрывают ее. Ширина пряжки постепенно уменьшается, но система застегивания, общая форма остаются традиционными.

Пояса описываемого подтипа с пряжками различных модификаций были распространены у карачаевцев, балкарцев, черкесов, адыгейцев, абазин, ногайцев, реже у осетин. Таким образом, их можно считать типичными для Северо-Западного и Центрального Кавказа, особенно для XVIII—XIX вв. В несколько измененном виде, как мы указывали, они продолжают бытовать и изготовляться и в начале XX в. Стоили такие пояса дорого и они были доступны не всем. С целью удешевления поясов пряжки их часто делали металлическими с серебряной накладкой.

Пояса третьего подтипа по общей конструкции (изогнутая пластина, охватывающая талию до середины боков) и системе застегивания такие же, как и пояса второго подтипа, но более узкие — 2,5—4 см. Место застегивания выделено дополнительной накладной фигурой, в ряде случаев выходящей за ширину пояса, которая имеет вид круга, квадрата, ромба,

овала с округлыми или заостренными концами. Схема композиции отделки пряжки пояса данного подтипа утрачена полностью либо сохраняется в виде отдельных элементов в угоду традиции, что нарушает общий характер узора. Так, например, плавно льющийся вдоль пряжки кубачинский растительный узор *мархарай* прерывается крупными полушаровидными выступами, напоминая о «шипах», сохранившими даже радиально расположенные полоски зерни (ГМЭ). Иногда вместо выступов появляются выпуклые многослойные филигранные розочки. Техника украшения этих поясов — глубокая гравировка с чернью или накладная филигрань. Характер орнамента — растительный стилизованный. Большая часть таких поясов позолочена. В качестве дополнительного украшения применяются цветные стекла под бирюзу или рубин.

Насколько можно судить по орнаменту, манере работы, технике, мастерами были дагестанцы и, возможно, армяне. На некоторых пряжках имеются клейма мастеров (обычно русские буквы) и пробы. Пряжки такого рода чаще всего сочетаются с поясами из галуна или ткани с галуном, украшенными мелкими серебряными фигурными бляшками. Пояса этого подтипа относятся к концу XIX — началу XX в. Распространены у всех народов, включая чеченцев и ингушей, но преобладают у кабардинцев и особенно у осетин.

Подтип четвертый: пояс из галуна или ткани с пряжкой фигурной формы. Часто на поясе сзади и на боках прикреплены мелкие металлические украшения, выполненные той же техникой, что и пряжка. Форма пряжки варьирует, но чаще всего центральная, более крупная часть, овальная или круглая, сочетается с отходящими от нее в обе стороны пластинками фигурной формы. Застегивается при помощи широкого плоского крючка и петли под центральной частью пряжки. Украшена гравировкой и чернью, орнамент растительный или геометрический криволинейный. В других случаях использована накладная филигрань, зерна и стекла в высокой оправе. На пряжках филигранной работы обычно есть проба, а иногда и инициалы мастера, что указывает на то, что они сделаны скорее всего городским мастером.

К этому же подтипу можно отнести пояса с пряжкой фигурной формы, но с иной системой застежки: в центре одной половины пряжки имеется квадратная прорезь. В нее при накладывании входит плоская петля, находящаяся на второй половине пряжки. Затем в петлю вкладывается закрепляющий соединение миниатюрный кинжальчик. Иногда на пряжке надпись «Кавказъ»[122]. Пряжки украшены несложным, чаще всего линейным рисунком чернью. Орнамент растительный или различные завитки.

Пояса данного подтипа наиболее характерны для начала XX в., но их делали и в 1920-е годы (на одной из осмотренных нами пряжек стояла дата — 1924 г.). Встречались такие пояса в основном у осетин, черкесов, адыгейцев, т. е. в местах, близких к городам и курортам.

К третьему типу поясов нами отнесены пояса, состоящие из серебряных пластинок, при помощи широких петель с обратной стороны нанизанных на узкий ремень и полностью его закрывающих. Ремень в данном

случае служит лишь для скрепления пластинок. Застегивается при помощи крючка и петли, прикрытых пряжкой овальной, круглой или полуцилиндрической формы. В отдельных случаях каждая из составляющих пояс пластинок прямоугольной формы имеет с одной узкой стороны выступ, входящий в углубление на соседней пластинке. По одному краю идет ажурная сеточка. Пояс украшен гравировкой и чернью. Пояса третьего типа встречаются редко, особенно с полуцилиндрическим выступом-пряжкой. Нам известны их образцы из Чечни и Карачая. В Закавказье, особенно в Армении, они имелись в большем количестве, но носили их мужчины. Видимо, эти пояса завезены на Северный Кавказ из Закавказья.

Четвертый тип — это пояса, сделанные целиком из металла без применения ремня, он имеет три подтипа. Пояс первого подтипа составлен из серебряных пластинок прямоугольной или фигурной формы, соединенных между собой шарнирами. Для укорачивания пояса было достаточно вынуть нужное число пластинок. Пряжка обычно состояла из трех частей: средней овальной формы, прикрывающей крючок для застегивания, и отходящих от нее фигурных пластин, соединенных с поясом шарнирами. Средняя часть пряжки иногда украшена изображением скрещенных кинжала и пистолета. Пластинки, составляющие собственно пояс, украшены одинаковым декором из накладной филиграни, цветных стекол, фальшивой бирюзы или каплевидных черных (черненых) вставок. Стекла укреплены в высоких полушаровидных филигранных оправах. Накладная филигрань иногда дополняется выпуклыми розетками, листками и др. Лицевая сторона почти всегда позолочена.

В начале XX в. пояс этого подтипа имеет необычайно широкое распространение. В разных вариантах, иногда почти тождественных, он бытовал не только у всех народов Северного Кавказа (чаще всего у осетин), но также в Дагестане, Азербайджане, Армении, у крымских татар и караимов.

На обратной стороне пряжек и пластинок поясов мы видим пробы, а также инициалы мастеров, иногда повторяющиеся на каждом звене-пластинке. Чаще других встречаются инициалы КА, а также АГ, ОА, МК, ГА и др. Иногда имеется арабская надпись — подпись мастера. На пряжках выбивали цифры: 1, 2, 8 и др. При этом характер рисунка пряжек различен. Все это свидетельствует о том, что эти пояса делались в мастерских, где работали мастера разных национальностей (армяне, дагестанцы), подписывавшие свои работы. Подпись иногда повторяется на каждой пластинке. Можно предположить, что в мастерской было известное разделение труда, и пластинки, выполненные тем или иным мастером, монтировались в пояс кем-либо из подмастерьев или учеников. Нумерация пряжек может объясняться тем, что заказчику предлагались какие-либо образцы в натуре или рисунках и выбранный номер образца обозначался на пряжке. Иногда тому же мастеру заказывались нагрудные застежки, и таким образом получался комплект.

Мастерские по изготовлению поясов и других ювелирных изделий в большом количестве имелись во Владикавказе [123]. Пояса там приобрета-

ли осетины, ингуши, чеченцы и кумыки. Славились мастерская и магазины горского еврея Алхазова. В коллекциях ГМЭ есть бытовавший в осетинской семье пояс, сделанный в мастерской армянина Коджоянца. Встречаются пояса того же подтипа, но без инициалов мастера и цифр, видимо, изготовленные мастерами-одиночками. Пояса данного подтипа относятся в основном к началу XX в. Очень пышные по декору, они считались самыми «модными» и были очень дороги.

Пояс второго подтипа также состоял из прямоугольных блях, соединенных шарнирами. Застегивался он при помощи стерженька. Место застежки было прикрыто небольшой пряжкой в форме круга, овала, ромба или квадрата. Относятся пояса к концу XIX в. и встречаются в этот период редко.

Пояса третьего подтипа составлялись из круглых или фигурных пластинок, соединенных при помощи колечек или коротких цепочек. Пряжка была фигурной формы. Распространились они в XX в. Чаще всего встречались в восточных районах у чеченцев, кумыков, а иногда на западе у адыгейцев.

Как видно из вышесказанного, женские пояса народов Северного Кавказа разнообразны и представляют значительный интерес с точки зрения ювелирного искусства. Однако они весьма трудны для этнографического изучения и менее всего могут считаться показателем национального своеобразия.

Почти все пояса бытовали или могли бытовать у представительниц всех народов региона. Причины этого различны. Серебряные пояса имели большую ценность и переходили из поколения в поколение в качестве наследства, приданого, подарков. Бытовали они главным образом в семьях местной знати и богатых людей [124]. Кроме того, пояса всегда изготовлялись мастерами-специалистами или делались в ювелирных мастерских. Они могли быть изготовлены или проданы лицу любой национальности. Во второй половине XIX в. у народов Северного Кавказа было очень мало своих мастеров, в основном ювелирами были отходники или переселенцы из Дагестана (кубачинцы или лакцы). В городах и крупных селениях работали и ювелиры-армяне, влияние искусства которых испытали и дагестанские ювелиры. Все это способствовало тому, что пояса того или иного типа (за исключением первого подтипа второго типа) мы находим повсюду [125].

Девичьи головные уборы. У большинства народов женский головной убор представляет довольно сложный комплекс, несущий в себе значительную информацию. По головному убору обычно можно определить не только, к какому народу принадлежит его носительница, но и к какой локальной группе. Он позволяет отличить девушку от замужней женщины, а иногда дает и более точные подробности (различались головные уборы просватанной девушки, старой девы, молодухи, вдовы, старухи и т. п.). Во многих случаях головной убор отражал сословные различия, имущественное положение, место проживания (город или деревня). В нем часто устойчиво сохранялись архаические черты, отдельные его элементы имели охранно-магические функции.

Рис. 34. Способы повязывания платков

1 — ношение платков девушками; *2* — повязывание нижних платков замужними женщинами; *3* — повязывание шалей замужними женщинами; *4* — современные способы повязывания платков

2

2

3

3

3

3

3

4

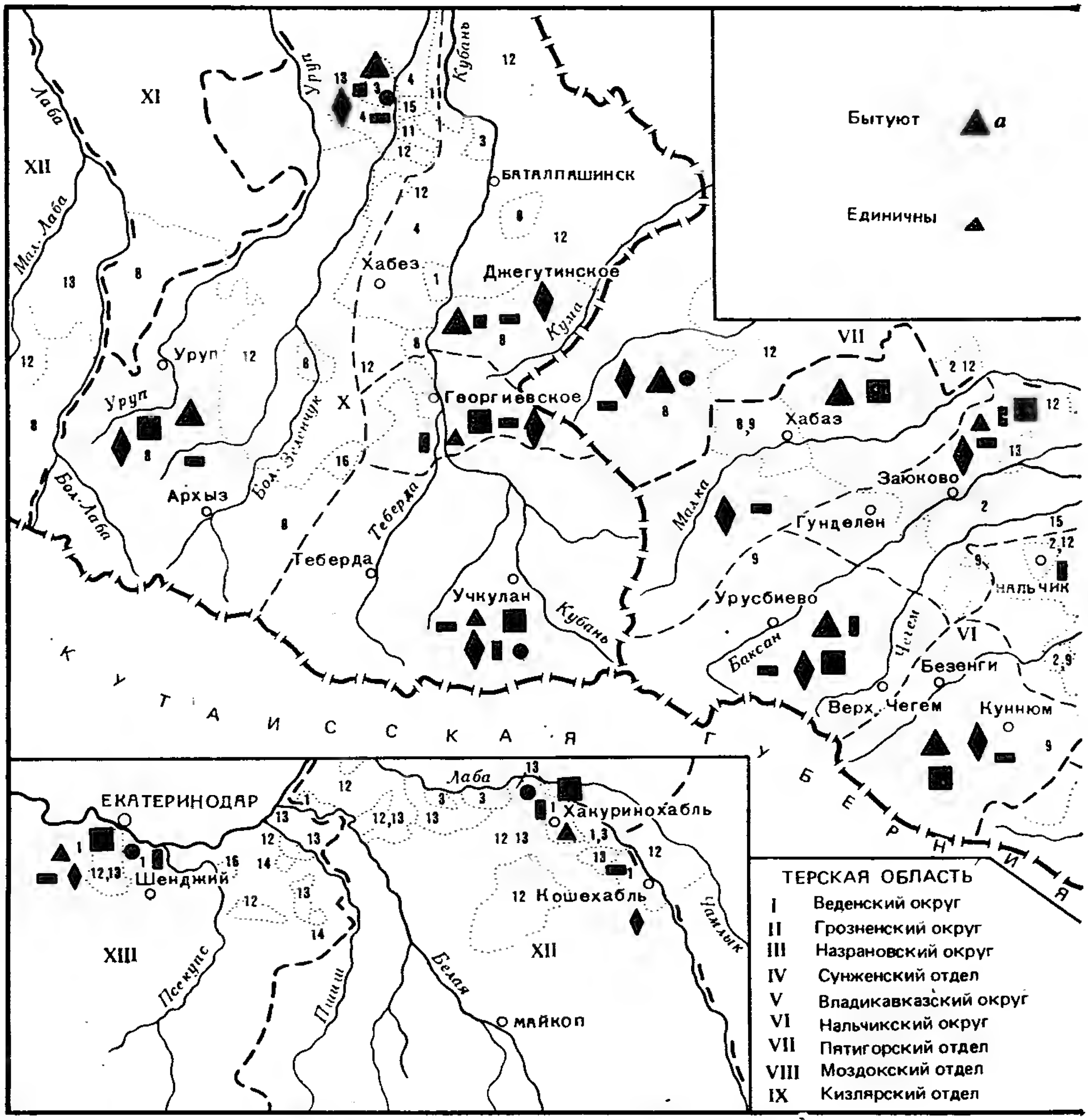
4

Все вышесказанное объясняет интерес этнографов, занимающихся одеждой, к этому элементу женского костюма, даже при рассмотрении его в масштабах одного народа [126]. Тем более интересно сопоставление головного убора у разных народов, живущих на смежной территории.

Нами выявлены следующие основные типы девичьих головных уборов: 1) шали и платки с различными способами повязывания, надеваемые непосредственно на голову; 2) шарфы; 3) сочетание платка, шарфа, шали с шапочкой; 4) шапочка, поспвшаяся без платка.

Основной частью девичьего головного убора в рассматриваемый период являлся большой платок или шаль, в начале XX в. в обиход вошли также шарфы. Девушки надевали на голову один платок или шаль, а позднее шарф. У ряда народов девушки носили шапочки, особенно на свадьбу или в других торжественных случаях, и тогда платок, шаль или шарф надевались различными способами поверх шапочки.

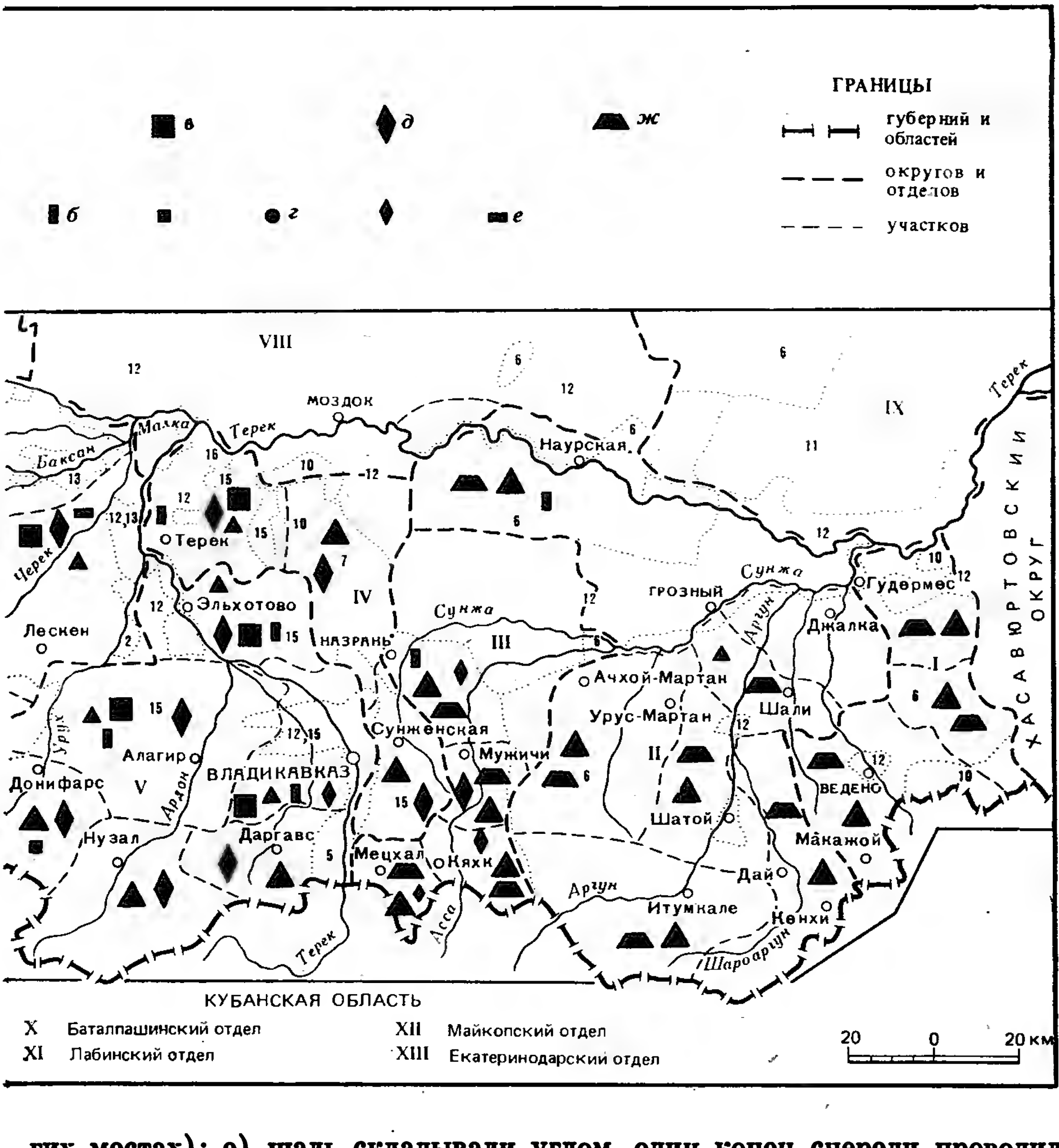
Способы ношения платков или шалей разнообразны. Шаль или большой платок всегда складывали углом, но надевали по-разному: а) шаль накладывали на голову углом на спину, два других конца свешивали спереди на грудь; б) правый конец проводился под подбородком и закидывался на спину через левое плечо; в) оба конца проводились под под-



Карта 8. Женские головные уборы. Конец XIX — начало XX в.

Девичьи: *а* — шали и платки, *б* — шарфы, *в* — сочетание шали или шарфа с шапочкой, *г* — одна шапочка. Женские: *д* — сочетание двух-трех платков, *е* — сочетание платка или шарфа с шапочкой, *ж* — сочетание платка с чухтой

бородком, а иногда завязывались полуузлом, а затем закидывались на спину; г) закинутые на спину концы завязывали сзади на шее (эти способы были распространены у всех народов Северного Кавказа, но особенно у адыгейцев, черкесов, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев и осетин); д) платок (шаль) складывали углом и накидывали на голову, все концы спускались на спину и висели свободно (такой способ ношения платка чаще встречался в Осетии, Чечне и Ингушетии, реже в дру-



гих местах); е) шаль складывали углом, один конец спереди проводили под подбородком на спину, другой закидывали на темя (этот способ характерен для чеченок и адыгеек) (рис. 34).

Концы шарфа чаще всего спускали спереди или один из концов закидывали назад через левое плечо, иногда предварительно обмотав вокруг шеи.

Таков был наиболее распространенный девичий головной убор. Он позволял видеть волосы, иногда на лбу подстриженные челкой или подрезанные на висках. Волосы заплетали в косы, количество которых зависело в основном от густоты волос, преобладали две косы. Путешест-

венники, наблюдавшие адыгов в XVII—XVIII вв., упоминают, что девушки могли ходить с волосами, заплетенными в косы или даже распущенными, без головного убора, что позднее не было принято.

Все вышеописанные способы ношения платков и шалей наблюдались и в тех случаях, когда под платок надевали шапочку, которую носили девушки и замужние женщины до рождения первого ребенка. Подростки и молодые девушки могли ходить и в одной шапочке (особенно в Адыгее).

В начале XX в. некоторые девушки ходили с открытой головой, особенно если на плечах у них была шаль или шарф. Но это было уже поздним явлением и осуждалось старшим поколением. При этом косы иногда уже заменялись европейской прической. Чаще всего это имело место в семьях интеллигенции и главным образом в районах, примыкавших к крупным городам (у адыгейцев, осетин) (карта 8).

Головные уборы замужних женщин. Замужняя женщина, как упоминалось выше, после рождения первого ребенка не должна была показывать свои волосы. Приурочивание смены головного убора к рождению ребенка весьма архаично. Оно символизирует переход девушки в другую возрастную группу — группу матерей. У многих народов смена головного убора девушки на убор замужней женщины приурочивается к свадьбе или первым дням после нее. Объединение в одну группу девушек-невест и молодух у народов Северного Кавказа в ряде случаев отражено в терминологии. У кабардинцев, например, наименование невесты и молодухи звучит одинаково — *нысащэ* (невеста, новобрачная, молодуха). А после рождения ребенка женщину называют *нысэ* (невестка, сноха). По обычаю адыгских народов свекор должен был снять с невестки, родившей ребенка, шапочку, а вместо нее повязать платочек замужней женщины. При этом он дарил молодой семье ценные подарки, чаще всего скот.

Головной убор замужней женщины у народов Северного Кавказа включал в себя прежде всего небольшой платок обычно черного цвета, иногда в XX в. со скромной каймой или очень мелким узором. Его складывали углом, спереди спускали довольно низко на лоб, чтобы волосы не были видны. Концы проводили назад под косы, оставляя открытыми уши, а затем завязывали на темени особым узлом с выпущенной вниз одной петлей. Этот платочек не снимали ни днем, ни ночью. Поверх него, особенно при выходе из дому, обязательно надевали большой платок или шаль.

В Чечне вместо платочка, закрывавшего волосы, замужняя женщина носила чухту — подобие узкого незашитого внизу мешка, в который закладывали косы. В верхней части мешок по шву не был зашит до конца и имел на углах две завязки неравной длины. При надевании мешка завязки пропускали под мешок с косами и завязывали на темени или сзади. По нижнему концу чухту иногда украшали бахромой, вышивкой или (особенно в Восточной Чечне) монетами. Головной убор типа чухты характерен для всего Восточного Кавказа (Дагестан, Азербайджан). Чухта была обязательна для замужней женщины, но, по словам информаторов, в Чечне в особо религиозных семьях ее носили и девушки (рис. 35).

Итак, головной убор замужней женщины представлял собой сочетание нижнего платка или чухты с верхней шалью. Способы ее завязывания, описанные выше, бытовали среди женщин молодого и среднего возраста. Пожилые женщины, особенно живущие в горах, для тепла закутывали головы платками, часто весьма причудливым способом. Концы сложенного углом платка, пропущенные под подбородком, завязывали на темени так, что бахрома висела по сторонам головы. В другом случае концы верхнего платка проводили назад под волосы, завязывали на темени, но маскировали узел наматыванием платка со лба. Иногда поверх двух платков накидывали еще третий. Особенно причудливы способы ношения платка у пожилых карачаевок и балкарок. Осетинки поверх головного платка иногда наматывали на лоб другой платок вроде чалмы. Они же, а также чеченки и ингушки накидывали верхний платок поверх нижнего или чухты, надвигая его низко на лоб и спуская все три конца за спину.

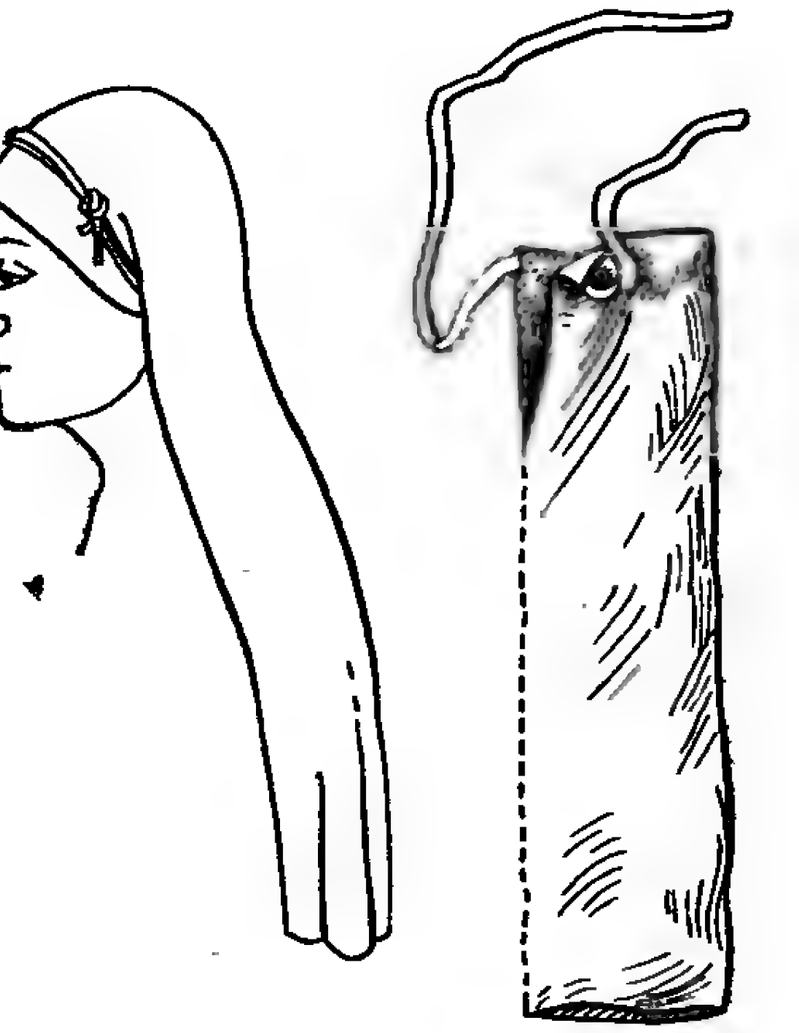


Рис. 35. Головной убор «чухта» замужней женщины. Конец XIX — начало XX в. Способ ношения и общий вид. Чеченцы

В Адыгее и Чечне существовал еще один способ надевания верхнего платка, зафиксированный в фотографиях и рассказах информаторов. Он описан Л. М. Ашхамаховой так: «Правый конец платка опускали длиннее, чем левый, затем пропускали его под подбородком, а потом накрывали голову и оставляли свисающим конец с правой стороны»[127]. Предварительно платок складывали углом. Там же в начале XX в. вошел в обиход небольшой платок русского типа. Его завязывали концами под подбородком «по-русски» или, проведя концы под подбородком, закладывали их к щекам с одной или двух сторон.

Шали и головные платки, поскольку они являлись основой любого головного убора, очень ценились. Они обязательно входили в приданое, являлись излюбленными подарками, ими запасались заранее, чуть ли не с рождения девочки.

Типы шалей по материалу, способу украшения разнообразны. Видимо, в весьма отдаленный период они стали предметом ввоза на Кавказ с Востока, из западноевропейских стран, а с конца XVIII в.— из России. Объяснялось это прежде всего тем, что собственного производства шалей здесь почти не было. Основным текстильным сырьем являлась шерсть, шали, вытканные из нее, были тяжелыми, грубыми и неудобными для ношения на голове. Сама технология их изготовления была несовершенна. Горское сукно очень узкое, и для получения шали из него требуется сшить 3—4 полосы. При последующем валянии, если оно произведено тщательно и умело, швы становились незаметны, но все равно суконная

шаль, особенно летом, была тяжела. Вязаные шерстяные шали и платки до конца XIX — начала XX в. не делались совершенно, да и в этот период они встречались единично только у осетин. В конце XIX — начале XX в. в Осетии в плоскостных районах начали делать шали, плетеные из шелка.

Итак, в женском и особенно девичьем костюме привозные покупные шали давно заняли господствующее положение. Весьма интересно проследить терминологию, связанную с шалями и в ряде случаев указывавшую на источник их происхождения (таблица терминов).

Шали можно разделить на несколько групп: 1) шали и платки, сшитые из местных или покупных тканей; 2) шали местного производства, тканые, плетеные, вязаные; 3) шали кустарной работы, приобретенные через торговцев или в лавках; 4) шали фабричные (рис. 36).

1. Платки, надевавшиеся непосредственно на голову, часто шили сами женщины из покупных тканей — сатина, шелка, обычно черного цвета. Вероятно, шелковые и бумажные ткани использовались и для изготовления больших шалей или покрывал. Это имело место в горной Грузии, Дагестане и, как можно предположить, у горцев Северного Кавказа.

2. В конце XIX — начале XX в. носили также шелковые плетеные шали, которые делали осетинские женщины, позднее их стали плести и в Кабарде. Эти шали представляли собой сетку из шелковых (чаще всего некрашеных) нитей в форме квадрата, а иногда треугольника. Края украшали длинной бахромой. По этой сетке белой же шелковой нитью вышивали крупные фигуры стилизованного растительного орнамента. Вышивали чаще всего один угол. Подобные шали носили обычно девушки и молодые женщины в качестве свадебного или праздничного головного убора.

3. Большой любовью женщин Северного Кавказа пользовались платки и шали кустарной работы, привозившиеся в селения торговцами или покупаемые в лавках. Первое место среди них занимали тонкие шелковые набивные платки работы кустарей Азербайджана. На месте изготовления их называют *калягай*, а почти у всех народов Кавказа они известны под названиями *гюльмадин*, *гулманды*, *гюльменды*, *кулим дан* и т. п. Они были одноцветные — черные или белые с узкой каймой (в 2—3 цвета) или сплошь покрытые узорами. Наиболее частое сочетание цветов — черный с желтым или оранжевым. На Северном Кавказе преобладали одноцветные с каймой. Небольшие платки гюльменды повязывали и замужние женщины, закрывая волосы. Большие шали носили девушки. Из Азербайджана и из Западной Грузии привозили также платки, косынки и шали, плетеные из некрученого шелка.

В редких случаях можно было видеть тканые с узорами шали кустарной работы восточного происхождения (индийские, иранские, турецкие). Они стоили дорого и были доступны единицам. В XVI—XVIII вв. одним из источников их получения были поездки, а то и набеги на Астрахань — крупный центр торговли с Востоком.

4. Шали фабричной работы получили особое распространение во второй половине XIX в. Привозили их из России, часто это были изделия

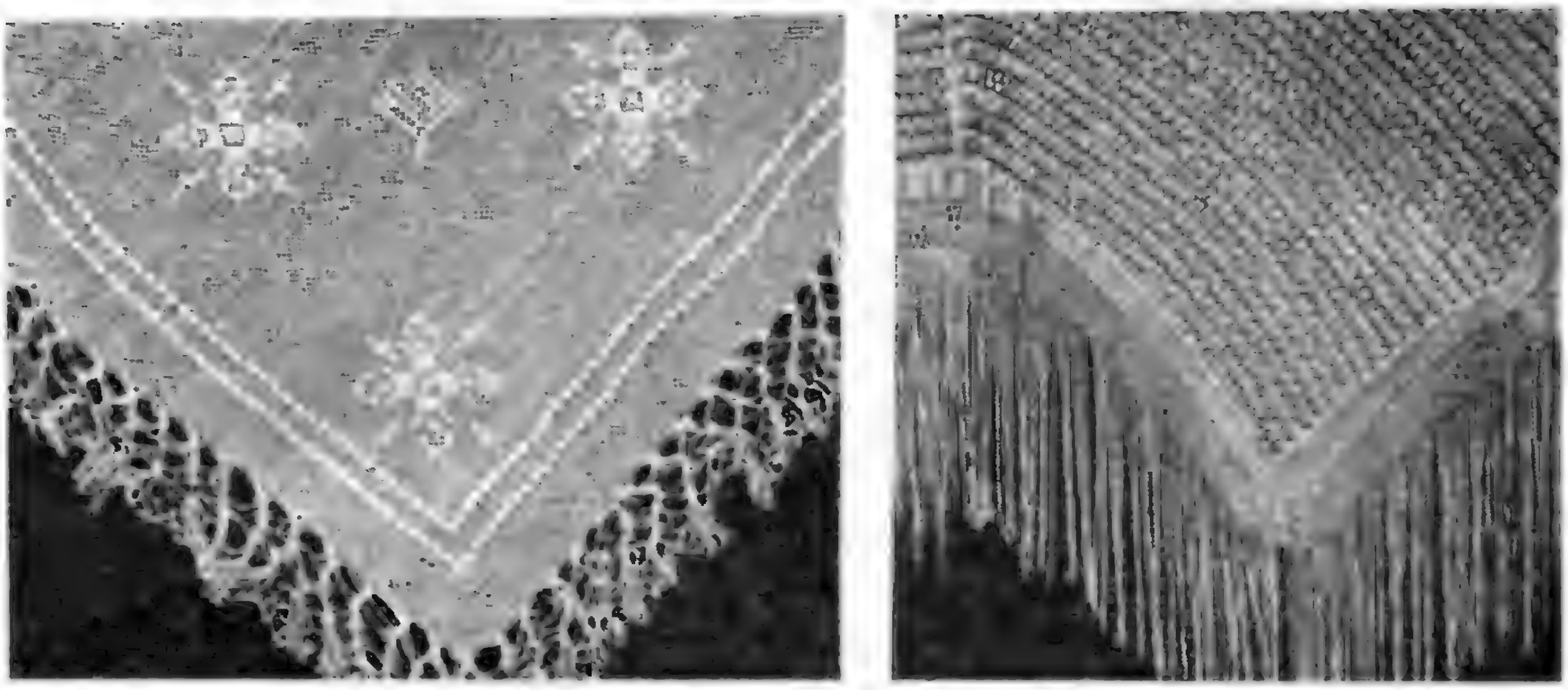


Рис. 36. Женские шали

слева — шаль плетеная ручной работы, осетины, конец XIX — начало XX в.; *справа* — шаль шелковая вязаная ручной работы, кабардинцы, 1930-е годы

западноевропейских стран. Быстро развивавшаяся российская ткацкая промышленность все более уверенно завоевывала кавказский рынок.

Довольно часто можно было встретить шали с златотканым узором (а также катушки с золотыми нитками для вышивания) фабрики Вшивкина.

Наибольшую ценность в глазах местных модниц имели плотные шелковые шали, затканные узорами того же цвета, что и основной фон. Допускалось сочетание 2—3 цветов, иногда контрастных, но приглушенных тонов (пестрые многоцветные шали не отвечали местным вкусам). Шали такого типа называли *купец* или *кумпец*. Возможно, это свидетельство их покупки у русских купцов или же местный вариант русского названия «купеческие шали». Эти платки и шали иногда подвергались усовершенствованиям. Бахрома часто заменялась на более богатую и сложную, ручной работы. На фабричную бахрому нанизывали бусины, сделанные из золотых или серебряных ниток. В других случаях это были крупные бусины из серебра, дополняемые на углах подобием кистей из серебряных цепочек с подвесками. Нам показывали такой платок, на бахроме которого были нанизаны 84 серебряные бусины, украшенные чернью.

Шерстяные фабричные платки встречались реже. Это были платки из шерстяного кашемира скромных расцветок, с каймой или клетчатые, носили их пожилые женщины. Покупали также толстые большие платки типа пледов, которые чаще носили не на голове, а на плечах в холодное время года.

Хлопчатобумажные небольшие платки скромной расцветки с мелким рисунком бытовали главным образом в тех местах, где носили платки «по-русски», закрепляя их под подбородком.

В начале XX в. в плоскостных, пригородных районах начали носить шарфы, шелковые или газовые, чаще всего белые или черные. Очень ценили также кружевные шарфы ручной работы вологодских кружевниц, такие шарфы принимали за фабричные.

Большое количество шалей в приданом девушки являлось предметом гордости, они щедро дарились родственницам мужа.

Шапочки. Шапочки чаще всего являются одной из основных частей головного убора девушки и молодой замужней женщины до рождения первого ребенка. Они отличаются большим разнообразием форм и в известной степени этническими особенностями.

Общей чертой, объединяющей все шапочки народов Северного Кавказа, является наличие твердой основы (кожа, картон), придающей изделию четко выраженную форму. Основа обтягивалась тканью (бархат, сукно) или галуном. Подкладка делалась из кожи или ткани. Шапочки украшали вышивкой, золотыми или серебряными нитками, галунами, басонными изделиями (кисти, бахрома, шарики, плетенки, подвески), а иногда и металлическими накладками.

Шапочки были очень дороги и доступны далеко не каждой девушке. У некоторых народов, например кабардинцев, существовал и социальный запрет ношения шапочек лицами, не принадлежавшими к высшим сословиям. Число шапочек в селении обычно не превышало 10—15. Но их бытование было более широким, чем количество, так как на время свадьбы шапочки брали у родственников или знакомых.

Шапочки имеют давнюю традицию у многих народов Северного Кавказа, что прослеживается по археологическим данным, иллюстративному материалу и нарративным источникам. Однако форма более ранних шапочек, зафиксированных этими источниками, почти не имеет аналогий во второй половине XIX в. и начале XX в. Исчезло и сходство между девичьими и мужскими головными уборами, характерное для XVIII — первой половины XIX в.

Шапочки различались по высоте основной части, имеющей форму цилиндра или усеченного конуса, форме верхушки и способом украшения. Последние обычно связаны с определенным типом шапочки, кроме того, они часто служат датирующим признаком. Большим разнообразием отличается терминология шапочек.

Можно выделить две большие группы шапочек, разделяющиеся каждая на несколько типов: 1) шапочки, украшенные галунами и шитьем вприкреп золотыми и серебряными нитками; 2) шапочки, украшенные шитьем золотом техникой глади (рис. 37).

Шапочки первой группы более ранние по форме и способам украшения. Эта группа представлена рядом типов. Первый тип — шапочки в виде высокого цилиндра с конусообразной или выпуклой верхушкой. Основная цилиндрическая часть имеет высоту 10—14 см и обтянута галуном, цельным широким или сшитым из нескольких узких. В галуне чередуются серебряные и золотые полосы, располагающиеся поперек цилиндра. Конусообразная или округлая верхушка чаще всего сплошь покрыта золотым шитьем вприкреп или обтянута тканью, обильно украшен-

ной такой вышивкой. Иногда вся шапочка в целом имеет вид вытянутого конуса («сахарная голова»). Обычно кроме галуна и вышивки эти шапочки ничем не украшались. Изредка на них встречались мелкие басонные пуговки или металлические бляшки. Наиболее старые экземпляры имеют черную подкладку из хорошо выделанной кожи.

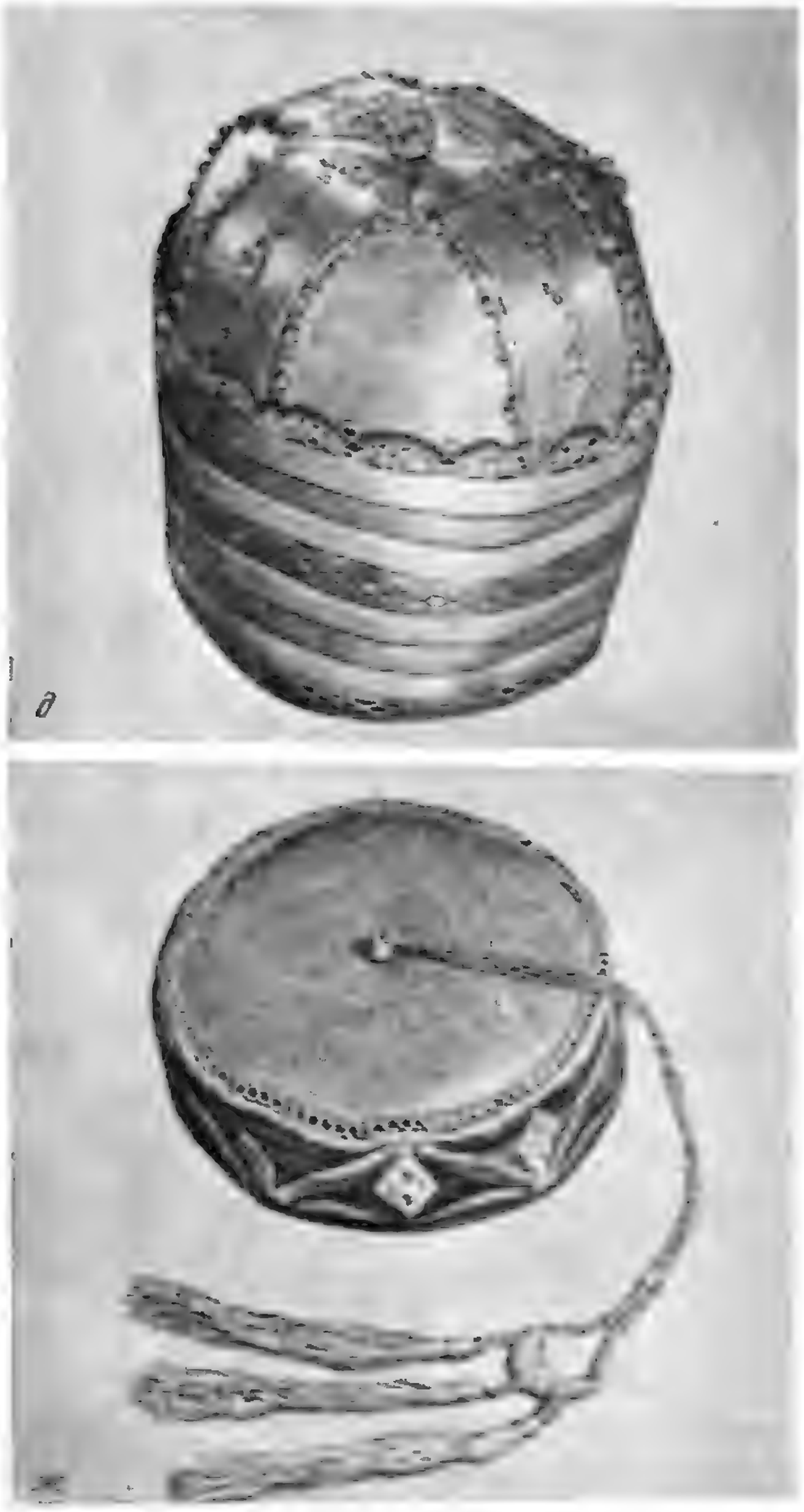
Такие шапочки характерны для первой половины и середины XIX в., но бытовали и позднее. Они очень ценились и передавались из поколения в поколение. К этому же типу можно отнести и единственный экземпляр шапочки, хранящийся в Адыгейском областном музее [128]. Она отличается от описанных выше значительно меньшей высотой как цилиндрической части, так и конической верхушки. Такая шапочка напоминала по форме металлический мужской шлем и называлась *пэIо тандж*, т. е. шапка-шлем. По полевым материалам, она была распространена у абадзехов, темиргоевцев, мамхеговцев и считалась самой красивой и нарядной. Шапочки первого типа назывались «золотая шапка» (по-кабардински *дыщэ пыIэ*, по-адыгейски *дышъэ пэIо*). Это название употреблялось и в том случае, когда и галун, и вышивка, были сделаны из серебряных ниток. В. В. Васильков, писавший о темиргоевцах, упоминает о шапочках, «литых из золота и серебра» [129]. Вряд ли это было так, но шапочки из галуна и золотого шитья, хорошо лощеные кабаньим клыком, на твердой подкладке, действительно казались металлическими.

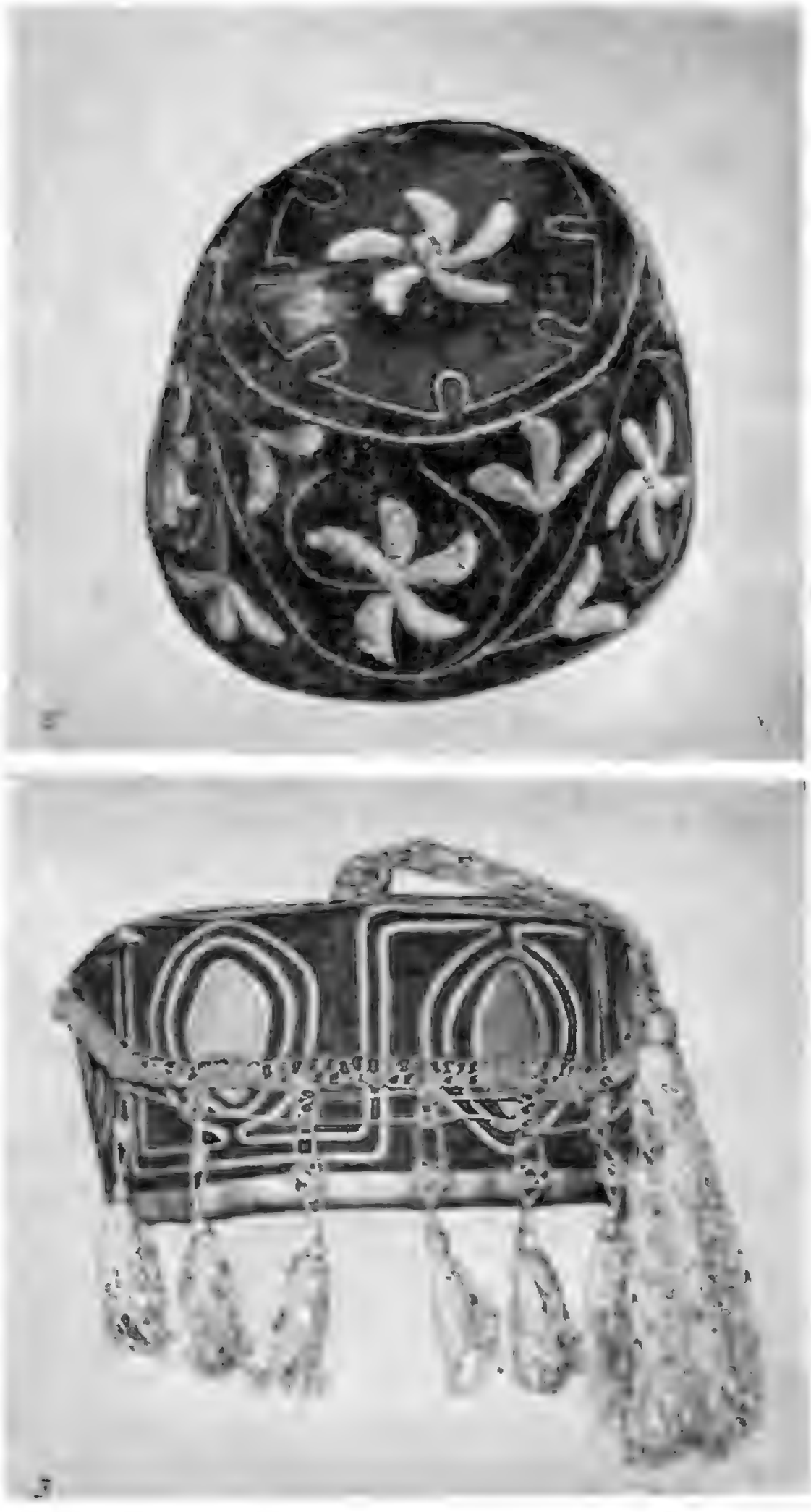
Второй тип шапочек первой группы отличается меньшей высотой цилиндрической части, также обтянутой полосатыми галунами, и более выпуклой полушаровидной верхушкой, покрытой бархатом или сукном. Эта верхушка была украшена радиально расположенными от центра галунами, между которыми была видна основная ткань красного или черного цвета. Шапочки такого типа имели басонные украшения в виде плетенок, окаймляющих верхний край цилиндра и расположенных между галунами на верхушке. Спереди по верхнему краю цилиндра была протянута нитка, с которой в виде бахромы спускались кисточки из золотых или серебряных ниток. На самой макушке, в месте скрещения галунов, часто располагалась вертикально поставленная продолговатая басонная бусина из золотых или серебряных ниток. В других случаях на макушке делали выпуклую серебряную накладку, посередине которой находился шарик, иногда завершенный лунницей или изображением птички. По гладкому или зубчатому краю накладки были иногда прикреплены мелкие подвески. Серебряные накладки украшали чернью, гравировкой, зернью, порой позолотой. Шапочки второго типа также назывались «золотая шапка».

Первый и второй типы шапочек наиболее характерны для адыгов (адыгейцев, черкесов, кабардинцев) и, по-видимому, от них получили распространение среди кубанских ногайцев [130], а также абазин, карачаевцев и балкарцев. Отдельные экземпляры встречались у осетин и даже сванов. В последних двух случаях имели место межплеменные браки знатных семей. Так, например, княжна Крымшамхалова, ставшая женой сванского князя Дадешкелиани, носила высокую шапку первого типа [131]. Стоит упомянуть о шапочке балкарской княжны Урусбиевой, хранящейся в Музее Грузии [132]. Она относится к 60-м годам XIX в., изготовлена ру-

Р и с. 37. Шапочки девушек и молодых женщин. Конец XIX — начало XX в.

шапочки с галунами и шитьем вприкреп: *а* — конусовидная, высокая, кабардинцы; *б* — с округлым верхом и серебряной верхушкой, кабардинцы; *д* — высокая, с круглым верхом, балкарцы; *ж* — низкая цилиндрическая с плоским верхом и вышивкой, черкесы; шапочки с золотым шитьем гладью: *в* — цилиндрическая с плоским дном, черкесы; *г* — в форме усеченного конуса, кабардинцы; *е* — в форме усеченного конуса, осетины; *з* — цилиндрическая низкая с плоским дном, адыгейцы


а


б

в

г

ками самой княжны и входила в ее свадебный костюм. Ушкальность этой шапке придают вытканные на галунах, украшающих верхушку, арабские надписи, примерное содержание одной из них: «Носи эту шапку на здоровье и будь счастлива». В карачаевских коллекциях ГМЭ имеется высокая шапочка первого типа, принадлежавшая знатной девушке и подаренная ею своей аталычке (воспитательнице) [133].

Шапочки третьего типа первой группы имели вид невысоких цилиндров от 5 до 10 см, обтянутых галунами, с плоским дном, также покрытым галунами. Спереди по верхнему краю цилиндра в некоторых случаях подвешена бахрома. Шапочки этого типа бытовали главным образом у адыгейцев и черкесов современной Карачаево-Черкесии. В Адыгее вообще наблюдалась тенденция к меньшей высоте шапочек всех трех типов первой группы.

Девушки могли носить шапочки на распущенные волосы или косы. Но чаще все же поверх шапочки накидывали платок или шарф, который закрывал только заднюю половину шапочки, оставляя свободным шарик на макушке. Невесты и молодухи обязательно надевали поверх шапочки указанным способом платок, сложенный углом. Концы платка проводили под подбородком и закидывали на спину.

Форма шапочек первой группы, особенно варианты с конической верхушкой, ближе всего к шапочкам XIV—XV вв., обнаруженным в Белореченских курганах и могильниках под Пятигорском [134]. Галуны и золотое шитье способом вприкреп также являются старой традицией народов Северного Кавказа.

Вторая группа шапочек, для украшения которых характерно более позднее шитье гладью, также включает несколько типов. Все шапочки второй группы имели плоское донышко и невысокий околыш. Первый, наиболее распространенный тип — твердая шапочка в виде невысокого (4—6 см) цилиндра с плоским донышком. Ее обтягивали бархатом, чаще всего темно-красного цвета, или черным плотным шелком. Обычно такую шапочку украшали золотым шитьем гладью по околышу. Вышивка имела вид растительного побега или отдельных повторяющихся фигурок стилизованного растительного или геометрического орнамента. Донышко украшалось вышивкой в виде сложной розетки или нескольких сложных фигурок. Из центра донышка до плеча спускалась кисть из золотых и серебряных ниток, порой весьма сложного фигурного плетения. Иногда в центре донышка делали небольшую серебряную накладку с шариком, на котором укреплялась птичка. Шапочки этого типа были более всего распространены в Карачае и Балкарии, где их называли *окъа бёрк* (*окъа* — шитье золотом, *бёрк* — шапка). Тем же термином карачаевцы и балкарцы называли и высокие шапочки первой группы, встречавшиеся в знатных семьях, о чем говорилось ранее.

Шапочки первого типа второй группы, описанные выше, носили также в Адыгее, Кабарде, у черкесов Карачаево-Черкесии. В Кабарде их носили только девушки. Для свадебного праздника и последующего ношения до рождения первого ребенка, т. е. в наиболее важные периоды жизни женщины, шапочки не были приняты. Обычно, если тот или иной предмет костюма не применяется при обрядовом действии, это свидетельствует о его заимствовании или недавнем происхождении. Характерно, что в Кабарде шапочки этого типа называли *тэтэр пыIэ* (татарская шапка), *крым пыIэ* (крымская шапка), *къущхьэ пыIэ* (балкарская, горская шапка). Возможно, что подобные наименования, бытовавшие также у адыгейцев и кубанских ногайцев, указывают на источник их появления на Кавказе. Можно вспомнить свидетельства К. Пейсонеля о ввозе из Крыма на Западный Кавказ в XVIII в. большого количества шапочек «тарпош» [135]. Может быть, *тарпош* — искаженное название *тэтэр пыIэ*?

Второй тип шапочек второй группы отличался еще более низким околышем (1,5—2 см) и плоским дном. Такая шапочка могла держаться на голове только при помощи шнурка под подбородком. Ее носили немного на бок. Отсюда и ее кабардинское название *пыIэ къуанщэ* — «кривая

шапка» (по манере носить). Такая шапочка обильно украшалась золотым шитьем, особенно на донышке. Никаких кистей или выпуклых басонных украшений на ней не было. Эти шапочки бытовали в Адыгее и у черкесов Карачаево-Черкесии.

Шапочки третьего типа второй группы имели форму усеченного конуса с плоским дном, обтянутого красным бархатом. И околыш, и донышко украшались золотым шитьем гладью, а изредка и вприкреп. Орнамент стилизованный растительный или геометрический. Кистей и металлических украшений на донышке они не имели. Этот вид шапочек наиболее характерен для Осетии. Встречаются они и в восточных районах Кабарды, а также в Ингушетии, по-видимому, заимствованные из Осетии [136].

В Осетии шапочки этого типа служили частью свадебного костюма. Иногда девушки надевали их в разных торжественных случаях, но в целом шапочки в Осетии бытовали значительно меньше, чем в Кабарде и Адыгее; возможно, это объяснялось меньшей материальной обеспеченностью основной массы осетин, а позднее также значительным влиянием городской моды. Последнее отразилось и на украшениях шапочек блестками, канителью в виде пружинок, бисером.

В коллекциях Адыгейского краеведческого музея в единственном экземпляре имеется интереспая шапочка в форме пилотки, украшенная золотым шитьем [137]. Во время полевой работы я получила сведения, что такие шапочки бытовали только у абадзехов.

Чеченские девушки, по свидетельствам информаторов и данным литературы, шапочек не носили. Нет их и в собраниях музеев. Девушки из Ингушетии, особенно из более зажиточных семей, надевали на свадьбу шапочки в виде усеченного конуса, заимствованные из Осетии.

При анализе распространения шапочек разных групп и типов бросается в глаза их большое разнообразие, нечеткость границ распространения и наличие у одного народа большого числа типов. Однако все же можно выделить этническую специфику этого головного убора. Наиболее ясно это в отношении шапочек в виде усеченного конуса (вторая группа, третий тип). Условно их можно назвать осетинскими. На востоке Кабарды, где они также встречаются, их называют *дыгъор пыIэ*, что указывает на источник заимствования от осетин-дигорцев.

Первый тип шапочек второй группы в виде невысокого цилиндра с плоским дном и длинной кистью наиболее часто встречается в пределах расселения карачаевцев и балкарцев, где их надевали и девушки, и невесты. В Кабарде такие шапки носили только девушки, это же относится к черкесам. Приводимая выше терминология: татарская шапка, крымская шапка, горская шапка — указывает на их отличие от коренных адыгских форм. Условно эти шапочки можно назвать карачаево-балкарскими.

Для адыгских народов, в особенности для кабардинцев, характернее всего шапочки первой группы первого и второго типов, т. е. высокие цилиндрические с коническим или округлым верхом, так называемые «золотые шапки». Они считались обязательной формой для невесты и молодухи до рождения первого ребенка. Кабардинцы, уже в XIV—XV вв.

прочно обосновавшиеся на своей современной территории, в отрыве от основной массы адыгов, могли в большей степени сохранить древние формы конических высоких шапочек, ранее носившихся всеми адыгами. Эти шапочки можно условно наименовать кабардинскими или адыгскими. Однако у адыгейцев второй половины XIX — начала XX в. они бытовали реже, чем в Кабарде, и сосуществовали на равных правах с различными формами и вариантами шапочек второй группы. Вообще Адыгея дает наибольшее разнообразие типов шапочек [138]. Это можно, видимо, объяснить несколькими причинами: длительным сохранением локальных групп, отличающихся и чертами материальной культуры и диалектами; расселением вблизи побережья Черного моря и в связи с этим длительным соприкосновением и связями с Турцией, Крымом, ногайцами и др. В начале XX в. Адыгея особенно сильно испытывала значительное влияние городской культуры, что выразилось в украшении шапочек вышивкой гладью.

Головные уборы женщин Северного Кавказа дополняли различного рода накосные украшения: 1) повязки или мешочки, скрывавшие волосы от посторонних; 2) подвески и украшения кос.

Повязка для кос (по-кабардински *шъхьэ пышIэ*) представляла собой широкую полосу белой ткани, иногда на концах украшенную вышивкой. Ею плотно обматывали каждую из двух кос или просто волосы, разделенные на две пряди, а затем их перевивали подобием толстого шнура и внизу закрепляли. Независимо от длины кос это украшение опускалось до подола. С такой повязкой мы встречаемся на рисунках XVIII в., на фотографиях XIX в. По рассказам информаторов, в Кабарде и Адыгее ее носили девушки, невесты и молодые женщины. Л. М. Ашхамахова сообщает, что подобные накосники носили и пожилые женщины, но делали их короче и концы заправляли за пояс [139]. У карачаевцев и балкарцев такую повязку называли *чач бау*. Есть единичные сведения о наличии повязки в плоскостной Осетии (*дзыкку бош* — обмотка для кос) и у ингушей, но эти данные требуют уточнения.

У карачаевцев, балкарцев, кабардинцев и адыгейцев существовали накосники в виде узкого длинного мешочка или полоски ткани, украшенных вышивкой и бахромой. Косы закладывали внутрь мешочка или просто покрывали полоской. Такие накосники были сравнительно редко, носили их, по словам информаторов, те, «у кого были средства». Некоторые карачаевки пожилого возраста вспоминают о существовании *тюйреюч* — серебряного украшения в виде пряжки с цепочками. Некоторые девушки носили такие украшения вплоть до 70-х годов XIX в. Иногда девушки подвешивали к косам полоски бархата с нашитыми на них гремящими подвесками, шнурки с монетами или амулетами. Но большого распространения подобные накосные украшения не имели.

Украшения. Одежда народов Северного Кавказа отличается своеобразием не только в покрое, но и по общему стилю и характеру украшений. Сшитая из дорогих тканей праздничная женская одежда украшалась галунами, басонными изделиями (плетенки, шнурки, кисточки, подвески и т. п.), сделанными из золотых и серебряных ниток, а также золотым и

серебряным шитьем. Выше при описании одежды уже были рассмотрены особенности расположения украшений и характер орнамента. Эти способы украшения одежды распространены у всех народов Северного Кавказа, но в различной степени (рис. 38).

Шитье золотом было особенно характерно для адыгских народов, карачаевцев и балкарцев, плоскостных осетин и ингушей. У этих же народов широко употреблялись и отличались высоким качеством басонные изделия. Галуны употреблялись повсеместно.

В данном разделе мы остановимся на описании украшений из металла, главным образом из серебра, которые можно разделить на две группы: 1) украшения, нашитые или прикрепленные к одежде, 2) украшения, надевавшиеся отдельно.

1. Среди украшений, нашитых или прикрепленных к одежде, мы веделяем верхушки шапочек — выпуклые или плоские круглые бляхи из серебра, украшенные чернью, гравировкой, ложной зернью, иногда позолотой. В центре такой бляхи, прикреплявшейся на выпуклое или плоское дно шапочки, на шпеньке укреплялся шарик или продолговатая серебряная бусина, часто завершавшаяся изображением птички или полумесяцем. В редких случаях по краю бляхи имелись мелкие серебряные подвески.

Наибольшее распространение серебряные верхушки на шапочках получили у адыгских народов, реже у карачаевцев и балкарцев. У последних они встречались на шапочках с плоским дном и имели вид небольшой круглой пластинки с шариком или птичкой в центре.

Можно заметить взаимозаменяемость металлических украшений и золотого шитья в сочетании с басонными изделиями. На большинстве шапочек серебряные накладки отсутствовали. Вместо них была вышивка с шариком или продолговатой бусиной, сплетенной из золотых ниток.

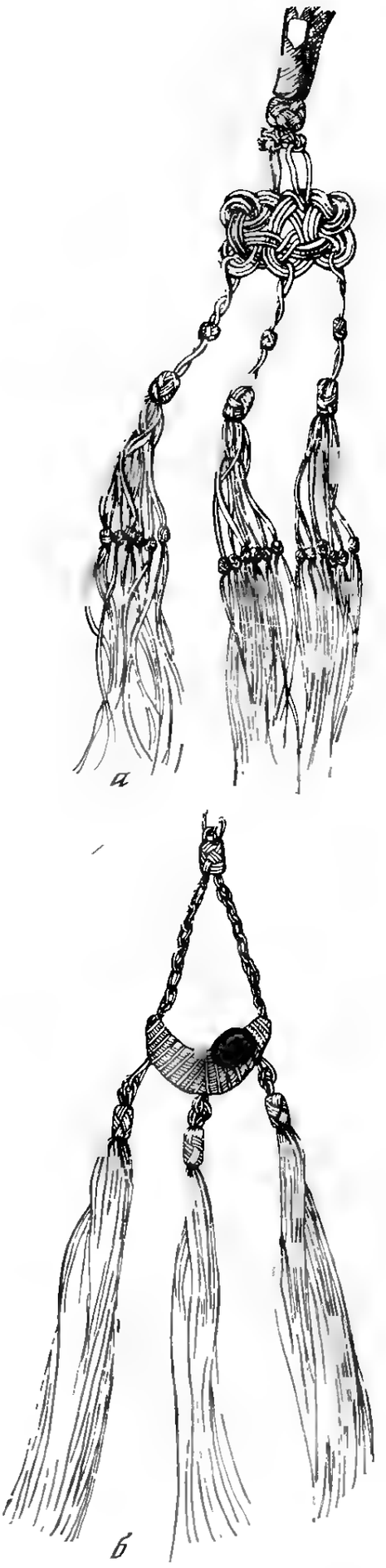


Рис. 38. Басонные украшения. Подвески на шапочке
а — черкесы; *б* — адыгейцы

Рис. 39. Украшения, нашитые или укрепленные на одежде. Конец XIX — начало XX в.

а — нагрудные и плечевые бляхи, черкесы; *б* — амулеты, карачаевцы; *в* — нагрудные застежки с бляхами и подвесками, осетины; *г*, *д* — имитация вышивок (фрагменты), карачаевцы

Ареал серебряных верхушек шапочек — в основном Северо-Западный и отчасти Центральный Кавказ. Из археологических источников известно, что металлические верхушки на шапочках (хотя совсем другой формы) дают адыгские могильники XIV—XV вв. (Белореченские курганы, могильники близ Пятигорска и др.), а также погребения XVI—XVIII вв. в Карачае и Балкарии (могильник около с. Картджурт, могильник Курноят и др.). Несмотря на различия в формах верхушек, можно говорить о длительности этой традиции (см. материалы периода XVIII — первая половина XIX в.).

В начале XX в. в Кабарде и Осетии встречались бархатные шапочки с плоским донышком, украшенные ажурными филигранными пластинками; на донышке пластинки были круглые, по околышу — фигурные. По технике и характеру орнамента они напоминают работу армянских мастеров и, видимо, изготовлялись во Владикавказе. Такие украшения известны только в нескольких экземплярах.

2. Украшения женских платков в виде серебряных бусин, нанизанных на бахрому, и фигурных серебряных подвесок, укрепленных по углам платка. Чаще бусины на бахроме платков плели из золотых шнурков

и нитей. Подобные украшения использовались обычно для обогащения покупных фабричных платков. Иногда при этом имевшаяся на платках бахрома заменялась более длинной, сделанной из крученых шелковых нитей. Платок, украшенный металлическими бусинками и подвесками, становился более нарядным, при каждом движении раздавался мелодичный серебряный звон. Такие украшения платков встречались у карачаевцев, балкарцев, кабардинцев.

3. Нагрудные или плечевые бляхи и подвески. Крупные круглые, слегка выпуклые серебряные бляхи с несложным узором, нанесенным гравировкой и черпью, были характерны для адыгских народов и в меньшей степени для осетин и чеченцев. Их нашивали спереди у ворота (попарно) или на уровне плечей, а у адыгейцев — иногда и на плечах, как погоны. В таких случаях по краю блях встречались подвески пз цепочек. В конце XIX — начале XX в. они являлись только украшением, но в более ранний период, возможно, играли роль оберега (рис. 39). На рисунке Милютина (1830), изображающем чеченку, подобные бляхи расположены на груди с обеих сторон разреза платья [140]. Весьма возможно, что первоначальное их назначение — магическая защита груди. Другие бляхи, хранящиеся в ГМЭ, привезенные в 1908 г. от бжедухов, названы в описи «блипкушх». В описании указано, что их носили на плечах или на лопатках. Возможно, что название, искаженное собирателем, имело в основе слово *блэбгъу* — «лопатка». Бляхи или вышитые накладки на плечах называли *тэмэтелъ* (букв. «наплечники»). Теперь так называют погоны. Когда-то подобные бляхи имели значение оберегов и «защищали» человека со спины или «усиливали» его руки. Известно, что у многих народов Поволжья, у русских южных областей украшения и вышивки на гру-

ди, плечах и рукавах считались «защитой» руки или груди. У народов Кавказа на спине детской одежды часто пришивали амулеты.

На груди платья или кафтанчика вдоль разреза по сторонам застежек часто нашивали подвески, расположенные одна под другой от плечей до пояса. Они имели вид шариков на цепочках, целых или разрезанных вдоль миндалин или грушевидных пуговиц, висящих узким концом вниз. Последние чаще встречались у чеченцев (а также в Закавказье), остальные — у адыгских народов, карачаевцев, балкарцев, осетин. Интересна связанная с ними терминология. У карачаевцев и балкарцев эти подвески назывались *зынгырла* — «звенящие». Это соответствовало действительности: ударяясь при движении друг о друга, они издавали звон. Кабардинцы называли их *щIыIуI ухунэ*, т. е. «пуговица отгоняющая» (*ухун* — отгонять). Оба эти термина позволяют думать, что в прошлом шумящие подвески играли роль оберегов, широко распространенных у многих народов с древнейших времен. Известно широкое бытование пуговиц-бубенчиков в средние века и на Северном Кавказе.

Подвески других форм, нашитые на одежду (платье, безрукавку, нагрудники), были распространены у чеченцев, особенно в районах, пограничных с Дагестаном и Грузией.

(4. Кроме нагрудных подвесок, у ряда народов встречались подвески, нашивавшиеся вдоль разреза рукава платья.)

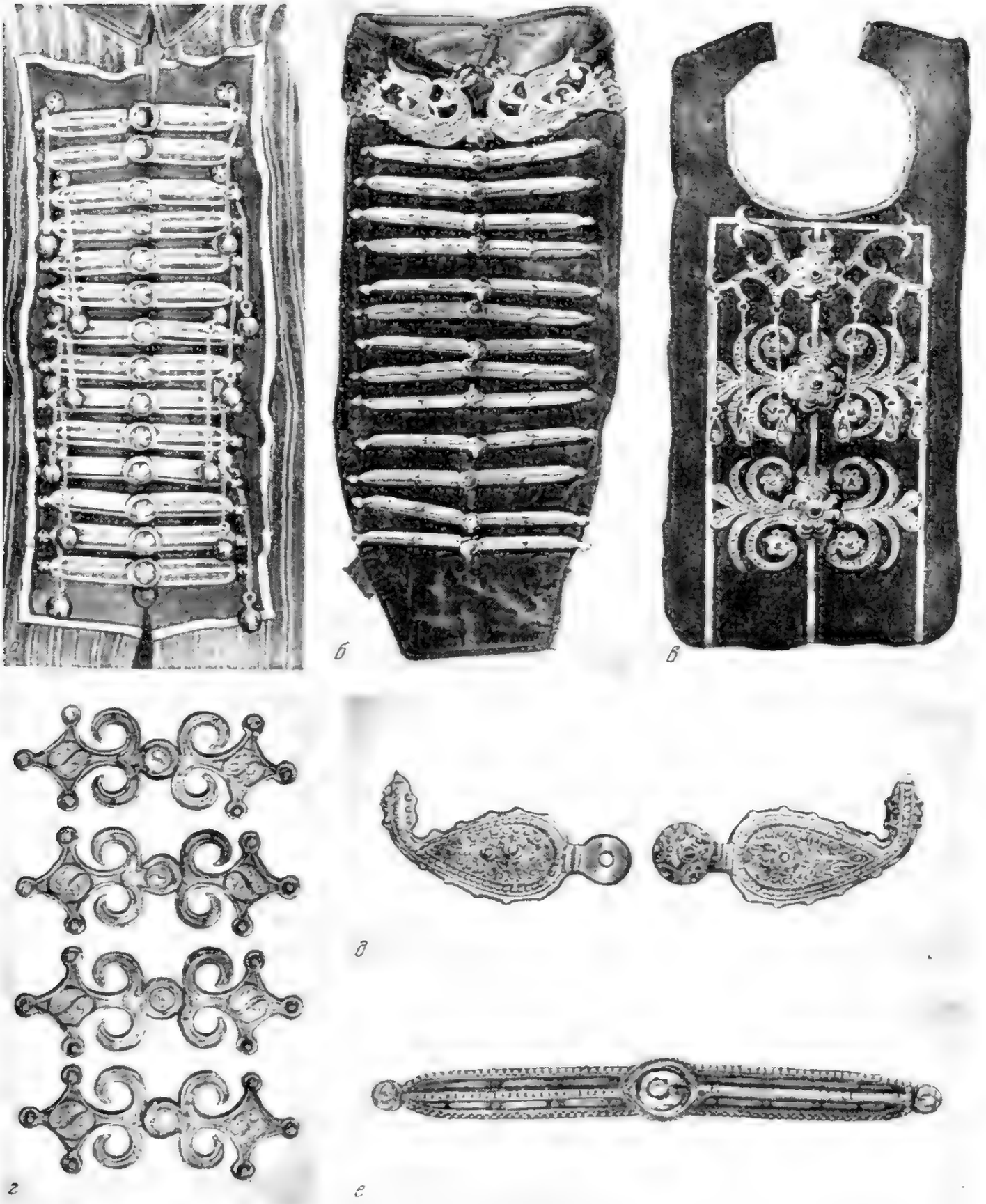
5. На одежду нашивали также футляры для молитв *дуда* или имитирующие их треугольные пластинки, иногда с цепочками или бубенчиками по нижнему краю. Украшения-амулеты или пластинки иногда нашивались на боку под рукой, где они не были видны посторонним, но часто и просто на груди, играя роль и украшений. Украшения-амулеты более всего были распространены в горных районах, особенно Северо-Восточного Кавказа.

6. У очень многих народов в качестве украшений широко использовались монеты или имитирующие их бляхи. На Кавказе использование монет в качестве украшений известно по многим памятникам средневековья. Но в XIX — XX вв. монеты, нашитые в качестве украшения на одежду и головные уборы, на Северном Кавказе встречались не часто и более всего у чеченцев, возможно, под влиянием соседних народов Дагестана.

7. В известной степени роль украшения играли мелкие круглые серебряные пуговки, пришивавшиеся на платья, кафтанчики и даже шубы женщин старшего возраста. Они заменяли пуговки-узелки, вывязанные из шнурка, и застегивались на мелкие петли из шнурка. Традиция таких застежек уходит в период средневековья.

8. Украшениями являются и нагрудные застежки, насчитывающие также не одно столетие своего существования. Эти застежки, пришивавшиеся на платье или кафтанчик, а позднее на нагрудник, прошли путь от собственно застежек к их имитации — украшениям (см. раздел «Кафтанчики и их рудименты») [141] (рис. 40).

9. Особое место занимают украшения в виде металлических накладок разной формы, нашивавшиеся на женские кафтанчики, платья, иногда на



Р и с. 40. Нагрудные украшения

а — застежки с бубенчиками, адыгейцы-бжедухи, начало XX в.; *б* — нагрудник с застежками и птичками, карачаевцы, конец XIX в.; *в* — украшение в виде застежек, кабардинцы, начало XX в.; *г* — нагрудные застежки, черкесы, начало XX в.; *д* — застежки; *е* — застежки, балкарцы. начало XX в.

стеганые капталы. Бытовали они у карачаевцев, балкарцев, кабардинцев. Их располагали на углах пол, по борту и подолу, низу рукавов (в виде нашивных браслетов), т. е. в тех же местах, где встречалось золотое шитье. Сама форма этих накладок совпадает с излюбленными мотивами золотого шитья. Обычно они изготовлялись ювелирами по заказу женщин, которые сами вырезали из бумаги желаемый образец, повторяя традиционные мотивы золотого шитья. С задней стороны накладки были снабжены петельками для нашивания.

Такие украшения заменяли золотое шитье, в особенности шитье способом вприкреп, которое являлось сложной и трудоемкой работой. Умение вышивать было обязательным для девушек из княжеских и узденьских семей, хотя владели им и девушки из других сословий, работавшие под руководством хозяек. В конце XIX в. быстро растущее кулачество подражало в своей одежде феодалам. Но женщины из их среды часто не умели вышивать и прибегали к помощи ювелиров, изготовлявших накладки, заменявшие шитье (к тому же золотник золотых ниток стоил 1 руб. 25 коп., а золотник серебра — 50 коп., поэтому украшение из серебра обходилось дешевле вышивки).

Технология изготовления накладок различна. В одних случаях это тонкие серебряные пластинки с легким черневым узором, в других — пластинки, изготовленные способом литья с последующей гравировкой, чернью и позолотой. По возможности мастеру заказывали целый комплект украшений для платья и кафтанчика, имевших единообразное стилевое решение. Мастерами чаще всего были дагестанцы, но встречались и местные, например карачаевец Каппушев, работавший в Учкулане в конце XIX — начале XX в.[142]

Наряду с накладками, имитирующими золотое шитье вприкреп, в начале XX в. вошли в моду более мелкие украшения, нашивавшиеся на груди, по бортам и подолу платья. Видимо, в этих случаях орнамент выбирал сам ювелир, поэтому встречались не только стилизованные растительные формы (напоминавшие мотивы золотого шитья гладью), но даже лиры, двуглавые орлы и т. п.

Несмотря на позднее происхождение металлических накладок, описанных выше, появление их, видимо, не случайно и опирается на давние традиции. Археологические материалы, относящиеся к разным историческим периодам, показывают, что одежда населения Северного Кавказа издавна украшалась нашивными металлическими бляшками, накладками различной формы. Даже украшения, выполненные, в ином материале, по внешнему виду напоминали металлические. Это относится к аппликациям из золоченой кожи, характерным для поздних аланов, а также к галунам, лощеному золотому шитью техникой вприкреп. Для этого мастерицы прикладывали немало усилий. Готовую вышивку промазывали с изнанки клеем, а также лощили кабаньим клыком для уничтожения рельефа шитья и придания блеска. После этого вышивка походила на металлическую пластинку. В таком виде ее и нашивали на нужное место. Подобного рода вышивки-аппликации вполне могли заменить металлические накладки соответствующего рисунка.

Вторую большую группу женских украшений представляют украшения, надевавшиеся отдельно, съемные (ожерелья, браслеты, серьги, кольца и др.). В конце XIX — начале XX в. они были гораздо менее распространены, чем нашивные. Отчасти это можно объяснить характером женского костюма в целом. Головные уборы, включавшие в себя шали, закрывавшие уши и шею, не способствовали ношению серег, височных подвесок, шейных украшений. Нагрудным украшением прежде всего служили застежки, на фоне которых другие украшения были бы мало заметны. Длинные рукава рубах и платьев закрывали запястья, а часто и кисти рук, что делало малоцелесообразным ношение браслетов и даже колец. Этнографам известно, однако, что если украшения, вышивка, аппликация играли роль оберега, то они делались и на местах, скрытых для обозрения. Но во второй половине XIX — начале XX в. роль украшений как оберегов была уже утрачена.

Количество украшений в разных районах было различно, увеличиваясь от запада к востоку. У адыгских народов ношение большого количества украшений считалось признаком дурного вкуса. У чеченцев при наличии материальных возможностей их носили больше, чему способствовали и некоторые особенности костюма.

Среди украшений различают украшения шейные, браслеты, кольца. Тонкая серебряная или сплетенная из золотых ниток цепочка, спускающаяся на грудь, сама по себе служила украшением. Информаторы рассказывали даже о цепочках из соединенных друг с другом английских булавок. В отдельных случаях на цепочках висели подвески разной формы, чаще всего это были серебряные пластинки, украшенные гравировкой и чернью, футляры для амулета *дуа* или их имитация. Интересно, что пластинка прямоугольной формы, иногда с подвесками, носила название «серебряная книга». Вспомним, что единственной «книгой» для горцев тогда был коран, для которого богатые люди иногда делали шитый золотом, а то и серебряный футляр. Подвеска «серебряная книга», видимо, была имитацией такого футляра.

Украшения в виде цепочек с подвесками и без них наиболее характерны были для адыгских народов, что подтверждается и археологическими материалами XIV—XV вв. В Адыгее, а иногда и в Кабарде девушка ходила без платка, в одной шапочке и нашейные украшения были видны; если же на голову накидывался углом платок, то так, чтобы он не закрывал шею и грудь. В начале XX в. в Адыгее еще имелись отдельные местные мастера, изготовлявшие женские украшения, чисто адыгские по отделке и орнаменту.

Украшения в виде цепочек с подвесками — бляшками, амулетами, монетами носили также чеченские женщины. Обычно цепочка была довольно длинной, иногда подвески висели ниже талии. Цепочку надевали на шею или укрепляли на одежде около плечей, а иногда подвешивали к серьгам и пропускали под подбородком. Как говорилось выше, для чеченских и ингушских женщин были характерны платья-рубахи, на фоне которых подобного рода украшения смотрелись хорошо. Если даже надевалась верхняя одежда гIабали или полшу с металлическими застежками,

то последние застегивались только внизу у талии, оставляя грудь свободной, прикрытой рубашкой. В этом случае надевание на шею различных украшений, ожерелий или бус было целесообразным. Но бусы чаще всего носили девочки. Бусы различной формы, величины и происхождения иногда чередовались с раковинами каури, считавшимися оберегом, подвешивались и кожаные мешочки с амулетами дууа. Бусы встречались в Осетии и Чечне.

Из европейских шейных украшений у богатых женщин изредка можно было встретить медальоны на цепочке. Роль украшений играли и дамские часы, которые в это время носили на шее. Крышка часов была обычно орнаментирована. Если цепочка была короткой, получалось нечто вроде медальона, если она была очень длинной и спускалась до пояса, то часы закладывали в специальный карманчик, нашитый на левой стороне груди. Подобного рода карманки встречаются и на платьях самого традиционного покроя, сделанных в конце XIX в., а особенно в начале XX в.

В начале XX в. изредка можно было встретить (у осетин, иногда чеченцев) броши европейского типа. Браслеты также встречались очень редко и были в основном покупными (гладкие дутые с камнями, цепочки и др.).

Среди съемных украшений самыми популярными были кольца. Иногда их носили на нескольких пальцах сразу. Особых местных форм проследить не удалось. Кольца были гладкие, типа обручальных, с небольшими щитками, с камешками в оправе. В начале XX в. бытовали почти исключительно кольца европейских форм, купленные в магазинах.

Более сложным является вопрос о серьгах. В Чечне чаще всего встречались серьги в форме кольца и близкие к ним височные подвески в форме плоских колец. Понятия «серьга» и «кольцо» передавались одним словом чIуг. В Кабарде, наряду с существованием отдельных слов: «кольцо» — *Iэлъын* (*Iэ* — рука), «серьга» — *тхьэгьухэр* (*тхьэкIумэ* — ухо) — существует и общий термин *тхьэгъу* — «кольцо, серьги». У осетин существовали совершенно самостоятельные названия: *къухдарин* — «кольцо» (*къух* — палец), *хъусцин* — «серьга» (*хъус* — ухо). Как говорилось ранее, серьги для осетин были очень характерны в XVI—XVIII вв. и отличались разнообразием форм.

В XX в. у осетин бытовали серьги городского типа. Это относится и к адыгским народам. Судя по музейным материалам, в Адыгее были распространены серьги в виде фигурно вырезанных пластинок с подвесками, украшенных чернью, работы местного мастера начала 20-х годов XX в., когда еще сохранялись более ранние традиции.

В конце XIX в. и особенно в начале XX в. все более распространяются покупные ювелирные украшения неместных форм. К таковым относились многие серьги, кольца. почти все браслеты, все броши и часы. Они были доступны только зажиточным семьям. Богатые люди покупали украшения для своих дочерей и жен не только в городах Северного Кавказа, но и в Баку, Тифлисе. Петербурге. Упоминая о бытовании ювелирных изделий европейского типа, мы считаем целесообразным не описывать их формы.

Итак, из приведенного описания видно, что в костюме женщин видное место занимали украшения из металла, причем в большей степени нашитые или прикрепленные на предметы одежды. Изготовлялись украшения из серебра или «белого» металла. Это объяснялось не только большей, чем золото, доступностью этих металлов, но и местными вкусами. Позолота использовалась также умеренно. Однако в конце XIX и особенно в начале XX в. позолотой стали пользоваться чаще, особенно при изготовлении женских металлических поясов.

Наличие украшений и их качество определялось, естественно, прежде всего имущественным положением и социальной принадлежностью их носительниц. Вместе с тем соответственно традиции некоторый минимум их имелся в большинстве семей. Благодаря своей ценности украшения, особенно нагрудные застежки и пояса, переходили из поколения в поколение, из семьи в семью. Пояса, принадлежавшие невесте, позднее передавались, например сестрам ее мужа.

Анализ иллюстраций показывает, что в украшениях разных народов наблюдается много черт общности. Те или иные варианты украшения чаще являются показателями не этнической принадлежности, а хронологической смены форм. Этническая специфика проявляется сильнее в наличии той или иной категории украшений, чем в различии форм внутри категории. Так, мы отмечали, что использование монет характерно более всего для чеченцев; металлические верхушки шапочек бытовали на Северо-Западном Кавказе у адыгейцев, черкесов, кабардинцев, карачаевцев; накладки, имитирующие вышивки, встречались у карачаевцев, балкарцев, изредка у кабардинцев.

Черты общности в украшениях народов Северного Кавказа тесно связаны с общностью форм одежды и, видимо, сложились в разные исторические периоды. Но имеется и специфическая для украшений XIX—XX вв. причина сходства: украшения из металла — всегда дело рук мастеров-специалистов. Ювелирное дело на Северном Кавказе было развито неравномерно. На Северо-Западном Кавказе в течение ряда веков работали мастера, жившие в селениях и занимавшиеся изготовлением и отделкой оружия, а также украшений. Для них наиболее характерна техника черни, неглубокой гравировки, иногда дополнявшейся зернью. Легкий черневой рисунок, главным образом в виде криволинейных геометрических фигур, чаще всего оставлял поле свободным. Наиболее выражены эти черты в круглых нагрудных бляхах адыгских народов. Это одно из старинных украшений, в начале XX в. встречавшихся редко. Подобные же бляхи изредка бытовали у осетин, куда, возможно, проникли от адыгов.

Нагрудные грушевидные полые подвески, изготовленные при помощи штампов, характерны для народов Восточного Кавказа (Дагестан, Азербайджан, отчасти Восточная Грузия) и могли быть занесены на Северо-Восточный Кавказ (к чеченцам) именно оттуда.

Большое влияние на мастеров Северного Кавказа оказали дагестанские мастера, которые, особенно во второй половине XIX в., широко занимались отходничеством в Терскую и Кубанскую области, в города

и курорты Северного Кавказа (лакцы, кубачинцы). Некоторые из них оседали здесь, в том числе в селениях, надолго, а то и на всю жизнь. Они вытесняли в ряде случаев местных мастеров. Некоторые местные ювелиры являлись учениками дагестанцев или работали с ними в одних мастерских [143].

Дагестанцы принесли с собой типичные для них орнаменты и технику. Однако, обладая большим профессиональным умением и художественным чутьем, они в большинстве случаев хорошо разбирались в орнаменте местных народов и умели работать «на кабардинский и осетинский лад». Но все-таки деятельность отходников из Дагестана способствовала известной нивелировке этнических форм украшений и их орнаментального убранства, усиливая черты общности.

Подобную же роль сыграли и работавшие в городах Северного Кавказа армянские ювелиры.

Еще большую общность в конце XIX — начале XX в. можно было наблюдать в украшениях, надевавшихся отдельно. Но это главным образом объяснялось распространением готовых ювелирных изделий европейского типа [144].

Комплексы женской одежды. Определение комплексов женской одежды конца XIX — начала XX в. также сложно, как и мужской, но в данном случае возможно их выделение с учетом некоторых этнических особенностей. При этом необходимо иметь в виду значительную разницу праздничной и повседневной одежды, знать, что в праздничной одежде черты отдельных комплексов проявляются ярче, чем в будничной. Исследования показали, что праздничный костюм был одновременно и свадебным, последний отличался от первого только большим платком, закрывавшим голову и фигуру невесты. Одежда замужних женщин после рождения первого ребенка претерпевала значительные изменения. Поэтому помимо девичьих важно рассмотреть отдельно и комплексы одежды замужних женщин.

Если у большинства народов, в частности у русских, женский комплекс много сложнее девичьего и состоит из большего количества предметов (более всего это относится к головному убору), то у народов Северного Кавказа наоборот: наибольшей сложностью отличался наряд девушек. Будничная одежда девушки была значительно ближе к одежде замужней женщины, чем праздничная.

Наиболее проста по составу одежда старых женщин и девочек. Как для тех, так и для других у ряда народов Северного Кавказа достаточно было иметь рубаху, штаны и платок, требования к «приличию» одежды по отношению к ним снижались.

Обязательными составными частями женского (и в том числе девичьего) костюма у всех народов Северного Кавказа являлись рубаха и штаны. Рубаха иногда выполняла и функции платья, т. е. была платьем-рубахой.

Рубаха была туникообразной, с перекидным плечом, рукавами, пришитыми по прямой линии, с ластовицами или без них; в бока вшивались расширяющиеся книзу клинья. Рукава были длиной до кисти, а на

праздничных рубахах много длиннее, иногда до подола, при этом книзу они расширялись.

Штаны шили с широким шагом и большим ромбовидным клином между штанинами или же с узким шагом и маленьким клином или вообще без него. Штаны последнего типа чаще встречались у чеченцев, ингушей, иногда осетин.

Обязательным являлся и большой платок, закрывавший голову и плечи. Девушки или просто накидывали его на голову, сложив углом, или завязывали различными способами, общими для всех народов Северного Кавказа.

В целом женская одежда народов Северного Кавказа имела много общих составных элементов, однако при общей основе женского костюма выявляются и его различия, как этнического, так и половозрастного порядка (костюм девушки, костюм замужней женщины). Именно эти различия, проявляющиеся главным образом в плечевой одежде, надеваемой поверх рубахи, т. е. в кафтанчике, платье разного покроя, в дополнительных деталях — нагрудниках, поясных и нарукавных подвесках, а более всего в головных уборах, и позволяют наметить основные комплексы девичьей и женской одежды.

Рассмотрим комплексы девичьей одежды в их наиболее сложном варианте — праздничном. Праздничная одежда отличалась качеством материала (предпочтительный цвет ткани у большинства народов был темно-красный) — бархат, плотный или легкий шелк, обильными украшениями — галуны, басонные изделия, шитье золотом и серебром, а также включала в себя серебряные застежки и пояса.

Первый комплекс девичьей одежды, который можно назвать карачаево-балкарским (см. цветные иллюстрации), состоял из шелковой рубахи с длинными, широкими внизу рукавами, штанов с большим ромбовидным клином, кафтанчика, украшенного золотым шитьем и серебряными нагрудными застежками. Позднее кафтанчик иногда шили без рукавов, и хотя он превращался в безрукавку, его воспринимали и называли так же, как и цельный кафтанчик. Поверх кафтанчика надевали распашное платье покроя черкески. К концу XIX в. низ такого платья уже делали и отрезным. При этом передок был гладким, а на боках и сзади юбка присборена или заложена складками.

В изменении покроя платья можно видеть влияние городской одежды. Платье застегивалось только у талии, а грудь оставалась открытой, позволяя видеть застежки на кафтанчике. Покрой и длина рукавов имели ряд вариантов. Платье украшалось золотым шитьем и галунами. В особо торжественных случаях надевали богато вышитые нарукавные подвески в виде лопастей. Невысокая цилиндрическая шапочка с плоским дном была вышита золотом или серебром. Из середины дна шапочки спускалась длинная кисть. Поверх шапочки надевали шелковый платок, повязанный разными способами. К такому костюму полагался пояс с серебряной пряжкой или же целиком серебряный. Подобный костюм изображен на цветной иллюстрации, он принадлежал карачаевской княжне Крымшамхаловой и, конечно, был доступен немногим. Но все его состав-

ные части (кроме нарукавных подвесок) входили в праздничную одежду карачаевки или балкарки разных сословий и даже в повседневный костюм. Последний шили из дешевых тканей, без украшений, но таким же по составу и покрою.

Второй комплекс — адыгский — бытовал у кабардинцев, черкесов, адыгейцев, распространился у абазин, кубанских ногайцев. Он оказал сильное влияние на формирование костюма высших сословий других соседних народов. Адыгский комплекс имел два варианта (см. цветные иллюстрации). Первый вариант данного комплекса по составу совпадал с первым комплексом, но различался в некоторых деталях. Так, в праздничном платье кабардинок преобладали короткие рукава с подвешенными под ними нарукавными лопастями. Из-под них были видны узкие вышитые рукава кафтанчика. Покрой рукавов платья адыгеек очень разнообразен, нарукавные подвески встречались реже. Наиболее характерным головным убором (особенно у кабардинок) была высокая обтянутая галуном цилиндрическая шапочка с конусообразным или округлым верхом. Такая шапочка считалась наиболее «национальной», была предпочтительным головным убором в свадебной одежде. Наряду с ней у адыгских народов бытовали шапочки меньшей высоты с плоским дном, но их носили только до свадьбы, а связанная с ними терминология указывает на заимствование этих форм у других народов. В свою очередь девушки высших сословий Карачая и Балкарии заимствовали высокую адыгскую шапочку.

Можно отметить некоторое различие в покрое платья. У адыгейских девушек встречались платья, не имевшие застежек у талии, спереди от плеча до подола пришивали клин. Подобные платья носили нараспашку поверх кафтанчика, на который иногда надевали пояс.

Второй вариант адыгского комплекса, бытовавший у некоторой части адыгейцев, отличался по своему составу. Верхнее платье саи было необязательным, верхней одеждой мог служить и кафтанчик, надетый поверх рубахи. И праздничный костюм мог состоять из шелковой рубахи и надетого поверх нее вышитого золотом нарядного кафтанчика из плотного шелка, бархата или фабричного сукна. При этом способе ношения кафтанчик украшался галуном и шитьем не только спереди, но и сзади. Девушки-адыгейки могли носить шапочки, не надевая поверх них платка, а просто накидывая его на плечи. Наряду с платками в конце XIX — начале XX в. в Адыгее получили широкое распространение тюлевые, газовые и кружевные шарфы.

Третий комплекс — осетинский (он иногда встречался и у ингушей). Поверх обязательных рубахи и штанов надевалось распашное платье, на грудь которого были нашиты серебряные застежки. Кафтанчик под платьем не носили, но на талии прикрепляли поверх рубахи поясные подвески, украшенные вышивкой и галунами, имитировавшие полочки кафтанчика. Под вырез платья надевали отдельный нагрудник с нашитыми на нем серебряными застежками традиционной формы.

При описании кафтанчиков и их рудиментов мы уже говорили о распадении кафтанчика в конце XIX в. и сохранении его рудиментов в виде

нагрудников и поясных подвесок. Эти детали бытовали у кабардинцев, карачаевцев и балкарцев, но наряду с кафтанчиком. У осетин же в конце XIX — начале XX в. кафтанчика уже не было, остались только его детали. Не исключено и другое: эти рудименты кафтанчика могли быть заимствованы от кабардинцев, поскольку у осетин застежки часто нашивались на платье, как и у соседних с ними чеченцев. Специфический для осетин покрой рукавов платья — вшивание в одну пройму длинного узкого рукава и другого, разрезного от самого плеча,— видимо, связан с отсутствием кафтанчика. Осетинские шапочки делались в виде усеченного конуса с плоским донышком и украшались вышивкой. Их надевали на свадьбу. Подобные шапочки бытовали и в восточной части Кабарды, где их называли *дыгъор пыIэ*, т. е. дигорская шапка. В обычное время женщины ограничивались только большим платком.

Четвертый комплекс — вайнахский, он был наиболее простым по составу.

Сочетание платья-рубахи, штанов и большого платка на голове считалось достаточным как для повседневного, так и для праздничного костюма. Последний отличался лишь качеством тканей и наличием украшений. В особо торжественных случаях поверх платья-рубахи надевалось верхнее платье распашного покроя, иногда с разрезными рукавами. На этом платье от ворота до талии могли быть нашиты серебряные застежки, однако только нижние 4—5 пар застегивались, а выше из-под платья была видна рубаха, нашейные серебряные украшения. В конце XIX и особенно в начале XX в. под такое платье с нашитыми застежками иногда надевали еще нагрудник с подобными же застежками, которые имели чисто декоративное значение. Шапочек чеченские девушки не носили. У ингушей в свадебном наряде встречались шапочки осетинского типа.

Как видно из вышеизложенного, выделенные нами четыре девичьих комплекса, соответствующие отдельным этносам или группам родственных этносов, отнюдь не развивались изолированно друг от друга. Наоборот, для них характерны взаимовлияние и взаимопроникновение, создающие общий облик в женской одежде, хотя и не до такой степени, как в мужской.

Такие же общие черты (в покрое, составе и форме отдельных элементов) характерны и для одежды замужних женщин. Возникает вопрос: можно ли при таких общих чертах проследить специфику выделенных нами четырех комплексов одежды замужних женщин?

Первый комплекс одежды замужних женщин — карачаево-балкарский. Он включал прежде всего головной убор, состоящий из двух платков разной величины. Нижний, меньший, надевался так, чтобы волосы не были видны, и завязывался особым узлом на темени. Обычно он был черного цвета. Распашное платье у женщин часто имело застежку от ворота до талии на мелкие металлические или нитяные пуговки. Под платье надевался кафтанчик без украшений. В холодное время года замужние женщины носили стеганые капталы, наплечную шаль, а пожилые — нагольную или крытую шубу из овчины.

Ареал этого комплекса одежды замужних женщин совпадал с границами первого девичьего комплекса и первого варианта второго девичьего комплекса (карачаевцы, балкарцы, кабардинцы, черкесы, частично адыгейцы).

Второй комплекс одежды замужних женщин совпадал по распространению со вторым вариантом второго, адыгского комплекса (девичья одежда адыгеек). Он включал описанный выше головной убор из двух платков, платье-рубаху и нижнюю рубаху из белой ткани, играющую роль белья. Иногда в холодное время года для тепла надевали два верхних платья. Бытовали и стеганые капталы.

Третий, осетинский комплекс одежды замужних женщин бытовал в пределах ареала девичьего осетинского комплекса. Головной убор обычно состоял из двух платков, при этом верхний часто не завязывали, а просто накидывали на голову, спуская концы спереди или на спину. Иногда поверх него на лоб повязывали третий платок, сложенный в виде полосы. Распашное платье повседневного употребления часто носили с передником на пояске. В начале XX в. молодые замужние женщины начали носить закрытые платья без разреза ниже пояса, с матерчатым нагрудником в вырезе. В холодное время года надевали наплечные шали, шубы, стеганые капталы.

Наконец, четвертый, вайнахский комплекс одежды замужних женщин более всего отличался от остальных комплексов головным убором. Они носили чухту, имевшую вид незашитого внизу мешка, в который вкладывали косы. Чухта укреплялась на голове завязками на темени и полностью закрывала волосы. Поверх чухты надевали большой платок. Платье-рубаху (иногда два), теплую шаль на плечи, шубу, реже стеганый каптал носили зимой.

Проведенное нами сопоставление выделенных комплексов одежды замужних женщин позволяет коротко наметить группы наиболее характерных черт каждого из них, таких, как: в карачаево-балкарском комплексе — головной убор из двух платков и распашное платье с застежкой до талии; в адыгском — головной убор из двух платков и платье-рубаха в сочетании с нижней рубахой; в осетинском — головной убор из двух платков (верхний иногда не завязывался) и распашное платье (часто с передником); в вайнахском — особый головной убор чухта и платье-рубаха.

Комплексы одежды замужних женщин при сравнительном анализе обнаруживают и много общих моментов. Так, одежда женщин, особенно пожилых, шилась из тканей темных цветов, часто черного. На рубаху употребляли материал с мелким неброским рисунком. Скромной расцветкой отличались и головные платки, особенно у пожилых. При этом надо напомнить, что понятие «пожилая женщина» могло относиться и к женщине лет сорока. Их одежда не украшалась галунами и вышивкой. Серебряные пояса молодых замужних женщин, надевавшиеся в торжественных случаях, у пожилых заменялись кушаками из полосы ткани, полотенца или платка.

Общие черты женской одежды народов Северного Кавказа (в особен-

ности первых трех комплексов) в конце XIX — начале XX в. еще более усилились за счет возросшего влияния городской моды. Последнее выразилось в постепенноїї замене распашного платья закрытым, в широком распространении выкроїїной проїїмы, иногда в сочетании с модными рукавами, с буфами на плечах, с высоким обшлагом и т. п. Нагрудники с застежками часто заменяются нагрудниками, сшитыми из ткани. Иногда последние украшаются вышивкой, складками и даже кружевами и рюшками.

Влияние городской одежды сказывается и в повседневном, и в праздничном костюме, но в наиболее торжественных случаях и особенно на свадьбу девушки надевали традиционную одежду.

Наиболее устоїїчивым перед внешним влиянием оказался четвертый комплекс — вайнахский. Влияние городскоїї одежды здесь сказалось лишь в частичных изменениях традиционного платья-рубахи: распространяются выкройные проймы, рукава у кисти собирают на манжет или резинку. В 1910-х годах появляется кокетка. Состав костюма и общий свободный силуэт одежды чеченских женщин остается прежним.

Цветовая гамма и силуэт мужского и женского костюма

Одним из определяющих моментов в характеристике одежды является ее цветовая гамма в целом, а также предпочтительный цвет того или иного предмета. Иногда это было настолько характерно, что входило даже в этноним: например, каракалпаки, карапапахи (за черный цвет головного убора). Чаще всего такие этнонимы появляются у соседеї этих народов, которым в глаза бросался какоїї-то особенно приметныїї и стоїїкиїї признак в одежде.

Цветовая гамма традиционного костюма зависит в первую очередь от возможностеї получения материалов для одежды в своем хозяйстве или извне, но вместе с тем, так же как силуэт, она выражает и вкус того или иного народа. Сопоставим, например, одежду узбеков и таджиков с туркменскоїї. По сравнению с яркостью и цветовым разнообразием (даже пестротоїї) их одежды туркменская мужская и женская одежда, в котороїї преобладает глубокиїї темно-красныїї цвет, кажется вообще монохромноїї, хотя это и не так. Предпочтение темно-красного цвета не случайно и выражает национальныїї вкус. Достаточно вспомнить, что основноїї цвет туркменских ковров тоже темно-красныїї.

Попробуем выявить цветовую гамму в одежде народов Северного Кавказа. Наибольшиїї материал для суждениї мы имеем на конец XIX в. Дело не только в том, что для этого периода имеется больше вещевых образцов одежды, но именно в это время, когда получение фабричных тканеї стало доступным довольно широким слоям населения, можно выяснить и национальные вкусы. Наличие определенноїї «избиратель-ности», предпочтения того или иного цвета или рисунка ткани при возможности выбора всегда является показателем устоїїчивых и давних традициїї народа.

Мужская одежда этого периода характеризуется общей сдержанностью и строгостью расцветки с преобладанием темных цветов, иногда сочетающихся с белым. Почти все ткани одноцветны и не имеют рисунка. Но можно проследить излюбленные цвета и их сочетания в костюме разных народов.

Основной тон костюму задавала черкеска, которую шили из домотканого сукна натуральных цветов или окрашенного домашними средствами (овцы местных пород давали преимущественно черную и бурую шерсть, белая шерсть имелась в небольшом количестве, серый цвет получался из смешения черной и белой шерсти). Чисто белые черкески, черкески светло-коричневых (беж) тонов были редки, считались праздничными и встречались у представителей социальной верхушки, главным образом у адыгских народов и у плоскостных осетин. В массе же кабардинцы, адыгейцы. черкесы носили черные, серые, коричневые и реже бурые черкески. У карачаевцев преобладали черные черкески, но многие из них носили и черкески коричневых тонов. У балкарцев, осетин-горцев, отчасти чеченцев для черкесок был характерен более всего коричнево-бурый цвет. У осетин изредка встречались черкески красноватого тона. Представители зажиточных слоев населения Осетии и Чечено-Ингушетии носили праздничные черкески из тонкого фабричного сукна черного, а в отдельных случаях темно-красного цвета.

Большую роль в создании цветовой гаммы костюма играли ноговицы. Их делали чаще всего из домотканого сукна, черного, коричневого, бурого, серого, или из черного сафьяна. Добавьте к сказанному черные бурки, черные, реже коричневые барашковые папахи, тех же цветов войлочные шляпы, серо-белую нагольную овчинную шубу, черную, коричневую или серо-белую (сыромятную) обувь — скромность и известная мрачность общего колорита мужской одежды народов Северного Кавказа станет ясной.

Особо следует остановиться на расцветке такой части мужского костюма, как бешмет, в связи со спецификой его назначения. Бешметы, служившие повседневной домашней или рабочей одеждой, шили из тканей темных цветов — черной, коричневой, темно-серой. Это могла быть шерстяная домотканая или фабричная материя типа «чертовой кожи», сатин, ситец. Как видим, в этом варианте употребления бешмет не выпадал из общей цветовой гаммы мужской одежды.

Но в других случаях, когда бешмет надевали под черкеску, допускались другие цвета. Такой бешмет шили из покупных тканей, в том числе тонкой шерстяной материи, а также плотного шелка, чесучи, восточных полосатых тканей. Встречались бешметы оранжевого, светло-синего, зеленого, коричневого цветов, иногда с неброским мелким рисунком (клеточка, полоска). В вырезе черкески были видны грудь бешмета, его высокий воротник, а при ходьбе — низ полы. При общей строгости костюма бешмет ярких цветов несомненно служил оживляющим моментом. Но более «благородными» считались все же бешметы белого и черного цвета.

Местные вкусы требовали определенных соотношений цветов черкески и бешмета. Считалось, что к черной черкеске особенно подходит беш-

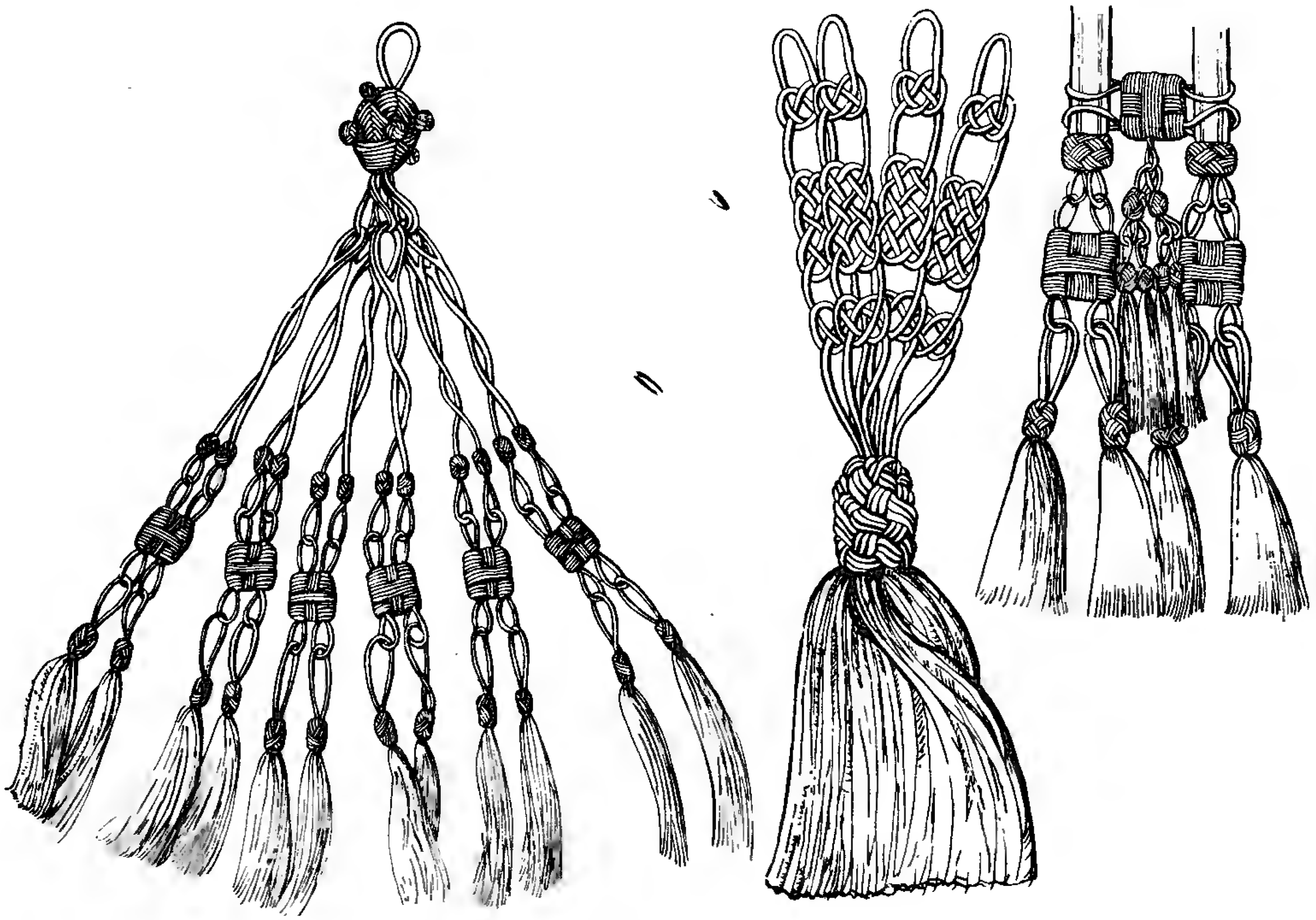


Рис. 41. Басонные изделия. Кисти-подвески на башлыке. Кабардинцы

мет белый или светлых тонов и наоборот: к светлой черкеске — темный бешмет. Особенно строго соблюдалось это у адыгских народов и осетин в праздичной одежде. Но не исключалось и сочетание черной черкески (чаще с белыми или серебряными газырями) с черным же бешметом.

Оживляющим пятном в костюме мог быть и башлык. Обычные дорожные башлыки шили из домотканого сукна черного и коричневого цветов. Но нарядный праздничный башлык, украшенный галунами, басонными кисточками, а иногда и вышивкой, делали из тонкого белого местного сукна, из золотистых верблюжьих сукон или фабричного сукна иногда довольно ярких тонов — красного, малинового, оранжевого, синего. Такие яркие башлыки надевала молодежь в торжественных случаях (рис. 41).

Ограниченность материалов, относящихся к XVIII — первой половине XIX в., затрудняет выяснение вопроса о том, насколько данная цветовая гамма традиционна или она характерна лишь для конца XIX в. Видимо, в более ранний период мужская одежда была более красочной, во всяком случае у местной знати. Наряду с описанием и изображением черкесок из черной, коричневой и серой ткани домашнего изготовления в источниках встречаются упоминания о красной, желтой, оранжевой, голубой верхней одежде, сшитой из тонких привозных сукон. Рубахи

были белые или красные, бешметы белые или цветные. Довольно часто упоминаются белые холщовые или суконные штаны, а также синие, красные, голубые. Суконные ноговицы часто делали двухцветных контрастных сочетаний: красные с черным, желтые с черным и т. п. Расцветка обуви была обусловлена социальными различиями. Как отмечено в ряде источников, обувь из красного сафьяна была признаком княжеского происхождения, желтая — дворянского. Крестьяне делали обычную обувь из сыромятной кожи, иногда шерстью вверх, а праздничную — из черной кожи, иногда шагрени или сафьяна. Кстати, большинство черкесов на рисунках XVIII в. изображены в красной обуви, т. е. это лица княжеского происхождения. И во второй половине XIX в. красную обувь надевала местная знать.

Головные уборы адыгские феодалы также часто делали из ткани красного, оранжевого, реже других цветов.

Наиболее стойко соблюдалась традиция в расцветке обуви, менее всего — в цвете штанов. Представить себе адыга конца XIX в. в белых штанах невозможно. И в более раннее время белые штаны носили главным образом западные адыги, которые были связаны с Турцией, где они покупали белые ткани, а ранее делали их и сами.

Расцветка одежды адыгских крестьян XVIII в., которую шили в основном из домотканины, видимо, была ближе всего к цветовой гамме одежды конца XIX в., не только более доступной, но и более практичной. Этот мотив звучал и в рассказах стариков — наших информаторов: «Белую бурку или черкеску мог иметь только тот, у кого про запас были несколько черных или бурых».

Как известно, сведения об одежде осетин и в особенности ингушей и чеченцев первой половины XIX в. беднее аналогичных данных по адыгам. Что же касается многих предметов одежды, находимых в склепах, то они не сохранили своей первоначальной расцветки. Материалы из склепов по осетинам указывают на значительную роль белой ткани (холста) в сочетании с цветными, а иногда рисунчатыми тканями. Белыми были рубахи, штаны, бешметы, иногда «халаты». Но часто последние делали из дорогих цветных или пестрых тканей. Примерно та же картина наблюдается по материалам ингушских склепов. Если верхней одеждой была черкеска, то ее шили из сукна коричневого, бурого. рыжего цветов. Стеганые шапки часто были белыми. Возможно, что белый цвет был особенностью погребальной одежды, символом чистоты. Жрецы местных святилищ во время служения носили белую одежду. Обувь красного цвета встречалась в этот период у осетин и ингушей, но служила ли она здесь признаком высокого происхождения — неясно.

Для женской одежды народов Северного Кавказа также характерно преобладание одноцветных тканей. Слово «пестрый» — *ала*, *къолан* (карачаевцы), *къулэн* (кабардинцы) — в применении к одежде служило синонимом безвкусицы.

В конце XIX — начале XX в. использовали и считали красивыми ткани жаккардные, но только в тех случаях, когда рисунок отличался от фона не цветом, а фактурой. Иногда шили одежду из тяжелого шелка

жаккардного тканья в два — три оттенка, но не контрастных цветов. В бумажных тканях предпочитался мелкий неяркий рисунок (полоски, мелкий горошек, клетка, цветочки). Такие ткани употребляли на рубахи, повседневные платья. Традиция выбора одноцветных тканей, даже на праздничные платья, сохранилась до 40-х годов XX в.

Особой строгостью в расцветке одежды отличались кабардинцы и другие адыгские народы.

В женской одежде предпочитался красный цвет, в основном его темные тона. Темно-красный, бордо, вишневый бархат или шелк использовали для платьев, кафтанчиков, нагрудников, нарукавных подвесок, шапочек. Из темно-красного, часто переливчатого (сен жан) шелка, а также сатина, кумача, окрашенного холста шили рубахи и штаны. Из красного сафьяна делали праздничную обувь, иногда девичьи кожаные корсеты. Как известно, красный цвет у многих народов играл особую роль как цвет жизни, плодородия, солнца и т. п. Иногда он широко использовался в вышивке, нашивках, украшавших женский костюм, особенно это характерно для народов Поволжья. славян.

Может быть, именно представление об особом значении и «силе» красного цвета было причиной того, что еще в средневековый период он у адыгских народов стал привилегией местных феодалов. Девушки из семей феодалов носили шапочки красного цвета, а все остальные — любого другого (Бларамберг, 1830—1840 гг.). В Кабарде XIX в. красное платье разрешалось носить только женщинам «благородного» (князья и дворяне) происхождения. Интересно, что, видимо, тяготясь однообразием, женщины некоторых княжеских семей расширили свои «права». При этом женщинам зависимых сословий запрещалось носить платья того цвета, какой был у их владелицы — княгини. В последней трети XIX в. красный цвет в одежде кабардинцев, а также карачаевцев и балкарцев, приобретает распространение у всех слоев общества, но по-прежнему в праздничной одежде.

Другим весьма распространенным цветом женской одежды независимо от возраста и социального происхождения был черный. Из черного шелка, тонкого фабричного сукна, иногда бархата, а также атласа, ластика, сатина шили платья, теплые стеганые капталы, кафтанчики, черными тканями покрывали овчинные шубы, делали шапочки, нарукавные подвески. Охотно носили и черные шали. Черными были платочки, закрывавшие головы замужних женщин.

Праздничную одежду и шапочки украшали серебряными и золотыми галунами и таким же шитьем, выделявшимися на глубоком красном или черном фоне. Это сочетание было очень красивым и строгим и свидетельствовало о хорошем вкусе. Изредка встречались в верхней одежде (платьях) цвета темно-синий, блекло-зеленый, табачный.

Ярко-красные, оранжевые, малиновые ткани, так же как шелка светлых цветов, для платьев почти не употребляли, но их выбирали на праздничные рубахи. Для праздничных штанов предпочитали покупать красный шелк разнообразных оттенков, для повседневных — темные ткани. Позднее, когда рубахи приблизились по своей функции к белью,

а распашные платья начали вытесняться закрытыми, рубахи и штаны стали шить из тканей светлых, часто белых, гладких или с мелким рисунком.

Еще одной особенностью, отличавшей вкус адыгских женщин, в частности кабардинок, было определенное сочетание цветов, цветовая гамма в целом. В костюме должны были выдерживаться либо теплые (предпочтительно), либо холодные тона. Черный и белый считались нейтральными и допустимыми в сочетании с любыми другими цветами.

При темно-красном платье рубаха могла быть темно-красной, вишневой, оранжевой, палевой, розовой, белой, но не зеленой, синей или голубой. Синее платье сочеталось с синей (другого оттенка), голубой, белой рубахой, хотя допускалась и бледно-желтая или бледно-розовая. Сочетание синего с красным, красного с зеленым считалось безвкусным и встречалось крайне редко, при этом оба цвета должны были быть приглушенных неярких тонов. Светлое платье носили девушки довольно редко и в основном уже в начале XX в.

Согласование цветов отдельных предметов одежды иногда обусловливалось историей их развития. Так, женские кафтанчики чаще всего делали черного или темно-красного цвета. Сохранение этих же цветов характерно и для их рудиментов — нагрудников, поясных подвесок и нарукавников, имитировавших кафтанчик в более позднее время. Одинаковыми по цвету и отделке были отдельно надеваемые рукава и юбка, имитировавшие праздничную рубаху. Иное положение с нарукавными подвесками, являвшимися рудиментами цельных рукавов с лопастями. Они были, за редкими исключениями, черного или темно-красного цвета, но надевались к любому праздничному платью. Может быть, это объясняется тем, что они «оторвались» от платья давно, еще в середине XIX в., и их принадлежность к рукаву платья была забыта.

Приведенный материал по адыгским народам, прежде всего по кабардинцам, интересно сопоставить с более ранними сведениями XVIII — первой половины XIX в. Согласно имеющимся у нас для этого периода данным, наиболее устойчивой является традиция красного цвета для обуви, шапочек и кафтанчиков женщин высших сословий. Что же касается платьев, то в этот период они, как и рубахи, были по расцветке более разнообразны (зеленые, черные, желтые, коричневые, голубые, синие, белые и т. п.). Возможно, конечно, что авторы иллюстраций допускали вольности в раскраске. Но чем тогда объяснить выдержанность красного цвета для шапочек и обуви? Видимо, праздничную одежду шили из привозных тканей довольно широкого выбора. Одежда простых женщин, делавшаяся из домотканого сукна, хлопчатобумажных тканей и холста, была и темнее и скромнее.

Балкарцы и особенно карачаевцы в конце XIX в. также предпочитали красные и черные цвета, но в их одежде можно было встретить и более яркие ткани. Стеганые капталы для молодых замужних женщин иногда покрывали ярко-красной, голубой, зеленой тканью, а также полосатым и клетчатым шелком, хотя чаще встречались черные капталы, пригодные для всех возрастов. Черный цвет преобладал в кафтанчиках. Празднич-

ные платья шили не только из красной ткани, но и зеленой, табачной, ярко-синей, темно-голубой, а иногда из шелка с цветами или в полоску и клетку.

В праздничной одежде девушек, особенно в Балкарии, встречались светлые (белые, розовые) платья, в чем, возможно, сказалось влияние соседней Осетии.

Пестрые ткани, преимущественно красных оттенков, в Карачае и Балкарии допускались для женских штанов. Менее строги были к сочетаниям цветов в одном костюме.

В женской одежде осетин по материалам конца XIX — начала XX в. отдавалось предпочтение одноцветным без рисунка тканям: у молодых — светлым (белый, розовый, голубой, салатный, желтый, реже красный цвет), у более старших — темный (черный, синий, коричневый, темно-зеленый и т. п.). Черные и вообще темные платья носили и молодые, но главным образом в качестве повседневной одежды. Особого предпочтения темно-красного цвета, столь характерного для адыгских народов и карачаевцев, у осетин не отмечается. Можно сказать, что при темных платьях носили обычно светлые рубахи, а при светлых платьях — темные. У адыгских же народов рубаха, как правило, была светлее платья.

У ингушских и чеченских девушек в праздничной одежде были приняты светлые и яркие тона. Платья-рубахи, особенно в начале XX в., делали и из пестрых тканей. Таким образом, цветовая гамма женской одежды от Западного Кавказа к Восточному изменялась в сторону посветления и меньшей цветовой строгости и сдержанности.

Материалы XVIII — первой половины XIX в. отмечали для женской одежды осетин, чеченцев и ингушей как характерные красный и синий цвета, часто в сочетании. При синей рубахе-платье могли носить красные штаны и наоборот. В красную рубаху со спины вшивали кусок синей ткани и т. п. Сочетание такого рода, как мы знаем, для адыгских народов считалось невозможным. Наряду с этим источники упоминают белую верхнюю одежду («бешмет», «архалук») для девушек и черную для пожилых женщин.

Расцветка девичьих и женских головных уборов в большей степени сохраняла традиции. Преобладающим цветом девичьих шапочек везде, где их носили, был темно-красный. Изредка встречался черный (у адыгских народов). Другие цвета на шапочках появлялись в исключительных случаях и лишь тогда, когда ансамбль костюма в целом задумывался не в традиционных тонах.

Столь же устойчив был черный цвет для платка (или чухты), закрывавшего волосы женщины после рождения ребенка. Иногда на таком платке допускалась узкая цветная каемка. Предпочтительным цветом девичьей шали или платка у всех народов был белый. Белым, особенно в XVIII—XIX вв., было покрывало адыгских замужних женщин знатного происхождения.

Платки и шали в основном покупали готовыми, и расцветка их зависела не только от спроса, но и от предложения, а также текущей моды. Они бывали различными и по расцветке и по рисунку. Однако и здесь

выявлялись особенности вкуса народа. Более яркие расцветки платков можно было встретить в Карачае, Балкарии и в особенности в Чечне. Платок часто являлся самым ярким пятном в костюме.

Итак, если на Северо-Западном Кавказе цветовая гамма женской одежды изменялась во времени от более яркой к более строгой, менее полихромной, то на Центральном и Северо-Восточном Кавказе наблюдалась обратная картина. К концу XIX в. возросло разнообразие расцветки, увеличился удельный вес светлых цветов в праздничной одежде, стали носить и пестрые ткани. Возможно, что в этом сказалось влияние таких городов, как Владикавказ и Грозный с их многонациональным, но в основном русским населением, а также торговые связи с Закавказьем.

Как видно из вышеизложенного, цветовая гамма в национальной одежде является одним из важных признаков и даже при сходстве покроя и состава одежды позволяет выявить этническое своеобразие. Именно это побудило нас посвятить данной теме специальный раздел работы.

Нам представляется весьма интересным, кроме цветовой гаммы, остановиться на силуэте костюма в целом, что также характеризует вкусы народа и его представления о красоте человека. Термин «силуэт» применяется современными модельерами для наиболее лаконичной и выразительной характеристики стиля костюма в целом. Нам кажется весьма полезным введение его и в этнографические работы по одежде.

Одежда женщин Северо-Западного и Центрального Кавказа характеризуется прилегающим силуэтом одежды с затянутой талией и плавно расширяющейся книзу. Платье-рубаха женщин восточных районов дает более свободный силуэт прямого или трапециевидного характера. Это подчеркивается и характером ткани платья, более легкой, чем на западе.

Мужская одежда чеченцев и ингушей при том же составе и покрое, что и у других народов Северного Кавказа, отличается большей свободой в манере ношения, что также определяет силуэт.

Черкеску и шубу часто носили нараспашку даже нестарые люди, это правда, не касалось праздничного костюма молодых мужчин.

Изменение в силуэте, так же как и в цветовой гамме, идет по направлению с запада на восток. Более многоцветная и яркая одежда чеченок имела и более свободный силуэт, что сближает ее с одеждой соседних народов Дагестана. Вайнахо-дагестанская общность в одежде и украшениях имеет давнюю традицию, на что указывают и археологические данные.

[1] Коста Хетагуров писал о том, что у беднейших горцев-осетин часто не было рубахи и бешмета. См.: *Хетагуров К.* Собр. соч. в пяти томах. М., 1960. Т. 4. С. 327; *Магометов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. С. 277.

[2] *Сержпутовский А. К.* Поездка в нагорный Дагестан // Живая старина. 1917. XXV. Вып. 4. С. 285.

[3] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 183. Здесь приведено упоминание слова «бешмет» в русских документах 1654 и 1671 гг. Бешмет упоминается и в книге: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 85; Слово *бешмет* часто употребляется М. Ю. Лермонтовым в его произведениях, посвященных кавказским горцам.

[4] Толковый словарь русского языка. М., 1934, Т. 1. С. 138. Здесь бешмет (тат. bismet) – стеганый полукафтан. См. также: Словарь русского языка. М., 1957. Т. 1 С. 102.
[5] Карачаевское слово *къаб* употребляется в смысле «тугая покрышка, обтяжка чего-либо» (применительно к одежде).
[6] См.: *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 609.
[7] Система застежки встык на шнурковые пуговицы и петли характерна также для черкесок и иногда для женских платьев. Подобный способ застегивания встречается и в материалах по одежде позднего средневековья. Аналогии вне Кавказа нам неизвестны.
[8] *В. Н. Л.* [*А. Г. Ардасенов*]. Переходное состояние горцев Северного Кавказа // Новое обозрение. Тифлис, 1896, № 4258.
[9] *Калоев Б. А.* Осетины. С. 150.
[10] *Магометов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. С. 272.
[11] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. С. 307–310.
[12] *Малявкин Г.* Станица Червленая Кизлярского отдела Терской области // ЭО. 1891. № 1. С. 117; *Бутов А.* Станица Бороздинская // СМОМПК. 1889. Вып. 7. С. 11–13; *Кулебякин П.* Гребенцы // Терцы. Владикавказ, 1888. С. 17.
[13] *Калоев Б. А.* Осетины. С. 152.
[14] *Магометов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. С. 275.
[15] *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. 2. С. 289.
[16] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 101.
[17] Адыги, балкарцы и карачаевцы. С. 48.
[18] *Марграф О. В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 24–28; *Мамбетов Г. Х.* Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 1962. С. 13–17.
[19] ГМЭ. № 5683-20. Карачаевцы.
[20] Карачаевцы. Черкесск, 1978. С. 164.
[21] *Аджинджал И. А.* Из этнографии Абхазии. С. 363.
[22] Турецко-русский словарь. М., 1931. С. 333.
[23] *Захаров И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда (XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1964. С. 55–56.
[24] ГМЭ. № 7381-66. В состав пастушеской одежды в Хорезме входил также хорошо приспособленный для условий работы валяный из овечьей шерсти плащ в виде халата с рукавами (япанджа). См.: *Задыхина К. Л., Сазонова М. В.* Мужская одежда узбеков Хорезма конца XIX – начала XX в.// Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 159.
[25] *Познанский Б.* Одежда малороссов // Труды XII Археол. съезда. М., 1905. Т. 3. С. 207.
[26] *Савваитов Б.* Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора. С. 54–55.
[27] В работах об адыгейской одежде М. З. Азаматова словом *щIыбэ* называет овчинную шубу прямого покроя. По нашим записям и словарю (Русско-адыгейский словарь. М., 1960. С. 1033) слово *шуба* переводится как *джэдыгу*.
[28] *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана XIX – начало XX в. М., 1981. С. 59; ГМЭ. № 5600-1. Цахуры.
[29] Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967). М., 1968. С. 165; *Коджесау Э.* Одежда у адыгов XIX–XX в. С. 368.
[30] У осетин существовал обычай готовить полный национальный костюм (что было доступно не каждой семье) мальчику лет 3–5, когда его впервые приводили в святилище.
[31] В практику русского языка слово *черкеска* вошло поздно. Оно отсутствует у А. С. Пушкина; у М. Ю. Лермонтова черкеска упоминается только один раз в стихотворении «Валерик». Оба поэта употребляли для этой одежды тюркское слово *чекмень*. «На нем чекмень, простой бешмет». (М. Ю. Лермонтов. Измаил-бей). Слово *черкеска* отсутствует в словаре В. Даля, хотя в основном он отражает со-

став живого русского языка середины XIX в. Слово *чекмень* получило широкое распространение в значении «кафтан» у казаков, русских крестьян (В. Даль. Т. IV. С. 587) и как «верхняя мужская одежда кавказских народов» (Толковый словарь русского языка. М., 1961. Т. IV. С. 1246). Слово *чекмень* вошло в русский язык (как и бешмет) из татарского языка. См.: Русско-татарский словарь. Казань, 1938. С. 216. Здесь слово *чекмень* (cikmen) переводится как «кафтан».

[32] В. В. Радлов приводит слово *чäпкäн*, однозначное с чäкман, распространенное у ряда тюркских народов, в значении «суконный кафтан», а также «сукно, шерстяная материя». См.: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. Т. 3. С. 1995.

[33] В. И. Абаев, приводя осетинский термин cugga // coga – «черкеска», поясняет его как «персидско-тюркское слово, получившее общекавказское распространение»: перс. *čuxa* – шерстяная верхняя одежда; тюркское слово *cuga, coxo* – сукно, одежда из сукна. См.: *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. С. 316.

[34] Это суждение подтверждается терминологией женского платья. Грузинское название женского платья *каба* в Осетии почти изгнало местное название *сыф*. В Чечне ту же картину можно наблюдать до сих пор. Термин *глабали* (от каба?) «борется» с местным *полшу*.

[35] Б. А. Калоев называет этот тип одежды «бечераховка», считая, что она появилась в начале первой мировой войны как заимствование введенной тогда новой формы терских и кубанских войск (См.: *Калоев Б. А.* Осетины. С. 151). Однако полевые материалы и фотографии позволяют думать, что она существовала ранее в качестве рабочей одежды (ГМЭ. № 212-7. Фотография конца XIX в.). Изображения этой одежды см.: *Калоев Б. А.* Материальная культура и прикладное искусство осетин. Табл. 63. Рис. 2; 66, 2.

[36] Народное творчество адыго-кабардино-черкесов. С. 49; *Калоев Б. А.* Материальная культура... Табл. 79 и 80.

[37] Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // ТС. 1903. № 6. С. 277.

[38] [*Азаматова М. З.*] Адыгейский народный орнамент. Л. 35–36.

[39] В наземных склепах Даргавса встречались ноговицы, скомбинированные из холста и кожи. См.: *Мамукаев Т. Б.* К этнографии и антропологии «города мертвых» Рис. 4, 1.

[40] *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда... С. 41.

[41] Таджикско-русский словарь. М., 1954. С. 225.

[42] *Абаев В. И.* Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка // Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 171.

[43] Термин *гончарык* употреблялся для обуви из сыромятной кожи такого же покроя и у кумыков. См.: *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961. С. 227–228.

[44] У адыгов есть загадка: «Что не мычит, а ест сено? Чарык». См.: СМОМПК. 1899. Вып. 26. С. 59.

[45] *Миллер А. А.* Отчет о Северо-Кавказской экспедиции 1930 г. // ГМЭ. Секция рукописей. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142.

[46] *Ионе Г. И.* Глиняные сосуды-сапожки из Мингечаура // Материальная культура Азербайджана. Баку, 1953. Вып. 3.

[47] Эту же траву для утепления запихивали за пазуху пастухи, не имевшие овчинной шубы. Такую «шубу» карачаевцы и балкарцы называли *салам тон* – «соломенная шуба».

[48] *Соколов А. Е.* Путешествие мое в Имеретию с линии Кавказской // Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1873. Кн. 4. С. 10.

[49] *Мамукаев Т. Б.* К этнографии. Рис. 4, *1*.

[50] Об обуви с плетеной подошвой у адыгов упоминает М. А. Меретуков: *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. XIX – 70-е годы XX в. // С. 56.

[51] Иногда этот шов смещали с задника на бок, на сторону, обращенную внутрь. Это предохраняло ногу от натирания, но усложняло изготовление. Такое смещение шва имеет на Кавказе древнюю традицию. См.: *Пиотровский Б. Б.* Искусство Урарту VIII–VI вв. до н. э. Л., 1962. Табл. XXIX.

[52] Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936. С. 269–270

[53] *Вертепов Г.* Ингуши // ТС. 1892. Кн. 2. С. 94; *Калоев Б. А.* Материальная культура... Табл. 67, *1*.
[54] *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. С. 228.
[55] Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 489.
[56] К. У. Тайсаев пишет, что в конце XIX – начале XX в. в качестве зимней обуви получили распространение русские валенки. Их носили как мужчины, так и женщины (последние реже), а со временем осетины стали делать их сами. См.: *Тайсаев К. У.* Изменения в традиционной одежде осетин в связи с развитием капитализма. С. 117. При этом автор делает ссылку на работу С. В. Кокиева «Заметки о быте осетин». С. 89. Однако С. В. Кокиев отмечает, что поверх суконной обуви, в которой зимой холодно, «надевают валенки или поршни». Кокиев не уточняет, какие именно валенки. Русские валенки на осетинскую суконную обувь надеть было бы весьма трудно. Возможно, у Тайсаева имеются другие источники или полевые данные. Нам в полевой работе на Северном Кавказе такие сведения не встречались.
[57] *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. С. 228.
[58] Адыгская загадка: «Хотя и важные, но князь их носит на ногах» (галоши). См.: СМОМПК, 1899. Вып. 26. С. 58.
[59] *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. С. 228.
[60] *Азаматова М. З.* Адыгейский народный орнамент. Рис. 30.
[61] Кабардинский фольклор. С. 367.
[62] Там же. С. 376.
[63] *Азаматова М. З.* Адыгейский народный орнамент. С. 2.
[64] Адыгские пословицы // СМОМПК. 1899. Вып. 26. С. 56.
[65] *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. С. 56; *Гарданов М. К.* Селение Христиановское в фактах жизни // ИСОНИИК. 1925. Вып. 6. С. 54; *В. Н. Л.* [*Арсасенов*]. Переходное состояние горцев...
[66] Сбить у кого-либо шапку считалось великим оскорблением, так же как у женщины обрезать рукава платья.
[67] *П. У.* Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. 1868. Вып. 1. С. 36–37.
[68] См.: *Кокиев С. В.* Заметки о быте осетин. С. 87; *Пфаф В. Б.* Этнологические исследования об осетинах. С. 136.
[69] *Лавров Л. И.* Кабардино-адыгейская культура XIII–XV вв. // СЭ, 1957. № 4. С. 15.
[70] Карабин – ружье облегченного типа с укороченным стволом.
[71] *Мисиков М. А.* Материалы для антропологии осетин. Одесса, 1916. С. 29.
[72] *Кокиев С. В.* Заметки о быте осетин. С. 87.
[73] *Малия Е. М.* Традиционные головные уборы абхазов // ИАИЯЛИ, Тбилиси, 1979. Т. VIII. С. 40 и далее. Рис. 2 и 3.
[74] Ношение чалмы поверх меховой шапки характерно для горцев Северного Кавказа.
[75] Башлык – тюркское слово (от *баш* – «голова»), в буквальном смысле значит «головной».
[76] ГМЭ. № 7538-1. Осетины.
[77] ГМЭ. № 4458-25/9. Кабардинцы.
[78] *Калоев Б. А.* Материальная культура... Табл. 61.
[79] *Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н.* Бытовая культура Грузии XIX–XX вв.: традиции и инновации. М., 1982. С. 64–66.
[80] Там же; *Малия Е. М., Акаба Л. Х.* Одежда и жилище абхазов (материалы для историко-этнографического атласа Грузии). Тбилиси, 1982. С. 22–23.
[81] *Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н.* Бытовая культура Грузии. С. 62.
[82] *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана. С. 59–61.
[83] *Чачашвили Г. А.* Народные истоки грузинского костюма середины XIX в. // Тбилиси, 1964. С. 56.
[84] *Торчинская Э. Г.* Мужская одежда азербайджанцев XIX – начала XX в. по собранию ГМЭ // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа XIX и XX вв. М., 1971. С. 143, 145, 146.
[85] *Лисициан С. Д.* Очерки этнографии дореволюционной Армении // КЭС. 1955. № 1. С. 222.
[86] *Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н.* Бытовая культура Грузии. С. 177.

[87] *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана. С. 42–46. Рис. 19–21.
[88] *Крупнов Е. И.* К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным // УЗКБНИИ. 1947. Т. 2. С. 126, 128.
[89] *Лавров Л. И.* Кабардино-адыгейская культура... С. 16.
[90] *Семенов И.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1893. С. 22; *Харузин Н.* По горам Северного Кавказа // С. 512.
[91] Платья-рубахи из шерстяной домотканины носили горянки Восточной Грузии (хевсурки, тушинки, пшавки), а также женщины горного Дагестана.
[92] *Грабовский Н. Ф.* Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // С. 11: *Шанаев Дж.* Свадьба у северных осетин. С. 22. В обоих случаях речь идет о праздничной или свадебной рубашке. В свадебный костюм большинства народов Северного Кавказа входила рубашка красного цвета.
[93] ГМЭ, № 1084-1, 6, 7. Карачаевцы.
[94] Часто покрой штанов определить трудно так как нехватка тканей приводила к тому, что их шили из остатков материи разной формы и цвета.
[95] *Кеч, чеча* в значении «короткий» – сведения от информаторов. В русско-адыгейском словаре слово «короткий» (а также «куцый») переведено как *кIако* (этим же словом называется современная куртка). См. также: *Даль В.* Толковый словарь.. Т. 2. С. 169.
[96] *Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А.* Адыги. С. 28—31; *Иваненков Н. С.* Карачаевцы // ИОЛИКО. 1912. Вып. 5. С. 74. Автор называет кафтанчик «вышитая серебром кофта с серебряными застежками».
[97] *Торнау.* Воспоминания кавказского офицера // РВ. 1864. № 12. С. 408.
[98] Наряду с этим в Адыгее в ряде случаев кафтанчик надевали и под распашную верхнюю одежду *сай*. Возможно, это локальные («племенные») особенности.
[99] ГМЭ. № 2006-89. Адыгейцы.
[100] *Андиев Б. Ф., Андиева Р. Ф.* Осетинский орнамент. С. 24. Авторы называют кафтанчик словом *бешмет*, в осетинском языке термин *куырæет* (бешмет) применялся и к женскому кафтанчику. *Кузнецова А. Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Табл. 35. Автор допустила ошибку, изобразив девушку в кафтанчике, надетом на рубаху (без платья), что не характерно для данных народов. На табл. 39 костюм с кафтанчиком, от которого видна только грудь и полы, правильный. На табл. 35 хорошо дана вышивка на кафтанчике.
[101] *Студенецкая Е. Н.* Украшение одежды у кабардинцев. С. 177.
[102] Осетинский орнамент. Джауджикау, 1948. Вступ. статья. С. 5–6, 9–16; *Берладина К. А.* Народная вышивка Северной Осетии // ИСОНИИ. 1960. Т. 22. № 4.
[103] *Студенецкая Е. Н.* К вопросу о национальной кабардинской одежде. С. 210–211.
[104] *Аджинджал И. А.* Из этнографии Абхазии. С. 370.
[105] Турецко-русский словарь. М., 1931. С. 190.
[106] *Аствацатурян Э. Г.* Дагестанские мастера серебряного и оружейного дела в городах Северного Кавказа и Закавказья в конце XIX – начале XX в. // СЭ. 1976. № 1. С. 119.
[107] Народное творчество адыго-кабардино-черкесов. Л. 45.
[108] Сходство покроя мужской черкески и женского верхнего платья («бешмета», «халата») отмечается многими авторами. См.: *Сысоев В. М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. С. 66; *Табулов.* Бытовые особенности горцев. Рукопись // Архив КЧНИИ. Ф. 28. Д. 5. Л. 2; *Ган К. Ф.* По долинам Чороха, Уруха и Ардона. С. 32.
[109] *Миллер А. А.* Исследования на Северном Кавказе // Этнографические экспедиции 1924 и 1926 г. Л., 1926. С. 41–42; Карачаевцы... С. 178–179; *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. С. 64–65; *Тайсаев К. У.* Изменения в традиционной одежде осетин... С. 113—115; *Азаматова М. З.* Адыгейский народный орнамент. Рис. 4.
[110] *Азаматова М. З.* Одежда адыгов XIX в. С. 172–173.
[111] *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. С. 234.
[112] Чечено-русский словарь. М., 1961. С. 344.
[113] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала. 1967. С. 223.
[114] *Студенецкая Е. Н.* Украшение одежды у кабардинцев. С. 168–182; *Кузнецова А. Я.*

Народное искусство карачаевцев и балкарцев. С. 118, 121–132; *Андиев Б. Ф., Андиева Р. Ф.* Осетинский орнамент. С. 23; *Азаматова М. З.* Адыгейский народный орнамент. С. 3–5, *Тайсаев К. У.* Изменения в традиционной одежде осетин... С. 108.

[115] *Студенецкая Е. Н.* К вопросу о национальной кабардинской одежде. С. 213 (таблица); *Кузнецова А. Я.* Народное искусство.... С. 111–112. Табл. 34.

[116] *Андиев Б. Ф., Андиева Р. Ф.* Осетинский орнамент. С. 24–25.

[117] А. И. Дроздовский пишет: «Они надевают на себя несколько длинных узких бешметов или халатов из разных материй и подпоясываются широким кожаным поясом с большими металлическими пряжками» (*Дроздовский А. И.* Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области // Медицинский сборник 1870. № 9. С. 23). Эти сведения подтверждаются данными информаторов и наблюдениями во время экспедиций 1930-х годов.

[118] *Миллер В. Ф.* Систематическое описание коллекций Дашковского музея. М., 1887. Вып. 2. С. 122; Карачаевцы... С. 130.

[119] Утверждение М. З. Азаматовой о том, что «адыгские женщины шили себе теплую зимнюю одежду из шерсти, овчины и пушпины, они шили полушубки до колен. душегрейки без рукавов», либо является ошибочным, либо эти данные относятся не к XIX, а к XX в. и отражают русское влияние. См.: *Азаматова М. З.* Одежда адыгов XIX в. С.173; *Коджесау Э. Г.* Одежда у адыгов в XIX–XX вв. С. 366, 369.

[120] *Кокиев С. В.* Заметки о быте осетин. С. 90–91 («ей разрешается шить по ее усмотрению одежду на вате»).

[121] *Студенецкая Е. Н.* Украшение одежды у кабардинцев. С. 187–192.

[122] Пряжки и пояса такого типа в большом количестве изготовлялись для посетителей курортов, горожан. И в настоящее время их предлагают музеям жители Ленинграда, Москвы и других русских городов.

[123] *Ларина В. Н.* Социально-экономическое развитие г. Владикавказа во второй половине XIX в. и его влияние на окружающее горское население // ИСОНИИ. 1958. Т. XXI. Вып. 1, С. 113; *Аствацатурян Э. Г.* История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX в. Ч. 2. Дагестан и Закавказье. М., 1977. С. 148–173: *Она же.* Дагестанские мастера... С. 111, 120–121.

[124] *Тепцов В.* По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. 1892. Вып. 14. С. 155; *Сысоев В. М.* Карачай... С. 66; *Андиев Б. Ф., Андиева Р. Ф.* Осетинский орнамент. С. 25.

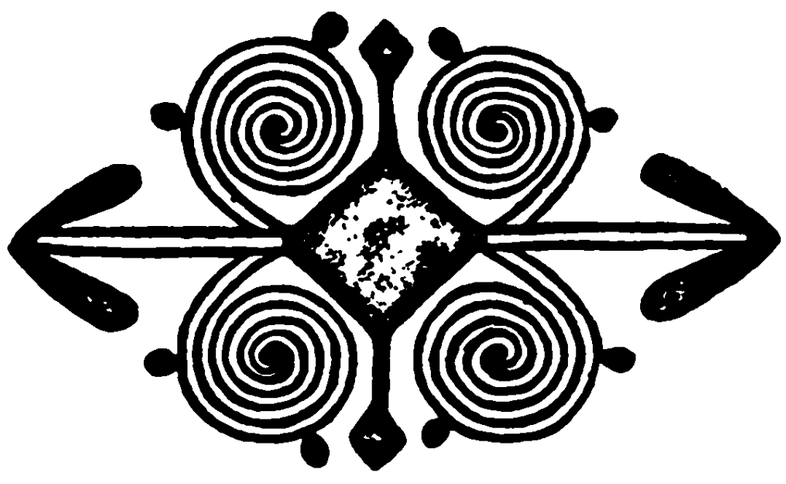
[125] Народное творчество адыго-кабардино-черкесов. Л. 47; *Кузнецова А. Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев... Вклейки после стр. 96 и 112.

[126] Из специальных работ, посвященных женским головным уборам народов Северного Кавказа, можно назвать только одну, но ценную статью: *Ашхамахова Л. М.* Адыгские женские головные уборы. Статьи по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. В статье дается обзор головных уборов женщин всех возрастов и социальных групп (с учетом некоторых локальных различий), приводятся способы их изготовления, состав украшений, а также описание девичьих и женских причесок. Краткие сведения о головных уборах в работах дореволюционных авторов представляют интерес как свидетельства очевидцев. См.: *Грабовский Н. Ф.* Свадьба в горских обществах Кабардинского округа. С. 11; *Шанаев Дж.* Свадьба у северных осетин. С. 22; *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. С. 430: *Кокиев С. В.* Заметки о быте осетин. С. 90–91; *Тепцов В.* По истокам Кубани и Терека. С. 156; *Миллер В. Ф.* Систематическое описание коллекций. С. 121; *Ган К. Ф.* В верховьях Кубани и Тиберды (июль 1892 г.) // Кавказ, 1893. № 334, 344; *Иваненков Н. С.* Карачаевцы, С. 74; *Щукин Н. С.* Материалы для изучения карачаевцев. С. 43–44; *Чурсин Г. Ф.* Осетины. С. 26; *Студенецкая Е. Н.* К вопросу о национальной кабардинской одежде. С. 206–209; *Андиев Б. Ф., Андиева Р. Ф.* Осетинский орнамент. С. 25–26; *Азаматова М. З.* Адыгейский народный орнамент. Рис. 20, 24, 28; Народное творчество адыго-кабардино-черкесов. Л. 17, 18; *Магометов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. С. 281–285; *Мамбетов Г. Х.* Одежда в традициях и обычаях кабардинцев и балкарцев. С. 91–114; Карачаевцы. С. 170, 173: *Кузнецова А. Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. С. 113–115. Табл. 32.

[127] *Ашхамахова Л. М.* Адыгские женские головные уборы. С. 110–111. Рис. 6.

[128] Там же. С. 97–98. Рис. 1; АОКМ. № 5379.

[129] *Васильков В. В.* Очерки быта темирогоевцев. С. 106.
[130] *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976. С. 147–148.
[131] ГМЭ. Илл. фонд. 213–240.
[132] ГМГ. 24–14/1.
[133] ГМЭ. № 5914–18. Карачаевцы.
[134] *Левашева В. П.* Белореченские курганы. С. 188. Рис. 6; *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Пятигорского округа. С. 44. Табл. IV. Рис. 1.
[135] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 182.
[136] В книге «Осетинский орнамент» В. Ф. и Р. Ф. Андиевы приводят большое количество рисунков шапочек. Некоторые из них напоминают по своей форме тюбетейки, низкие, с мягким округлым верхом. Никто из других авторов этой формы не описывает. Часть шапочек украшена вышивкой с изображением змеи, что нам кажется явлением индивидуальным. Обычный орнамент шапочек (представленный также в альбоме: *Хохов А.* Осетинский орнамент. Дзауджикау, 1948) прямолинейно-геометрический, рогообразный и растительный.
[137] АКМ. № 5361. Адыгейцы.
[138] *Азаматова М. З.* Адыгейский народный орнамент. Рис. 20–23, 26, 28; Народное творчество адыго-кабардино-черкесов. Л. 17, 18.
[139] *Ашхамахова Л. М.* Адыгские женские головные уборы. С. 91.
[140] *Милютин Д. А.* Материалы по истории Кавказа. Чечня // Библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный фонд. Ф. 169. Оп. 81, Д. 7.
[141] Интересные данные об обычаях, связанных с этими застежками и их изготовлением, см.: *Мамбетов Г. Х.* Одежда... С. 94–95.
[142] *Студенецкая Е. Н.* Украшение одежды у кабардинцев. С. 172–175; Карачаевцы. С. 174–176; *Студенецкая Е. Н.* Архивные документы как источник изучения материальной культуры народов Северного Кавказа. // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. М., 1971. С. 92; *Кузнецова А. Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. С. 125–126. Рис. 69. Табл. 40.
[143] *Аствацатурян Э. Г.* Дагестанские мастера... С. 117–118; *Студенецкая Е. Н.* Архивные документы... С. 91.
[144] См.: *Георги И. Г.* Описание обитающих в Российском государстве народов. их житейских обрядов, обыкновений одежд, жилищ. СПб., 1799. Ч. II; *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев... С. 96, 102, 105, 106, 112, 119, 130, 137–138, 147–148 и далее. С. Ш. Гаджиева делает верный вывод: «Различия в костюме отдельных этнических подразделений (ногайцев.– *Е. Н.*) объясняются как местными условиями, так и чересполосным расселением ногайцев, т. е. отсутствием единой этнической территории, историческим разделением на ряд территориально обособленных групп, что вело к воздействию на культуру каждой этнографической группы ногайцев культур соседних с ними народов» (С. 125).



ОДЕЖДА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ[1]

Развитие одежды народов Северного Кавказа в советское время имеет свои особенности. В предыдущие исторические периоды сложение и развитие той или иной формы одежды и комплекса в целом являлись результатом воздействия географических и хозяйственных условий, исторических и экономических процессов и шли стихийно и неравномерно[2]. Так, например, изменения, происшедшие в одежде в результате процесса капитализации, становления всероссийского рынка в конце XIX — начале XX в., затронули в основном социальную верхушку, зажиточную часть крестьянства, зарождающуюся интеллигенцию. В основной массе населения сохранялись традиционные формы одежды. Возросло лишь употребление привозных тканей, главным образом хлопчатобумажных, а также фабричных платков и шалей. Влияние городской моды прослеживалось главным образом в плоскостных районах, близких к городам Екатеринодару, Владикавказу и др.[3] (рис. 42).

В первые годы Советской власти на Северном Кавказе, как и во всей стране, наблюдались экономическая разруха, мануфактурный голод, явившиеся результатом общего состояния хозяйства страны после первой мировой и гражданской войн. Эти причины обусловливали сохранение, а в некоторых местах и восстановление домашнего изготовления тканей, обуви, платков и шалей.

Основным сырьем являлись шерсть, шкуры и кожи домашних животных. Даже в женской одежде, где употребление домотканого сукна почти не наблюдалось уже в XIX в., в 1920-х годах возрождается шитье женских платьев из домотканины. При этом некоторые женщины, подражая фабричным тканям, стали изготовлять полосатые и клетчатые материалы на ткацких станках старого типа. Для шитья одежды шли в ход имевшиеся в домах занавески, покрывала, перешивалась и комбинировалась старая одежда. Бóльшая часть населения не имела сменной одежды и донашивала имевшуюся до лохмотьев. Но в составе одежды, ее покрое, манере ношения особых изменений не происходило[4].

В 1920-х годах, особенно во второй половине, разворачивается деятельность советских и партийных организаций по изменению быта, улучшению материальных условий населения, раскрепощению женщины, подъему культурного уровня. Большую роль на Кавказе сыграло создание женских клубов, кружков кройки и шитья, обучение шитью и вязанию в школах. Во всех этих организациях велась пропаганда нового быта, обучение было ориентировано на городские формы одежды и белья, велась пропаганда санитарно-гигиенических норм быта. В некоторых школах обучали вязанию чулок на ручных машинах.

Развитие кооперативной торговли, строительство дорог в горных районах облегчало приобретение тканей, готовой обуви и одежды. Женщины-горянки стали чаще бывать в городах, на различных совещаниях и конференциях, откуда привозили новые впечатления и представления. В этот же период началась борьба против некоторых элементов национального женского костюма — металлических поясов, нагрудных застежек и др., что нашло отражение в документах и печати тех лет [5].

Вовлечению женщин в активную общественную жизнь, в производство в известной мере мешала традиция ограничений на ношение теплой одежды девушками и молодыми женщинами. В 1928 г. началась кампания «Пальто — горянке!». Беднейшим женщинам готовые пальто выдавали бесплатно, а более состоятельным — по низкой цене. Вокруг этой кампании завязалась острая борьба за раскрепощение женщины-горянки. Новые идеи встретили сопротивление в среде мусульманского духовенства, кулачества, оказывавших отрицательное влияние на старшее поколение. Женщин, надевших пальто, порой выгоняли из дома, избивали и т. п.[6]

Коллективизация сельского хозяйства в конце 1920-х — начале 1930-х годов, последующее укрепление колхозов и рост материального благополучия сыграли значительную роль в изменении одежды, внедрении новых ее форм, а также готовых изделий швейной и обувной промышленности.

Коллективные формы труда, работа на полевых станах, молочных фермах, где собиралось большое количество молодежи, вызвали к жизни новые типы одежды. Издавна молодежь, собиравшаяся на общественные работы — «помочи» (даже если она заключалась в обмазывании нового дома), являлась в нарядных платьях, с гармошкой. Так и в 1930-х годах при выезде на полевые станы, иногда расположенные за десятки километров на «прирезках» в плоскостных районах, девушки и юноши в дорогу одевались нарядно, рабочую одежду брали с собой [7].

1930-е годы характеризуются развитием национальных форм культуры, созданием различных ансамблей, позднее появляются и национальные театры.

Возрастает интерес к истории народов, вопросам их происхождения, к фольклору и народному искусству. Входят в обычай различные соревнования, джигитовка. Советские праздники и юбилеи стали сопровождаться красочными демонстрациями, которые открывали колонны юношей и девушек в традиционных костюмах. При этом многие партийные и советские руководящие работники в торжественных случаях надевали традиционные черкески и папахи. В черкесках являлась молодежь и во время призыва в армию.

Во второй половине 1930-х годов в Нальчике, Орджоникидзе и других городах открываются фабрики и мастерские по пошиву национальной одежды и обуви на заказ и на продажу, здесь изготовляли также пояса, газыри, украшения, кавказские седла и ногайки.

На этом фоне и надо рассматривать развитие и изменения в одежде народов Северного Кавказа в 1930-х годах. В эту сферу материальной культуры стало входить социалистическое плановое начало.

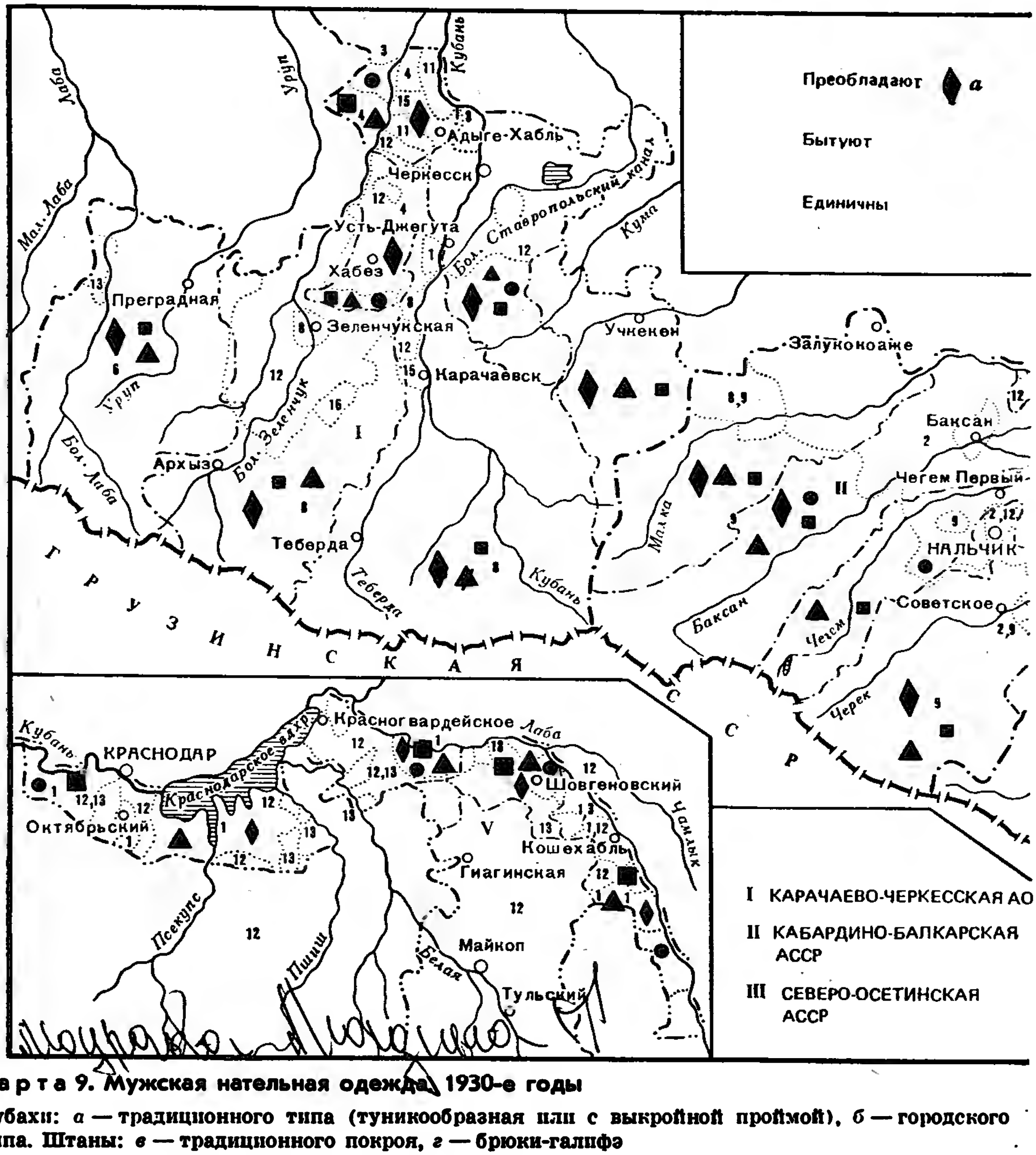
Рис. 42. Одежда 1920-х годов. Осетины

В мужской одежде к концу 1930-х годов сложился своеобразный комплекс костюма, общий для всех народов Северного Кавказа [8]. В отдельных случаях он сохранился у старшего поколения и до сих пор, в особенности в горных районах. Более подробно мы остановимся на его описании ниже.

В женской одежде этого времени при наличии многих общих черт, в особенности в головных уборах и обуви, в большей степени сохранилось этническое своеобразие.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. принесла тяжелые испытания и лишения всем народам Советского Союза, в том числе и жителям Северного Кавказа. В послевоенный период в процессе восстановления народного хозяйства и осуществления первых послевоенных пятилеток усиливается влияние городских форм жизни, возрастает связь между народами СССР и взаимообогащение национальных культур. Все это нашло свое отражение и сыграло большую роль в одежде народов Северного Кавказа [9].

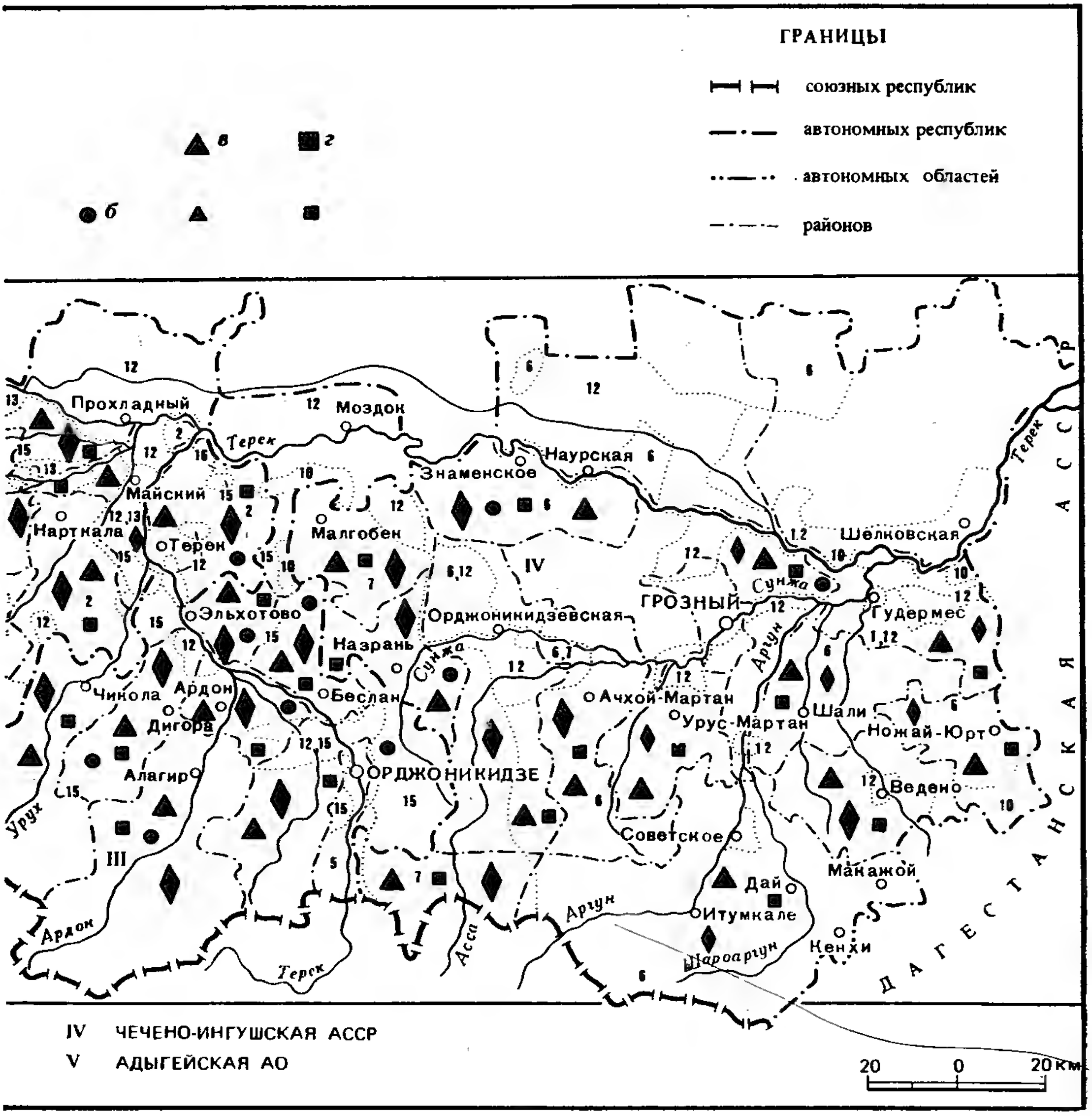
Характерный для последнего времени рост общесоветских форм культуры, формирование новой советской обрядности, в особенности свадебной, сказался и на парадной женской одежде, которую на свадьбу надевают часто не только невеста, но и ее подруги.



Карта 9. Мужская нательная одежда. 1930-е годы

Рубахи: *а* — традиционного типа (туникообразная или с выкройной проймой), *б* — городского типа. Штаны: *в* — традиционного покроя, *г* — брюки-галифэ

В прошлом свадебная одежда горянок не имела каких-либо особых отличий ни в цвете, ни в покрое по сравнению с праздничным традиционным костюмом. В настоящее время праздничная одежда обычно имеет модный современный покрой, но свадебная часто отличается традиционностью формы. Свадебное платье шьют на заказ в специальных ателье из современных тканей, но в отделке используют мотивы традиционного золотого шитья. Нагрудные застежки и пояса, надеваемые при этом, традиционные, старой работы. Известным влиянием городской моды можно



считать преобладание в свадебной одежде белого или других светлых цветов. На свадьбу часто берут напрокат костюмы в национальных ансамблях и театрах. Свадебные платья надевают на торжество регистрации брака, а во время свадебного застолья в доме чаще носят современное парадное платье.

Мужская одежда. Рубаха и штаны. Как мы отмечали для дореволюционного времени, нательная рубаха не была обязательным и общераспространенным предметом одежды. У адыгских народов, карачаевцев и балкарцев, особенно в крестьянской среде, роль нательной одежды играл и бешмет. У осетин, чеченцев и ингушей рубаха бытовала больше, причем на нее непосредственно могли надевать черкеску или даже шубу (карта 9).

В конце XIX — начале XX в. рубашку иногда носили и под бешметом, она начала выполнять функцию белья. В советский период эта тенденция усилилась. Старшее поколение носило рубахи традиционного туникообразного покроя с ластовицами, сшитые из белой или цветной ткани, в качестве белья, но в них можно было находиться дома и во дворе.

В 1930-х годах у более молодых можно было встретить рубахи с выкройной проймой, а также покупные фабричной работы. В качестве нательной одежды начали носить, особенно молодежь в городах, майки, сетки и т. п.[10]

В 1970-х годах почти все, кроме глубоких стариков, уже носили фабричное белье, а молодежь также верхние рубашки, часто яркой расцветки. клетчатые, пестрые, навыпуск, иногда с коротким рукавом. Их надевали прямо на тело или на майку или сетку.

В 1920—1930-х годах еще вполне живой формой был бешмет традиционного покроя (хотя встречался и с отрезной спинкой по талии). Шили его чаще всего из хлопчатобумажной гладкой ткани типа сатина или «чертовой кожи», иногда из тонкой шерстяной материи. Бешмет надевали на нижнюю рубаху или непосредственно на тело. Носили бешмет главным образом мужчины среднего и старшего поколения. На кошах были в употреблении бешметы из домотканого сукна или стеганые. Но уже в это время бешмет, особенно у молодежи, стал вытесняться так называемой «кавказской рубахой», отдельные экземпляры которой можно было встретить и до революции.

По назначению и форме «кавказская рубаха» представляет собой «гибрид» бешмета и рубахи. От бешмета у нее высокий стоячий воротник и разрез посредине в верхней части груди, застегивающийся на мелкие пуговки и петельки из шнурка. Рубахи шили свободными, широкими, со швами на плечах и выкройными проймами. Рукава были широкими, длинными, на обшлаге или без него. Надетая под черкеску кавказская рубаха заменяла собой бешмет. Носили ее навыпуск, подпоясывая узким ремешком с металлическим набором. В таких случаях ее могли надевать непосредственно на тело или на майку. Шили кавказские рубахи из сатина, шелкового полотна и даже крепдешина. Повседневные рубахи были серого. коричневого, синего, черного цветов; праздничные — белые, кремовые, светло-желтые. Легкие и свободные, они были очень удобны в жаркие летние дни. Для более холодного времени кавказские рубахи шили из шерстяных тканей — кашемира, диагонали, шевиота, а иногда и из домотканого сукна. На таких рубахах застежку часто делали на фабричных пуговицах и прорезных петлях. На груди нашивали карманы, иногда традиционные для Кавказа — более вытянутые в горизонтальном направлении. В других случаях карманы были такой же формы, как на гимнастерках и френчах. Шерстяные рубахи надевали на нательную одежду.

В начале 1930-х годов кавказскую рубаху носили молодежь, советские и партийные работники. Постепенно она проникла в горы в костюм старшего поколения. Вытеснение кавказской рубахой бешмета, как нам

кажется, свидетельствует о том, что в сознании народа рубахи и бешмет были издавна взаимозаменяемы и при наличии одного из этих видов одежды второй был не обязателен. Кавказская рубаха в 1930-е годы распространилась не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье [11], проникла она и к русским. Но вариант рубашки из яркого сатина или атласа с очень густо посаженными мелкими фабричными пуговками, встречавшийся в русских районах, на Кавказе почти не бытовал.

Для конца 1930-х годов характерен костюм, в котором кавказская рубаха сочеталась со штанами-галифе. Оба элемента одежды шили из одинаковой шерстяной покупной ткани, вплоть до габардина. В то же время кавказская рубаха начинает вытесняться гимнастеркой, френчем и сближаться с подобной одеждой, характерной для партийных и советских работников по всей стране. В 1960—1970-х годах кавказская рубаха в сочетании с галифе сохранялась лишь в редких случаях у лиц старшего поколения.

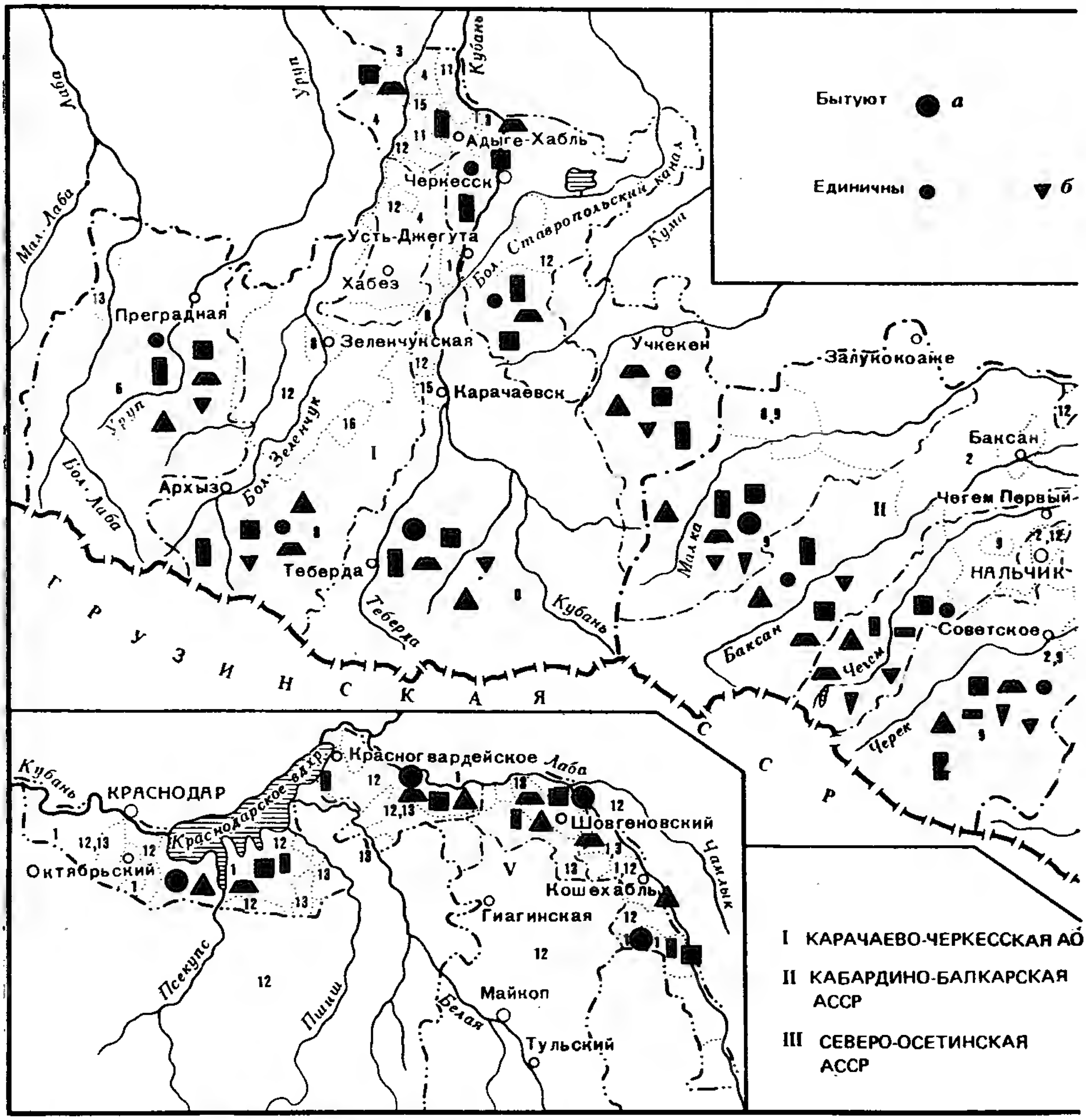
Брюки-галифе, а позднее и бриджи [12] распространяются во время гражданской войны (в Чечне галифе стали носить только в 1930-х годах). И тот и другой фасон были очень удобны для всадника и хорошо сочетались не только с сапогами, но и с поговицами. Согласно местным привычкам, их делали без разреза спереди и носили на гашнике. Галифе быстро завоевали популярность. Перед Великой Отечественной войной их носили не только взрослые, но и мальчишки до 3 лет, которые до революции ходили в одних рубашонках. Для них брюки тоже были «усовершенствованы»: штанины шили с «пузырями» на боках, а середина отсутствовала.

В 1950-х годах уже не только молодежь, но и пожилые люди были убеждены, что галифе — «национальная» форма брюк.

Брюки «навыпуск», неудобные в горных условиях, нарушающие традиционный стиль костюма горца и привычный силуэт одежды, прививались очень туго. Даже в городах их носила главным образом интеллигенция, в селениях же лишь некоторые учителя, врачи. После войны они получили большее распространение, но сельские старики до сих пор предпочитают штаны разных фасонов, заправленные в сапоги или поговицы.

Верхняя одежда. Накидная верхняя одежда, представленная в дореволюционное время бурками двух типов (а у чеченцев и ингушей иногда и накидкой из домотканого сукна), в советское время постепенно выходила из употребления. В 1930-х годах бурка второго типа, т. е. с прямыми широкими плечами, слегка расширяющаяся книзу, бытовала довольно широко, особенно на горных пастбищах в кошах. На дороге можно было встретить человека в бурке, уже не едущего на лошади, а восседающего в кузове грузовика, направляющегося в горы [13].

В конце 1930-х годов и в первые послевоенные годы изредка на кошах встречались люди в плащах из пластиката, иногда яркой расцветки, надетых поверх ватника. Но такие плащи не имели большого распространения и быстро вышли из обихода. Плащи типа макинтошей носили и теперь носят в городах и селениях Северного Кавказа.

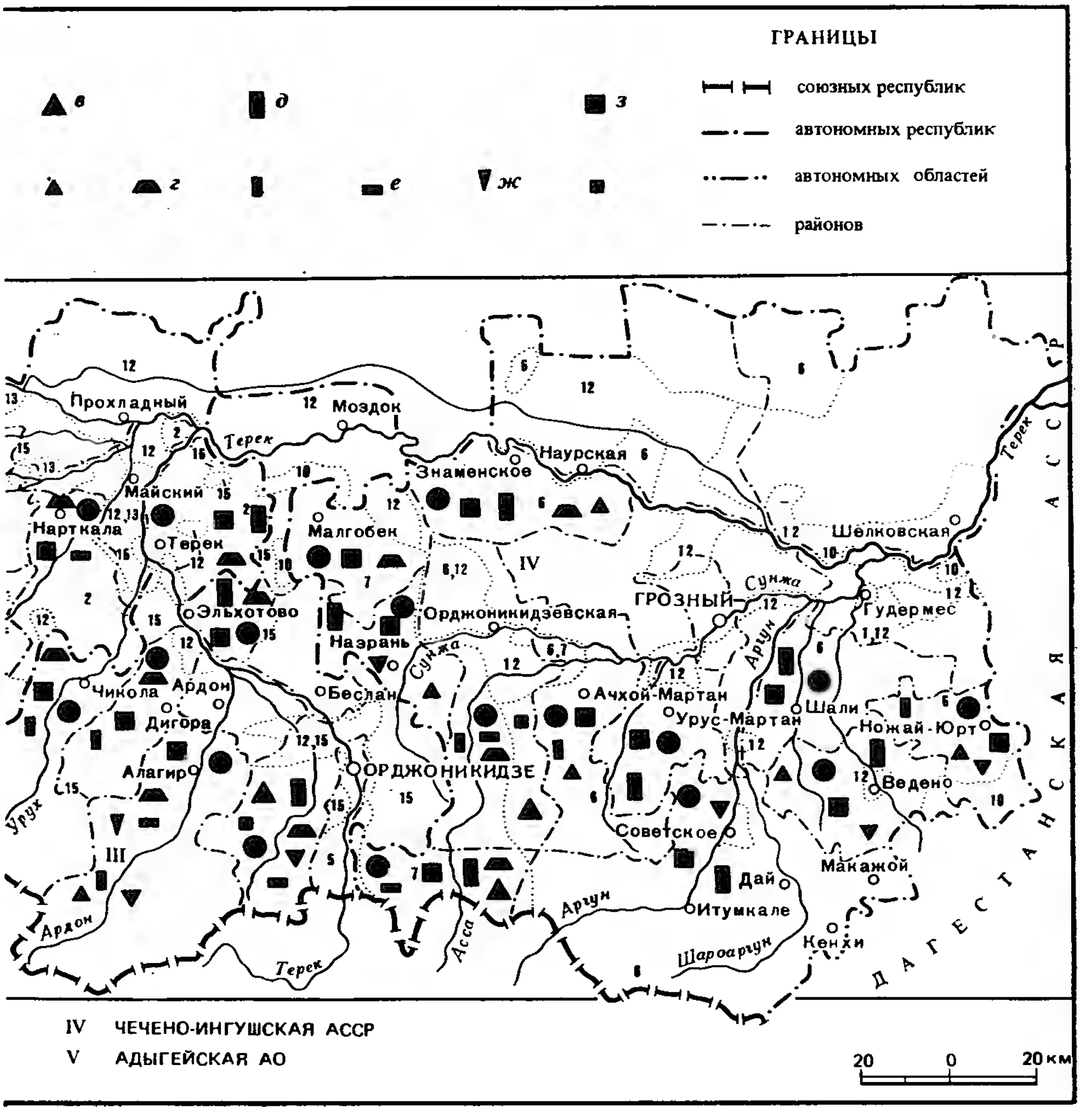


Карта 10. Мужская верхняя одежда. 1930-е годы

а — бурка прямая; *б* — сшитая из овчины (шуба) прямого покроя, *в* — сшитая из овчины (шуба) в талию, покроя черкески, *г* — сшитая из овчины (шуба) в талию, отрезная, двубортная; *д* — сшитая из ткани (черкеска) с газырями, *е* — сшитая из ткани (черкеска) без газырей, *ж* — сшитая из ткани (черкеска) со стоячим воротником; *з* — одежда городского типа (шинель, пальто, куртка, стеганка и др.)

В 1960—1970-х годах бурка служила производственной одеждой табунщиков, которую они получали от совхоза или колхоза.

В прошлом широко распространенным видом теплой верхней одежды были овчинные шубы, нагольные или крытые тканью. Мы выявили в основном три типа шуб: первые два представляют шубы нагольные:



прямая или слегка приталенная и покроя черкески с цельными передками и спинкой, клиньями на боках, с застежкой у пояса. В начале XX в. шуба этого типа начала сближаться с русским полушубком, отрезным по талии. Третий тип — шуба двубортная, отрезная по талии, с закрытой грудью и невысоким стоячим воротником из мерлушки, почти всегда крытая.

Вплоть до Великой Отечественной войны сохранялись шубы всех грех типов, преимущественно у старшего поколения [14]. У более молодых преобладали шубы второго и третьего типов, носившиеся главным образом на кошах. После войны шуба вытесняется покупной теплой одеждой:

полупальто, различными куртками, но встречается изредка у стариков.

Наиболее характерной верхней мужской одеждой у народов Северного Кавказа считается черкеска, всегда служившая не столько повседневной, сколько праздничной, а также походной одеждой. Старые, изношенные черкески можно было встретить и на кошах. В 1930-х годах черкеска была еще весьма распространенной формой верхней одежды, хотя иногда заменялась шинелью офицерского покроя. К концу 1930-х годов черкеска бытовала как праздничная одежда, при этом ее шили из фабричного сукна в специальных мастерских, подгоняя по фигуре (в эти годы у многих утратившей горскую стройность и подтянутость) [15] (карта 10).

Бытовали и простые рабочие черкески, также неотрезные, из домотканого сукна, сшитые руками горянок. Редко встречались черкески с отрезной спинкой; застежка у них из шнурковых пуговиц и петелек подстраховывалась или заменялась железными крючками фабричной работы.

В 1930-е годы имела распространение и черкеска без газырей, вместо которых на груди нашивали поперечные длинные и узкие карманы со своеобразными двойными (сверху и снизу) клапанами. Клапан, прикрывающий газырницы снизу, по объяснению стариков, в прошлом имел практическое значение, так как донышки карманчиков в газырницах быстро протирались и газыри или что-то другое, лежащее в кармашках, могло вывалиться. Позднее, с исчезновением за ненадобностью газырниц, подобный клапан стали делать и сверху (или только сверху) и газырница заменялась нагрудным карманом своеобразной формы.

В некоторых случаях у обычной по покрою черкески с газырницами делали высокий воротник, как у бешмета. Одежда такого типа была значительно теплее черкески, так как закрывала шею и грудь. Кроме того, ее можно было носить без бешмета, прямо на рубашку [16]. А если вместо газырниц на груди делались накладные карманы, то одежда принимала вид очень длинного бешмета. В Балкарии черкеску со стоячим воротником называли *чепкен-къаптал* (т. е. черкеска-бешмет).

Такие формы модернизированных черкесок носили только в качестве рабочей одежды. Чаще всего их можно было видеть в горных районах Осетии, у балкарцев и очень редко, в виде исключения,— у карачаевцев и кабардинцев.

В 1960—1970-х годах черкеска встречается единично. Изменения в условиях жизни и труда способствовали замене ее одеждой городского типа — плащами, пальто, куртками, а в теплое время года — пиджаком.

Черкеску, бешмет, кавказскую рубаху и гимнастерки подпоясывали узким кожаным поясом с металлическим набором. Такие традиционные пояса оказались довольно устойчивой формой [17]. Их носили до 1940-х годов. Красивым поясом хорошей работы гордились. Пояса заказывали мастерам-ювелирам или покупали готовые на фабриках национальных изделий. Вместе с тем в обиход уже в 1930-е годы входил, в сочетании с гимнастеркой, армейский широкий ремень.

Когда начали носить рубашки, заправленные в брюки (главным образом городская молодежь), местные мастера стали делать и нарядные брючные ремни с серебряными пряжками и накладками, украшенными гравировкой и чернью.

В 1960—1970-х годах традиционные узкие ремни встречались редко, их носили пожилые люди в сочетании с бешметом, кавказской рубашкой или гимнастеркой. Традиционные пояса входят в состав национального костюма артистов самодеятельных и профессиональных ансамблей.

Ноговицы и носки. Головные уборы. В 1930-е годы ноговицы, чаще всего сшитые из сукна, продолжали носить не только с местной, но и с покупной обувью. В это же время в сочетании с брюками-галифе и покупной обувью носили фабричные носки, в которые заправляли низ штанов, закрепляя носки подвязками или английскими булавками (карта 11).

В послевоенный период ноговицы, как и носки старого типа, сшитые из сафьяна, можно было увидеть лишь у отдельных стариков.

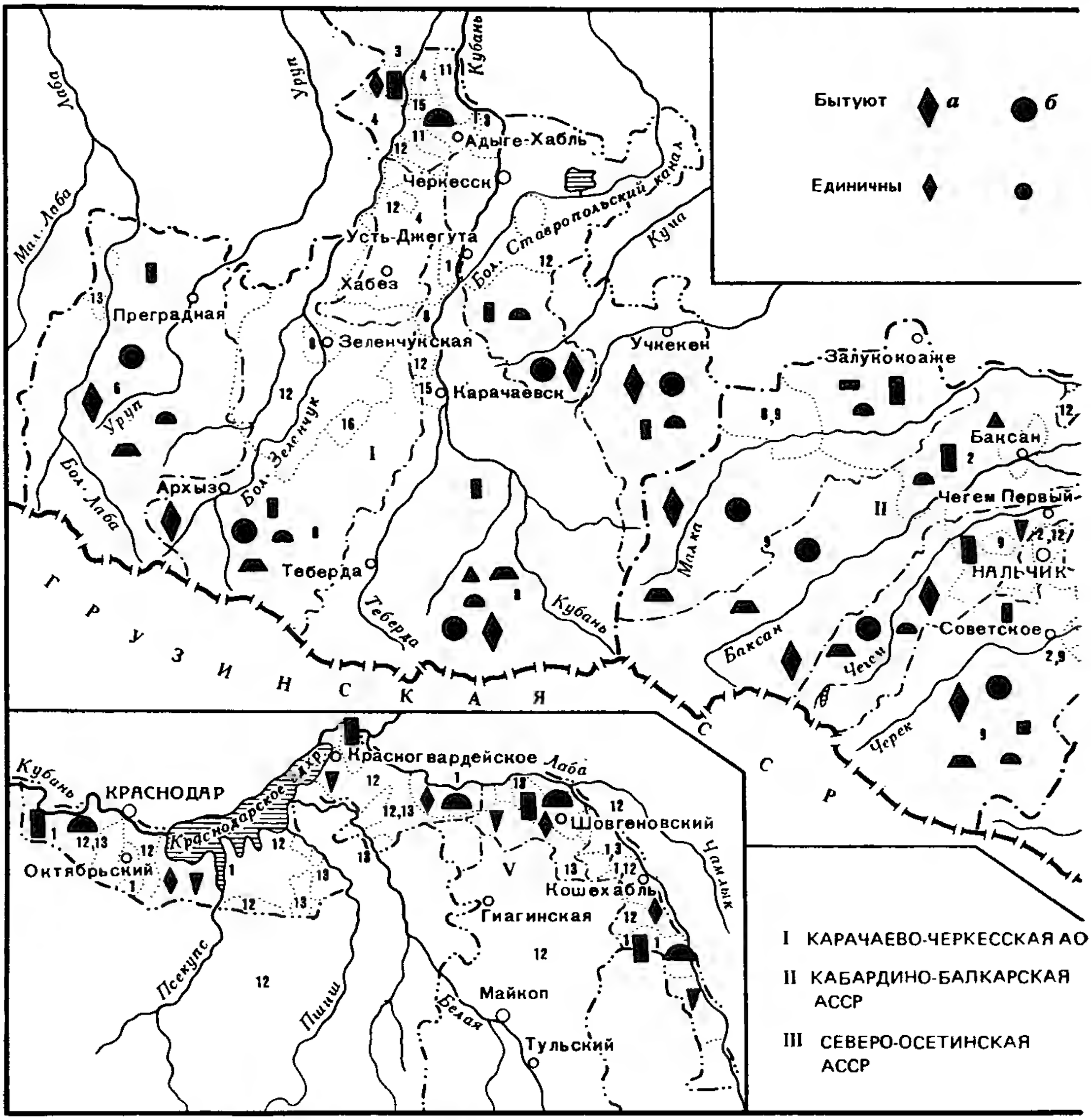
Шапка продолжает оставаться важной частью мужского костюма. Особенно ценится каракулевая папаха, которая подверглась изменениям, подчиняясь моде [18].

С середины 1920-х годов вплоть до предвоенных лет в качестве праздничной шапки начали распространяться папахи нового фасона, иногда называвшиеся «дагестанки». Околыш их становился все более высоким и расширялся кверху. Перед войной в Чечено-Ингушетии, там, где эта мода была наиболее ярко выражена, расширение околыша было столь значительным, что иногда шапка напоминала что-то вроде русского девичьего венца. У других народов шапки были ниже и с меньшим расширением кверху. Такие шапки шили только из каракуля — черного, серого, коричневого и золотистого, наиболее высоко ценились последние.

Особенностью этого фасона папахи было то, что плоское донышко ее делали намного ниже околыша. Шапку шили почти по голове, а затем к ней пришивали высокий околыш. Между шапкой и околышем образовывалось нечто вроде кармана, куда можно было сунуть письмо, бумаги, а при желании — и кошелек. Шапки делали специалисты-мастера и ценились они очень дорого. Перед войной цена хорошей «бухарской» шапки, т. е. шапки из коричневого каракуля, доходила до 3—4 тыс. рублей. В настоящее время шапки этого типа можно видеть у отдельных стариков. Шапку такого же фасона, но с меньшим расширением кверху и с более низким околышем, имеют многие мужчины и сейчас [19] (карта 12).

В качестве повседневной шапки носили более низкие папахи с околышем из курпея или овчины, с плоским донышком, покрытым тканью. Эти шапки типа «кубанки» начали носить еще до революции. Встречались, в особенности на кошах, и шапки, сшитые целиком из овчины.

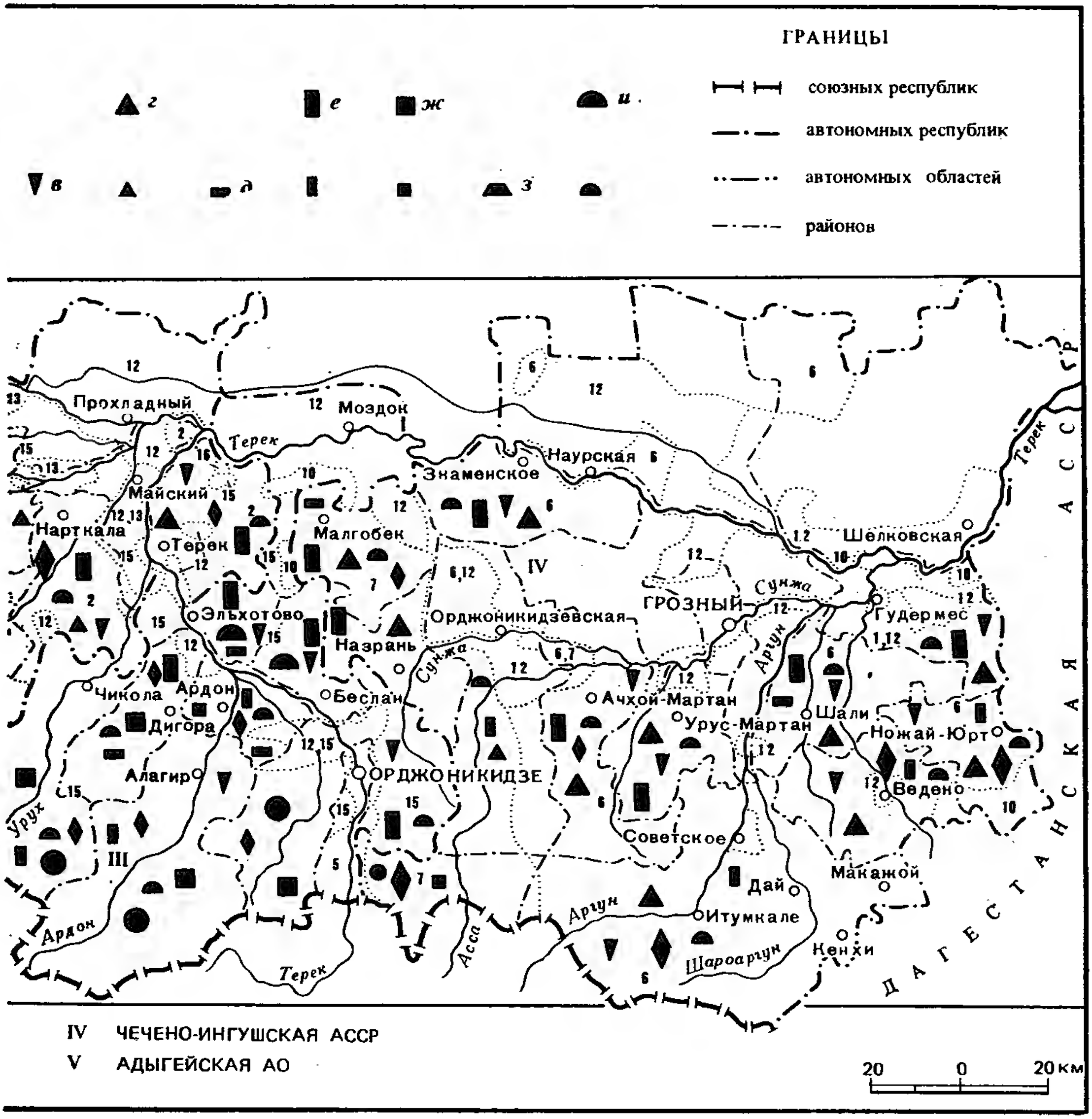
В период войны и пребывания некоторых народов Северного Кавказа в Средней Азии появилась своеобразная гибридная форма меховой шапки. Она имела вид папахи, расширяющейся кверху, с меховым донышком, но при взгляде сверху были видны уши, как у ушанки, завязанные наверху, их никогда не опускали вниз. Шапку можно было видеть и на Кавказе в послевоенные годы, но сейчас эта мода прошла.



Карта 11. Мужская обувь. 1930-е годы

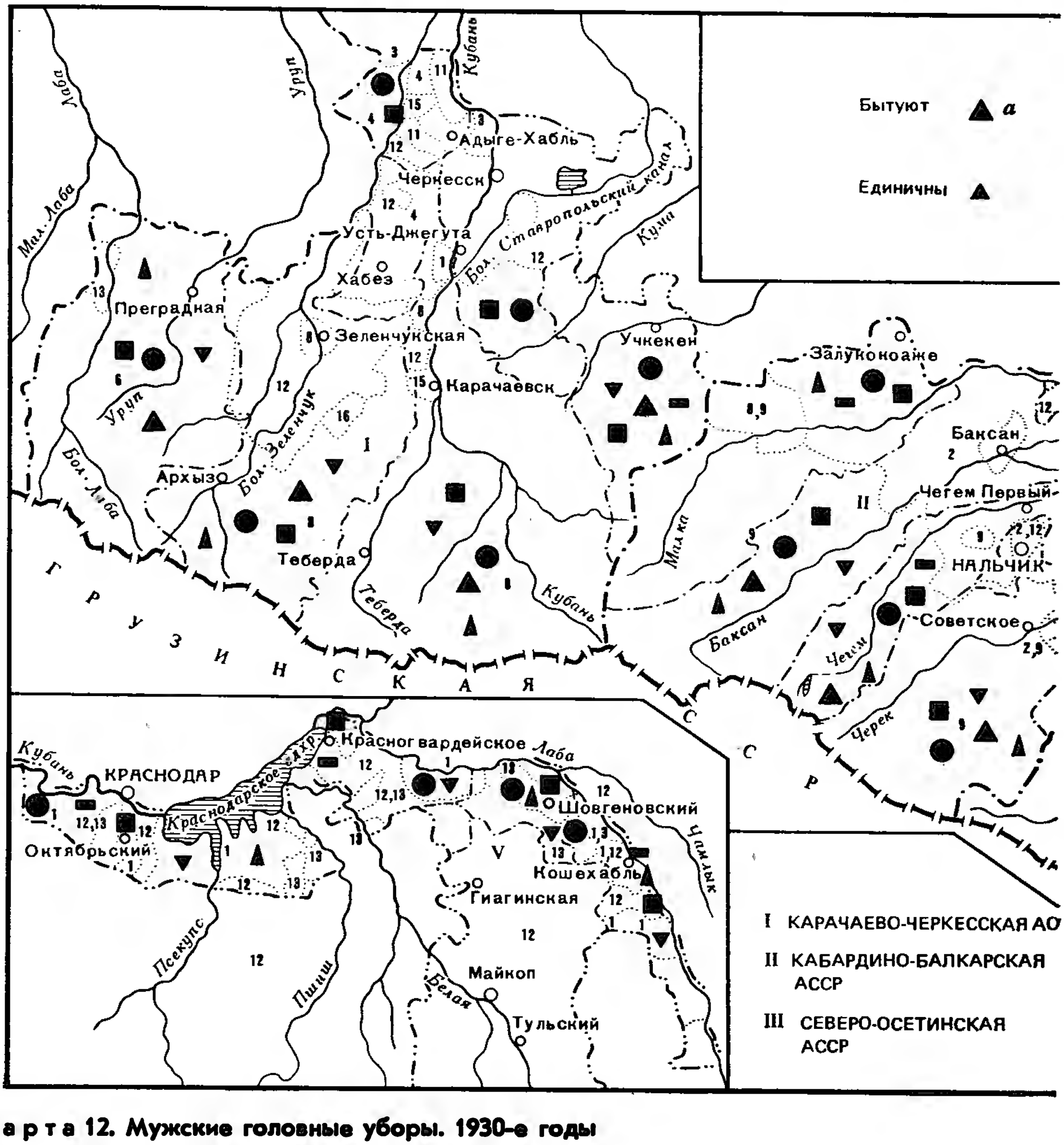
а — традиционная из одного куска кожи, *б* — традиционная из одного куска кожи с ременной подошвой; *в* — из нескольких кусков кожи с мягкой подошвой, *г* — из нескольких кусков кожи с твердой подошвой; *д* — из нескольких кусков кожи сапоги мягкие, *е* — из нескольких кусков кожи «сапоги русские»; *ж* — обувь из ткани с кожей; *з* — из войлока; *и* — фабричная обувь городского типа (ботинки, туфли)

Традиционная войлочная шляпа в советское время не только сохранена, но и расширила свои позиции [20]. В 1920-х годах и вплоть до войны нарядные белые войлочные шляпы носили и в селениях, и в городах, часто даже в сочетании с костюмом городского типа. В настоящее время войлочные шляпы встречаются в качестве рабочего головного убора при



сельских работах, их носят отдыхающие на курортах. В Чечне можно увидеть среднеазиатские тюбетейки, черные, с белой вышивкой, а иногда и шапочки домашней работы, сшитые из ткани, с кисточкой наверху. Такие шапочки носят и мальчики различных возрастов, и старики (дома) (рис. 43).

Головные уборы некавказского типа проникали в быт довольно трудно, даже в советское время [21]. Это, видимо, объяснялось особым отношением к шапке, о котором мы писали выше. Раньше всего «признали» фуражки военного типа. Кепки стали появляться в конце 1930-х годов и первоначально встречались насмешками — «блинчик». Но затем, в первую очередь у советских работников и молодежи, появились «ленинки»,

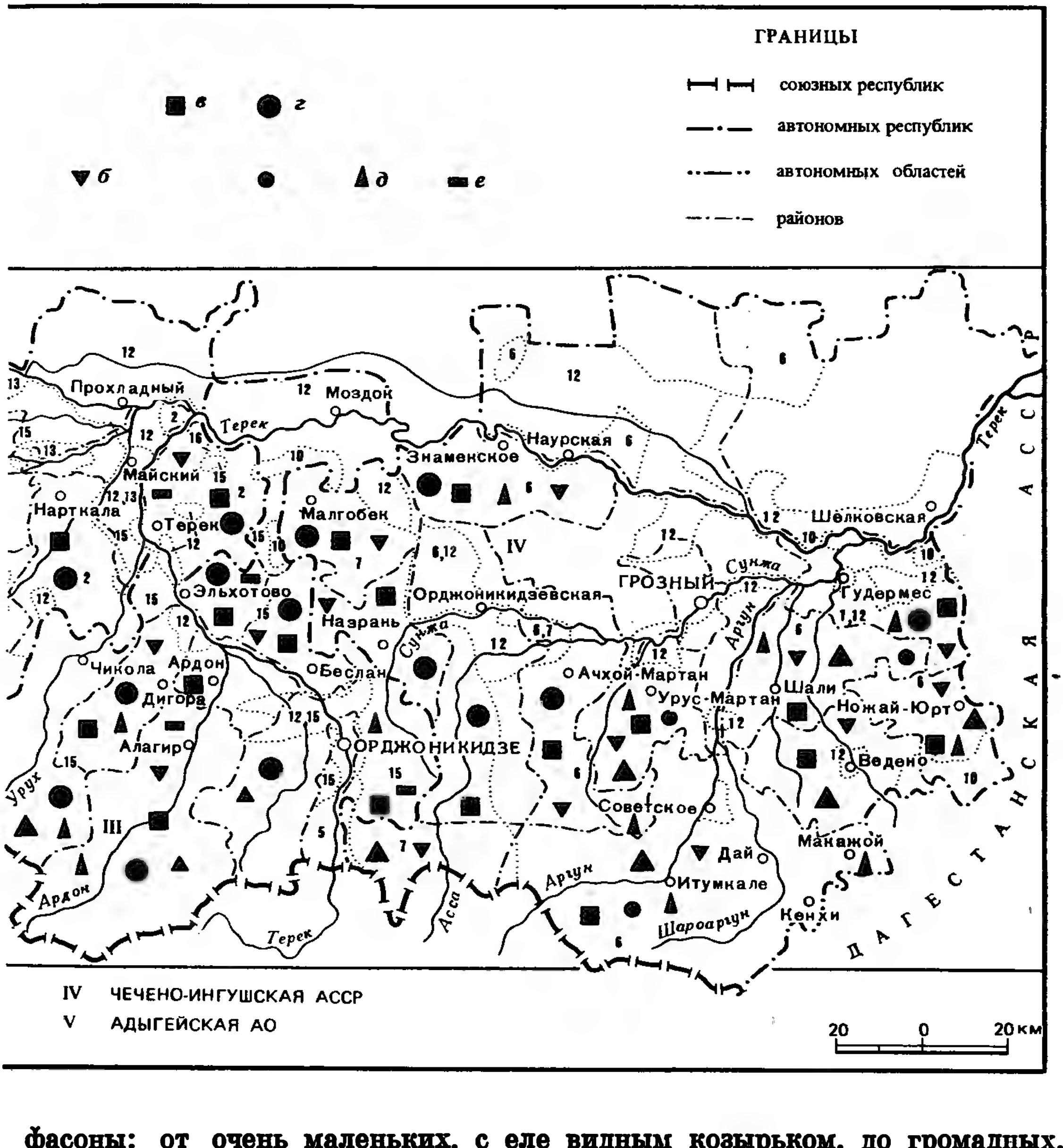


Карта 12. Мужские головные уборы. 1930-е годы

а — из меха, *б* — из меха и ткани прямые, *в* — из меха и ткани широкие кверху, *г* — шляпы из войлока, *д* — башлыки, *е* — городского типа (фуражки, кепки и др.)

т. е. кепки со сдвинутой назад тульей, как носил В. И. Ленин. Позднее кепку стали носить довольно часто обычным образом — с тульей, сдвинутой на козырек. Но все же она считалась слишком простым и дешевым головным убором.

Фабричные фетровые шляпы до войны не носили. В 1950—1970-х годах начали носить шляпы фетровые, капроновые, даже соломенные. Можно встретить, хотя и редко, береты. Кепки все время меняют свои



фасоны: от очень маленьких, с еле видным козырьком, до громадных, много шире головы. Расцветка их разнообразная, часто яркая. Особенно модные кепки шьют на заказ. Зимой носят и ушанки. Но каракулевая папаха в качестве торжественного и повседневного зимнего головного убора по-прежнему имеется у очень многих.

Башлык продолжал бытовать и в советское время как необходимый элемент рабочей одежды колхозников, особенно на кошах, и как составная часть полного национального костюма во время праздников, демонстраций, выступлений самодеятельности. В последних случаях он имеет чисто декоративное значение и часто делается из ткани типа фланели.

В 1960—1970-е годы башлык можно было увидеть изредка только у мужчин старшего поколения.

Мужская и женская обувь. Широкое распространение фабричной обуви относится к советскому времени и в особенности к послевоенному периоду.

В 1930—1940-х годах еще довольно широко бытовала традиционная кожаная обувь различных типов: из одного или нескольких кусков кожи, повседневная из сыромятной кожи, праздничная из кожи лучшей выработки или сафьяна. В горах носили обувь с плетеной ременной подошвой. Бытование местной обуви объяснялось сохранением такой формы хозяйства, как отгонное животноводство. Во время перегона стад, на пастбищах, на кошах легкая и привычная традиционная обувь оставалась предпочтительной, особенно у старшего поколения. Носили ее и в пределах селений, на покосе и во время других сельскохозяйственных работ.

Бытовала, особенно у осетин и балкарцев, обувь, сшитая из простроченной в несколько слоев ткани с подшитой подошвой из кожи домашней выработки [22].

Высокие сапоги — мягкие кавказские или русские на твердой подошве с каблуком — носили мужчины в сочетании с комплексом из кавказской рубахи, гимнастерки или френча и галифе [23]. Фабричные ботинки или туфли надевали с брюками навыпуск в селениях или городах главным образом представители интеллигенции.

Теплую обувь иногда делали из войлока. В местных промкомбинатах шили на заказ бурки из мохнатого войлока на подошве фабричной выработки. Их часто украшали аппликациями из кожи. Такие бурки пользовались успехом не только у мужчин, но и у женщин.

В 1930-х годах в состав женской обуви довольно широко входила обувь из кожи домашней выработки, в частности сыромятной. Бытовала также обувь из сукна, простроченного в несколько слоев, под которую подшивали подошву из сыромятной кожи. У женщин в эти годы она чаще всего имела вид открытых тапочек и служила повседневной домашней обувью [24] (наиболее была распространена в Осетии). Некоторые осетинки носили такую обувь и в 1960-е годы. Надевали тапочки на босую ногу или на фабричные чулки.

Из покупной обуви женщины предпочитали туфли на низком каблуке. Вплоть до настоящего времени у женщин старшего поколения можно видеть на ногах в качестве повседневной обуви так называемые «азпатские» (с острым носком) резиновые галоши, которые надевают на шерстяные или кожаные носки, а также на обычные чулки.

С 1960—1970-х годов все слои населения, кроме глубоких стариков в горных районах, носят фабричную обувь, а молодежь старается соблюдать все предписания моды.

Комплекс мужской одежды. Как видно из вышеизложенного, в 1920—1940-х годах у всех народов Северного Кавказа сложился единый комплекс мужской одежды, состоявший из кавказской рубахи или гимнастерки (позднее сменившейся в ряде случаев кителем), галифе, кавказского ремня, папахи или войлочной шляпы и высоких сапог. Этот комплекс

Рис. 43. Мужские головные уборы. 1960-е годы

вверху — войлочная шляпа и папаха, осетины, 1969 г.; *внизу слева* — войлочная шляпа, адыгейцы, 1965 г.; *справа* — ингуш в папахе-ушанке, 1965 г.

одежды, сохранивший, да и то в измененном виде, лишь отдельные традиционные предметы, по своему общему стилю был близок народам Кавказа и в настоящее время младшим поколением воспринимается как национальный костюм. В качестве верхней одежды в довоенный период продолжали носить черкеску, но наряду с ней широко распространилась специально сшитая офицерского типа шинель, стилистически близкая черкеске. В качестве повседневной рабочей одежды носили стеганки и куртки разного типа, а также, хотя и в меньшей степени, плащи и пальто [25] (рис. 44).

Старшее поколение, особенно в сельской местности, и в 1960—1970-е годы иногда носило подобную одежду, характерную для довоенного периода. Папахи и войлочные шляпы встречаются в настоящее время и у молодежи. Дорожная одежда — бурка сохранилась у табунщиков как профессиональная.

Женская одежда. Рубаха и штаны. Рассматривая вопрос о женской рубахе в конце XIX — начале XX в., мы выявили разницу ее функций у отдельных народов Северного Кавказа. Налицо были два типа: 1) рубаха нательная, поверх которой обязательно надевались другие виды одежды — кафтанчик, распашное платье; 2) платье-рубаха, которое само по себе считалось достаточной одеждой не только в домашних условиях, но и при выходе «на люди». Последний тип был характерен для чеченцев. ингушей, отчасти адыгейцев. В подтверждение подобной типологии мы привели анализ наименований рубахи и современного платья, а также проследили процесс изменений и самого вида этой одежды, и отношения к нему в конце XIX — начале XX в. в связи с влиянием городского костюма.

В советское время этот процесс продолжался в том же направлении. У адыгских народов, карачаевцев, балкарцев, осетин рубаха постепенно начинала играть роль белья. При этом у старшего поколения она сохраняла туникообразный покрой, а у молодежи, особенно в условиях отказа от распашных платьев, сближалась с городской сорочкой с выкройными плечиками без рукавов [26]. В таком виде она продолжала бытовать и в 1930-х годах, постепенно заменяясь покупным бельем — трикотажными комбинациями, распространенными в 1960—1970-х годах уже повсеместно (карта 13).

Однако в случаях надевания распашного платья традиционного покроя (на свадьбу, праздник, демонстрацию) оно сочеталось с рубахой, хотя и не всегда туникообразной по покрою, но с длинными рукавами. Пожилые женщины в 1930-е годы, а старухи и позднее, продолжали носить рубахи старого типа, но преимущественно белого или светлых цветов, в сочетании с платьями, как распашными, так и закрытыми.

У чеченцев и ингушей платье-рубаха на кокетке, появившаяся в начале XX в., выдержала испытание временем. Эта форма была господствующей в 1930-х годах, бытовала и в более поздний период вплоть до 1960—1970 гг., но носили ее чаще всего в сочетании с нижней («внутренней») рубахой традиционного покроя. Более молодые, особенно в послевоенные годы, надевали платье-рубаху *коч* поверх фабричного белья. Шили платье разной длины и ширины из штапеля, сатина, шелка, панбархата или даже парчи [27]. В 1960—1970-е годы кокетка (прямая, мысиком, круглая) часто застегивалась сзади и сочеталась с рукавом на 8—10 см ниже локтя или длинным на обшлаге. Такие платья девушки и женщины носили наряду с современными модными платьями. Реже встречаются юбки с кофточками или жакетами [28]. Пожилые женщины в селениях Чечено-Ингушетии еще носят кое-где в качестве платьев длинные туникообразные рубахи.

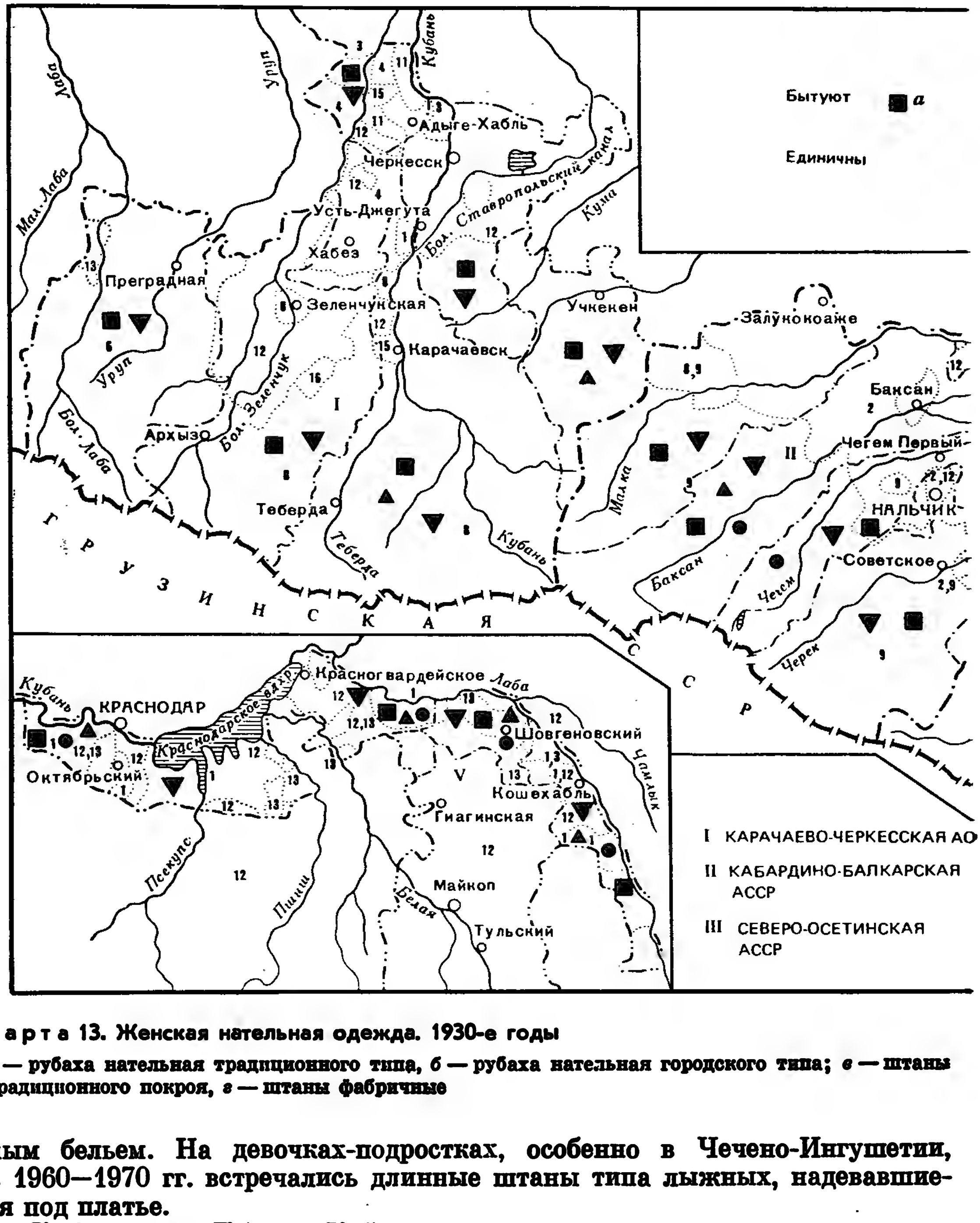
Мы писали ранее, что адыгейки в ряде случаев носили платье-рубаху *джанэ* — название, употребляемое и для современного женского платья любого покроя. В Адыгее, однако, уже до революции стали носить нижние, «внутренние» рубахи. Дальнейшая эволюция платья-рубахи у адыгеек имела свои особенности. Кокетка встречалась редко, зато появилась форма *джанэ зэгъаль* («сморщенная рубаха») с отрезным низом, заложенным

Р и с. 44. Одежда 1960-х годов

слева — чеченец; *справа* — ингушка в костюме невесты

в складки. Многие женщины носили такие платья в 1920—1930-е годы, а пожилые — и позднее. Но в последнее время чаще можно видеть у женщин старшего возраста прямое платье типа халата со швом-складкой или с застежкой спереди и с карманами. Его также называют джанэ. Под него надевают рубаху туникообразного покроя или современное белье. Девушки и молодые женщины полностью перешли на платья городского типа, но с более закрытым воротом, длиной ниже колен, длинными или короткими рукавами [29].

В 1930-е годы подавляющее большинство женщин-горянок под рубаху надевали штаны традиционного покроя из хлопчатобумажных тканей разного цвета. У пожилых они часто были видны из-под платья при ходьбе, работе, сидении на полу, что не считалось нарушением правил приличия. Это положение сохраняется у старых чеченок до сих пор. Позднее штаны предпочитали шить из белой бельевой ткани. С 1960—1970 гг. младшее и среднее поколение женщин пользуется покупным трикотаж-

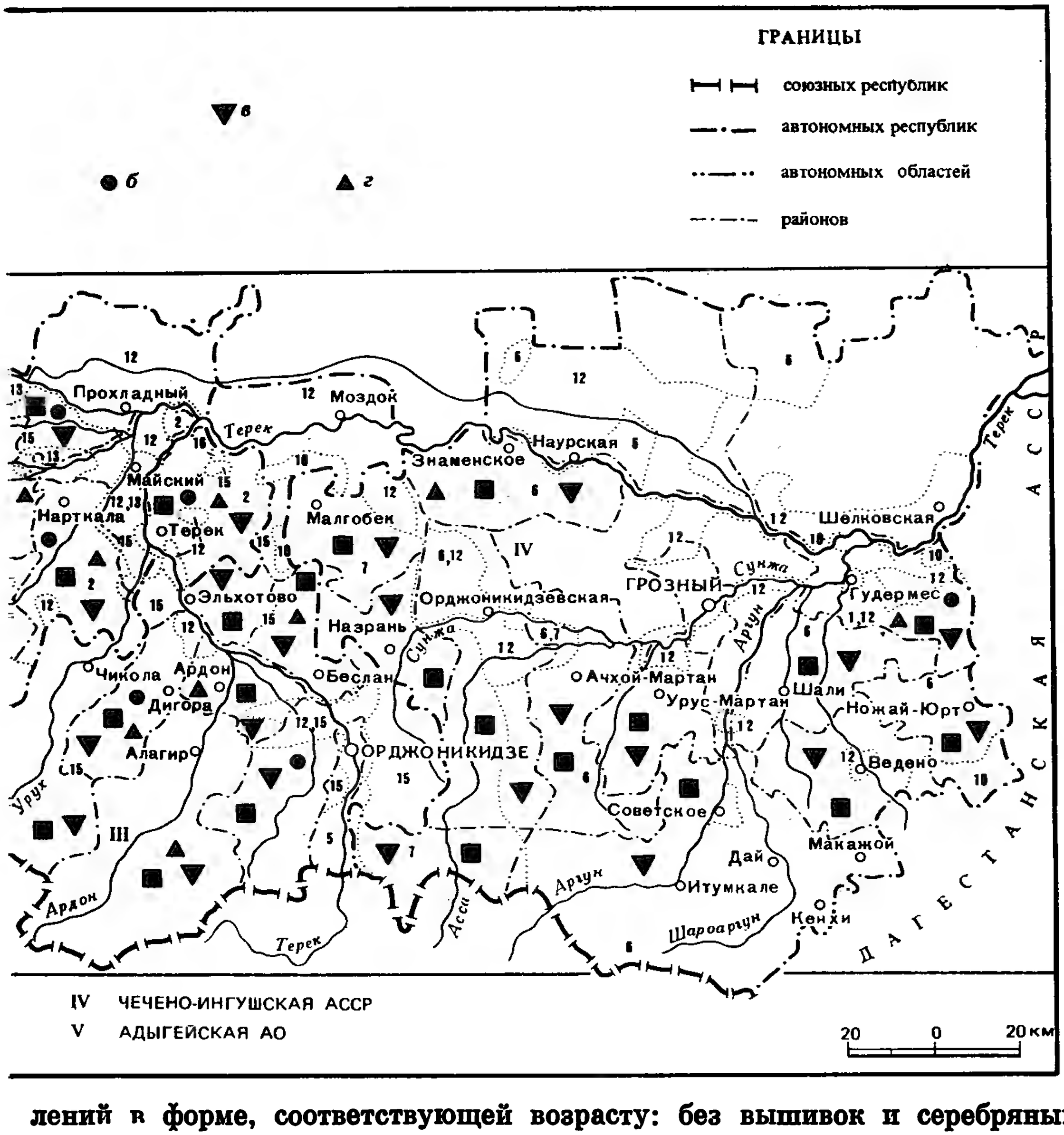


Карта 13. Женская нательная одежда. 1930-е годы

а — рубаха нательная традиционного типа, *б* — рубаха нательная городского типа; *в* — штаны традиционного покроя, *г* — штаны фабричные

ным бельем. На девочках-подростках, особенно в Чечено-Ингушетии, в 1960—1970 гг. встречались длинные штаны типа лыжных, надевавшиеся под платье.

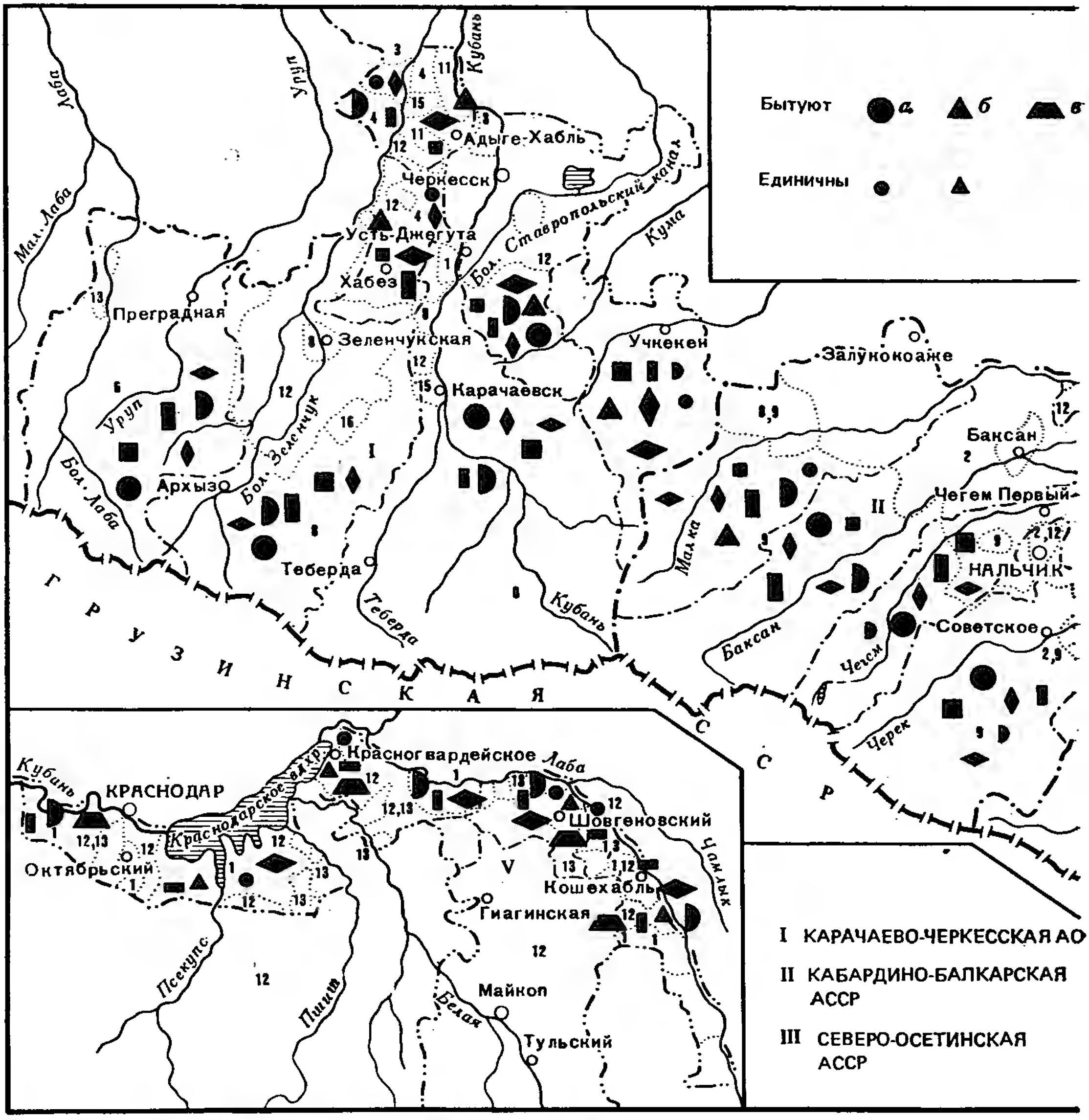
Кафтанчики. Платья. Кафтанчики, надевавшиеся под платье поверх рубахи, как мы говорили ранее, уже в конце XIX и особенно в начале XX в. начали распадаться на части. В 1920—1930 гг. цельные кафтанчики встречались в Карачае, Балкарии, Кабарде у женщин старших поко-



лений в форме, соответствующей возрасту: без вышивок и серебряных нагрудных застежек, они застегивались на круглые мелкие пуговки из шнурка или металлические. Сохранившиеся кое-где в семьях красивые, шитые золотом девичьи кафтанчики надевались в составе полного национального костюма на праздники, выступления самодеятельности.

Значительно дольше и шире бытовали девичьи нагрудники с серебряными застежками, которые носили не только под распашные, но и под закрытые платья с вырезом на груди. Имелись они в некоторых семьях и в 1960—1970 гг.; нагрудники и традиционные серебряные пояса используются в свадебном костюме.

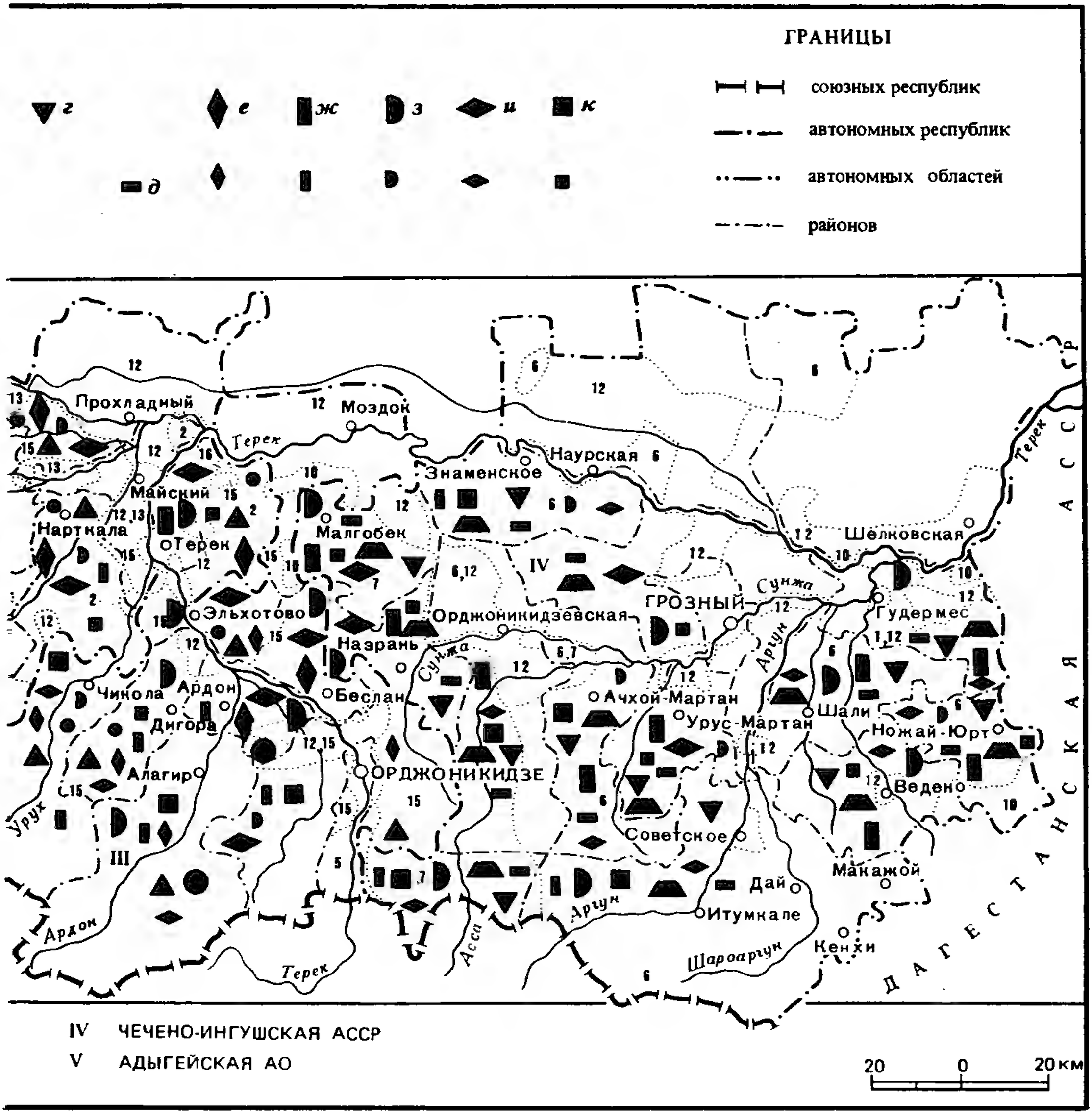
Развитие и сближение традиционного костюма с формами городской



Карта 14. Женская верхняя одежда. 1930-е годы

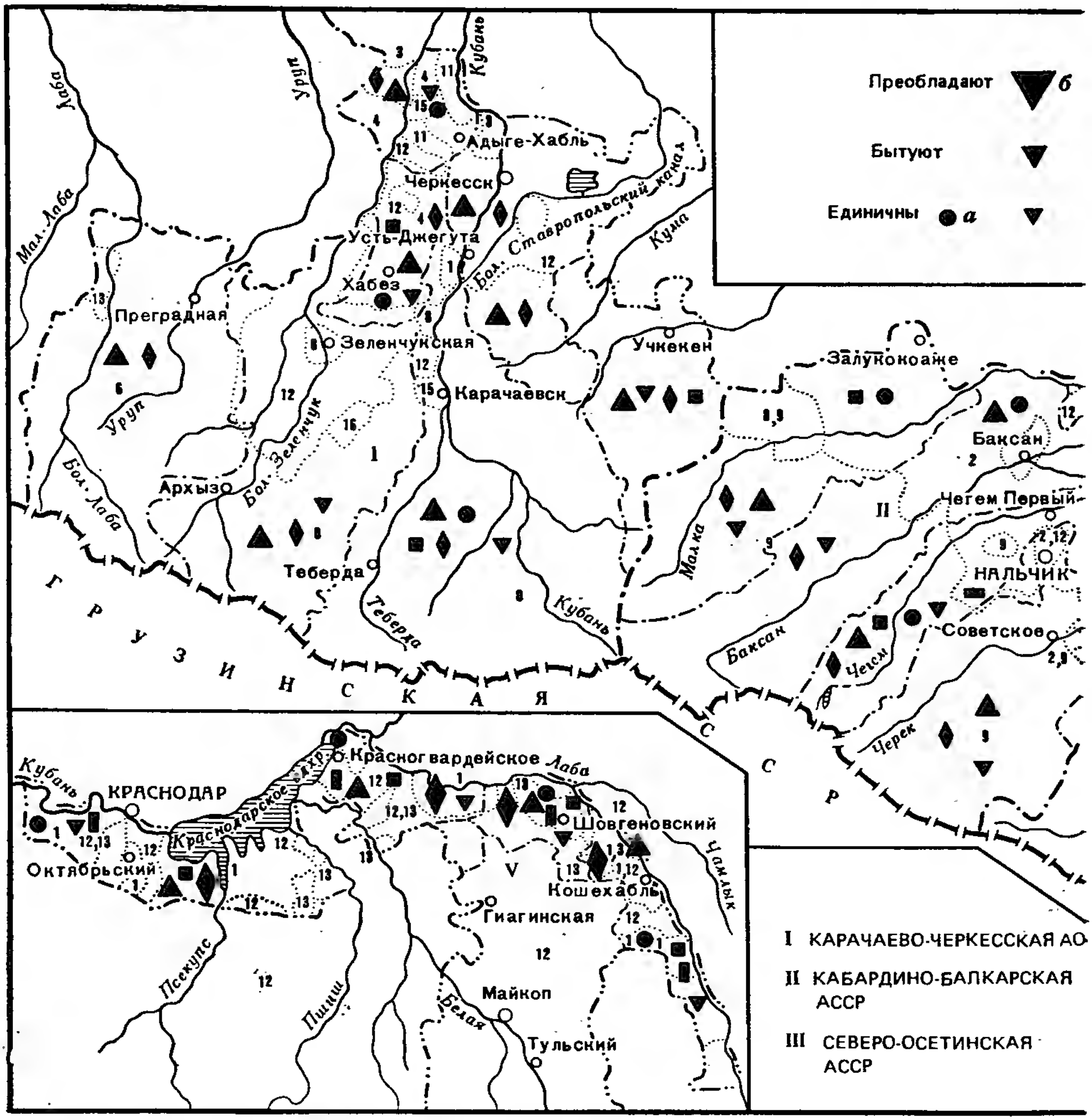
Платье традиционного типа: *а* — распашное, *б* — закрытое, *в* — платье-рубаха туникообразное, *г* — платье-рубаха на кокетке, *д* — платье-рубаха отрезное; *е* — платье городского типа. Теплая одежда: *ж* — шубы, *з* — капталы, *и* — пальто городского типа, *к* — наплечные шали, заменяющие теплую одежду

одежды характерны для народов Северного Кавказа уже в конце XIX — начале XX в. Но в тот период этот процесс затрагивал в основном лишь небольшую часть населения. Городская мода той поры в какой-то степени была близка к традиционным вкусам многих женщин Северного Кавказа, о чем мы уже упоминали (карта 14).



В советский же период городская одежда стала иной. Повседневные летние платья шили из тонких тканей с короткими рукавами, большим вырезом, часто с низкоспущенной талией. В городах в это время у девушек появилась одежда типа косовороток, юнгштурмовок, кепки и т. п. виды одежды, близкие к мужской.

Подобная мода не могла легко войти в обиход женщины-горянки. Поэтому у народов Северного Кавказа продолжали бытовать платья распашного покроя (у среднего и старшего поколения) или закрытые (у молодых) того типа, что были и в начале XX в., только более скромные и дешевые, чем у горских модниц начала века. Предпочитались однотонные



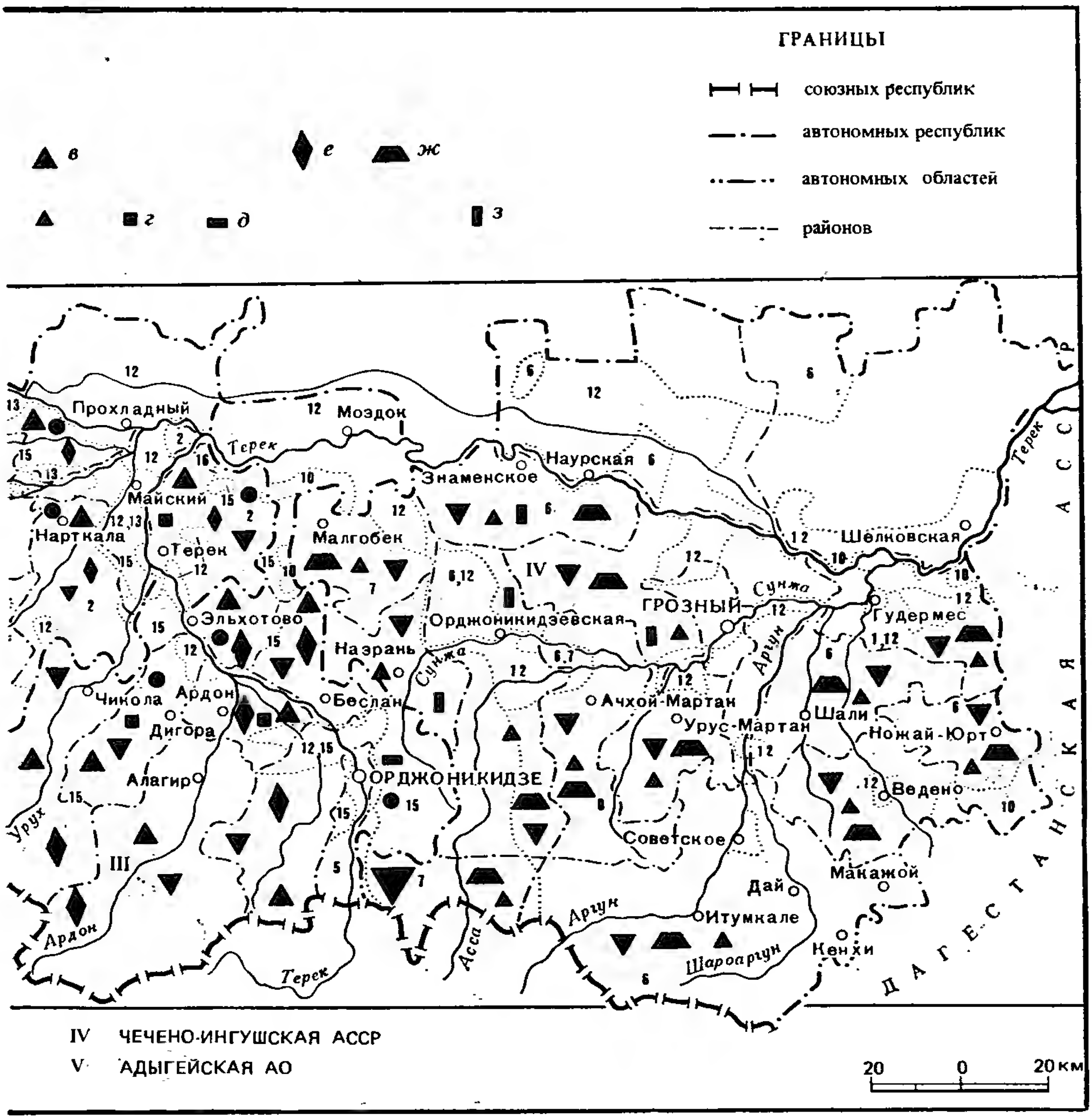
Карта 15. Женские головные уборы, 1930-е годы

Девичьи: *а* — шапочки, *б* — шали, платки, шарфы в накидку, *в* — шали, платки, шарфы завязанные, *г* — платок на шапочке, *д* — шляпы, береты. Женские: *е* — головные уборы из двух платков, *ж* — платок и чухта, *з* — платок, косынка городского типа

ткани, преимущественно темных цветов, особенно у адыгских народов и осетин.

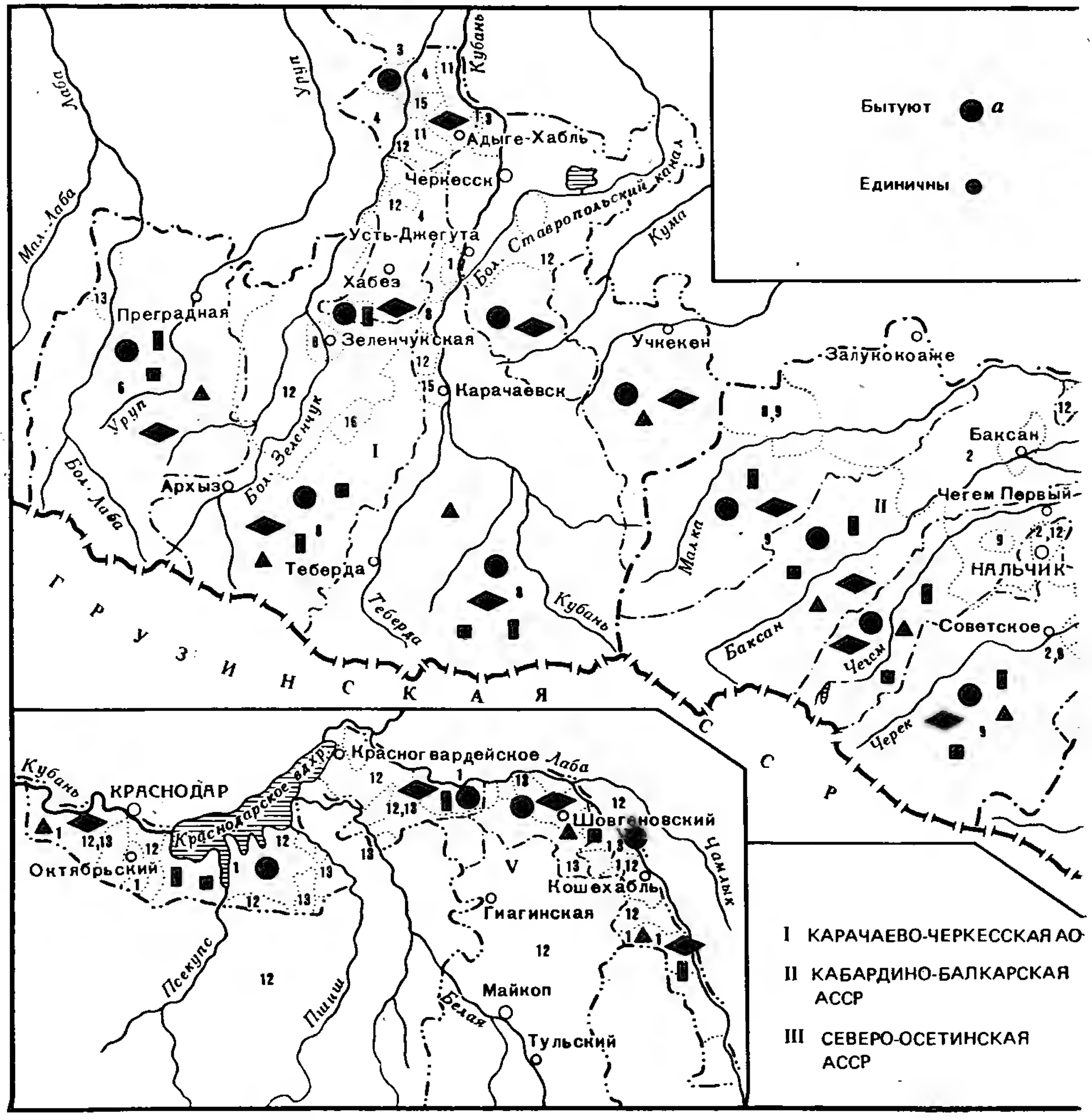
В 1960—1970 гг. девушки и молодые женщины народов Северного Кавказа перешли на современную модную одежду, которую шьют сами, а чаще покупают готовой или заказывают в ателье [30].

Мы уже отмечали, что на свадьбу принято надевать старинное платье или заказывать в специальных ателье платья из современных тканей



традиционного или слегка модернизированного покроя. Используют также серебряные национальные пояса любой формы [31]. Те, у кого сохранились старинные нагрудные застежки или пояса, весьма дорожат ими, но вместе с тем охотно дают их родственницам и соседкам на свадьбу. как это было в обычае и в прошлом. Вплоть до наших дней в быту можно встретить пояса почти 150-летней давности рядом с совсем «молодыми», сделанными лет 40 назад. Пояса из тканей, платков или полотенец в настоящее время можно увидеть очень редко у старых женщин.

Теплая одежда. Головные уборы. В прошлом в состав теплой женской одежды входили стеганые капталы, а также крытые или нагольные шубы, главным образом из мерлушки, однобортные, приталенные или по-

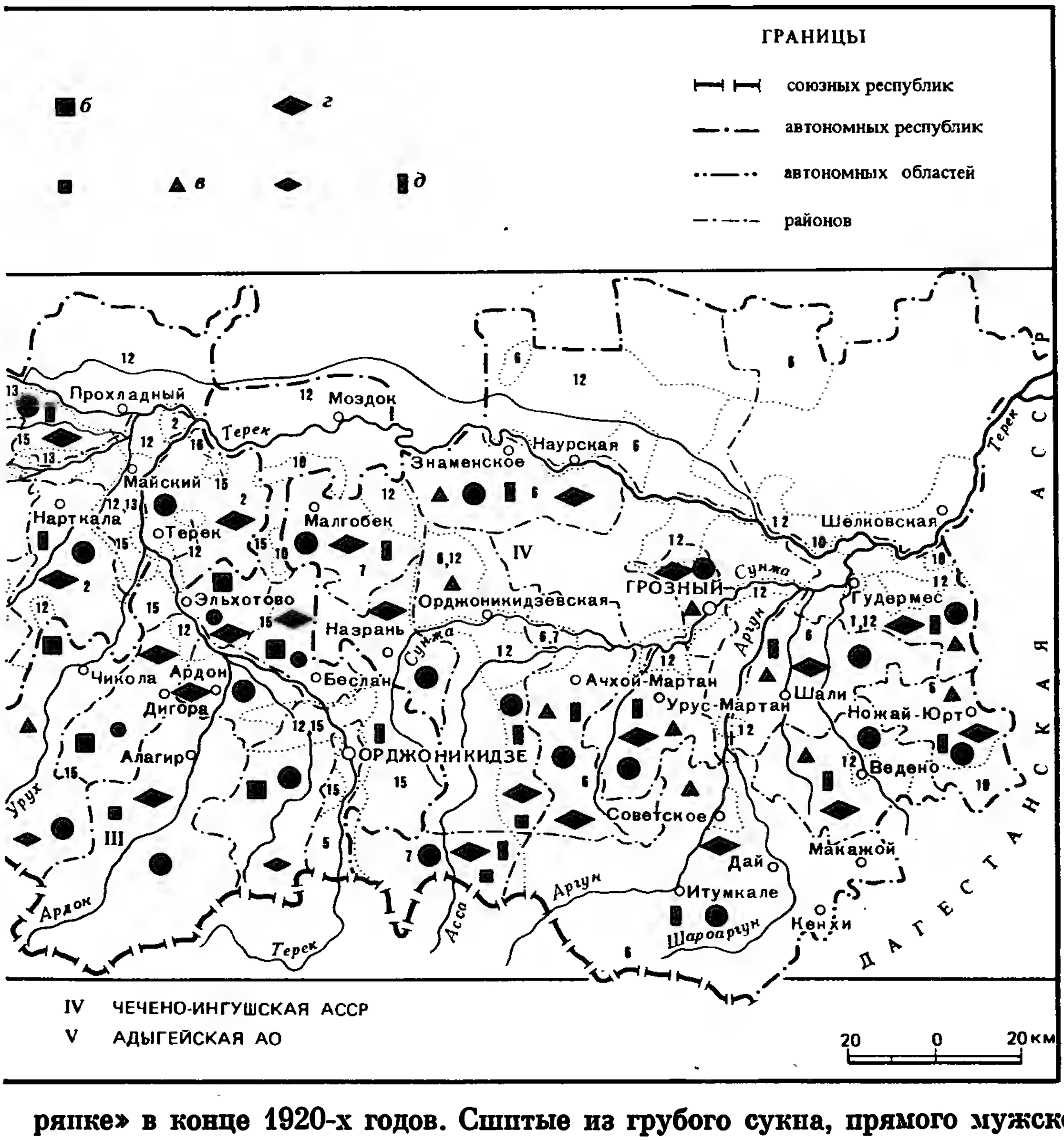


К а р т а 16. Женская обувь. 1930-е годы

а — традиционная из кожи, *б* — традиционная из ткани с кожей, *в* — традиционная из войлока, *г* — кожаная фабричная, *д* — галоши

кроя черкески, с застежкой от шеи до талии. В 1930-х годах и та, и другая формы (капталы и шубы) были характерны для одежды женщин среднего или старшего поколения. Весьма часто пальто или каптал заменялись теплыми шалями типа пледов, накинутыми на плечи. При этом для тепла иногда надевали 2—3 платья одно на другое.

Пальто городского типа появились во время кампании «Пальто —го-



ряпке» в конце 1920-х годов. Сшитые из грубого сукна, прямого мужского покроя, они мало отвечали вкусам горянок.

Теплая одежда фабричного производства городского типа — жакеты (вязаные и костюмные), различные женские пальто и шубы начали носить в конце 1930-х годов, а в послевоенное время они распространились почти повсюду [32].

Наиболее устойчивым элементом женской одежды оказались головные уборы, состоящие из платков и шалей. Они преобладали в 1930-х годах у женщин всех возрастов и во всех районах. Все описанные ранее типы платков сосуществуют до наших дней и могут лежать в сундуке с приданым одной и той же девушки. В советское время ассортимент платков

пополнился еще несколькими видами шалей. В 1930-х годах появились фабричные узорной вязки белые шелковые платки с длинными кистями, а также шали из белого крепдешина с бахромой (карты 15 и 16).

В конце 1930-х годов старинные громадные белые шелковые шали, украшенные белым шитьем гладью, цветочным узором европейского образца, ценились особенно высоко. В предвоенный период за такую шаль платили до 3—4 тыс. рублей. После войны многие горянки, особенно карачаевки и балкарки, сами делали белые и цветные крепдешиновые шали, украшая их яркой вышивкой гладью.

Способы ношения платков и шалей оставались традиционными. Замужние женщины повязывали черную косынку (или надевали чухту там, где она существовала и ранее), а сверху накидывали большой платок или шаль, завязывая их описанными способами.

В послевоенный период и особенно в 1960—1970 гг. носили различные платки — косынки, шали, в том числе газовые, сделанные из синтетических тканей, с люрексом или украшенные блестками. Однако молодые замужние женщины, особенно в городах, уже не стараются закрывать волосы и маленькая косыночка поверх пышной прически имеет скорее символическое значение. В зимнее время носят шерстяные или пуховые платки. Меховые шапки, береты или шляпы встречаются редко даже в городах [33].

Забота о красивых старинных или современных платках для приданого или свадебных подарков типична и для наших дней. Интересно сообщение В. С. Уарзиати о том, что в число обязательных подарков невестки вошел сравнительно новый элемент одежды женщин старших возрастов — фартуки, сшитые из различных тканей и различные по покрою [34].

В советское время в женской одежде в отличие от мужской не сложился какой-либо новый комплекс переходного типа. В целом женская традиционная одежда оказалась менее устойчивой, чем мужская. Путь ее изменения был противоречивым и сложным, впрочем, он отражает общие закономерности развития современной одежды народов СССР [35].

[1] Основными источниками для характеристики одежды народов Северного Кавказа в советское время являются полевые материалы автора за 1934—1976 гг., данные, полученные при анализе музейных коллекций этого периода и изучение фотографий. Однако за 1970—1980-е годы появилось несколько новых работ, посвященных этой теме. Наибольший интерес представляют статьи по осетинам В. С. Уарзиати и К. У. Тайсаева, а также соответствующие разделы в монографиях Б. А. Калоева, А. Х. Магомедова. Об одежде советского периода у адыгов писали М. А. Меретуков, Э. Л. Коджесау, Л. М. Ашхамахова и др. В общем плане об изменениях в быте горцев неоднократно писал Л. И. Лавров. Наконец, ряд статей принадлежит автору данной монографии.

[2] Современные этнические процессы в СССР. М., 1977 (глава «Одежда», автор Г. С. Маслова. С. 207); *Студенецкая Е. Н.* О современной народной одежде // СЭ. 1963. № 2. С. 48; *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. С. 49, 78; *Волкова Н. Г.*; *Джавахишвили Г. Н.* Бытовая культура Грузии XIX—XX вв. М., 1982. С. 54.

[3] *Студенецкая Е. Н.* Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 159—160. *Тайсаев К. У.* Изменения в традиционной одежде осетин в связи с

развитием капитализма. С. 105–107; *Уарзиати В. С.* Влияние культурно-бытовых процессов на современную одежду осетин. С. 45; Карачаевцы. Черкесск, 1978 (глава «Одежда», автор Е. Н. Студенецкая. С. 159); *Студенецкая Е. Н.* О современной народной одежде. С. 49.

[4] *Студенецкая Е. Н.* Одежда. С. 163–164.

[5] Там же. С. 168–170; *Студенецкая Е. Н.* О современной народной одежде. С. 51–52.

[6] *Студенецкая Е. Н.* Одежда. С. 170–171; *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. С. 66; *Коджесау Э. Л.* Одежда у адыгов в XIX–XX в. С. 368–369.

[7] Карачаевцы. С. 181.

[8] Современные этнические процессы в СССР. С. 229.

[9] Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 178, 182–183.

[10] Там же. С. 166; *Лавров Л. И.* Этнография Кавказа. Л., 1982. С. 11, 34, 42; *Уарзиати В. С.* Влияние культурно-бытовых процессов... С. 47; *Коджесау Э. Л.* Одежда у адыгов... С. 368; *Калоев Б. А.* Осетины. С. 157.

[11] *Малия Е. М., Акаба Л. Х.* Одежда и жилище абхазов. Тбилиси, 1982. С. 26–27; *Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. И.* Бытовая культура Грузии. С. 77.

[12] Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 166.

[13] Там же. С. 165; *Уарзиати В. С.* Элементы традиционного костюма в современном быту осетин. С. 148–150; *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. С. 68.

[14] Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 175; *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. С. 67; *Коджесау Э. М.* Одежда у адыгов... С. 368; *Мамбетов Г. Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. С. 314; *Уарзиати В. С.* Элементы традиционного костюма... С. 148.

[15] Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 175, 176; Народы Кавказа. I. М., 1960. С. 363, 383; *Студенецкая Е. Н.* О современной одежде. С. 57; *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. С. 65; *Лавров Л. И.* Этнография Кавказа. С. 38, 42.

[16] *Калоев Б. А.* Осетины. С. 51; *Он же.* Материальная культура и прикладное искусство осетин. Табл.63, 66.

[17] Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 175, 178; *Калмыков И. Х.* Культура и быт черкесского колхозного аула. Черкесск, 1957. С. 69; *Мамбетов Г. Х.* Материальная культура... С. 334; *Он же.* Одежда в традициях и обычаях кабардинцев и балкарцев. С. 112.

[18] Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 175, 178; Современные этнические процессы в СССР. С. 230.

[19] Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 174; *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. С. 65, 68; *Уарзиати В. С.* Элементы традиционного костюма... С. 146.

[20] Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 178; *Калмыков И. Х.* Культура и быт... С. 68; *Калоев Б. А.* Осетины. С. 158.

[21] *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. С. 69; *Калоев Б. А.* Осетины. С. 158; *Уарзиати В. С.* Элементы традиционного костюма... С. 146–147.

[22] *Лавров Л. И.* Этнография Кавказа. С. 38; *Калоев Б. А.* Осетины. С. 158; *Уарзиати В. С.* Элементы традиционного костюма... С. 147–148, 153; *Он же.* Влияние культурно-бытовых процессов... С. 55.

[23] *Уарзиати В. С.* Элементы традиционного костюма... С. 147; *Он же.* Влияние культурно-бытовых процессов... С. 57; *Калоев Б. А.* Осетины. С. 157.

[24] *Уарзиати В. С.* Влияние культурно-бытовых процессов... С. 60; *Калоев Б. А.* Осетины. С. 158.

[25] Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 174–175; Современные этнические процессы в СССР. С. 129; Карачаевцы. С. 181; *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. С. 65, 67; *Мамбетов Г. Х.* Материальная культура... С. 313; *Уарзиати В. С.* Влияние культурно-бытовых процессов... С. 54–58.

[26] Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 172.

[27] Там же. С. 173, 181.

[28] *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. С. 69; *Калоев Б. А.* Осетины С. 158.

[29] *Уарзиати В. С.* Влияние культурно-бытовых процессов... С. 51–52; Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 181; *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. С. 66.

[30] Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 180; *Уарзиати В. С.* Элементы традиционного костюма... С. 150, 153; *Он же.* Влияние культурно-бытовых процессов... С. 49–51, 58–59, 61; *Коджесау Э. Л.* Одежда у адыгов... С. 369.

[31] Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 182–183; *Калоев Б. А.* Осетины. С. 158–159; *Уарзиати В. С.* Элементы традиционного костюма... С. 153–155; *Он же.* Влияние культурно-бытовых процессов... С. 63; *Мамбетов Г. Х.* Одежда в традициях и обычаях кабардинцев и балкарцев. С. 104; *Студенецкая Е. Н.* О современной народной одежде. С. 54; *Лавров Л. И.* Этнография Кавказа... С. 182.

[32] *Уарзиати В. С.* Элементы традиционного костюма... С. 151; *Он же.* Влияние культурно-бытовых процессов... С. 59–60; *Калоев Б. А.* Осетины. С. 158; *Меретуков М. А.* Материальная культура адыгов. С. 69.

[33] Культура и быт народов Северного Кавказа. С. 180—182; *Калоев Б. А.* Осетины. С. 159; *Уарзиати В. С.* Влияние культурно-бытовых процессов... С. 60—61; *Он же.* Элементы традиционного костюма... С. 150–151, 153–154; Карачаевцы. С. 182.

[34] *Уарзиати В. С.* Элементы традиционного костюма... С. 151–152.

[35] *Студенецкая Е. Н.* Одежда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы по одежде народов Северного Кавказа, иллюстрированные картами и рисунками, охватывают значительный исторический период — XVIII—XX века (в отдельных случаях привлекались археологические данные более ранних эпох). Описываемое время является весьма важным в истории исследуемого региона. Оно включает в себя, с одной стороны, переходный период от феодально-патриархальных отношений к капиталистическим, с другой — эпоху, открытую Великой Октябрьской социалистической революцией.

Опосредованно изменения, коснувшиеся всех сфер экономики, быта, культуры, отразились и на одежде. Процесс развития одежды народов Северного Кавказа, так же как эволюция их культуры в целом, протекал не в условиях изоляции отдельных народов и региона в целом, а в обстановке постоянных взаимосвязей между этими народами и населением соседних территорий.

При рассмотрении истории одежды прежде всего учитывались изменения покроя основных ее частей, а также появление новых материалов. Покрой положен и в основу типологизации одежды. «Покрой — это основа одежды, технологическое решение задачи приспособления материала, прежде всего наиболее распространенного — ткани, к формам человеческого тела. В том, как решается эта задача, проявляется специфика культурных традиций каждого народа или нескольких народов одного региона, отражаются культурные связи между ними»,— пишет О. А. Сухарева в статье, посвященной одежде народов Средней Азии [1].

Одним из более древних типов покроя одежды, сшитой из ткани, является туникообразный покрой с перекидным плечом, рукавами, пришитыми по прямой линии, с ластовицами или без них, а также с боковыми вставками-клиньями. Туникообразный покрой рубах был широко распространен на территории СССР: в Средней Азии, на Кавказе, у народов Поволжья и частично у славянских народов. При этом наблюдается единство покроя для мужской и женской одежды, что считается весьма архаичным. Применительно к кавказскому материалу все эти черты можно наблюдать в покрое мужских и женских рубах народов Северного Кавказа. С течением времени покрой туникообразной одежды обычно меняется или по крайней мере «обрастает» деталями: воротники, разрезы, обшивки и т. п.

О. А. Сухарева в указанной статье прослеживает эти изменения на материале одежды народов Средней Азии, доказывая вместе с тем, что туникообразный покрой вплоть до конца XIX в. был господствующим и в глухой, и в распашной одежде, нательной и верхней — халатах. На-

до отметить, что и верхняя, и нательная одежда народов Средней Азии была широкой, прямой или раскошенной книзу, без застежки и подпояски.

Иначе дело обстояло на Северном Кавказе. Покрой нательных рубах был ближе к одному из типов среднеазиатских. Однако на северокавказских рубахах не встречался горизонтальный разрез ворота, всегда присутствовала ластовица или, реже, заменяющий ее треугольный выступ на верхнем конце бокового клина.

Для верхней одежды народов Северного Кавказа — бешмета, черкески, женского кафтанчика, платья и каптала характерен не прямой силуэт, как в одежде народов Средней Азии, а довольно сложный покрой, обеспечивающий плотное прилегание одежды в верхней части от плечей до пояса. Плавное расширение одежды от талии к подолу обеспечивалось особым покроем спинки, системой боковых клиньев, а также особым клином-надставкой у передних пол, имевшим целью достичь большего запáха разреза. Все эти виды одежды имели застежку от ворота до талии. Эта одежда обычно носилась с поясом.

Казалось бы, что перечисленные выше предметы верхней одежды народов Северного Кавказа ничем не напоминают туникообразный покрой и не связаны с ним. Однако это не так. Вплоть до конца XIX в. и даже позднее элементы туникообразного покроя в них присутствовали. Это прежде всего перекидное плечо и пришивание рукавов по прямой линии. Передок и спинку черкески, стеганого женского каптала, платья, кафтанчика и бешмета кроили из одного куска ткани.

Появление швов на плечах, вырезных пройм, выкроенных рукавов, а на женских платьях — и рукавов сложного покроя из двух половин относится к самому концу XIX и к началу XX в. и является заимствованием городской моды. Сохранение указанных выше элементов туникообразного покроя — своеобразное «воспоминание» об архаичных формах плечевой одежды, характерной для всех народов Северного Кавказа, что составляет особенность этого региона. Такой путь изменения покроя от туникообразного до сложных форм одежды типа черкески, бешмета и др., в которых сохранялись элементы более ранних форм, и до покроя городского типа прошли все народы Северного Кавказа.

Сходство природно-хозяйственных условий, социально-экономического развития и различные виды культурных связей привели к появлению общих черт в одежде народов Северного Кавказа, особенно мужской, где в некоторых случаях фиксируется почти тождество. Наибольшее сходство и вместе с тем длительное сохранение традиционных форм наблюдается в обуви, более всего обусловленной природной средой и занятиями населения.

Черты сходства мужской одежды народов Северного Кавказа с одеждой других народов замечаются как на севере (казачье население Северного Кавказа), так и на юго-западе региона (абхазы, сваны, имеретины и др.). Однако причины сходства различны и сложение его разновременно. Близость мужской (а отчасти и женской) одежды казаков с костюмом горцев объясняется прямым влиянием последних и заимствованием казаками горской одежды как более приспособленной к местным услови-

ям. Заимствование наблюдается и в других элементах культуры (оружие, седла и упряжь, убранство жилища, джигитовка, танцы, отдельные формы ведения хозяйства). Общие черты в казачьей и горской одежде складывались в точно известный и обозримый исторический период (XVI—XIX вв.). Сходство мужской одежды народов Северного Кавказа с абхазской, сванской, имеретинской сформировалось, видимо, в более ранние времена и имеет другие, не полностью еще изученные причины. В их числе этногенетическая общность (абхазы), давние исторические и экономические связи и др. Некоторые общие черты, значительно более слабые, наблюдались и в женской одежде.

Мужская и женская одежда народов Северного Кавказа вплоть до XVIII — начала XIX в. имела значительное сходство в покрое верхней и нижней одежды, обуви. Женские головные уборы, особенно девичьи, в XVIII — первой половине XIX в. у некоторых народов также были близки к мужским (круглые шапки с меховым околышем, митрообразные головные уборы знати). В ряде случаев это подтверждается и терминологией. В более позднее время произошло расхождение форм мужской и женской одежды, что особенно ярко выразилось во второй половине XIX в.

Сходство женской одежды народов Северного Кавказа значительно слабее, чем мужской. Оно выражается в основных формах и покрое. Но имеются значительные расхождения в частностях, отделке, а также функциях отдельных предметов одежды (рубаха, верхнее платье).

В одежде народов Северного Кавказа ярче, чем в других элементах материальной культуры (например в жилище), выражались социальные различия, большую роль играла престижность. Народная поговорка «По одежке встречают...» в полной мере относилась к этому региону. Из дверей турлучного дома с соломенной крышей могла выйти княжна в пышном и дорогом, шитом золотом платье с серебряным поясом. Как мы отмечали ранее, существовали и социальные запреты на ношение тех или других форм одежды или ее цвет для лиц, не принадлежавших к высшим сословиям.

Гравюры и рисунки XVIII — начала XIX в. часто имеют пометки: князь, княжна, обыкновенный черкес, простолюдин и т. п. В рисунках, изображающих массу людей, по одежде и особенно по вооружению и головному убору можно отличить знатных горцев от крестьян. В литературе отмечалась социальная значимость цвета обуви.

Еще более резкие социальные отличия наблюдались в женской одежде, и они сохранялись вплоть до 1860-х годов. Сословным признаком костюма женщины из феодальной среды (особенно у кабардинцев) были высокие шапочки, ходули, корсеты, нарукавные подвески, красный цвет платья и т. п. Кабардинский женский костюм феодальной верхушки оказал значительное влияние на женскую одежду высших социальных слоев других народов (карачаевцев, балкарцев, отчасти осетин). Этому способствовала значительная политическая роль Кабарды на Северном Кавказе в XVI—XVIII вв., а также межэтнические браки, характерные для феодальной среды.

Как отмечалось ранее, в отдельных элементах женского костюма прослеживаются черты более древних эпох, в частности деление на возрастные группы. При этом смена головного убора женщины после рождения первого ребенка как бы фиксирует ее переход в группу матерей. У народов Северного Кавказа можно отметить сходство в отношении к одежде девочек и глубоких старух: и те, и другие исключены из возможного полового общения и их одежда может сводиться к рубахе, штанам и головному платку.

Разница в одежде различных поколений характерна для всех народов. Особенно четко она выступает в переломные периоды, когда новое легче воспринимается молодежью, а старшее поколение придерживается старых форм. При рассмотрении одежды женщин Северного Кавказа следует учитывать местную специфику, в частности запрет на ношение теплой (меховой, а иногда и стеганой на шерсти или вате) верхней одежды девушками и молодыми женщинами.

Рассматривая мужскую одежду, мы указывали на сходство с одеждой населения Западного Закавказья. В женской одежде наблюдается известная общность с одеждой соседних народов Дагестана, особенно эта черта характерна для костюма чеченок и ингушек (функции и покрой платьев-рубах, количество и характер украшений, форма головных уборов).

Развитие капиталистических отношений, рост классового расслоения крестьянства, усиление торгово-экономических связей с Россией, влияние русской культуры — все это не могло не отразиться на одежде народов Северного Кавказа. Вытеснение домотканины фабричными тканями здесь началось, как мы отмечали выше, значительно раньше, чем в других регионах страны; обрели признание ткани самого различного качества: у бедной части населения — холст, бязь, ситец и другие дешевые ткани, у богатых — шелка, бархат, парча.

Усиление привоза тканей из России в конце XIX в., вызванное ростом в стране текстильной промышленности и освоением новых рынков, расширило возможности их приобретения горцами, но не произвело «переворота» в их костюме. Социальные изменения, вызванные «освобождением зависимых сословий» (крепостных и рабов), рост кулачества нашли отражение прежде всего в женской одежде. Отпали феодальные привилегии и запреты на отдельные формы и цвета одежды там, где они существовали. Новая социальная верхушка пыталась подражать феодалам в костюме, но не все было ей доступно. Трудоемкая и очень дорогая вышивка золотом и серебром швом «вприкреп» в значительной степени вытесняется более простой и быстрой гладью, используются иногда покупные фабричные элементы отделки — тесьма, ленты, позументы, аграманты, фабричные басонные изделия и кружева. Местные ювелиры изготовляют серебряные напивные пластинки, имитирующие золотое шитье «вприкреп». Возрастает количество ввозимых из России шелковых и шерстяных шалей, пледов, платков, появляются шарфы — газовые, шифоновые и кружевные (ручного плетения вологодской работы). Входят в употребление ювелирные украшения европейского типа. В качестве украшения начинают носить и часы типа медальонов на короткой или

длинной цепочке. На отдельных франтихах можно было видеть городские ботинки, а в руках — дамские ридикюли. Все эти нововведения были доступны только зажиточным слоям населения.

В мужской одежде сохраняется большая роль домотканины из овечьей шерсти; привозные ткани, как и раньше, употребляются чаще всего для капталов, рубашек, реже — штанов. Тонкие фабричные сукна встречаются на черкесках, из них делают праздничные, украшенные галунами и вышивкой башлыки. В начале XX в. уже бытуют (особенно среди осетин) русские сапоги и у некоторых — верх франтовства — резиновые галоши.

Источниками получения фабричных тканей, платков, галантереи являлись разъездные торговцы, в меньшей степени их покупали в лавках, имевшихся в крупных селениях. Большую роль в распространении предметов одежды играли города Владикавказ, Екатеринодар, а позднее и Грозный. В них были большие магазины, сапожные и ювелирные мастерские, чьи изделия расходились по всему Северному Кавказу. Ювелирные магазины и мастерские, рассчитанные главным образом на курортников, были и на Кавказских минеральных водах. В этих магазинах работали в основном дагестанцы, армяне, русские и другие мастера. Эта ситуация способствовала распространению изделий самых различных национальных форм, а также нивелировке изделий, в особенности мужских и женских поясов.

Наконец, города служили источником моды. Влияние последней особенно сказывалось на женской одежде. В конце XIX — начале XX в. происходит переход от распашных платьев к закрытым, появляются новые формы рукавов. Процесс сближения традиционных форм с городской модой происходил стихийно и захватывал довольно узкий круг населения.

Основными закономерностями развития одежды народов Северного Кавказа в советское время можно считать все большее сближение с общими для большинства народов СССР формами и составом одежды, а также широкое распространение готовых изделий — одежды, обуви, головных уборов. Эта тенденция, наметившаяся еще в начале XX в., особенно усилилась с конца 1930-х годов, охватывая все группы населения, от детей до стариков.

Вместе с тем, особенно в 1920-е годы, сильно действовал принцип избирательности: приобретались готовыми или изготовлялись те предметы одежды, которые в большей степени отвечали сложившимся ранее традициям. Так, например, вошедшая в быт мужского населения кавалерийская шинель, плотно охватывавшая верхнюю часть туловища и расширяющаяся книзу, была сходна с черкеской начала XX в. При этом она привлекала горца не только своей формой и удобством при езде верхом, но и тем что была одеждой воина, так же как северокавказская черкеска, и соответствовала общему стилю одежды горцев. Избирательное отношение наблюдалось также в выборе расцветки тканей, что особенно характерно для женской одежды. В одежде женщин 1930-х годов использовались более всего одноцветные ткани, преимущественно темных тонов, хотя в продаже (и в моде) были красочные ткани с яркими растительными рисунками.

В развитии мужской одежды в 1920—1930-е годы наблюдалось не только влияние общесоюзных форм городской одежды, но и быстрое реагирование на нововведения в одежде соседних народов. Та или иная новая или видоизмененная форма, появившаяся в одном районе, у одного народа, быстро распространялась и у соседей. В результате сложился общий комплекс мужской одежды, воспринимаемый как «национальная форма»; он сохранился частично у стариков и в 1970-е годы. Строгс традиционные черкески, бешметы, пояса употреблялись только в торжественных случаях — на праздничных демонстрациях, на торжествах, посвященных призыву в армию, во время выступлений самодеятельности.

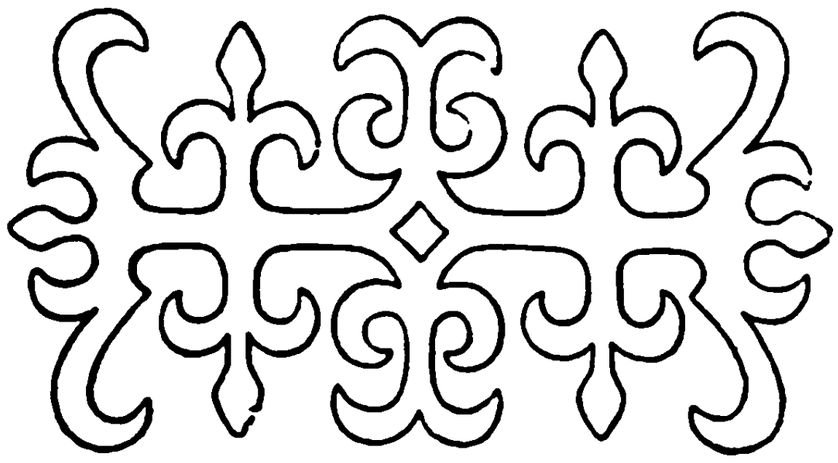
Отдельные элементы традиционной одежды — бурки, башлыки, войлочные шляпы, местная обувь — стали производственной одеждой чабанов и табунщиков.

В изменении женской одежды в советское время плановое начало сыграло еще большую роль. Этому способствовала активная борьба партии и государства за раскрепощение женщины, изменение ее быта, вовлечение в производственную и общественную деятельность.

При домашнем производстве одежды в модные новинки вносились известные «поправки» согласно сложившимся традициям: по-прежнему предпочитали платье с закрытым воротом, длинными рукавами, сшитыми из одноцветных тканей или материй скромной расцветки. Сохранялся, особенно в Чечне, тип платья-рубахи. Очень устойчив был традиционный головной убор, состоящий из одного или нескольких платков. В отличие от мужской одежды в женской не сложился «национальный костюм» переходного типа, общий для всех народов Северного Кавказа.

Тенденция сохранения традиционного костюма в качестве свадебного проявилась главным образом в 1960—1970-е годы и связана с общей установкой на создание новых советских обрядов и использованием традиционных народных ритуалов, праздников, обычаев. На свадебных торжествах используются национальные формы одежды в их модернизированном виде, с включением и подлинных старинных изделий (нагрудники, пояса, шапочки). Сохранение национальных традиций в покрое и отделке свадебных платьев, равно как использование современными модельерами традиционного силуэта, деталей одежды, украшений, говорит не о возвращении к прошлому, а о стремлении обогатить наше настоящее и будущее, культуру современного советского человека.

[1] *Сухарева О. А.* Опыт анализа покроев традиционной туникообразной среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 77—78.



ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. НАИМЕНОВАНИЯ МУЖСКОЙ ОДЕЖДЫ

	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы	Балкарцы	Осетины	Чеченцы	Ингуши
Рубаха	джан	джанэ	кёлек	кёлек	хæдон	коч	коч
Штаны	гъончэдж	гъуэншэдж	кёнчек, шалбар	кёнчек, шалбар	салбар, хæлаф	шарбал, хеча, хача *	шарбал, хачи
Бешмет	къэптан	къэптал	къаптал	къаптал	куырæт	гIовтал	гIовтал
Черкеска	цый	цей	чепкен	чепкен	цухъхъа	чоа	чокхи
Шуба, тулуп	джэдыгу	джэдыгу	тон	тон	кæрц	кетар бекх *	кетар бекх *
Одежда из войлока	щибэ гуэбэнэч	гуэбэнэч	гебенек	гебенек	гебена, гебина		
Бурка	кIакIо	щIакIуэ	джамчи	джамчи	нымæт	верта	ферта
Пояс	бгырыпх	бгырыпх	белибау	белибау	рон	доьхка	тIехкар
Башлык	шъхъарыхъон	бащлъыкъ	башлыкъ	башлыкъ	басылыхъхъ	башлакх	палчакх
Шапка	паIо	пыIэ	бёрк	бёрк	худ	куй	кий
Шляпа войлочная	упкIэ паIу	упщIэ пыIэ	кийиз бёрк	къалпакъ	нымæт худ	бIёгIиган куй, мангал куй *	бIегIинга кий, мангал кий

Окончание

	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы	Балкарцы	Осетины	Чеченцы	Ингуши
Шапка меховая, каракулевая	каракуль пацу	хъурыфэ пыІэ, бухар пыІэ	тери бёрк, бухар бёрк, элтир бёрк	терибёрк, бухар бёрк, элтир бёрк	уæлдзарм, худ, бухайраг худ	холхазап куй	элтара кий
Накидка	плІэІурыдз				пæлæз	кхоллар, маша	кхоллэр
Ноговицы	лъай	лъей	ышым	ышым	зæнгоӥ	пезаг	пезаг, пезг
Одежда	щыгъын	щыгъын	кийим	кийим	дарæс, дзаума, пысултæ, уæлæ-дарæс	бедар, барзакъ куй-кетар	бедар, барзкъаш
Белье **	чІэг — чІэлъхер.	щыгъын щІагъ щІэлъ	ич кийим	ич кийим	мидæггаг дзаума	чухулаюху бедар	чухьдувхаду барзкъац

* По Алироеву.

** Для понятия «белье» у всех народов Северного Кавказа употребляется выражение «нижняя или внутренняя одежда».

Таблица 2. НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ

	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы	Балкарцы	Осетины	Чеченцы	Ингуши
Рубаха	джан	джанэ	кёлек	кёлек	хæдон	коч	коч
Штаны	гъончэдж	гъуэншэдж	кёнчек	кёнчек	хæлæф	хэча	хачи
Кафтанчик	кIако, кIыэчIы *	кIэщI	кюбетюб	чубур	куырæт		лоаца гIовтал
Поясные подвески		гупэIулъ		чубур	цыбыр * куырæт		
Платье распашное	сай	бостей, босцей *	чепкен	джыйрыкъ	къаба, сыф, пъолци *	гIабали, полшу	чукьи * полшув **, кхалпаьха **
Платье современное	джан	бостей	чепкен	джыйрыкъ	къаба	коч	коч
Нарукавные подвески		Iэщхьэ тхьэмпэ, Iэщхьэ бэлаг *	дженгюч *	къолбаши *	уæлармдис		
Бешмет стеганый	къэптан	къэптал	къаптал	къаптал		гIовтал	гIовтал
Шуба	джэдыгу	джедыгу	тон	тон	кæрц	кетар	кетар
Пояс	бгырыпх	бгырыпх	белибау, беллик (из ткани)	белибау, беллик (из ткани)	рон	доьхка	тIеккар
Пояс серебряный	тыжьын бгырыпх	дыжьып бгырыпх	къемар, кямар *	кюмюш белибау, кямар *	камари	доьхка	дото тIехкар
Застежки нагрудные	тыжьынычыIу	дыжьынщI-ыIу	тюйме	тюйме	риуыгъæ-джытæ	туьйдарган	
Передник	пэIупхъу	кIэпхын	хота	албота хота	куатæ раздарæн	хъалхауллург	тIолг
Юбка	кIэпхын	бостеикIэ	тебен джан, юбка	тебен джан, юбка	юбкæ	юпка	юбка

Окончание

	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы	Балкарцы	Осетины	Чеченцы	Ингуши
Корсет	бгъэкIапх, куэншыбэ *	куэншыбэ	чуба	чуба	хæлып кæрц		
Шапочка	дышъэ пэIо **	дыщэ ныIэ	окъа бёрк	окъа бёрк	худ, чызджы худ		хода, йега хода **
	дышъэ пэIо тапдж **	ныIэ къуаншэ					
	дышъэ пэIо хурей **	тэтэр ныIэ					
	дышъэ пэIо шыгубгъу′	къушхьэ ныIэ					
	дышъэ пэIо къуанч′	дыгъор ныIэ					
	Тыжьын тельзу дышъэ паIу′						
	дышъэ пэIо тIаркъу′						
	Тэтэр паIу′ или къырым паIу′						
	чилиса пэIо +						
Головная повязка замужней женщины, скрывающая волосы	пIын, шъхьа пIын	щхьэфэщIэпхэ	чох *	чох *, чикиля *	сæрбæтан, гопп	чухта	чухта гурмули *
Накосники	шэхьацхэпышIэ	шъхьэпыщIэ *	чач бау * чач салгъан *	чач бау *	дзыкку бош		

′ По Ашхамаховой. + По Азаматовой.
* Полевые материалы автора. ** По Алироеву.

Таблица 3. НАИМЕНОВАНИЯ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ОБУВИ

Кожаная из одного куска кожи:	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы	Балкарцы	Осетины	Чеченцы	Ингуши
а. Типа постолов	Іашъоцуакъэ *	кІэрэхъ			къогъодзи, гонцарухъ (дигорский)	неІармäч	маьча, нахъари маьч′
б. Со швом на носке и заднике	цуакъэ зак-ад	вакъэ гуэн шырыкъ	чарыкъ, гончарыкъ	чарыкъ гончарыкъ	дзабыр	кІарх, тударкх	нахырмач нахьарамаьч′ бац′
в. Со швом на подошве и заднике	цуакъэ хъурай *	лъахъстэн вакъэ	чарыкъ	чарыкъ	сæрак дзабыр чустъи	тІаьрсиган мача кІарх	
г. С плетеной подошвой			чабыр	чабыр	æрчъи	хулчи	хулчи
Кожаная Из нескольких кусков кожи		лъахъстэн вакъэ	сахтиан чарыкъ	сахтиан чарыкъ			
С кожаной твердой или деревянной подошвой без задника	башмак, цокъэ шъхьану, папышь	бэшмакъ	башмакъ	башмакъ къумукъ чарыкъ **	басмахъ (женская)	пошмакх	башмак
Сапоги	щазымэ, щырыкъу	къатыр	чурукъ, башлы чурукъ	чурукъ, башлы чурукъ	цырыхъхъ	этка, этк′	икка икк′
Сапоги с мягкой подошвой		шырыкъу			хæдбынтæ	тІаьрсигийн пезаг маьхьси′	маьхьси
Галоши кожаные, резиновые	калоша	кІэлош	галош	галош	къалос, дзабыр къалос (мужская)	екъи калош, лаклонш, калош	калош кало

Окончание

Кожаная из одиого куска кожи:	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы	Балкарцы	Осетины	Чеченцы	Ингуши
Обувь из войлока	упкIэ цуакъэ	упщIэ вакъэ	уюкъ, олтанлы уюкъ	уюкъ, олтанлы уюкъ	пымæт дзабыр	охкие′, öхкё, бIоржам	бIардзман бIоаржам
Обувь из ткани с кожей		хъыдан вакъэ, чэтэп вакъэ	чепкеп чарык	чепкен чарыкь, бастыр чарыкъ	хæцъил дзабыр, фасмын дзабыр, уæлфæдджын дзабыр		хущ, бараг′ (вязаная из шерсти)
«Ходули» (только женская обувь)	ихъэцуакъэ	пхъэ вакъэ	агъач аякъ кийим	акъач аяк кийим			маьча
Обувь вообще	цуакъэ	вакъэ	аякъ киим (букв. «одежда для ног») чарыкъ	аякъ кийим	къахыдарæс, дзабыр	мача, колб′	кога чIирс
Носки кожаные	майст ** местэ	мест	месси	моси	мес	маьхьси	маьхьси
Носки, чулки	лъэпед	лъэпэд	чындай	чындай	цъында	пäзат	пазат (букв. «вязаный»)
Сафьян, хром	лъахъстэн, сэхътан	лъахъстэн	сахтиян	сахтиян	сæрак	тIаьренг, миша тIаьрсиг′	тIоарска
Кожа	шъо	фэ	тери	тери	царм, æрчиаг (сыромятная)	неI, телат	нихь, телат

Все национальные названия обуви и носков даны в единственном числе.

* По Азаматовой. ** По Уарзиати. ′ По Алироеву.

Таблица 4. НАИМЕНОВАНИЯ ПЛАТКОВ, ШАЛЕЙ, ШАРФОВ

	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы	Балкарцы	Осетины	Чеченцы	Ингуши
Платок	шъхьэтехъу, платыку	Iэлъэш1	джаулукъ	джаулукъ, бота	кæлмæрзæп, кæрдæн	йовлакх	йовлакх
Шаль теплая, наплечная, плед	шал	Iэлэш1 Iув	палток * джаулукъ	су бота * уллу бота * ауат бота *	саль *, кæлмæрзæн, бажджин кæлмæрзæп *	кортали, кIинж йолу кортали * (иногда их делали из *маша* – домоткапого сукна)	кортали, маша дзип **
Шаль или платок, плетеный из шелка, домашней работы, обычно с длинной бахромой	данэхъэгэкыхъэ *	шылэхъар * (шелковая сетка)	чилле джаулукъ *,	чилле джаулукъ *,	цыллæ хыз * (шелковая сетка)	хIири бой * (осетинская шаль, сетка)	
Шелковый тонкий набивной платок кустарной работы закавказских мастеров	кулым дан *	гульмэдын *	гюльменды * джибек *	гюльменды * чикиля		гульмаьнда гуьмаьлд **	гурмули * гурмам **
Фабричные платки и шали (кашемировые)			кашемер джаулукъ	кишмир бота		кастбол * кортали	

Окончание

	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы	Балкарцы	Осетины	Чеченцы	Ингуши
Пуховый платок	цы шъэбэ платыку		пух джаулукъ	пух джаулукъ	пуховка	бой	петара йовлакх, петарц харал
«Купеческая шаль» шелковая большая, затканная цветами		кIупIэц, кумпец *	купес джаулукъ *	купес джаулукъ *		тIамарш колу кIäди	
Шаль или платок шелковые, с цветочным узором одного тона с фоном (жаккардового тканья)			лаудан джаулукъ *	бухар (мухар) джаулукъ	зæлдаг кæлмæрзæн	тапта, дарин кортали, чилланин кортали, бутбалу кортали	таптэ *
Шаль белая вышитая с бахромой			гранча *	герянча *			
Шарф:	шарф	шарф	боюнлук, чилле боюнлукъ	боюнлукъ, чилле боюнлук	шарф, хъуырбæттын,	шарф	шарф
шелковый			шарф	шарф	шипон	шипон	
шифоновый		дэнэпс					
газовый		шарфIэпэхъ					
вязаный		чэсей хъар					
тюлевый							

* Полевые материалы автора. ** По Алироеву

Таблица 5. НАИМЕНОВАНИЯ ТКАНЕЙ

	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы	Балкарцы	Осетины	Чеченцы	Ингуши
Ткань, материя	шэкIы	шэкI	къумач	къумач	хъуымац, уæфта	кIäди	кIада
Сукно домотканое	цыяпхъ	цей	чепкен	чепкен	фæсмын	мäша, шал	маша
Сукно фабричное	щыухьэ	щухьэ	схарла *	схарла *	сгæллад	исхар	исхали?
Ткань шерстяная	цы шэкIы	цы шэкI	джюн къумач	джюн хъумач	фæсмын	зип	зип
Кашемир	кишмер	кашемыр	кашемер	кишмир	кæсæмир	кашемир	кашемир
Диагональ			дигинал *				диагональ
Шевиот, бостон		къэруакъ *	шевиот	шевиот			шевиот
Драп	драп	драп	драф	драф	драп		драп
Холст	чэтэн пхъаш	чэтэн пхъашэ	кетен	кетен	четæн, гæрæзе	гата	гата
Полотно	чэтэны	чэтэн	кетен	гетен	кæттаг	киса кеса **	шаьра гата киси **
Бязь	амылкъан	боз	маймез акъ кетен	маймез акъ гетен	цырыссаг хом, хом	боз	боз
Кумач	щэкI плъыжь	щэкI плъыжь наIцэ	ачы къызыл къумач	ачы къызыл къумач	сырхлайын	цIарул цIен кIади	сийрда цIе кIада
Ситец	басмэ	чэсыргей	алакътай	басма	джиппæйфыст, басма	басма	басма бастам **
Сатин	сатин	сатин	атлес	маймез къумач, атлес	сатин	сатин	алтаз
«Чертова кожа»			орус къауракъ *	къауракъ *			

Окончание

	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы	Балкарцы	Осетины	Чеченцы	Ингуши
Бумазея	бумазей	бумазей	памезей	памезей	бумазе	бумзи	бумази
Кисея	чэсэй	чэсей	кисей	кисей	кисей	киса	киси
Батист	батист	батис	патис	патис	батист	батист	батист
Бархат	къэтабэ	къэдабэ	къатапа	къатапа	хъæдабæ	бархат, хут	бархат
Плюш	плюш		джибек	сидан		бархат	плюш
			къатапа *	къатапа *			
Вельвет			къурт	къурт		хут	бархат
			къатапа *	къатапа *, хырлы кътапа *			
Парча	парча	парча	сау пай +	герхапа	хæрдгæхуыд хъуымац	махмар, ездари йездари **	йездарие **
Шелк	дэнэ	данэ, щылэ, дарий	чилле, дарий джибек	чилле, дарий джибек	зæлдаг	дари	даьри
Шелк плотный узорный, жаккардного тканья	даудан	лэудап *	лаудан *, пермек *	лаудан *		хари	хари
Шелк сен-жен, двуличный			мурса пай *	пай дарий, фай дарий			
Атлас	алтэс	альтес	атлес джибек	атлес джибек	атлас	атлас	даьри алтаз
Тафта	тафт	дарий	джарым пай *	къапават			тафта
Чесуча	чэсучэ		чесуча	чесуча, чилле дари		чуванча	чеченча кучанч **
Восточные кустарные шелковые и полушелковые ткани			шамеледжи *, кутене *, къанзар *	шамаладжи *, къатыш къумач *, генджа къумач *			

* Полевые материалы автора. ** По Алироеву.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИМ ТАБЛИЦАМ

1. Терминологические таблицы составлены на базе различных источников. Исходным материалом являются полевые записи автора во время экспедиций 1934–1976 гг. Наибольшим числом записей мы располагаем по карачаевцам и балкарцам, а по ингушам, например, используем в основном материал из словарей. Записанная во время экспедиции терминология в дальнейшем была проверена по словарям. Слова, известные нам только по полевым сведениям, отмечены в таблицах.

При проверке терминов по словарям мы испытывали определенные трудности, т. к. издание более или менее полных словарей языков народов Северного Кавказа началось только в 1950-х годах и они преследовали чисто практические цели, были довольно краткими. Этнографический материал, а также диалектные формы в них почти не представлены.

Наиболее ценным для нашей работы стал историко-этимологический словарь осетинского языка, автором которого является крупнейший ученый-лингвист В. И. Абаев. Весьма полезен также этимологический словарь адыгских языков А. К. Шагирова, к сожалению, небольшой по объему (1564 слова).

В нашей работе мы использовали следующие словари:

1. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–III. М., 1958, 1973, 1979.
2. Русско-осетинский словарь. Сост. В. И. Абаев, под ред. М. И. Исаева. Около 25 000 слов. Изд. 2. М., 1979.
3. Осетинско-русский словарь. Сост. Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Н. А. Кулаев, О. Н. Туаева. Около 28 000 слов. Изд. 3. Орджоникизде, 1970.
4. *Шагиров А. К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. 1564 слова. Два тома. М., 1977.
5. Кабардино-русский словарь. Сост. М. Л. Аппажев, Н. А. Багов, Б. К. Балкаров, Дж. Н. Коков, Х. Х. Жакамухов, Х. Ш. Урусов. Под ред. Б. М. Карданова. 20 000 слов. М., 1957.
6. Русско-кабардино-черкесский словарь. Сост. Б. М. Карданов, А. Т. Бичоев. Под ред. О. А. Шогенцукова. Около 30 000 слов. М., 1955.
7. *Хатанов А. А., Керашева З. И.* Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 1960.
8. Русско-адыгейский словарь. Под ред. Водождокова. Около 33 000 слов. М., 1960.
9. Чечено-русский словарь. Сост. А. Г. Мациев. Около 20 000 слов. М., 1961.
10. *Карасаев А. Т., Мациев А. Г.* Русско-чеченский словарь. 40 000 слов. М., 1978.
11. *Оздоев Ц. А.* Русско-ингушский словарь. 40 000 слов. М., 1980.
12. *Алироев И. Ю.* Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Грозный, 1975. Разделы: 1) названия, связанные с трудовой деятельностью человека; 2) названия одежды, обуви, тканей, головных уборов и предметов украшения (стр. 197–212). В основу словаря положен полевой материал, собранный автором. Некоторые названия отличаются от приводимых в других словарях, в таком случае делается отметка: по Алироеву.
13. Русско-карачаево-балкарский словарь. Под ред. Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева. Около 35 000 слов. М., 1965.
14. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893–1909–1911. Т. I–IV.
15. Турецко-русский словарь. Под ред. В. Л. Гордлевского. 40 000 слов. М., 1931.

Ряд терминов извлечен нами из существующей этнографической литературы. К сожалению, у разных авторов встречаются несовпадения в написании и переводе терминов.

Большой и очень важный для нас материал мы получили из книги: *Отаров И. М.* Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка (на материале названий одежды и обуви). Нальчик, 1978, а также из работ В. Уарзиати и его консультаций.

2. Как нам уже приходилось отмечать в статье «Общие черты в мужской одежде народов Северного Кавказа и их отражение в терминологии» (см.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974), включающей терминологическую таблицу, несмотря на общность, а во многих случаях тождество форм мужской одежды, основные ее предметы имеют у каждого народа собственные названия

(табл. 1). Это относится к рубахе, штанам, шубе, бурке, ноговицам, некоторым видам обуви и к шапкам. Иногда название одежды совпадает с наименованием материала, из которого она сделана. У кабардинцев *цей* – домотканое сукно и черкеска. Соответственно у карачаевцев и балкарцев *чепкен* – домотканое сукно и черкеска; у осетин *нымæт* – войлок и бурка, у чеченцев *маша* – домотканое сукно и пастушья накидка.

Вместе с тем отмечается большое количество тюркских наименований, вошедших в языки нетюркских народов Северного Кавказа; например, название бешмета *къаптал* и схожие термины у соседних народов; *гебенек* – верхняя одежда из войлока, некоторые виды обуви и др. При этом тюркские и другие заимствования могут быть древними или весьма поздними. Кабардинское *гъуэншедж* происходит от кипчакского *кёнчек*, при этом и покрой кабардинских штанов типичен для кочевников и, возможно, заимствован от них.

Из Грузии, издавна связанной с Осетией и Чечней, пришли термины *чоха, чуха*, тюркско-персидские по происхождению, но широко распространенные по всему Закавказью. В данном случае мы имеем заимствование только термина, но не самой вещи или ее покроя. Покрой черкески у осетин, чеченцев и ингушей тождественен черкескам других народов Северного Кавказа.

Грузинское название носков *цинда* проникло в том же смысле к осетинам, где означает также чулок *цъында*. У карачаевцев и балкарцев оно звучит *чындай* с теми же значениями. Термин проник к этим народам, по-видимому, поздно, в XIX в., вместе с самим предметом. В более ранний период вязаных чулок или носков в Карачае и Балкарии не было.

3. Терминология, связанная с женской одеждой (табл. 2), почти целиком принадлежит коренным языкам народов Северного Кавказа, несмотря на то что сходство форм самой одежды наблюдается и в данном случае, хотя и в меньшей степени, чем в мужской. Названия основных предметов одежды (рубашка, штаны, шапка) совпадают с наименованиями мужской одежды.

Из тюркских названий у всех народов присутствует *къаптал*, обозначая теплую длинную женскую одежду, обычно с короткими рукавами, стеганую на тонком слое шерсти или ваты.

Грузинское влияние сказывается опять-таки на осетинском и чеченском названиях женского распашного платья (грузинское *каба*, осетинское *къаба*, чеченское *гIабали*).

Из Закавказья к осетинам, карачаевцам и балкарцам проник широко распространенный персидский термин *кямар // камари*, относимый к женскому серебряному поясу. Наконец, женский головной убор у чеченцев и ингушей – *чухта // чухт* и по названию, и по форме близок к чухте (*чуткъу*) народов Дагестана, где этот вид головного убора является очень древним (см.: *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана. С. 91–101). Функция этого головного убора одна – закрывать от посторонних глаз волосы замужних женщин, заплетенные в косы, спускающиеся по спине. В Дагестане чухты весьма разнообразны по форме и способам украшения.

4. С наибольшими трудностями мы столкнулись при составлении таблицы названий обуви (табл. 3). В словарях эта терминология представлена скупо и часто неточно. Большинство кавказской обуви не имеет аналогии в русском быту, а следовательно, нет и адекватных терминов. Приводя тот или иной местный термин, составители часто ограничиваются указанием: «национальная обувь» – или пользуются расхожим словом «чувяки», вкладывая в него понятие о самых различных формах обуви. Интересно отметить, что слово «чувяки» пришло к русским из адыгского (черкесского) языка. *Цуакъэ* по-адыгейски означает «обувь, сделанная из одного куска кожи».

Среди названий обуви значительное количество терминов тюркского происхождения, вошедших в разные языки народов Северного Кавказа. К ним относятся *гончарыкъ* (*гон* – выделанная кожа, *чарыкъ* – крестьянская обувь). У кабардинцев делали обувь того же типа – *гуэншырык*, осетины (дигорцы) применяли названия *гончарухъ* также к обуви из сыромятной кожи, но другого фасона. В турецком языке термины *гон* и *чарыкъ* существуют в тех же значениях, но раздельно.

Связи с Турцией (и Крымом) у народов Северного Кавказа были довольно крепкими, но относительно поздними (в основном с XV–XVI вв.), мы думаем, что тер-

мин *гончарыкъ*, относящийся к самой распространенной обуви, является древнетюркским, а в нетюркские языки слово могло прийти, если не от кыпчаков, то в более поздний период от карачаевцев и балкарцев.

К тюркским словам относятся *чурукъ, шырыкъу, цырыхъхъ*, означающие «сапог». Высокие сапоги появились на Северном Кавказе поздно – в XIX в., но слово *чурукъ* (*шырыкъу*) существовало и ранее и обозначало другой вид обуви. И. М. Отаров указывает (Профессиональная лексика... С. 44), что карачаевцы называют этим словом любую обувь с твердой подошвой и каблуком (ботинки, туфли и др.), а если хотят подчеркнуть, что речь идет о сапогах, говорят *узунбаш чурукъ* или *башлы чурукъ*, т. е. чурукъ с «длинным верхом».

Тюркский термин *башмакъ*, имеющийся у всех народов Северного Кавказа и в Дагестане, занесен вместе с предметом из Закавказья. Башмак – обувь на каблуке или косячке, без задника, с глубоким, слегка загнутым носком, ремесленной работы – была дорогой, доступной немногим. Носили ее женщины. Но название *башмакъ* перешло и на самодельную обувь на деревянной подошве того же фасона.

Из Турции распространились *папышь* – туфли без задника, *щазмэ* – сапоги, встречавшиеся у адыгейцев, и, видимо, женские ходули, получившие названия *агъач аякъ* у карачаевцев и балкарцев и *пхъэ вакэ* – у кабардинцев, что в переводе значит «деревянная обувь».

К осетинам проникло грузинское наименование обуви *чустьи*, сосуществующее с осетинским *дзабыр*.

В чеченском и ингушском языках название обуви из сыромятной кожи *мача, маьча* сопоставляется с кумыкским *мачийлер*, даргинским *мачайти*, аварским *мачуял*, относящимся к некоторым видам женской обуви из сафьяна (*Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана. С. 68).

Очень интересной лексемой является наименование кожаных носков (или коротких сапожек на мягкой подошве), поверх которых надевалась другая обувь. На Северном Кавказе их называли *майст, мест, меси, мес, маьхьси*, слово это имеет огромный ареал распространения – от народов Средней Азии, через весь Кавказ, Турцию вплоть до Балканского полуострова. В. И. Абаев считает его древнеиранским. Шили обувь из мягкой кожи – сафьяна. Слово «сафьян» происходит от персидского *сёхтийан*, но на Кавказ и в Россию оно, вероятно, пришло из Турции (тур. saht). В основном в эти места сафьян ввозился из Турции и Крыма.

5. Таблицы наименований тканей, а также платков и шалей неполны и в дальнейшем могут быть дополнены этнографами и лингвистами, но и представленный материал позволяет сделать некоторые предварительные заключения. В наименованиях тканей выступает несколько временны́х слоев, в которых отражаются торгово-экономические и историко-культурные связи народов Северного Кавказа между собой, а также с другими народами Кавказа, Востока, Запада и, наконец, с Россией. Наименования тех или иных тканей чаще всего входили в язык одновременно с распространением соответствующей привозной ткани.

Особенно интересны наименования домотканого сукна – наиболее распространенной ткани из местного сырья – шерсти. Для этой ткани у всех народов существовал собственный термин, в отдельных случаях, как отмечалось выше, совпадающий с наименованием одежды, изготовленной из этого сукна.

Среди наименований ткани вообще наибольший интерес представляет *къумач* (карачаевцы и балкарцы) и его осетинский вариант *хъуымац*. У осетин, однако, существует и собственное наименование ткани – *уæфт*. *И. М.* Отаров возводит слово *къумач* к арабскому *къумашун* (ткань) (Профессиональная лексика... С. 46). Но слово *къумач* как название ткани, материи вошло в очень многие тюркские языки Северного Кавказа, а также в турецкий. Возможно, что и на Северный Кавказ оно проникло через посредство тюркских языков.

Значительный интерес представляет название таких тканей, как холст, полотно. В различных вариантах и у всех народов Северного Кавказа употребляется слово *кетен, чэтэн, гата*. Подобное наименование существует у грузин, армян, народов Средней Азии, персов, турок (у последних *кетен* – полотно и лён). Оно было известно еще кыпчакам. Возможно, что это связано именно с турецким термином *кетен*. Примечательно, что даже в Абхазии, которая с древности славилась льняными тканями собственного производства, шедшими и на вывоз, для наименования полотна

существуют два термина: *аш* (абхазский) и *акуатэн*, в котором ясно звучит турецкое *кетен*.

Уже в XVIII в. одним из главных источников холста для народов Северного Кавказа (особенно для осетин) служила Россия, но в северокавказские языки не вошли ни слово «холст», ни слово «полотно», хотя многие ткани русского производства известны здесь под своими названиями (драп, бумазея, батист и т. п.). Видимо, это объясняется тем, что издавна для холста и полотна существовал указанный выше другой термин тюркского происхождения – *кетен*.

Из Турции привозилась и бязь (боз), название которой вошло в некоторые языки Северного Кавказа. Турция была одним из главных поставщиков бархата в Россию и на Кавказ. Почти у всех народов Северного Кавказа он называется *къатапа, къэдабэ* и т. п., видимо, от арабско-турецкого кадифа. Арабское название бархата *мехмер* в форме *махмар* вошло в чеченский язык в значении «парча».

Значительный слой названий тканей свидетельствует о торговых связях народов Северного Кавказа с другими странами Востока. Через Северный Кавказ в средние века проходил «шелковый путь», связывающий Китай с Европой. Ткани, вывозившиеся в Европу, частично оседали на Северном Кавказе. В названии ситца в Карачае *алакъытай* (в переводе – «пестрая китайка») скорее всего отражено наименование ткани «китайка», бытовавшее в России с периода средневековья до XX в. У большинства народов Северного Кавказа ситец носит название *басма*, в азербайджанском обозначающее «набойка».

В течение столетий, начиная с позднего средневековья, народная память хранила такие названия восточных тканей, как *дари // дарий* (*дарай*), *кутене* (*кутня*), *къанзар, атлес, тафта* (*тэфтэ*) *къанават* и др. Иногда в названии прямо указано место ее изготовления или вывоза: *шамаладжи* (*шам* – Сирия, *аладжи* – полосатая шелковая или полушелковая ткань), *генджа къумач* (ткань из Ганджи). Эти термины записаны нами в Карачае и Балкарии. При этом женщины старшего поколения не только помнили названия, но подробно описывали ткани и даже показывали лоскутки-образцы. Эти ткани можно было купить в Астрахани и отчасти Казани, которые в период позднего средневековья являлись центрами торговли с Ираном, Средней Азией, Закавказьем и где существовали большие торговые колонии иранских, армянских, бухарских и других восточных купцов. Связи с Астраханью у народов Северного Кавказа были постоянными, причем иногда они выражались в форме набегов местных феодалов с их дружинами «за тканями».

Интересна история наименования сукна фабричного производства *схарла* (карачаевцы и балкарцы), *сгæллад* (осетины), *исхар* (чеченцы), *исхалы* (ингуши). Мы уже высказали мнение, что эти наименования происходят от слова *скарлат // шарлат* – названия французского сукна на Руси, широко известного в XVI–XVII вв. (см.: Карачаевцы... С. 160–161). «Скарлатные» шубы и кафтаны упоминаются во многих документах, где перечисляются подарки русских царей феодальной знати Северного Кавказа. Видимо, этот термин стал обозначать привозное сукно. Через русское посредство скарлат попадал также в Среднюю Азию и Иран (см.: *Мухминова Р. Г.* Костюм народов Средней Азии по письменным источникам // Костюм народов Средней Азии. М., 1971. С. 71). Здесь наименование «скарлат» переводится как «красное сукно».

Широкое распространение тканей русского производства или иностранных, но полученных через Россию, относится ко второй половине XIX в. Вместе с тканями пришли и их названия: бумазея, батист, драп, диагональ, шевиот, крепдешин, в некоторых случаях претерпевшие изменения (памезей, батис и др.).

И, наконец, в советский период, особенно после войны, появился большой выбор модных современных материй, в том числе синтетических, и горянки прекрасно разбираются в их качестве и привыкли к новым наименованиям.

6. В таблице названий платков, шалей, шарфов прослеживается также сходство наименований у разных народов. Но мы остановимся только на двух примерах. У всех народов Северного Кавказа, включая Дагестан, большой любовью пользовались легкие шелковые платки разного размера, украшенные набивной каймой или сплошь покрытые узорами. Их изготовляли в кустарных мастерских Азербайджана, где такие платки называют *калагайы*. Производят их и в настоящее время. Но у народов Северного Кавказа для них существуют другие названия: *кулымдан, гульмэдын,*

гюльменды, гулмаьнда, гурмули, гюльмелли. Только в Дагестане наряду с *гюльмели* употреблялся и термин *келагъай.*

Этот пример свидетельствует о едином источнике получения подобных платков для всех народов Северного Кавказа, подтверждаемый сходным звучанием названия, но происхождение этого названия не ясно. Возможно, в термине, распространенном на Северном Кавказе, сохранилось более раннее наименование, чем калягай, азербайджанского или персидского происхождения? Сходность терминологии может указывать и на одновременность проникновения в быт народов Северного Кавказа как самого предмета, так и его названия.

Интересны также термины *купес джаулукъ* (карачаевцы и балкарцы), *купец, кумпец* (кабардинцы). Они относились к большим шелковым шалям жаккардового тканья с цветочными узорами, украшенным бахромой. В России их носили в основном в купеческих или зажиточных крестьянских домах и называли «купеческими». К горцам они попадали через посредство купцов или разъездных торговцев. Местный термин мог появиться или в связи с русским наименованием или со способом их получения через купцов. Они ценились очень дорого.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о широких связях горцев с другими народами и, как нам кажется, указывают на необходимость подобной фиксации при анализе лексики, относящейся к костюмам народов Северного Кавказа. С наибольшей глубиной и достоверностью собрать и изучить отраслевую лексику могут специалисты-лингвисты, в особенности представители местных национальностей. Мы уже указывали на ценность работ И. М. Отарова и И. Ю. Алироева по отраслевой лексике карачаевцев и балкарцев, а также чеченцев и ингушей. Именно поэтому, приводя сравнительные таблицы по отраслевой лексике, касающейся одежды, мы не претендуем на ее полное истолкование, а ограничились только некоторыми замечаниями и предположениями.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Издательская работа над монографией «Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв.» была в самом разгаре, когда из Ленинграда пришла горестная весть: 29 ноября 1988 г. скончалась ее автор Евгения Николаевна Студенецкая. Всегда тяжело смириться с неожиданным уходом человека из жизни, вдвойне тяжело, если был связан с ним годами близкого дружества, общими интересами, совместной работой. В последнее время мне посчастливилось в качестве ответственного редактора работать вместе с Евгенией Николаевной над настоящей монографией. Трудно было предположить, что завершить ее придется посвящением памяти автора...

Е. Н. Студенецкая прошла большой жизненный путь. В чем-то он был типичен для поколения советской гуманитарной интеллигенции, вступившей в полосу активной социальной деятельности в 1930-х годах, но во многом его перепитии отразили личные качества и устремления незаурядной индивидуальности самой Евгении Николаевны.

Е. Н. Студенецкая родилась 6 апреля 1908 г. Первые годы ее жизни прошли в Вологде, где к тому времени проживала родительская семья — семья ссыльного революционера. Вологда начала XX в. отнюдь не была неким заштатным провинциальным городком. Это был крупный уездный центр Русского Севера, здесь располагались многие культурно-просветительные учреждения, гимназии, училища, библиотеки. Обыкновение царского правительства ссылать в Вологду революционеров и других неугодных режиму лиц на какое-то время сделали город средоточием интеллектуальных сил России. Большой духовностью городское общество Вологды отличалось и в годы детства Евгении Николаевны, что несомненно наложило отпечаток на формирование умственных устремлений молодой девушки.

Окончив в родном городе педагогический техникум, Евгения Николаевна в 1926 г. приезжает в Ленинград и поступает на отделение этнографии Географического факультета Университета. Вряд ли выбор профессии оказался случаен. Для семей русской интеллигенции всегда было характерно глубокое уважение к народу, искренний интерес к народной культуре, быту и традициям. В первые послереволюционные годы он приобрел особый смысл и предназначение. Масштабные преобразования, осуществленные Советской властью, удачные опыты национально-государственного строительства, успехи на культурном фронте в центре и на местах, социальная ценность идеи равенства и революционного сотрудничества всех народов, добровольно объединившихся в могучий Союз ССР,— все это предопределило стойкое общественное внимание к «жизни национальностей». В этих условиях профессия этнографа, ко-

торая давала непосредственную возможность, с одной стороны, изучать народы, с другой — оказывать практическое содействие процессу их социально-экономического и культурного возрождения, выглядела весьма привлекательной и желанной.

Годы, проведенные в университете, сформировали Е. Н. Студенецкую как профессионала-этнографа. Уже на студенческой скамье у нее пробудился интерес к далекому Кавказу, к своеобразной культуре местных народов. Впечатления ранней юности, почерпнутые из чтения русской романтической прозы XIX в., стихов Пушкина, Лермонтова, «Хаджи-Мурата» и «Казаков» Толстого и других произведений «кавказской» литературы, обрели ясные очертания на университетских кавказоведческих семинарах, на лекциях Н. Я. Марра, И. А. Орбели и других корифеев отечественного востоковедения. Молодой специалист решает посвятить себя изучению культуры и быта народов этого региона.

Сразу же по окончании университета Е. Н. Студенецкая в 1930 г. была принята на работу в этнографический отдел Русского музея, а после организации в 1934 г. Государственного музея этнографии народов СССР продолжила там работу, сначала в качестве научного сотрудника, а с 1938 г.— зав. отделом этнографии Кавказа. Так определились две «страсти» Евгении Николаевны: кавказоведение и музейная работа. Она самоотверженно трудилась на обоих поприщах, без остатка отдавая любимому делу свои силы, способности, недюжинную энергию.

Будучи музейным работником, Евгения Николаевна прежде всего проявила себя как неутомимый экспедиционник. Ей была чужда тихая кабинетная жизнь хранителя, прекрасное вещеведческое знание коллекций не заменяло живых впечатлений от работы в поле, от наблюдения и фиксации этнографических предметов в их живом, естественном бытовании. Для музея экспедиционные выезды Е. Н. Студенецкой имели и важное практическое значение. Кавказоведческое собрание этнографического отдела Русского музея, переданное впоследствии в ГМЭ, было хотя и ценным, но минимальным по количеству экспонатов, к тому же недостаточно представительным. Чтобы музей соответствовал своему названию, было необходимо в кратчайшие сроки ликвидировать лакуны в его региональных разделах. Это было выполнено, и без преувеличения можно сказать, что выдающаяся заслуга в создании основы фондов по ряду народов Центрального Кавказа — балкарцам, карачаевцам, кабардинцам, в пополнении ценными экспонатами коллекций по осетинам, чеченцам, адыгейцам принадлежит Е. Н. Студенецкой.

Первая исследовательская экспедиция Е. Н. Студенецкой состоялась в 1929 г. Сейчас уже трудно до конца осознать мужество этой молодой женщины, ежегодно решавшейся совершать тяжелые, во многом небезопасные путешествия в самые высокогорные, труднодоступные области Кавказа. Но уже в 1930-х годах Евгения Николаевна исходила пешком Сванетию, Рачу, Балкарию, объездила Кабарду и Осетию. Старинный, почти еще не потревоженный патриархальный горский быт открывался взору внимательного наблюдателя. Евгения Николаевна всегда с увлечением вспоминала свои первые этнографические тропы: они были дороги

ей свежестью научных впечатлений, дыханием молодости, переплетенностью с линиями личной судьбы.

Систематическая экспедиционная деятельность Е. Н. Студенецкой продолжалась без малого полвека. Это редкий и уникальный случай в нашей практике. Но наряду с этим Е. Н. Студенецкая внесла большой вклад в развитие собственно музейного дела в стенах родного ей ГМЭ. Практически вся выставочная деятельность музея по народам Кавказа протекала под ее руководством и при ее непосредственном участии. Созданные ею в разные годы разделы тематико-экспозиционных планов по народам Северного Кавказа и Закавказья, художественным промыслам Дагестана, современному жилищу и одежде народов СССР и др. явились основой для построения в залах музея целостных экспозиций, сочетавших строгую научность и документированность с яркой зрелищностью показа.

Проработав в ГМЭ со дня его основания до ухода на заслуженный отдых в 1982 г., Евгения Николаевна делила вместе со своим музеем все радости и трудности, выпадавшие на его долю. Первую блокадную зиму 1941/42 г. она провела в Ленинграде, вместе с коллегами участвовала в спасении бесценных этнографических коллекций, готовила их к эвакуации. В Новосибирске, куда на время войны был перебазирован ГМЭ, Евгения Николаевна продолжала трудиться. Она вела исследовательскую работу, выступала с лекциями и беседами, организовывала по мере возможности экспозиционно-выставочную деятельность. Е. Н. Студенецкая была среди тех, кто самоотверженно трудился над тем, чтобы в тяжелую военную пору не прервались традиции мира и духовности.

Вернувшись вместе с музеем в Ленинград, Евгения Николаевна вновь окунулась в круговорот привычных дел: ежегодные экспедиции, обработка привезенных материалов, работа над совершенствованием постоянной экспозиции и сменными выставками, написание методических разработок и издание научных каталогов-указателей этнографических коллекций. С годами накопился большой профессиональный опыт. Евгения Николаевна щедро делилась им с молодежью, со всеми, кто приходил к ней за советом, помощью, поддержкой.

У Е. Н. Студенецкой значительное научное наследие *. Часто бывает, что кропотливая музейная работа — учет, хранение, паспортизация экспонатов и т. д.— не оставляет ни малейшей возможности специалисту заниматься собственными научными исследованиями. По счастью, для Евгении Николаевны это не стало серьезной помехой. Наоборот. Казалось, что сама атмосфера музейных фондохранилищ, постоянное общение с подлинными предметами быта — свидетелями реальной жизни изучаемых народов давали сильнейшие импульсы ее творчеству.

Однако начала Е. Н. Студенецкая не с изучения материальной культуры, а с исследования ряда актуальных вопросов социальной истории народов Кавказа. В частности, ее первая работа «К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в.» была посвящена анализу соотношения

* См.: Список основных работ Евгении Николаевны Студенецкой (К 50-летию научной деятельности) // СЭ. 1988. № 4.

двух формационных типов общественного производства в традиционном карачаевском обществе. На основании анализа многочисленных документов Е. Н. Студенецкая пришла к выводу о наличии в нем социальной прослойки фактических рабов, труд которых нещадно эксплуатировался местной феодальной верхушкой. И в дальнейшем Е. Н. Студенецкой пришлось обращаться к сложным проблемам социальной истории народов Северного Кавказа. Ее работы в этом направлении безусловно внесли определенный вклад в изучение дискуссионной проблемы горского феодализма.

Однако наиболее значительный раздел научного наследия Е. Н. Студенецкой составляют исследования материальной культуры. Работами Евгении Николаевны охвачены все основные ее компоненты: поселения, жилище, одежда, пища, а материал систематизирован практически по всем народам Центрального и Северо-Западного Кавказа. Е. Н. Студенецкую интересовал не только традиционный пласт материальной культуры, но и современные ее формы, взаимодействие традиций и новаций, социально-культурные механизмы внедрения новых элементов в традиционный быт.

Свои исследования материальной культуры Е. Н. Студенецкая развивала еще в одном направлении. В ряде ее работ было обращено внимание на источниковые возможности анализа элементов материальной культуры для решения некоторых вопросов этнической и этнокультурной истории народов Кавказа. Так, на примере пищи Е. Н. Студенецкая показала направленность этнических взаимодействий в центральнокавказском регионе, а анализируя технику изготовления и орнамент узорных войлоков, поставила вопрос о древнейших этногенетических и этнокультурных связях между Кавказом и этническим миром Азиатского континента.

Весьма интенсивно Е. Н. Студенецкая занималась изучением прикладного искусства народов Кавказа. Как этнографа ее интересовало прежде всего функционирование предметов искусства в бытовой повседневности, их включенность в обрядовую сферу и традиционную систему социально-знаковой символики. Но о чем бы ни писала Евгения Николаевна — об узорных кошмах балкарцев и карачаевцев, об адыгских циновках или удивительных по разнообразию традиционно-ритуальных масках — во всех ее работах явственно чувствуется личное, человеческое восхищение уникальным проявлением творческого духа народа, столетиями отточенными приемами художественного мастерства.

Однако самой любимой исследовательской темой Е. Н. Студенецкой была одежда. С особой тщательностью она собирала предметы традиционной одежды и украшений, на протяжении долгих лет постоянно возвращаясь к их изучению в своих работах. Создавалось впечатление, и вероятно это было недалеко от истины, что об одежде народов Северного Кавказа Евгения Николаевна знает все. По крайней мере редко кто из специалистов мог продемонстрировать такое знание типологии одежных комплексов, их этнических, локальных, социальных, обрядовых разновидностей, исторической динамики в этой сфере материальной культуры.

Многие годы Евгения Николаевна являлась куратором темы «Одежда» подготовлявшихся в разных республиках Кавказа в 1970—1980-е годы историко-этнографических атласов. Ею была разработана программа по сбору и фиксации одежды в условиях поля и в музейных фондах, написана статья о собирании материалов по теме «Одежда» для Кавказского историко-этнографического атласа (хранятся в архиве ГМЭ). Евгения Николаевна овладела методикой этнографического картографирования под руководством известных демографов, картографов и этнографов С. И. Брука и Я. Р. Винникова, затем сама с присущей ей энергией составила более 50 карт по одежде и украшениям народов Северного Кавказа по трем историческим периодам (к сожалению, часть этих карт в связи с трудностями их издания в публикуемую работу не вошла). Представленные в картах в графическом виде обобщения огромного фактического материала (полевого, литературного, музейного, иллюстративного) будут служить ценнейшим источником для дальнейших исследований одежды и искусства народов Кавказа.

Как ученый исследователь Е. Н. Студенецкая отличалась большой ответственностью за взятый на себя труд, тщательностью и обстоятельностью разработки отдельных вопросов темы, привлечением большого количества источников. В одном из своих писем, адресованных известному этнографу Л. Н. Терентьевой, в то время (1979 г.) бывшей зам. директора Института этнографии АН СССР, Евгения Николаевна писала: «Работа над текстом в основном заканчивается, отдельные разделы частично переработаны... Материал (фотографии) для таблиц подготовлен почти полностью, составлены авторские схемы рисованных таблиц... Мне представляется абсолютно необходимым, чтобы весь иллюстративный материал (в первую очередь фотографии) был просмотрен работником издательства, специалистом с точки зрения их пригодности к печати. Только после такого авторитетного просмогра выяснится полный объем дополнительных фоторабот».

Свой последний в научной жизни доклад Е. Н. Студенецкая прочла на среднеазиатско-кавказских чтениях Института этнографии в Ленинграде в апреле 1988 г., посвященных ее 80-летию. Вспоминая свой юбилей, она писала мне: «Было все торжественно. Цветы, адреса, телеграммы, книги... Адрес ИЭ очень порадовал меня Галиными рисунками (художника Г. В. Вороновой.— *Г. С.*). Прекрасно и поистине памятно. Сергей Александрович (Арутюнов.— *Г. С.*) поздравил меня очень хорошо и душевно. Приятно, что он сказал хорошие слова об «Одежде»... и о том, что она уже в издательстве».

Монография «Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв.» подытожила многолетние плодотворные исследования автора. Эта книга, которая ныне выходит в свет к читателю, достойно венчает путь в науке замечательного ученого, прекрасного человека Евгении Николаевны Студенецкой.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Одежда адыгских народов и ингушей. XVIII – начало XIX в.: *а, б* – из кн.: *Rommel C.* Die Völker des Caucasus nach den Berichten der Reisebeschreiber. Weimar. 1808; *в* – ГИМ. Фототека. № 12379; *г* – из кн.: *Pallas P. S.* Observations faites dans un voyages entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'Empire de Russie les années 1793 et 1794. Vol. 1. Leipzig, 1799.

Рис. 2. Одежда адыгских народов и осетин. Конец XVIII – первая половина XIX в.: *а – е* – ГИМ. Фототека. № 98726; 98744; 29440; 98724; 32374; 98739.

Рис. 3. Одежда осетин и чеченцев начала XIX в.: *а, б* – ГИМ. Фототека. № 14437; 98743.

Рис. 4. Девичьи корсеты. XIX в.: *а – г* – ГМЭ. № 14731 Т; ГМГ. № 24-14/7; ГМЭ. № 2006-91$_{1,2}$.

Рис. 5. Женский костюм XVIII в. Черкешенка: ГИМ. Фототека. № 98742.

Рис. 6. Женская стеганая одежда (куртка) из наземного склепа XVII—XVIII вв. Осетины: ГМЭ. № 33484 Т.

Рис. 7. Мужская одежда, оружие и прически. XIX в.: Осетины с кинжалом, шашкой и с ружьем в чехле – ГМЭ. Фототека. Ф. 92-31 и № 5351-1; кабардинец с кинжалом, шашкой и пистолетом – ГМЭ. Фототека. № 5331-5; ингуш-старик с длинной бородой – Архив ИЭ (Сектор Кавказа и Средней Азии, Ленинград), № 121-102; ногаец с короткой стрижкой и абазинец с бритой головой и бородой – ГМЭ. Фототека. № 5331-15 и 5331-13.

Рис. 8. Мужская плечевая нательная одежда. Конец XIX – начало XX в.: *а, б, в* – ГМЭ № 1261-11; 5914-1; 4139-18.

Рис. 9. Мужские штаны. Конец XIX – начало XX в.– ГМЭ.

Рис. 10. Мужская накидная одежда: вверху слева – ГМЭ. № 6425-12; вверху справа – ГМЭ. № 14862 Т; внизу – ГМЭ. № 4453-22.

Рис. 11. Мужская верхняя одежда. Конец XIX – начало XX в.– ГМЭ.

Рис. 12. Мужские пояса из кожи с металлическим набором – ГМЭ. № 1260-19; 4473-21.

Рис. 13.Ноговицы и носки. Конец XIX – начало XX в.– ГМЭ.

Рис. 14. Мужская и женская обувь. Конец XIX – начало XX в.– ГМЭ.

Рис. 15. Мужские головные уборы. XIX – начало XX в.: *1* – ГМЭ. № 5683-1; *2а* – ГМЭ, № 1428-13; *2б* – ГМЭ. № 1260-1; *2в* – ГМЭ. № 5991-2; *2г* – ГМЭ. № 15032 Т; *2д* – ГМЭ. № 5915-2; *3а* – ГМЭ. № 2008-44; *3б* – ГМЭ. № 4139-17.

Рис. 16. Способы ношения башлыков – ГМЭ.

Рис. 17. Женские рубахи. Конец XIX – начало XX в.– ГМЭ.

Рис. 18. Женские штаны. Конец XIX – начало XX в.– ГМЭ.

Рис. 19. Украшения кафтанчиков. Шитье золотом, шов «вприкреп»: слева вверху и внизу – ГМЭ. № 8029-3 и 14987 Т; справа вверху и внизу – ГМЭ. № 6572-14; 4453-4.

Рис. 20. Эволюция покроя кафтанчиков и их элементы – ГМЭ.

Рис. 21. Женские кафтанчики и их элементы: вверху – ГМЭ. № 14930; внизу слева – АОКМ. № 9700; в центре и справа – ГМЭ. № 14560 Т.

Рис. 22. Женская верхняя одежда (платья): I–ГМЭ. № 4453-5; II 1–ГМЭ. № 1084-1/2; II 2 – из кн.: Народы Кавказа, 1. С. 364; II 3 – ГМЭ. № 7297-4; III 1 – ГМЭ. № 996-10; III 2 – ГМЭ. № 14560; III 3 – ГМЭ. 1454; IV 1 – ГМЭ. № 5991-10; IV 2 – ГМЭ. № 7291-3.

Рис. 23. Женщины в праздничной одежде. XIX в.:– ГМЭ. Фототека. № 212-24 и 212-22.

Рис. 23А. Кабардинки из семьи князей Баташевых. XIX в.: ГМЭ. Фототека. № 5331-10.

Рис. 24. Женщины-карачаевки из дворянских семей. Сел. Карт-джурт. XIX в.: ГМЭ. Фототека. № 212-12.

Рис. 25. Возрастные отличия в женской одежде. Конец XIX – начало XX в.: ГМЭ. Фототека. № 212-19 и 5331-6.
Рис. 26. Праздничные платья. Шитье золотом и серебром, отделка галуном: вверху слева – КБРКМ. № 4706/1, 2; в центре – АОКМ. № 8992; вверху справа – СОГОМИАЛ. № 4378/1; внизу слева – АОКМ. № 9032; внизу справа – АОКМ. № 8945/1. Слева – ГМЭ. № 14727 Т; справа – ГМЭ. № 8029-3.
Рис. 27. Рукава женских платьев – ГМЭ.
Рис. 28. Типы нарукавных подвесок и их орнаментация. Вторая половина XIX в.: *а–г* – ГМЭ. № 14557 Т; 4453-7; 6194-5; 1084-1/4а.
Рис. 29. Нарукавники. Имитация рукава кафтанчика. Вторая половина XIX в.– ГМЭ. № 14556 Т, 15558 Т.
Рис. 30. Женская теплая одежда. Конец XIX – начало XX в. *1а* – ГМЭ. № 5883-35; *1б* – ГМЭ. № 7291-1; *2* – ГМЭ. № 1428-1.
Рис. 31. Женская теплая одежда. Къаптал праздничный. Карачаевцы. XIX в.– КБРКМ. № 1547.
Рис. 32. Женские пояса. Конец XIX – начало XX в.: *а, б, в* – ГМЭ. № 2006-92; 5914-44; 4453-18; *г* – АОКМ. № 5531; *д, е* – ГМЭ. № 6577-9; 5914-34.
Рис. 33. Пряжки женских поясов: *а* – ГМЭ. № 8228-2 аб; *б* – КЧОКМ. № 537; *в, г* – ГМЭ. № 7672-1; 6321-3.
Рис. 34. Способы повязывания платков – ГМЭ.
Рис. 35. Головной убор «чухта» замужней женщины. Конец XIX – начало XX в. Способ ношения и общий вид. Чеченцы – ГМГ. № 98-16/4.
Рис. 36. Женские шали: слева – ГМЭ. № 8028-14; справа – ГМЭ. № 7981-1.
Рис. 37. Шапочки девушек и молодых женщин. Конец XIX – начало XX в.: *а, б* – ГМЭ. № 4453-1; 4453-11; *д* – ГМГ. № 24-14/1; *ж* – ГМЭ. № 6322-1; *в, г, е* – ГМЭ. № 6321-1; 6087-4; 1249-1.
Рис. 38. Басонные украшения. Подвески на шапочке: *а, б* – ГМЭ. № 2008-60; 2006-97.
Рис. 39. Украшения, нашитые или укрепленные на одежде. Конец XIX – начало XX в. *а – д* – ГМЭ. № 2006-94 аб; 7291-13, 14; 14883; 7291-10, 11.
Рис. 40. Нагрудные украшения: *а* – ГМЭ. № 2006-89; *б* – КЧОКМ. № 1453; *в* – из альбома: Народное творчество адыго-кабардино-черкесов. М.– Нальчик, 1957. Лист 45; *г* – ГМЭ. № 6335-1; *д* – ГМЭ. № 8392-7 аб; *е* – ГМЭ. № 8029-6 аб.
Рис. 41. Басонные изделия. Кисти-подвески на башлыке. Кабардинцы: ГМЭ. № 4453-25/4; 4453-25/8, 9.
Рис. 42. Одежда 1920-х годов. Осетины: ГМЭ. № 5711-129.
Рис. 43. Мужские головные уборы. 1960-е годы: вверху – АИЭ. № 69-64-2; 69-65-9; внизу слева – АИЭ. № 65-5-13; справа – АИЭ. № 65-48-13.
Рис. 44. Одежда 1960-х годов: слева – АИЭ. № 69-99-28; справа – ЧИРКМ. № ОС4389/1.

Табл. 1–8 (цветные вклейки) – ГМЭ.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИА – Архив Института археологии АН СССР. Москва
АИЭ – Архив Института этнографии АН СССР. Москва
АКБНИИ – Архив Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик
АЛОИЭ – Архив Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР
АНИИЯЛИ – Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории. Майкоп
АО – Археологические открытия. Москва
АОКМ – Адыгейский областной краеведческий музей. Майкоп
АСОНИИ – Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе
АЭС – Археолого-этнографический сборник. Грозный
ВЕ – Вестник Европы. Москва; СПб.
ВКБНИИ – Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик
ВОАЭ – Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе.
ГИМ – Государственный Исторический музей. Москва
ГМГ – Государственный музей Грузии. Тбилиси
ГМИА – Государственный музей истории Армении. Ереван
ГМЭ – Государственный Музей этнографии народов СССР. Ленинград
ЗКОРГО – Записки Кавказского отдела Русского Географического общества. Тифлис
ЗРГО – Записки Русского Географического общества. СПб.
ИАИЯЛИ – Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми
ИИНИИК – Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ
ИОЛИКО – Известия Общества любителей Кубанской области. Екатеринодар
ИРГО – Известия Русского Географического общества. СПб.
ИСОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе
ИСОНИИК – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ
ИХП – Институт художественной промышленности. Москва
ИЭ – Институт этнографии АН СССР. Москва
ИЮОНИИ – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Цхинвали
КБРКМ – Кабардино-Балкарский республиканский краеведческий музей. Нальчик
КГИАМ – Краснодарский государственный историко-археологический музей
КЧНИИ – Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт. Черкесск
КЧОКМ – Карачаево-Черкесский областной краеведческий музей. Черкесск
КЭС – Кавказский этнографический сборник. Москва

МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
ОЗ – Отечественные записки. СПб.
ОРГБЛ – Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Москва
ПМК – Пятигорский музей краеведения
РАЖ – Русский вестник. Москва
РВ – Русский вестник. Москва
СГОКМ – Ставропольский государственный объединенный краеведческий музей
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис
СМЭ – Сборник материалов по этнографии России, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Москва
СОГОМИАЛ – Северо-Осетинский государственный объединенный краеведческий музей истории, архитектуры и литературы. Орджоникидзе
ССК – Сборник сведений о Кавказе. Тифлис
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис
СЭ – Советская этнография. Москва
ТС – Терский сборник. Владикавказ
ТГИМ – Труды государственного исторического музея. Москва
УЗАНИИ – Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы, истории. Майкоп
УЗКБНИИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики. Нальчик
УЗКНИИ – Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик
ЧИРКМ – Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей. Грозный
ЭО – Этнографическое обозрение. Москва

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ОДЕЖДА В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. . . . 16

Мужская одежда 16

(Нательная и верхняя. Обувь. Пояса. Головные уборы)

Женская одежда 40

(Рубаха и штаны. Девичьи корсеты. Кафтанчики. Верхняя плечевая одежда. Теплая одвжда. Пояса. Обувь. Головные уборы. Украшения)

ОДЕЖДА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в. 71

Мужская одежда 71

(Нательная: рубаха, бешмет. Штаны. Верхняя одежда. Пояса. Ноговицы, подвязки, носки. Мужская и женская обувь. Головные уборы. Комплексы мужской одежды)

Женская одежда 128

(Рубахи. Штаны. Кафтанчики и их рудименты. Верхняя одежда (платье). Покрой рукавов платья. Теплая одежда. Пояса. Девичьи головные уборы. Головные уборы замужних женщин. Шапочки. Украшения. Комплексы женской одежды)

Цветовая гамма и силуэт мужского и женского костюма . . . 213

ОДЕЖДА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ 227

Мужская одежда 231

(Рубаха и штаны. Верхняя одежда. Ноговицы и носки. Головные уборы. Мужская и женская обувь. Комплекс мужской одежды)

Женская одежда

(Рубаха и штаны. Кафтанчики. Платья. Твплая одежда. Головные уборы) 244

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 257

ПРИЛОЖЕНИЕ: Таблицы наименований одежды, обуви, платков, тканей 263

Послесловие редактора 278

Список иллюстраций 283

Список сокращений 285

Евгения Николаевна
Студенецкая

Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв.

Утверждено к печати
Ордена Дружбы народов
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
АН СССР

Редактор издательства *С. Н. Васильченко*
Художник *И. А. Игнатьев*
Художественный редактор *И. Д. Богачев*
Технический редактор *И. Н. Жмуркина*
Корректоры *К. П. Лосева, Е. Л. Сысоева*

ИБ № 38948

Сдано в набор 14.04.89
Подписано к печати 18.07.89
Формат 70×90¹/₁₆
Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 21,64. Усл. кр. отт. 25,6. Уч.-изд. л. 23,2
Тираж 6850 экз. Тип. зак. 2891
Цена 2 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99. Шубинский пер., 6

Таблица 3. Комплексы мужской одежды

слева — пастушеский, карачаевцы; *справа* — повседневная шуба, чеченцы

Таблица 4. Комплексы мужской одежды

слева — пастушеский, чеченцы; *справа* — пастушеский, осетины

Таблица 1. Комплексы мужской одежды

слева — дорожный, кабардинцы; *справа* — выходной, праздничный, ингуши

Таблица 2. Комплексы мужской одежды

слева — выходной, праздничный, адыгейцы; *справа* — повседневный рабочий, балкарцы

Таблица 7. Комплексы девичьей и женской одежды

слева — вайнахский — девичий праздничный костюм, ингушка;
справа — карачаево-балкарский — одежда пожилой женщины, карачаевка

Таблица 8. Комплексы женской одежды

слева — карачаево-балкарский — одежда пожилой женщины, балкарка;
справа — вайнахский — одежда замужней женщины, чеченка

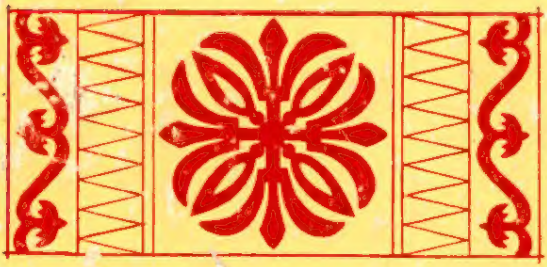
Таблица 5. Девичий праздничный комплекс

слева — карачаево-балкарский (карачаевка); *справа* — адыгский (кабардинка)

Таблица 6. Девичий праздничный костюм

слева — адыгский (адыгейка); *справа* — осетинский (осетинка)

2 р. 70 к.

Е. Н. Студенецкая

Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв.